

Электронная библиотека "Тверские авторы"

Московский государственный университет дизайна и технологии
Институт славянской культуры
Кафедра общего и славянского языкознания

Щедринский сборник

Выпуск 5

**М. Е. Салтыков-Щедрин
в контексте времени**

Москва
2016

УДК 821.161.1.09(082)+929Салтыков-Щедрин
ББК Ш33(2=411.2)522-8Салтыков-Щедрин,2я43
Щ 36

Редактор-составитель Е. Н. Строганова

Издание осуществлено в рамках поддержанного
Российским гуманитарным научным фондом проекта
«М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники. Энциклопедия»
(№ 15-04-00389)

Щ 36 **Щедринский сборник.** Выпуск 5: М.Е. Салтыков-Щедрин
в контексте времени / редактор-составитель Е. Н. Строганова. –
М.: РИО МГУДТ, 2016. – 352 с.

ISBN 978-5-87055-414-3

В пятом выпуске «Щедринского сборника» центральное место занимает тема связи М.Е. Салтыкова с его эпохой. В первой части сборника представлены материалы к энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники», которые раскрывают биографические связи Салтыкова, его идейно-эстетические и философские позиции, общекультурные ориентации, человеческие привязанности и антипатии. Содержание второй части составляют статьи, посвященные литературным и бытовым контактам писателя, интерпретации и комментированию его текстов, а также изучению рецепции Салтыкова в XX–XXI вв.

Для научных работников, музейных сотрудников, преподавателей и студентов высших учебных заведений; для всех интересующихся историей русской культуры.

На обложке:

М. Е. Салтыков. Фотография А. Клауса и С. Пыпина. 1862–1864

М. Наумов. Как Салтыков Щедрин в Крутогорске повстречал. 2016

М. Наумов. Опись градоначальникам (из иллюстраций к роману «История одного года»). 2014

УДК 821.161.1.09(082)+929Салтыков-Щедрин
ББК Ш33(2=411.2)522-8Салтыков-Щедрин,2я43

ISBN 978-5-87055-414-3

© Коллектив авторов, текст, 2016

© Е.Н. Строганова, составление, редакция, 2016

© РИО МГУДТ, оформление, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

I

М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники:

Материалы энциклопедии

Авдеев М. В. <i>В. И. Юхнович</i>	12
Арцимович В. А. <i>В. И. Юхнович</i>	13
Базунов А. Ф. <i>Л. А. Тимофеева</i>	15
Базунов И. В. <i>Л. А. Тимофеева</i>	18
Бекетов В. Н. <i>Г. В. Маркелова</i>	19
Боровиковский А. Л. <i>Е. Н. Строганова</i>	20
Буслаев Ф. И. <i>В. Е. Добровольская</i>	24
Бутлеров А. М. <i>Г. В. Маркелова</i>	26
Вазем Е. О. <i>Н. А. Николаева</i>	27
Веревкина П. Н. <i>О. А. Культепина</i>	29
Вольф А. М. <i>Л. А. Тимофеева</i>	30
Вольф М. О. <i>Л. А. Тимофеева</i>	31
Вормс Н. А. <i>И. А. Книгин</i>	34
Востоков А. Х. <i>Г. В. Маркелова</i>	36
Галеви Людовик <i>М. В. Строганов</i>	37

Гандон Бланш	
<i>М. В. Строганов</i>	38
Гатцук А. А.	
<i>И. А. Книгин</i>	39
Георгиевский П. Е.	
<i>Е. Н. Строганова</i>	41
Глазунов И. И.	
<i>Г. В. Маркелова</i>	43
Грот Я. К.	
<i>Г. В. Маркелова</i>	44
Гумбольдт Александр	
<i>Г. В. Маркелова</i>	45
Девериа Огюстина	
<i>М. В. Строганов</i>	46
Дмитриев И. И.	
<i>Г. В. Маркелова</i>	48
Забелин И. Е.	
<i>Г. В. Маркелова</i>	49
Карамзин Н. М.	
<i>Е. Н. Строганова</i>	50
Кожанчиков Д. Е.	
<i>Г. В. Маркелова</i>	53
Крамской И. Н.	
<i>И. Ю. Матвеева</i>	54
Лебедев С. И.	
<i>Г. В. Маркелова</i>	56
Леметр Антуан	
<i>Е. Н. Строганова, В. И. Юхнович</i>	57
Луи-Филипп	
<i>Г. В. Маркелова</i>	58
Лядова В. А.	
<i>М. В. Строганов</i>	64
Максимович П. П.	
<i>Т. А. Ильина</i>	66
Марковецкий С. Я.	
<i>М. В. Строганов</i>	67

Мидхат-паша	
<i>Г. В. Маркелова</i>	68
Наср-эд-дин-шах	
<i>Г. В. Маркелова</i>	69
Павленков Ф. Ф.	
<i>И. А. Книгин</i>	71
Рубцов Н. И.	
<i>М. В. Строганов</i>	73
Салтыкова Е. А.	
<i>Е. Н. Строганова</i>	75
Филарет	
<i>Е. А. Бузько</i>	85
Циммерман Э. Р.	
<i>Л. А. Тимофеева</i>	88
Юрьев Н. А.	
<i>И. Н. Поведская</i>	90

II

Статьи

Биографические и творческие связи

<i>Е. В. Душечкина</i> . М. Е. Салтыков и Н. С. Лесков: была ли полемика? ..	94
<i>И. Н. Поведская</i> . Зиловы – тверские родственники М. Е. Салтыкова .	105
<i>О. А. Культепина</i> . «Сделай это и ради нее и ради меня: племянница М. Е. Салтыкова Прасковья Николаевна Веревкина ...	114
<i>Г. А. Лумпанова</i> . М. Е. Салтыков в письмах декабриста <i>М. И. Муравьева-Апостола</i>	120
<i>В. В. Кузнецов</i> . Несостоявшаяся покупка М. Е. Салтыкова в Новоторжском уезде.....	125
<i>Т. А. Ильина</i> . М. Е. Салтыков-Щедрин и П. П. Максимович: Русский либерал в литературе и в жизни	131
<i>Л. А. Тимофеева</i> . М. Е. Салтыков-Щедрин и семья потомственных книжников Базуновых.....	141
<i>Л. А. Богданова</i> . Фотографии М. Е. Салтыкова и его родных в фондах Государственного литературного музея	157

Комментарии и интерпретации

- Н. А. Николаева.* Вятские «ученицы Герке»:
Из комментариев к «Губернским очеркам»..... 166
- Е. Н. Грачева, А. В. Востриков.* Царские кудри и барская спесь:
Из комментариев к «Истории одного города»..... 174
- С. М. Шаврыгин.* Петр I в творчестве А. С. Пушкина
и в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина..... 191
- Л. В. Чернец.* Мотив лицемерия в цикле М. Е. Салтыкова-Щедрина
«Благонамеренные речи» и в произведениях его современников... 199
- А. В. Белова.* М. Е. Салтыков-Щедрин
и «женский вопрос» в России XIX века 211
- М. В. Строганов.* Салтыков и Оффенбах.
К истории массовой культуры середины XIX века 221
- Д. К. Равинский.* М. Е. Салтыков-Щедрин
и Императорская публичная библиотека..... 249
- С. Ф. Дмитренко.* «Забытые слова» М. Е. Салтыкова
в литературном контексте 1880–начала 1890-х годов 259

Рецепция

- В. В. Тихомиров.* Парадокс или закономерность?
Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина
в восприятии демократической критики 1860–1880-х годов..... 271
- И. А. Книгин.* М. Л. Песковский о М. Е. Салтыкове-Щедрине..... 283
- Ю. В. Розанов.* Очерк А. М. Ремизова «К пятидесятилетию
„Пошехонской старины“»: Текст и контекст 294
- Е. Г. Елина.* М. Е. Салтыков-Щедрин в 1926 году 301
- А. К. Коненкова.* Русские писатели в творчестве С. Т. Коненкова:
Проект памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину..... 311
- Е. В. Федотова.* Знакомство с творчеством М. Е. Салтыкова-Щедрина
в современной школе: Проблемы и решения 319
- Е. Н. Строганова.* «Самый актуальный писатель современности»:
Салтыков-Щедрин и XXI век 329
- Памяти Александра Петровича Ауэра..... 345
- Щедринский сборник. Выпуски 1–4. Содержание..... 346

II

**М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Материалы энциклопедии

**M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN
AND HIS CONTEMPORARIES**

Materials for the encyclopedia

В первой части сборника представлены материалы энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники»¹. Энциклопедия должна стать современным справочным изданием, соединяющим сведения о разнообразных контактах Салтыкова с его современниками. Личность писателя будет представлена во всей полноте биографических связей, идейно-эстетических и философских позиций, общекультурных ориентаций, бытовых привычек, человеческих привязанностей и антипатий. Речь пойдет не только о тех людях, с которыми писатель общался непосредственно, но и о многих других современниках, прямо или косвенно упомянутых в его художественных, публицистических и эпистолярных текстах. Словник включает имена русских и зарубежных писателей, ученых, политических деятелей, военачальников, священнослужителей, деятелей культуры, цензоров, книгоиздателей и др. Учтены также имена авторов публичных и частных отзывов, которые остались неизвестны Салтыкову. Это позволит лаконично и емко показать особенности взаимодействия Салтыкова с его эпохой, дать более адекватное представление о его значении в истории культуры, уточнить и дополнить комментарии к текстам произведений.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, современники, энциклопедия, связь с эпохой, история культуры, комментарий.

This part introduces the materials for the encyclopaedia „Mikhail Saltykov-Shchedrin and his contemporaries“. The encyclopedia is considered to be up-to-date reference book which includes the information about various contacts of Saltykov with his contemporaries. The personality of the writer is presented in connection with all his biographical relations, ideological, aesthetic and philosophical positions, cultural orientations, everyday habits, human relationships and antypathy. The book concerns not only those whom the writer communicated directly with, but also those contemporaries whose names were mentioned in his works and publicistic and epistolary textes. The glossary includes the list of names of Russian and foreign writers, scientists, political figures, military leaders, clergymen, culture figures, censors, publisher etc. The names of authors of the public and private comments who remained unknown to Saltykov are also taken into account in the encyclopedia. All this may help with succinct the presentation of Saltykov's living in the context of his epoch and the explaining of his role in the history of the culture. Moreover, it provides additions and specifications of the comments to his literary textes.

Keywords: Mikhail Saltykov-Shchedrin, contemporaries, encyclopedia, connection with the epoch, the history of the culture, comments.

В публикуемую подборку вошла лишь небольшая часть статей, репрезентирующих особенности содержания и структуры проекта. Каждая статья содержит краткую биографическую справку о персонаже и характеристику упоминаний о нем или косвенных отсылок к его имени в тек-

¹ Исследование выполнено по гранту РГНФ (проект № 15-04-00389).

стах Салтыкова. Имя персонажа обозначается первой буквой фамилии, имя Салтыкова – буквой **С.** (полужирным шрифтом). Все даты приводятся по старому стилю. Тексты Салтыкова цитируются по изданию: Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. – М.: Худож. литература, 1965–1977 – с указанием тома и страницы в круглых скобках (в тех случаях, когда цитируются примечания, указание на страницу дается курсивом). В пристатейные списки включены в основном работы, имеющие непосредственное отношение к теме. Все остальные упоминаемые в статьях исследования, даются в самом тексте. Структура пристатейного списка: тексты, принадлежащие персонажу; мемуарная литература; критические статьи; исследовательские работы; справочные издания; архивные источники.

Сведения об авторах

Бузько Елена Александровна, кандидат филологических наук (Москва); e-mail: bezborodovahelen@gmail.com.

Добровольская Варвара Евгеньевна, кандидат филологических наук, заведующая отделом научных исследований Государственного центра русского фольклора (Москва); e-mail: dobrovolska@inbox.ru.

Ильина Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, заведующая отделом редких книг научной библиотеки Тверского государственного университета; e-mail: ilyina_tver@mail.ru.

Книгин Игорь Анатольевич, кандидат филологических наук, профессор Саратовского научно-исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; e-mail: igor.knigin2012@yandex.ru.

Култепина Ольга Александровна, магистрантка факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ; e-mail: okultepeina@gmail.com.

Маркелова Галина Владимировна, кандидат филологических наук (Тверь); e-mail: gal.markelowa@yandex.ru.

Матвеева Инга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Российского государственного института сценических искусств; e-mail: inga.matveeva.spb@gmail.com.

Николаева Нина Александровна, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова; e-mail: Nikol-nina@yandex.ru.

Поведская Инна Николаевна, старший научный сотрудник Тверского государственного объединенного музея; e-mail: innaroved@mail.ru.

Строганов Михаил Викторович, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета дизайна и технологии (Институт славянской культуры); e-mail: mistro@gambler.ru.

Строганова Евгения Нахимовна, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета дизайна и технологии (Институт славянской культуры); e-mail: enstroganova@yandex.ru.

Тимофеева Любовь Анатольевна, главный библиотекарь Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург); e-mail: l_tim@bk.ru.

Юхнович Вячеслав Иванович, кандидат филологических наук (Старая Русса); e-mail: slavayu@mail.ru.

Сокращения названий периодических, серийных и справочных изданий

- БДЧ – «Библиотека для чтения», журнал, 1834–1865.
- БВед – «Биржевые ведомости», газета: 1) 1861–1879; 2) 1880–1917.
- Боград. ОЗ – Боград В. Журнал «Отечественные записки». 1868–1884: Указатель содержания. М., 1971.
- Боград. Совр. – Боград В. Журнал «Современник». 1847–1866: Указатель содержания. М.; Л., 1959.
- Брокгауз – Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. Т. 1–41А (кн. 1–82). СПб., 1890–1904 [доп. т. 1–2 (кн. 1–4). 1905–1907)].
- ВЕ – «Вестник Европы», журнал: 1) 1802–1830; 2) 1866–1918.
- Венгеров. Сл. – Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): в 6 т. СПб., 1889–1904.
- ВятГВ – «Вятские губернские ведомости», газета, 1838–1917.
- Деятели рев. движ. – Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. М., 1927–1934.
- Добровольский – Добровольский Л. М. Библиография литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине. 1848–1917. М.; Л., 1961.
- ЖенВ – «Женский вестник», журнал, 1866–1868.
- ЗСл – «Задуманное слово», журнал, 1877–1918.
- ИВ – «Исторический вестник», журнал, 1880–1917.
- КЛЭ – Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М., 1962–1978.
- ЛН – «Литературное наследство», сборник. М., с 1931.
- ЛН, т. 11–12 – «Литературное наследство». Т. 11–12: Щедрин. Кн. 1. М., 1933.
- ЛН, т. 13–14 – «Литературное наследство». Т. 13–14: Щедрин. Кн. 2. М., 1934.
- Макашин I – Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. I. М., 1949.
- Макашин II – Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. Биография. М., 1972.
- Макашин III – Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. Биография. М., 1984.
- Макашин IV – Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. М., 1989.
- Масанов – Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1956–1960.

- МВед – Московские ведомости, газета, 1756–1917.
 НВ – «Новое время», газета, 1868–1917.
 НЛО – «Новое литературное обозрение», журнал, с 1992.
 ОЗ – «Отечественные записки», журнал: 1) 1820–1830; 2) 1839–1884.
 ПЛ – «Петербургский листок», газета, 1864–1917.
 РА – «Русский архив», журнал, 1863–1917.
 РБС – Русский биографический словарь / под наблюдением А. А. Половцева, т. 1–25. М., 1896–1918.
 РВ – «Русский вестник», журнал, 1856–1906.
 РВед – «Русские ведомости», газета, 1863–1918.
 РЛ – «Русская литература», журнал, с 1958.
 РМ – «Русская мысль», журнал, 1880–1918.
 РР – «Русская речь», журнал, с 1967.
 РС – «Русская старина», журнал, 1870–1918.
 РСл – «Русское слово»: 1) журнал, 1859–1866; 2) газета, 1895–1917.
 Рус. писатели – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь, т. 1–5. М., 1989–2007.
 С. в восп. – М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1975.
 Сб. ОРЯС – «Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук», т. 1–90. СПб., 1867–1914.
 Совр. – «Современник», журнал: 1836–1846; 2) 1847–1866.
 СП – «Северная пчела», газета, 1825–1864.
 СПбВед – «Санкт-Петербургские ведомости», газета, 1718–1917.
 ТвГВ – «Тверские губернские ведомости», газета, 1839–1917.
 Театр. энцикл. – Театральная энциклопедия: в 6 т. М., 1961–1967.
 ЧОИДР – «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1845–1848, 1858–1918.

Архивы

- ГАТО – Государственный архив Тверской области
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
 РГБ – Российская государственная библиотека
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 РНБ – Российская национальная библиотека
 РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы
 ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей

■ **Авдеев** Михаил Васильевич (28.09.1821, Оренбург – 01.02.1876, Петербург), прозаик, критик, публицист. Из старинного рода яицких казаков. Окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения (1842); служил начальником дистанции в Нижнем Новгороде (1843–49), чиновником строительной комиссии (1849–51), столоначальником в департаменте Министерства путей сообщения (1851–52). Во время крымской кампании был начальником дружины народного ополчения Оренбурга (1855), но участия в военных действиях не принимал. В нач. 1860-х член Оренбургского губернского по крестьянским делам присутствия. В 1862 в связи с политическим процессом М.А. Михайлова был выслан в Пензу, затем в Оренбургскую губернию. После ссылки лечился за границей (1865–66), где близко сошелся с И. С. Тургеневым, познакомился с А. И. Герценом. Сотрудничал в Совр., печатался в ОЗ и БдЧ. Известность А. принесли повести 1849–51 «Варенька», «Записки Тамарина», «Иванов» (составили роман «Тамарин», 1852). Автор романов «Подводный камень» (1860), «Меж двух огней» (1868) и др., которые вызывали упреки в подражательности.

О «похвальной чуткости почтенного автора» иронически писал С. в рецензии на роман А. «Меж двух огней» (1869), отмечая, что все это «уже было когда-то и где-то написано и что это когда-то и где-то написанное было и полнее выражено, и образнее нарисовано», в частности Лермонтовым, герои же А. «бледны, неясны и <...> друг на друга похожи» (9, с. 302–303). В рецензии на комедию «Мещанская семья» (1869) С. повторяет мысль о «чуткости», с которой А. «постоянно относится к произведениям других своих собратьев по ремеслу», и называет имена Жорж Санда, Тургенева, Островского, Гоголя, Бальзака, Ожье (9, с. 315, 311). С. признавал, что А. не обделен талантом, но, выбирая «правильную», общественно-значимую тему, он увлекается «заимствованным колоритом» и не пользуется «ничем из богатого материала, который находился у него под руками» (9, с. 303). Говоря о преимущественном интересе А. к вопросу «о положении современной женщины в семействе и обществе», С. отмечал, что автор «нигде с достаточной ясностью не высказал, что, собственно, его беспокоит в современном состоянии женского вопроса, почему он находит положение женщины неудовлетворительным и чего бы он желал для улучшения его» (9, с. 312–313). В комедии «Мещанская семья» критик увидел «сброд

более или менее комических подробностей, соединенных между собой чисто механической связью», не находя в ней тех «разнообразнейших и интереснейших драматических комбинаций», которые предполагались темой (9, с. 315–316). В письме к П. В. Анненкову от 27 февраля 1876 С. ядовито отреагировал на смерть А., акцентировав, как и при жизненных рецензиях, его подражательность: «Умер Авдеев. На могилу его я сочинил след<ующую> эпитафию. *Авдеев, Михаил Васильев*. Духом вольноотпущенный. Будучи крепостным, пел на манер Рубини, играл на скрипке на манер Контского и готовил котлетки на манер пожарских. Впоследствии приобрел привычку собак у каждого столбика < --- >; < --- > Лермонтова, < --- > Тургенева, задумал < --- > Льва Толстого, но смерть застигла его в этом намерении. Мир праху твоему, добрый человек!» (18-2, с. 261).

В ОЗ были напечатаны повести А. «Пестренькая жизнь» (1870) и «Переписка двух барышень» (1875), но не исключалась и возможность других публикаций. 19 января 1876 С. писал Н. А. Некрасову: «Не купили ли Вы что-нибудь у Авдеева?» (18-2, с. 248). В 1877 в ОЗ была помещена повесть П. Д. Боборыкина «Ранние выводы», которую автор посвятил памяти А.

Литература

Авдеев М. В. Наше общество (1820–1870) в героях и героинях литературы. СПб., 1874;

Мостовская Н. Н. И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х гг. XIX в. Л., 1983, с. 107–112;

РБС, т. 1, с. 32–33; Брокгауз, т. 1, с. 72–73; Боград. ОЗ, с. 83, 184, 230; *Муратов А. Б. Авдеев // Русские писатели*, т. 1, с. 14–15.

В. И. Юхнович

■ **Арцимович** Виктор Антонович (19.04.1820, Белосток – 2.03.1893, Петербург), тобольский губернатор (1854–58); калужский губернатор (1858–62); сенатор (с 1862); в 1863–66 член Учредительного комитета и вице-президент Государственного совета Царства Польского. В Польше занимал оппозиционную правящим кругам позицию, так как, в отличие от них, «считал легальность единственным спасением для страны, где все потрясено и где разгул произвола дошел до крайних пределов» (цит. по: *Оксман Ю. Г.* Примечания //

Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896. Воспоминания. М., 1991, с. 429). С 1865 – первоприсутствующий (председатель) вновь учрежденного уголовного кассационного департамента Сената. Считается одним из «отцов» судебной реформы 1864. С нач. 1880-х первенствующий сенатор в I департаменте – «высшей инстанции по крестьянским, земским <...> и городским делам» (Виктор Антонович Арцимович: Воспоминания – характеристики, с. 759); вышел в отставку в 1892.

На губернаторском посту зарекомендовал себя как образцовый администратор. Директор тобольской гимназии П. П. Ершов писал приятелю в Петербург: «Помощником пока один Бог, да истинно достойный начальник наш, тобольский губернатор Виктор Антонович Арцимович. Поверь мне, что если Россия была так счастлива, что хотя бы в половине своих губерний имела Арцимовичей, то Щедрина пришлось бы голодать, не имея поживы для своих „губернских очерков“...» (цит. по: Мосин, Мосина). «Колокол» писал об А. как о «лучшем губернаторе России» (Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева, вып. IV. 1861. М., 1962, с. 940). Репутация А. была известна С., который разделял его принципы и был готов служить вместе с ним. 8 ноября 1859 С. сообщил В. П. Безобразову из Рязани о том, что ходатайствует о переводе в Тверь или Калугу, где был губернатором А. (18-1, с. 217). Личное знакомство С. и А. состоялось в 1860, когда оба участвовали в занятиях Комиссии о губернских и уездных учреждениях (Макашин II, с. 283). Интерес к личности А. и его деятельности проявляется в переписке и публицистике С. нач. 1860-х. 7 июня 1861 он писал Е. И. Якушкину: «... Вам, вероятно, известно дело калужского Арцимовича; теперь оно кончилось. Государь вызывает <?> его для объяснений в Москву и одобрил его действия. Арцимович еще ни разу не посылал команды. Что на него жаловались дворяне – это не диво, но даже соседние губернаторы доносили, что им житья нет от того, что Арцимович не порет» (18-1, с. 245–246). Речь идет о том, что после обнародования реформы А. вступил в борьбу с крупным землевладельцем и заводчиком генерал-майором С. И. Мальцовым. Защищая крестьян, А. намеревался отдать его имение под опеку, что вызвало недовольство нового министра внутренних дел П. А. Валуева, выславшего сенаторскую ревизию (18-1, с. 246–247). В 1863 в майской хронике «Нашей общественной жизни» С. упоминал об удалении А. с поста калужского губернатора под давлением реакционеров: «Не были ли мы, например, весьма недавно свидетелями сетований „Дня“ по поводу гг. Арцимовича, Куприянова и Барановского? Не приходила ли эта газета в отчаяние

от того, что эти достойные администраторы были отторгнуты от родных стад, не успев доверить начатого?» (6, с. 86). Упоминание газеты «День» не случайно: 19 января здесь была напечатана корреспонденция «Калужского жителя», в которой описывались проводы «любимого дорогого, замечательного губернатора» А. (6, с. 600).

В 1870-е общение С. с А. было связано с передачей гонораров брату его жены А.М. Жемчужникову. В письме от 25 ноября 1870 С. сообщал ему: «Все просьбы Ваши, многоуважаемый Алексей Михайлович, мною выполнены, то есть деньги, по расчету Вашему, переданы В.А. Арцимовичу (18-2, с. 57; то же: 1 апр. 1872. – 18-2, с. 103; 28 марта 1878. – 19-1, с. 74). А. выполнял и другие просьбы своего шурина, связанные с его литературной деятельностью и участием в этом С. В письме к А. от 27 февраля 1881 Жемчужников писал: «Ты должен получить из редакции „Отечественных записок“ мою рукопись: „Сказку о бесе и патриоте“ <...> Сегодня я письменно прошу Салтыкова передать эту поэму тебе» (19-1, с. 205–206). О взаимном интересе и общении С. и А. свидетельствуют и другие факты. 26 июля 1885 М.М. Стасюлевич сообщал А. из Швенингена об улучшении состояния здоровья С. (*Добровольский*, с. 375), а в августе С. писал Стасюлевичу из Висбадена: «Здесь был Арцимович с дочерью и обедал у Белоголовых» (20, с. 205; см. также: С. в восп., т. 2, с. 256).

Литература

Виктор Антонович Арцимович: Воспоминания – характеристики. СПб, 1904;

Матханова Н.П. Тобольский губернатор В.А. Арцимович и его записки о поездке на север губернии // Гуманитарные науки в Сибири, 2013, № 3, с. 10–14; *Мосин О.В., Мосина С.А.* «Монблан гуманности и либерализма». [URL: http://samlib.ru/o/oleg_w_m/cdocumentsandsettingsoleg-moidokumentymonblangumannostiiliberizma2rtf.shtml] [14.09.2015].

Брокгауз, т. 3, с. 933–936.

В. И. Юхнович

■ **Базунов** Александр Федорович (1828/1829, Москва? – 3.07.1899, Петербург), петербургский книгопродавец и издатель, купец 2-й гильдии. Происходил из московской купеческой семьи, с 1811 занимавшейся книготорговлей. В 1846 окончил Московское коммерческое училище с чином коллежского регистратора. Собственное дело в Петербурге начал в феврале 1858, в петербургском купечестве состоял с 1859 по 1876. Универсальный книжный магазин Б., принадлежавший ранее его дяде

Ф. В. Баунову, находился на Невском проспекте в доме № 30. Б. был комиссионером императорской Академии наук, Морского ученого комитета, Министерства юстиции, Министерства финансов, университета св. Владимира (Киев), а также поставщиком книг для членов императорской семьи. В магазине Б. находились главные конторы и отделения нескольких журналов, фирма имела высокий статус: «Между фирмами петербургской книжной торговли фирма А. Ф. Баунова считалась всегда одной из самых солидных, а из либеральных книжных магазинов <...> этот магазин был почти единственно благонадежный» (Елисеев, с. 133).

В нач. 1860-х Б. организовал издательскую деятельность, выпустив несколько книг, в т. ч. «Записки из мертвого дома» (1862) и «Преступление и наказание» (1867) Ф. М. Достоевского, сочинения Г. Гейне, А. С. Афанасьева-Чужбинского и др. (Знакомые: Альбом М. И. Семевского. 1867–1888. СПб., 1888, с. 20). В 1871–75 Б. издал 30 книг в серии «Библиотека современных писателей», которая стала одной из причин его разорения. В 1875 был первым издателем еженедельника «Пчела».

В 1869 вышел «Систематический каталог русских книг, продающихся в книжном магазине Александра Федоровича Баунова» (сост. В. И. Межов). Последнее дополнение к каталогу (1874) включало более 24500 основных названий; полный комплект указателя представлял книжные издания 1825–74. «Каталог» и его первое «Прибавление» (СПб., 1870) ОЗ оценили как репертуарный указатель российской печати (ОЗ, 1869, т. CLXXXIII, № 4, с. 290–295; <Пятковский А. П.?> // ОЗ, 1870, т. CXCI, № 8, с. 223–224).

В к. 1875 дела Б. пришли в расстройство «отчасти вследствие прекращения платежей со стороны других лиц, отчасти некоторого стеснения того кредита, которым он пользовался до сих пор, а главным образом вследствие значительных платежей» (Баунов А. Письмо в редакцию // ПЛ, 1876, № 26, 5 февр., с. 3). В 1876 БВед напечатали заметку о том, что «известный петербургский книгопродавец А. Ф. Баунов бежал за границу от долгов, сумма которых значительна» (БВед, 1876, 1 февр., № 31, с. 1). Заметку перепечатали несколько газет, что привлекло общественное внимание к делам Б., которые затронули финансовые интересы кредиторов, подписчиков и редакций журналов, не получивших деньги за подписку, оформленную в его магазине.

В текстах С. содержатся косвенные упоминания о Б. «Книжная лавка» Б. названа в сатире «Характеры» (1860), где говорится о РВ, отделение конторы которого находилось у Б. (4, с. 197). В 1868 С. написал рецензию на изданные Б. «Новые сочинения Г. П. Данилевского» (9, с. 257). В ОЗ рецензировались и другие издания Б. (Боград. ОЗ, с. 55, 117,

122, 162, 163). В 1876 С. несколько раз упоминал ситуацию с Б. в связи с недоставкой подписных денег в редакцию ОЗ. 15/27 февраля он писал П. В. Анненкову: «В Петерб<урге> книгопродавцы бегут – с деньгами за журналы. У „Отеч<ественных> зап<исок>“ до 700 подписчиков украли, более 10 т. рублей» (18-2, с. 262). Эта тема обсуждается и в письме к Н. А. Некрасову от 10/22 февраля: «Краевский прав, не советуя входить в сделки с книгопродавцами. Следовало бы просто в февральской книжке объявить, что такие-то книгопродавцы не сдали подписчиков, а такой-то бежал...» (18-2, с. 258). В связи с объявлением от редакции ОЗ в «Голосе» (15 февраля) С. писал Некрасову 20 февраля/3 марта: «Удивляюсь, что Вы не хотите сказать прямо, что такие-то и такие-то книгопродавцы не сдали подписки <...> Между прочим, Тургенев писал мне, что он тоже не получает журналов, ибо подписался у Базунова» (18-2, с. 264). В марте 1876 ОЗ опубликовали статью Г. З. Елисеева «Внутреннее обозрение», в которой рассматривалось дело Б., разорение нескольких петербургских книгопродавцев, а также не обеспеченные законодательно права подписчиков (Елисеев, с. 133–153).

7 февраля 1876 состоялось первое собрание редакторов и издателей, имевших претензии к Б., на котором присутствовали поверенные Некрасова и А. А. Краевского. По предварительной оценке присяжного поверенного А. А. Герке Б. не доставил в редакции журналов около 45000 руб., а сумма его собственных долгов достигала 75000 руб. (Пл., 1876, № 30, 11 февр., с. 3). Несмотря на опровержение родственников, разорение Б. и его исчезновение с деньгами кредиторов и подписчиков обсуждалось в газетах. Это повредило делам и репутации Б., который, вернувшись вскоре в Россию, сообщил кредиторам о своем критическом положении и пытался вести торговлю. Иски заимодавцев рассматривались Петербургским Коммерческим судом в феврале–июне 1876. 11 сентября 1876 Б. был объявлен несостоятельным должником и его имущество перешло в ведение конкурсного управления (СПб. сенат. объявления по казенным., правит. и суд. делам. 1876, 23 сент., № 77, с. 332). Книги из магазина Б. выставлялись на аукционах и были приобретены М. О. Вольфом. Б. поступил приказчиком в петербургский книжный магазин К. Н. Плотникова, где прослужил до конца жизни.

Литература

- Елисеев Г. З. Внутреннее обозрение // ОЗ, 1876, т. ССХХV, № 3, с. 133–153;
Либрович С. Ф. Базуновское наследство // Либрович С. Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг.; М., 1916, с. 244–250;
Белов С. В. Издательская деятельность А. Ф. Базунова // Белов С. В. Жрецы книжного дела: Избранные работы по истории книжной культуры

в России во второй половине XIX – начале XX в. СПб., 2011, с. 39–52; Тихомиров Б. Н. В книжном магазине А. Ф. Базунова // Тихомиров Б. Н. С Достоевским по Невскому проспекту или Литературные прогулки от Дворцовой площади до Николаевского вокзала. СПб., 2012, с. 116–122.

Л. А. Тимофеева

■ **Базунов** Иван Васильевич (1788, с. Покровское Орловской губ. – 06. 1865, Москва), московский книгопродавец, купец 3-й гильдии, брат Ф. В. Базунова. В книжной торговле начал работать с 1802 у И. В. Попова, затем у других московских купцов. В 1828 поступил приказчиком к книгопродавцу А. С. Ширяеву, преемником которого стал после его смерти в 1841. Комиссионер Московского университета, торговал русскими книгами и осуществлял подписку на отечественные журналы. Под собственным именем вел дело с 1842 по 1865 (до 1847 вместе с О. Л. Свешниковым), сначала в университетской лавке на Страстном бульваре, продолжая аренду Ширяева, с 1853 в собственном магазине на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара в доме Загрязского, где находились в разное время конторы и отделения «Журнала общепользных сведений», ОЗ, Пантеона, РВ, Совр. «Базунов не был предприимчив как издатель», но вложил средства в издание посмертного собрания сочинений Н. В. Гоголя (1855–56) и приобрел сочинения И. И. Лажечникова (Некролог, с. 395). Не имел семьи и передал свой магазин И. Г. Соловьеву.

С 1847 Б. был комиссионером Совр. в Москве. Магазин Б. упоминается в письмах С. к И. А. Панаеву 1863–64 по поводу денежных расчетов с авторами, проводившихся через московскую контору журнала (18-1, с. 273, 280, 285, 287–291). В счетах магазина Б., составленных для редакции Совр., С. упоминается в 1863–64 как получатель денег, а также как держатель счета, из которого выплачивались деньги А. М. Унковскому (РО ИРЛИ, № 5103, л. 56 – 56 об.). С. пользовался адресом магазина Б. в личной переписке, в частности, с П. В. Анненковым (18-1, с. 295), когда находился в Москве и Витенева.

Литература

Некролог // Ил. газета, 1865, т. 15, № 25, 30 июня, с. 395.

Архивы

РО ИРЛИ, № 5103 (Счета и препроводительные письма кн. лавки И. В. Базунова в редакцию «Современника»).

Л. А. Тимофеева

■ **Бекетов** Владимир Николаевич (9.01.1809–1883), цензор, статский советник. Казанский помещик из старинного дворянского рода, родственник председателя Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусина-Пушкина. Окончил юридический факультет Казанского университета со званием кандидата (1828), до зачисления в Петербургский цензурный комитет (1853) служил по разным ведомствам. Как цензор Б. просматривал СП, «Сборник известий», «Журнал общественных сведений» и др. Цензуровал Совр. (1853–57, 1860–61, 1863). Был известен как широко образованный человек, имел репутацию цензора с художественным вкусом, любящего литературу, умного, осмотрительного и вместе с тем достаточно смелого (Рудаков, с. 521; Чумиков, с. 590). Б. старался прежде всего не навредить литературе, но и столь умеренная позиция не помешала III отделению считать его демократом и корреспондентом А. И. Герцена (Герасимова, с. 17). Б. получил около 30 замечаний и выговоров, не раз временно отстранялся от должности. Курируя Совр., Б. способствовал сохранению и развитию журнала, поэтому Н. А. Некрасов, несмотря на возникавшие в их взаимоотношениях сложности, называл Б. «лучшим цензором» (Некрасов, т. 14-1, с. 198; т. 14-2, с. 153; Потанин, с. 472). После публикации в Совр. в 1863 романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Б. вынужден был подать в отставку, о чем писал Некрасову: «... выход мой в отставку и своевременен и хорош. Я совершенно неспособен к указанному цензурному порядку. Но <...> семья моя велика <...> и ежели мне не дадут пенсии <...> кажется, ничего не останется, как удавиться» (Переписка Н. А. Некрасова, т. 1, с. 290). Благодаря хлопотам министра просвещения Б. был уволен от должности с назначением пенсии (Рудаков, с. 521; Громова, с. 98).

Имя Б. появляется в письмах С. в связи с осложнениями при цензуровании статей для очередных номеров Совр. 20 ноября 1859 С. из Рязани обращается к А. В. Дружинину с просьбой: «Во всяком случае уведоьте меня об ответе Бекетова касательно моей статьи. Если в Петербурге ее не пропустят, в Москве пропустят наверное» (18-1, с. 218). 29 декабря 1862, уже будучи членом редакции Совр., С. сообщает Некрасову, что «посылал к Бекетову справиться об участии статьи Якушкина» (18-1, с. 265). Имеется в виду статья П. И. Якушкина «Велик Бог земли русской!», где шла речь об отношении простого народа к известию о реформе и ее исполнению. Статья была запрещена, с чем не согласился возглавлявший цензурное ведомство министр просвещения А. В. Головнин (18-1, с. 266). Сообщив Некрасову об этих разногласиях и о том, что Головнин отправил статью вместе со своим мнением

вел. кн. Константи́ну Николаевичу, С. писал: «На этом остановилось дело, и что будет дальше, когда возвратится статья, Бекетов этого мне не объяснил...» (18-1, с. 265). Заступничество Головнина увенчалось успехом: статья Якушкина была напечатана (Совр., 1863, № 1. – *Боград. Совр.*, с. 416). Б. упоминается также в возмущенном письме С. к Некрасову от первой половины мая 1863, где говорится о цензурных репрессиях, вызванных ужесточением контроля за действиями цензоров: «Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, изуродованную г. Бекетовым корректуру; посмотрите сами, что он сделал, и можно ли было ожидать, чтобы до такой степени могло дойти преследование самых невинных мыслей <...> если возможно уладить с Бекетовым, то потрудитесь» (18-1, с. 276). Просьба С. основывалась на прошлом опыте подобных «улаживаний» (см.: *Громова*, с. 92).

Литература

- Чумиков А. Мои цензурные мытарства // РС, 1899, № 12, с. 583–600; *Потанин Г.Н.* Воспоминания о Н.А. Некрасове // ИВ, 1905. № 2, с. 458–489; *Колбасин Е.Я.* Тени старого «Современника» // Совр., 1911, № 8, с. 233; *Рудаков В.Е.* Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения // ИВ, 1911, № 8, с. 502–533; Н.А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1986, с. 160–161; 252–253; Переписка Н.А. Некрасова: в 2 т. М., 1987; *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т., т. 14-1. СПб., 1998; т. 14-2. СПб., 1999;
- Герасимова Ю.И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х – начала 1860-х гг. М., 1974; *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001; *Патрушева Н.Г.* Цензура в России во второй половине XIX века в воспоминаниях современников // Цензура в России: История и современность: Сб. науч. тр. СПб., 2001, вып. 1, с. 95–101; *Громова Л.П.* В.Н. Бекетов – цензор «Современника» // У мысли стоя на часах...: Цензоры России и цензура. СПб., 2000, с. 85–100;
- Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г., Фут И.П.* Цензоры Санкт-Петербурга (1804–1917): Аннотированный список // НЛО, 2004, № 69, с. 364–392.

Г.В. Маркелова

■ **Боровиковский** Александр Львович (14.11.1844, Полтава – 20.11.1905, Петербург), юрист, выдающийся цивилист; поэт, публицист (псевд.: А. Б., Б-ий А., А. Ферт). Окончил юридический факультет Харьковского университета (1866), служил в Харькове, Самаре, Петербурге, Екатеринославской губернии, Одессе. Присяжный поверенный Петербургского судебного округа (1870-е); почетный мировой судья Одессы (с 1885); преподавал гражданское право в Одесском

университете (с 1887). Обер-прокурор гражданского кассационного департамента сената (1895–98), сенатор (с 1898). Автор основополагающих работ «Законы гражданские (Свод законов том X, часть I) с объяснениями по решениям гражданского кассационного департамента правительствующего сената» (1882; изд. 12-е, доп. и испр. – 1909), «Устав гражданского судопроизводства» (1883–1887; изд. 6-е, доп. и испр. – 1908), множества статей в юридических изданиях: «Об особенностях гражданского права Полтавской и Черниговской губ. (1867)», «О семейном праве раскольников» (1873), «Новый законопроект об улучшении положения незаконорожденных детей» (1899), «Конституция семьи по проекту Гражданского уложения» (1902), «Брак и развод по проекту Гражданского уложения» (1902) и др. Современник вспоминал о Б. как о юристе, «соединявшем с живым пониманием духа Судебных уставов 1864 года верное им служение словом и делом», человеке, «оригинальном во всем, с живою и остроумной речью, проникнутой милым малороссийским юмором (Кони, с. 428, 433). Первая публикация – этнографическое исследование «Женская доля по малороссийским песням: очерк из малороссийской поэзии» (ЧОИДР, 1867, кн. 4; отд. изд. – М., 1868; СПб., 1879). Стихотворения Б. печатались в ЖенВ, РР, в сборниках (в т. ч. издававшихся нелегально за границей), в составе фельетонов А. С. Суворина в СПбВед (1874) и НВ (1876), в ОЗ.

С. познакомился с Б., вероятно всего, в нач. 1870-х благодаря общению с петербургскими юристами, возможно, на «пятницах» А. М. Унковского (С. в восп., т. 2. с. 315). Б. входил в «компанию мушкетеров» – так называл С. кружок своих близких друзей и карточных партнеров. Известно 25 писем С. к Б., относящихся к 1881–85, кроме того записка от 30 ноября 1888 с просьбой навестить его (20, с. 446) и одно несохранившееся письмо 1883 (19-2, с. 169). С. активно общался с Б. до его отъезда из Петербурга (не ранее октября 1882): обращался с просьбами похлопотать о смягчении участи М. А. Энгельгардта (19-2, с. 68), о снятии полицейского надзора с Г. З. Елисева (19-2, с. 68, также: 19-2, с. 75); напоминал о писательском обеде в честь А. Н. Островского (19-2, с. 93, с. 97) и т. д. Нередко С. адресовался к Б. и после его отъезда. К нему обращено наибольшее число откровенных и свободных по содержанию и стилю «мушкетерских» писем С., содержащих «анекдоты» (20, с. 71) – шуточные рассказы

об общих знакомых (*Строганова*): «Неделю тому назад я послал Вам письмо, в котором подробно изложил подвиги каждого из компании мушкетеров, одним из членов которой (вроде отсутствующего сенатора) считаетесь и Вы» (6 янв. 1883: 19-2, с. 169). С. не хватало общения с Б., он «глубоко огорчался» его молчанием (20, с. 212), неоднократно спрашивал о приезде и уговаривал вернуться в Петербург (20, с. 128, 149, 213). В 1882–84, с началом репрессий против ОЗ, С. посвящает Б. в свои заботы о журнале и его сотрудниках (19-2, с. 169–170, 182, 189; 20, с. 23–24); после закрытия ОЗ пишет о своем угнетенном состоянии. Он постоянно сообщал Б. бытовые подробности своей жизни, участливо отзывался на проблемы, связанные с изданием книги Б. и давал практические советы (20, с. 57), посылал свои новые книги «Недоконченные беседы» и «Пошехонские рассказы» (20, с. 109), интересовался его мнением о «Пестрых письмах» (20, с. 48) и т.д. Неоднократно имя Б. упоминается в письмах С. к другим лицам: М.М. Стасюлевичу, Н.А. Белоголовому, Г. З. Елисееву. Б. дорожил письмами С.: передавая одно из них коллекционеру автографов, он сделал копию и сопроводил ее подробной информацией о надписи на конверте (19-2, с. 152). Письма самого Б. к С. не сохранились или же их местонахождение пока неизвестно.

С. испытывал глубокую личную симпатию к Б., по его собственному признанию, «всегда <...> любил» (20, с. 212), но мог резко выражать свое несогласие с ним. Е. С. Некрасова в письме к сестре от 2 февраля 1881 сообщала о том, что С. «страшно» ругал Б. «за то, что тот находил какое-то достоинство в Цитовиче и находил, что и „Новое время“ иногда говорит дело. Он слышать не хотел таких благосклонных отзывов ни о Цитовиче, ни о Суворине ...» (С. в восп., т. 1, с. 284). См. также письмо С. к Б. от 15 февраля 1883, где он вспоминает, как тот «бывало, начнет доказывать, что лучше газеты, нежели „Нов<ое> время“, нет, и что Суворин, в сущности, честнейший малый, только прикидывающийся подлецом» (19-2, с. 186).

Общение с Б. стимулировало творческую деятельность С. В 1877 Б. принимал участие в процессе «50-ти» – деле московских социалистов, среди которых было немало образованных девушек из состоятельных семей. Благодаря упорству Б., настоявшего на кассационной жалобе, которая была удовлетворена, «ни одна из женщин не пошла на каторгу <...> Приговор для мужчин тоже был смягчен ...» (*Фигнер*, с. 19). Б. был покорен самоотверженностью, твердостью и благородством Л.Н. Фигнер, ей посвящено стихотворение «К судьям» («Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский...»), автором которого считалась

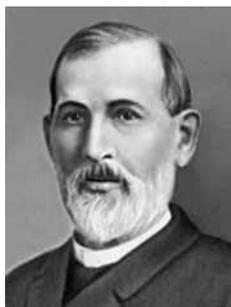
С.Н. Бардина (*Бушканец Е.* Мнимые стихотворения Софьи Бардиной // РЛ, 1961, № 2, с. 169–172). Стихотворение «ходило во множестве экземпляров по рукам» (*Фигнер*, с. 18). Под впечатлением от этого процесса написаны и другие стихотворения 1877: «Суд нынче мог бы хоть с балетом...», «Возлюбила ты брата убогого...», «Мы были там. Его распяли...». Б. выступал защитником и на процессе «193-х» – над участниками «хождения в народ» (1877–78). С.А. Макашин справедливо считал, что рассказы Б. могли быть одним из источников в работе С. над романом «Современная идиллия» (*Макашин IV*, с. 482). Возможно также, что эти рассказы повлияли на сочувственное отношение С. к освободительному движению молодежи в 1870-е.

В 1877–83 в ОЗ было опубликовано более 20 стихотворений Б.: «На смерть Некрасова», «Царь природы», «О, берегись – и жди обиды...», «О пшенице (Из прогулок с детьми младшего возраста)» и др. В 1880 из февральского номера по требованию цензуры было изъято стихотворение Б. «Воробьи», которое «саркастически посвящается детям». По словам цензора, «в этом стихотворении ставится вопрос, кто больше имеет права на фруктовый сад – воробьи или владелец сада, вооруженный бумажным документом и ружьем. Тенденция этой басни понятна всякому» (цит. по: *Боград. ОЗ*, с. 493). С. разделял гражданский пафос лирики Б., которого традиционно причисляют к поэтам некрасовской школы (*Краснов*). Но о школе можно говорить только в плане идейной близости, в художественном отношении Б. абсолютно самобытен. С. знал стихи Б. еще до его сотрудничества в ОЗ и ценил их. В письме к А.С. Суворину от 6/18 марта 1876 С. отмечает стихотворение Б. (*А. Ферта*) «Как-то раз в краю счастливом...», включенное в фельетон редактора (НВ, 1876, 29 февр., № 1, с. 1): «Фельетон – изрядный, хороши заключительные стихи...» (18-2, с. 271). Он считал Б. очень желательным сотрудником и настоятельно просил его о стихах: «Стихов!!» (18 окт. 1882: 19-2, с. 136); «Отчего вы не шлете стихов? Право, нужно, в особенности для 1-й книжки» (18 нояб. 1882: 19-2, с. 151) – первый номер года предполагался как репрезентативный; «Ежели есть у Вас еще стихи, то присылайте» (13 марта 1883: 19-2, с. 190). 6 января 1883 С. писал Б.: «Стихи Ваши получил, и оказались отличные. Буду помещать начиная с № 1, под Вашим собственным именем» (19-2, с. 169). Вместе с тем он прямо высказывал свои критические замечания, например о стихотворении «Весна»: «...совсем не удалась. Неясно, сбито, не вытанцовалось» (19-2, с. 182). Стихотворение не было опубликовано, как и понравившееся А.М. Унковскому «О постройках» (тексты неизвестны).

Литература

- Драгоманов М. Детоубийство, совершаемое русским правительством (Женщины процесса московских социалистов). Женева, 1877, с. 15–16 (4 стих. Б.); Боровиковский А. Отчет судьбы: в 3 т. СПб., 1909; Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л., 1968, с. 486–512; Некролог // ИВ, 1906, № 1, с. 356–357; Фигнер В.Н. Процесс «50-ти». 1877 г. // Каторга и ссылка, 1927, № 4, с. 7–20; Кони А.Ф. Александр Львович Боровиковский (1844–1905) // Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989, с. 428–434; Краснов Г.В. Некрасов и А.Л. Боровиковский (к изучению «некрасовской школы») // Некрасовский сборник, т. X. Л., 1988, с. 69–74; Строганова Е.Н. «Мушкетерские» письма М.Е. Салтыкова // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra, антология: Кн. первая. СПб., 2013, с. 28–52; Масанов, т. 4, с. 78; Краснов Г.В. Боровиковский // Русские писатели, т. 1, с. 313.

Е. Н. Строганова

■ **Бусла́ев** Федор Иванович (13.04.1818, г. Керенск, ныне с. Вадинск Керенского у. Пензенской губ. – 31.07.1897, с. Люблино Московской губ., ныне район Москвы), лингвист, фольклорист, историк литературы, искусствовед, глава мифологической школы, основатель лингвистической русистики, академик Императорской Академии наук. Окончил Пензенскую гимназию, словесное отделение Московского университета. В качестве домашнего учителя в семье графа С.Г. Строганова жил в Германии и Италии, изучал археологию, лингвистику и историю искусств. С 1842 преподавал в Московском университете. Автор множества трудов по славянскому и русскому языкознанию, древнерусской литературе, устному народному творчеству, древнерусскому изобразительному искусству, а также литературно-критических работ и воспоминаний (см.: *Смирнов С.В.* Федор Иванович Буслаев. 1818–1897. М., 1978). Особо надо отметить «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858) и «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (т. 1–2, 1861).

С. был постоянным читателем ОЗ, поэтому его знакомство с работами Б. произошло, скорее всего, в Вятке, где он мог узнать одну из наиболее обсуждавшихся работ Б. «Эпическая поэзия» (1851) (*Шестопалова* 2011, с. 90). Самой востребованной у С. работой Б.

стал неоднократно упоминаемый им свод «Русские пословицы и поговорки» (6, с. 252; 5, с. 387, 391 и др.; см.: *Соколов; Шестопалова* 2010). Из этого свода С. выписал 47 пословиц по алфавиту (2 значительно изменил и сократил) и 2 дописал вне алфавитного порядка (взяты из: *Буслаев* 1854, с. 161; еще 2 пословицы выписаны из дополнения И. М. Снегирева к своду Буслаева: *Буслаев* 1854, с. 185). Многие из этих пословиц С. использовал в своих художественных и публицистических текстах: «Утро у Хрептюгина» (3, с. 59, 63), «Святочный рассказ» (3, с. 152), «Недоконченные беседы» (15-2, с. 241), в отрывке о Живновском из «Книги об умирающих» процитировано 5 пословиц из списка (4, с. 182–184), в речи персонажей «Пошехонской старины» (17, с. 137, 259, 350, 352). Перефразированную пословицу из свода Б. – «Мала рыбка, а лучше большого таракана» (1885, вперв. опубл.: 1906) – С. использовал как цензурный вариант названия сказки «Вяленая вобла». Как автор обширного свода пословиц Б. упоминается и в рецензии С. на брошюру П. И. Мельникова-Печерского «О русской правде и польской кривде...» (5, с. 387), где С. и сам применяет одну из этих пословиц (5, с. 389). Аналогичная апелляция к Б. как знатоку народной речи присутствует в рецензии С. на «Сказание о том, что есть и что была Россия...» В. Львова, где он осуждает автора за то, что тот приводит текст пословиц не по вариантам, опубликованным Б. и др.: «Он даже не дает себе труда редактировать прибаутки и пословицы, которыми преисполнена его книга, согласно с редакцией Буслаева, Снегирева и Даля, а передает их в том самом виде, в каком они перешли к нему от какой-нибудь старухи-нянюшки» (5, с. 393). Это замечание свидетельствует о том, что для С. существовали «эталонные» фольклорные тексты, предпочтительные для использования.

В рецензии на «Сказание... инока Парфения» С. ссылается на другую работу Б. – «Повесть о Горе и Злочастии...» (отклик на публикацию повести А. Н. Пыпиным и Н. И. Костомаровым в *Совр.* в 1856), отзываясь о ней как о «любопытных разысканиях» (5, с. 46); сам С. разрабатывал тему Горя-Злочастия в рассказе «Развеселое житье» (1859; см.: *Павлова*, с. 20).

Наконец, в «Дневнике провинциала в Петербурге» С., выступая против фантастических построений В. В. Стасова (выведен в образе «пенкоснимателя» Неуважай-Корыто) по истории фольклора в «Происхождении русских былин» (1868), делает сочувственный намек на выступления Б. и других московских ученых против теорий Стасова (10, с. 408/761).

В мемуарах Б. (Мои воспоминания. М., 1897) отсутствуют упоминания о С., с которым он, если и был знаком, то не был близок и не интересовался специально его творчеством. В статье «Значение романа в наше время» (впервые прочитана как лекция в 1877) Б. отрицательно отзывался об иносказании в сказках С.: «... иные из обличителей прибегают к иносказательному языку, будто в средневековых морализациях, и для аллегорического покрова своих карикатур и пасквилей не без успеха пользуются затасканной ветошью Эзоповых басен, как, например, Щедрин в своих балагурных притчах о разных зверях и птицах» (Буслаев 1886, с. 467).

Литература

- Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России... М., 1854, кн. 2, с. 1–176; *его же*. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин. Древнее стихотворение // РВ, 1856, № 7, кн. 1, с. 5–52; кн. 2, с. 279–322; Буслаев Ф. И. Мои досуги. П. М., 1886;
- Соколов Ю. М. Из фольклорных материалов Щедрина // ЛН, т. 13–14, с. 493–504; Покусаев Е. И. Щедрин и устное народное творчество // Покусаев Е. И. Статьи разных лет. Саратов, 1989, с. 75–98; Шестопалова Г. А. «Оставалось последнее убежище: устные предания, народная мудрость, пословицы, поговорки». Паремии в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», 2010, № 2, с. 168–175; Шестопалова Г. А. Интерес М. Е. Салтыкова-Щедрина к совместному с фольклористами решению научных проблем // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», 2011, № 1, с. 88–93; Павлова И. Б. «Горе» и «злочастие» в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Русская речь, 2011, № 5, с. 18–22.

В. Е. Добровольская

■ **Бу́тлеров** Александр Михайлович (3.09.1828, Чистополь – 5.08.1886, дер. Бутлеровка, ныне Алексеевский район, Татарстан), химик, создатель теории химического строения органических веществ, видный общественный деятель. Был поборником высшего образования для женщин. С конца 1860-х проявлял большой интерес к спиритизму.

Имя Б. упоминалось в черновой рукописи первоначальной редакции очерка С. «Первое апреля» (1879, цикл «Круглый год») в ходе рассказа о том, как в дамском обществе проходят вечера с «умными разговорами»: «...вече-

ром у нас <...> Бутлерова <sic> о медиумизме читать будет <...> Бутлеров читает <...> мужчины в руку зевают» (13, с. 759). В России тема «медиумизма» была модной в первой половине 1870-х. Но благодаря освещению в печати работы специальной комиссии под руководством Д. И. Менделеева (1875–76) увлечение спиритизмом прошло. В ходе работы С. заменил чтение о медиумизме на встречу со славянским «братушкой», что с окончанием войны на Балканах было более актуально: «... madame Голумбецкая <...> приезжайте, говорит, в четверг вечером, у нас один знаменитый серб об турецких неистовствах рассказывать будет. Приехал <...> сидит братушка на диване и рассказывает <...> les messieurs слушают и зевают в руку; дамочки стараются смотреть на тещу...» (13, с. 448–449). С. создает сатиру на современное ему общество «культурных людей», которым безразлично, с кем встречаться и о чем говорить, лишь бы это соответствовало моде.

Литература

Бутлеров А. М. Сочинения: в 3 т. М., 1953–1958;

Гумилевский А. И. Бутлеров. М., 1951; Быков Г. В. Александр Михайлович

Бутлеров. М., 1961;

Брокгауз, т. 5, с. 79–82; т. 31 (61), с. 224–226.

Г. В. Маркелова

■ **Вазем** Екатерина Оттовна (Матильда) (13.01.1848, Москва – 14.12.1937, Ленинград), русская балерина, прима-балерина Петербургской императорской труппы, балетный педагог. В 1857 поступила в Петербургское театральное училище, где занималась у Л. И. Иванова и А. Н. Богданова, в старшем классе – у французского педагога Э. Гюге, который «принимал в класс только лучших учениц» и которому она «обязана всей своей последующей артистической карьерой» (Вазем, с. 30). В июне 1867 была принята в Петербургскую балетную труппу императорских театров, где вскоре стала одной из ведущих балерин. Ее творческая карьера была связана с деятельностью балетмейстеров А. Сен-Леона и М. Петипа. За 20 лет работы в театре В. станцевала 22 партии, классический танец в ее исполнении стал воплощением совершенного балетного мастерства. В 1886–96 В. преподавала в театральном училище, создав собственную систему обучения и проявив себя как талантливый педагог. Ее ученицами были Ольга Преображенская, Матильда Кшесинская, Агриппина Ваганова, Анна Павлова.

С. упоминает имя В. в рецензии на пьесу актера Малого театра И. В. Самарина «Перемелется – мука будет» (1868). При разборе «пьески г. Самарина» С. коснулся актуальной для Александринского театра проблемы смены поколений и пополнения труппы свежими силами: «Персонал петербургской русской сцены возобновляется до крайности туго. Вот уже много лет, как не появляется ни одного сколько-нибудь замечательного дарования» (9, с. 289). Драматическому театру С. противопоставил балет, где «каждый год непременно приносит что-нибудь новое: то г-жу Канцыреву, то г-жу Вергину, то г-жу Вазем» (9, с. 291). С. называет молодых танцовщиц, учениц Э. Гюге, которые в нач. 1870-х потеснили с петербургской сцены европейских знаменитостей. При всем своем отрицательном отношении к балету 1860-х С. отдает должное уровню профессиональной подготовки танцоров. По воспоминаниям Т. Готье, «консерватория танцев (театральное училище. – Н. Н.) выпускает замечательных солисток и создала кордебалет, не имеющий равного по ансамблю, точности и быстроте эволюций» (цит. по: *Борисоглебский*, с. 259). Как писала сама В., «петербургский балет в описываемую эпоху стоял на огромной высоте» (*Вазем*, с. 74). К моменту написания статьи В. танцевала свой второй сезон и исполнила главные партии в дебютном для себя балете «Наяда и рыбак» Перро и балетах Сен-Леона «Сирота Теолинда, или Дух долины», «Золотая рыбка», «Конек-горбунок». В отзывах о начинающей балерине отмечали ее безупречную технику, редкую отчетливость в танцах и высказывали уверенность, что она займет первое место в петербургском балете (*Голос*, 1867, № 252, 12 сент., с. 3; *Плещеев А.* Наш балет. 1673–1899. СПб., 1899, с. 191–192). Спектакли с участием В. были хорошо известны С. Содержательная сторона балетов «Наяда и рыбак», «Золотая рыбка» стали предметом острой критики в не пропущенной цензурой статье С. «Наяда и рыбак» (1864; в совр. изд.: «Петербургские театры») и в статье «Проект современного балета» (1868). Балеты Перро и Сен-Леона он называл «беспардонной гильей» (5, с. 201), «организованной галиматьей» (7, с. 119), «противоречащей всякому смыслу» (6, с. 399). Сама балерина также была невысокого мнения о балете «Золотая рыбка», который ей «никогда не нравился. Да и публика как будто его не очень любила, и в дни его представлений театр пустовал» (*Вазем*, с. 154). Фабулу балета «Конек-горбунок» она считала псевдорусской, а партию балерины называла «смесью французского с нижегородским» (*Вазем*, с. 155).

После 1868 С. уже специально не обращался к теме балета. Но именно с к. 1860-х в жизни русского балетного искусства, как

и в карьере В., наступал новый период – эпоха балетов М. Петипа. В. была любимой его балериной, ее виртуозное мастерство давало возможность реализовывать самые смелые замыслы и прокладывать новые пути в хореографии.

Литература

- Вазем Е. О. Записки балерины Санкт-Петербургского большого театра. 1867–1884. Л.; М., 1937;
- Наши балерины. Екатерина Оттовна Вазем // ВИ, 1876, т. 16, № 410, с. 346;
- Вольф А. И. Хроника Петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 года: в 3 ч., ч. 3. СПб., 1884, с. 125, 127–129, 132–33, 135–141; *Борисоглебский М. В.* (сост.). Материалы по истории русского балета: в 2 т., т. 1. Л., 1938, с. 253–254; *Михайлов М. М.* Жизнь в Балете, Л.; М., 1966, с. 63–67.
- Красовская В. М.* Русский балетный театр 2-й половины XIX в. Л.; М., 1963, с. 407–411; *Бахрушин Ю. А.* История русского балета. М., 1977, с. 165; Театр. энцикл., т. 1, стб. 800; Балет: Энциклопедия. М., 1981, с. 103.

Архивы

- РГИА, ф. 497, оп. 5, д. 477 (О службе танцовщицы Екатерины Вазем);
- РГИА, ф. 498, оп. 1, д. 1857 (Дело о принятии в Училище своекоштной пансионерки Екатерины Вазем. Нач. 4 апреля 1857 года).

Н. А. Николаева

■ **Верёвкина** Прасковья Николаевна (урожд. Зилова; 16.10.1854, с. Страшевичи Старицкого у. Тверской губ. – 19.03.1892, Петербург), оперная и концертная певица (меццо-сопрано и контральто), артистка, педагог. Племянница С., младший ребенок его сестры Любви и Н. А. Зилова. Рано осиротела, воспитывалась в Московском сиротском институте. В 1873 поступила в Петербургскую консерваторию в класс Генриетты Ниссен-Саломан. После окончания консерватории была приглашена в Киевскую оперу, где выступала до 1882. На протяжении своей артистической карьеры В. концертствовала в столице и провинции, несколько раз бывала за границей.

После 1882 В. искала место на Московской сцене, в чем ей активно содействовал С. Сохранились письма С. к В. П. Гаевскому с просьбой помочь В. с контрактом: «Будь так добр, замолви словечко или два за Веревкину, которая опять хлопочет о контракте на будущий оперный сезон» (20, с. 136). Сохранились и письма В. к С. А. Юрьеву, где она просила помочь ей с устройством (РГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 163, л. 3, 5–9, 11, 13–14). Благодаря этим хлопотам В. получила контракт с Московской дирекцией театров на два года (*Светлов*, с. 22). В. несколько раз навещала больного С. в Петербурге, но их личная пере-

писка не сохранилась. На частных концертах певицу нередко узнавали именно по ее родственным связям с С. (*Семенов-Тянь-Шанский*, с. 266).

Была замужем за уроженцем Кашина – неким Веревкиным, имела дочь. Какое-то время семья проживала в Боровичах, переезжая на время концертов и контрактов В. в Москву и Петербург.

Литература

П.Н. Веревкина (Некролог) // Нувеллист. 1892. № 4, с. 8; Ежегодник Императорских театров. Сезон 1891–1892. СПб., 1893, с. 476;

Светлов С. Ф. Театральный дневник С. Ф. Светлова // Бирюч Петроградских Государственных театров. Пг. 1919, сб. I, с. 22, 28, 29–30, 46; *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* То, что прошло: в 2 т., т. 1. М., 2009, с. 266;

Пружанский А. Отечественные певцы: 1750–1917. Словарь: в 2 ч. М., 1991, ч. 1, с. 98.

Архивы

РГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 163 (Письма Веревкиной Прасковьи Николаевны Юрьеву С. А.).

О. А. Культепина

■ **Вольф** Александр-Эммануил Маврикиевич (ок. 1857, Петербург – не ранее 1917), в 1885–98 петербургский купец 2-й гильдии (*Справочная книга о купцах гор. С.-Петербурга*. СПб., 1898, с. 247), с 1899 – почетный гражданин; сын М. О. Вольфа. Получил образование в петербургском Реформатском церковном училище, дававшем гимназическое и коммерческое образование. В 1883–97 – один из двух директоров «Промышленного и торгового Товарищества М. О. Вольф» (1882–1918), поставщика императорского двора (1899–1917). В 1880-е В. проживал в собственном доме на 16-й линии Васильевского острова, 5, где располагались производственные отделы «Товарищества».

Помимо общего управления делами фирмы до 1904 занимался изданием и редактированием детского журнала ЗСл (1877–1917), основанного его отцом. Был издателем журнала «Литературные семейные вечера» (1892–98), редактором-издателем газеты «Луч» (1901–03). В 1902–04 и 1907 редактировал «Новые известия», ежедневную газету книжных магазинов «Товарищества». Главным делом В. было издание и редактирование основанного им «общедоступного иллюстрированного двухнедельного вестника современной жизни, литературы, науки и прикладных знаний» журнала «Новь» (1884–98). Журнал печатал беллетристику, популярные биографические, исторические, экономические очерки, литературную, театральную и художественную критику,

обзоры книжных новинок, политических событий, мод и практические домашние советы. Двухнедельные выпуски с отдельными листами иллюстраций составляли годовой том с единой пагинацией. С 1893 раздел «Мозаика» (собрание кратких статей по различным областям знания, политики, общественной жизни) издавался отдельным приложением.

Планируя политику нового журнала как печатного органа, отвечающего интересам взрослых читателей, В. обращался к петербургским писателям и журналистам с приглашением к сотрудничеству. С., получив письменное приглашение (письмо В. от 19 июля 1884 не сохранилось), ответил отказом 24 июля 1884: «К величайшему сожалению, я не могу дать вполне удовлетворительный ответ. Во-первых, состояние моего здоровья таково, что я никак не могу рассчитывать на большую литературную производительность; во-вторых, я уже дал некоторые обещания, но и те, бог весть, удастся ли мне выполнить. Во всяком случае, от души желаю успеха Вашему предприятию» (20, с. 59–60). Возможно, на отказ С. повлияло закрытие ОЗ, совпавшее с началом кампании В. по привлечению авторов к своему изданию. В дальнейшем С. негативно высказывался об этом журнале, в частности, 1 марта 1885 писал Г. З. Елисееву по поводу РМ: «нужник, вроде „Нови“» (20, с. 150), имея в виду развлекательный характер журнала В. и его наполнение разнородными материалами.

Л. А. Тимофеева

■ **Вольф** Маврикий Осипович (имя при рождении: Болеслав Маурицы; 03.11.1825, Варшава – 19.02.1883, Петербург), петербургский книгоиздатель и книготорговец, варшавский гражданин, купец 2-й гильдии (Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества <...> в 1882 г. СПб., 1882, с. 186), комиссионер Московского и Казанского университетов, основатель «Высочайше утвержденного промышленного и торгового Товарищества М. О. Вольф» (1882–1918). Получив образование в варшавской гимназии, В. с 1838 изучал практику книжного дела в Варшаве, Париже, Лейпциге и западных областях России. Осенью 1848 поступил в петербургский магазин Я. А. Исакова, где, зная несколько европейских языков, занимался иностранной литературой. В период работы у Исакова выпустил на собственные средства более 150 томов произведений польских писателей,

прибыль от этих изданий позволила В. «заняться издательством и продажей русских книг» (К двадцатипятилетию, с. 6).

1 октября 1853 В. открыл магазин в Гостином дворе на Невской (Суконной) линии, № 18 (существовал до 1918 и обозначался № 17–20) под названием «Универсальная книжная торговля Маврикия Осиповича Вольфа», в 1865 – магазин в Москве на Кузнецком мосту. Издательскую деятельность в 1854 В. начал с литературы массового спроса, постепенно расширяя репертуар по видам изданий, тематике и читательскому назначению – от беллетристики и детской литературы, составлявшей около половины его продукции, до научных сочинений и роскошных книг (*Баренбаум*, с. 606–607). С 1856 В. печатал книготорговые каталоги общего и тематического содержания на русском и иностранных языках; с 1860-х издавал журналы и газеты: «Вокруг света» (1861–68), «Библиографические известия» (1863), «Заграничный вестник» (1864–67), ЗСл (1876–1918). К 1883 В. издал около 5 000 наименований книг, среди которых «не было ничего такого, что могло дать крупные барыши, но вредило бы репутации издателя» (*Либрович*, с. 465). 3 сентября 1882 по прошению учредителей – членов семьи В., было высочайше утверждено «Товарищество М. О. Вольф», пайщиками которого стали В. и его ближайшие родственники.

В. связывали с С. многолетние деловые отношения. В 1857 В. в числе 16 книготорговцев вложил средства в издание благотворительного сборника в пользу А. Ф. Смирдина, вышедшего в 1858–59, в котором была напечатана повесть С. «Яшенька» (Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. СПб., 1859, т. 6, с. 1–94). В магазине В. продавались и отдельные сочинения писателя (18-2, с. 134). Второе издание «Губернских очерков» (2 т. СПб., 1864) упоминалось в «Отчете М. Вольфа за десять лет работы» (СПб., 1866, с. 13) среди книг, приобретенных для продажи целыми изданиями.

В 1863 С. упомянул В. в отрицательной рецензии на роман Г. П. Данилевского «Воля»: «Читатель охает, а издатель-книгопродавец Вольф потихоньку посмеивается и говорит: „Каков роман-то я издал! а! каков роман!“ Подлинно, роман удивительный» (5, с. 415). Рецензии на некоторые издания В. по юриспруденции, естествознанию и географии были помещены в ОЗ в 1868 и 1870 (Боград. ОЗ, с. 41, 44, 45, 90). С именем С. связан характерный анекдот об известности В.: «...С. В. Максимов держал оригинальное пари: однажды, после завтрака в „Малом Ярославце“ (ресторан на Большой Морской, 8. – А. Т.), Максимов, выходя на улицу, поспорил с Некрасовым и Сал-

тыковым-Щедриним, что достаточно извозчику сказать: „поезжай к Маврикию Осиповичу“ – и любой извозчик довезет до книжного магазина Вольфа <...> И Максимов выиграл пари» (Либрович, с. 13). В 1870-е, когда при магазине В. образовался литературный «почти клуб», С. был среди его посетителей. «Когда Щедрин-Салтыков выпускал какую-нибудь новую книгу, он обыкновенно приносил в магазин Вольфа несколько ее экземпляров для раздачи приказчикам и снабжал эти экземпляры своей соответственной подписью, твердо веря, что этим он заставит приказчиков способствовать большему распространению его книг среди публики» (Либрович, с. 33).

В марте 1878 В. обратился к С. с предложением принять участие в написании очерков для научно-популярного и художественного издания «Живописная Россия», но С. отказался, полагая, что от него потребуется «этнографическая» работа, к которой он не был готов (19-1, с. 70; Либрович, с. 189–190). В 1881 и 1882 В. и С. вели переговоры относительно продажи уже изданных книг и приобретения В. авторских прав на издание собрания сочинений С.

В ноябре 1881 В. обратился с предложением о покупке у С. большого количества книг. С. отвечал письмом от 23 ноября, в котором сообщил о количестве нераспроданных экземпляров некоторых изданий («За рубежом», «Невинные рассказы», «Сатиры в прозе», «Сборник», «В среде умеренности и аккуратности»). В случае несогласия В. на покупку большей части этих книг С. писал: «... был бы доволен, если бы Вы брали у меня книги и, по мере надобности, на прежних условиях» и предлагал приобрести «500 экз. „За рубежом“ и по 100 экз. прочих изданий с уступкою 40%» (19-2, с. 62). Получив одновременное предложение о продаже книг в Москве, С. в записке от 25 ноября повторно спрашивал В. о его намерениях (19-2, с. 66). 25 ноября В. сообщил: «... я готов приобрести от Вас не только все оставшиеся экземпляры отдельных томов, уже отпечатанных, но и более значительное количество в полном отпечатанном составе тех томов, которые распроданы и которые необходимо вновь печатать» (цит. по: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957, с. 698–699). В письме от 26 ноября С. подтвердил, что речь может идти о продаже в магазинах В. только пяти упомянутых книг, и он не планирует к изданию новые сборники (19-2, с. 67). Переписка сопровождалась личными встречами, в ходе которых обсуждались и продажа книг, и планы по изданию собрания сочинений С. По словам С. Ф. Либровича, С. предполагал издать у В. сочинения в 11 томах за 40 000 руб. (Либрович, с. 192–194). Но предварительный договор, составленный В., не устроил писателя.

19 декабря 1881 он написал В.: «Условия, изложенные в проекте контракта об уступке права издания на мои сочинения, кажутся мне неудовлетворительными, как с точки зрения вознаграждения, так и с точки зрения сложности» (19-2, с. 69). Основной причиной отказа С. было наличие большого количества нераспроданных сочинений, которые могли помешать успеху нового издания.

В письме к С. от 23 октября 1882 В. повторил свое предложение: «Приступая к изданию русских беллетристов, возобновляю вопрос об издании Ваших произведений, так неожиданно оборвавшийся в прошлом году. Мне очень не хотелось бы, чтобы в ряду русских беллетристов, издаваемых мною, отсутствовали Ваши произведения. Я желал бы издать 6-ть томов избранных Ваших произведений, каждый том объемом около 25 листов. Если Вы желаете предоставить мне право на издание, покорнейше прошу уведомить» (РО ИРАИ, ф. 366, оп. 6, № 10, л. 3–3 об.). С. отвечал 2 ноября 1882: «... как в книжных магазинах, так и у меня лично имеется много книг разных именовании <...> Мне кажется, прежде всего нужно установить известный срок, в продолжение которого старые издания понемногу истощатся, а от новых я воздержусь. Я не прочь вступить с Вами в переговоры, но не вижу возможности для иных оснований» (19-2, с. 145). Обсуждение издания было прервано болезнью и кончиной В.

Литература

Отчет М. Вольфа за десять лет работы. СПб., 1866; К двадцатипятилетию издательской деятельности М. О. Вольфа (1853–1878): 1 октября 1878 г. СПб., 1878;

Либрович С. Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг.; М., 1916; Динерштейн Е. А. Петербургский издатель М. О. Вольф // Динерштейн Е. А. Российское книгоиздание (конец XVIII–XX в.): Избранные статьи. М., 2004, с. 129–211;

Баренбаум И. Е. Вольф Маврикий Осипович // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: в 3 т., т. 2, кн. 1. СПб., 2003, с. 605–607.

Архивы

РО ИРАИ, ф. 366, оп. 6, № 10, л. 1–4 (Вольф М. О. Письма к М. Е. Салтыкову-Щедрину).

Л. А. Тимофеева

■ **Вормс** Николай Александрович (1845, г. Севск Орловской губ. – 1870, Швейцария), поэт, публицист (псевд.: *Н. В-с, В., Один из сосланных под надзор полиции*). Учился в Орловской и Черниговской

гимназиях, но курса не окончил. В 1862 он впервые выступил в СЛ с заметкой юридического содержания. С 1864 жил в Москве, был связан с кружком Н. А. Ишугина, случайно избежал ареста после покушения Д. В. Каракозова на Александра II. В октябре 1866 В. выехал за границу, но продолжал сотрудничать в отечественных изданиях, его стихотворения, направленные против сторонников «чистого искусства», печатались в «Развлечении», «Модном магазине», РСЛ, Совр., «Искре», ЖенВ, Деле. В. был типичным поэтом-шестидесятником и навсегда остался выразителем умственной жизни и идейных настроений своего времени.

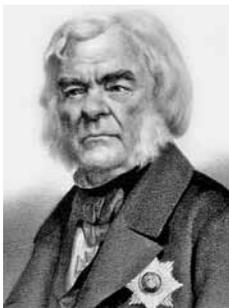
В Швейцарии В. установил связь с русской эмиграцией. В 1867 опубликовал в «Колоколе» очерк «Белый террор», в котором подробно охарактеризовал деятельность кружка Ишугина, показал разноречивое отношение общества к каракозовскому покушению, рассказал о процессе и о поведении подсудимых и судей. В очерке упоминалось и имя С. в связи с компрометацией его на страницах МВед. В., «лично знавший» С. (*Макашин III*, с. 532), писал: «Каждый № *Московских Ведомостей* заключает в себе новый донос. Не было статейки в этой полицейской газете, которая бы не содержала в себе какого-нибудь намека, указания. Им мало было нигилистов, *Современника*, Жуковского etc., они доносили на семинарии, школы, *Губернские Ведомости*, они с ужасом указывали правительству, что люди, много лет „упражнявшиеся“ в нигилистических журналах, занимают места управляющих палат, т. е. Саалтыков (в Пензе предс.<едатель> казенной палаты) и Уньковский (в Твери предс.<едатель> контрольной палаты). В своем преследовании нигилизма и нигилистов *Моск. Ведомости* дошли до потери всякого смысла, до смешного, до уродливого» (Колокол, л. 231–232, с. 1894). Фрагменты из этого очерка были использованы В. Н. Баскаковым в примечаниях к очерку С. «Они же» из цикла «Господа ташкентцы» (10, с. 694, 696).

Литература

- Один из сосланных под надзор полиции. Белый террор / Н. А. Вормс // Колокол, л. 231–232. 1867, 1 янв., с. 1889–1895; л. 233–234, 1867, 1 февр., с. 1905–1913; л. 235–236, 1 марта, с. 1923–1931;
- Оболенский Л. Е. Литературные воспоминания и характеристики (1854–1892 гг.) // ИВ, 1902, т. LXXXVII, № 1, с. 108–121;
- Козмин Б. П. <Предисловие к публикации писем Н. А. Вормса А. И. Герцену и Н. П. Огареву> // ЛН, т. 62. М., 1955, с. 48–50; *Книгин И. А.* Забытые и неопубликованные стихотворения Николая Вормса // Филология. Межвуз. сб. науч. трудов, вып. 3. Саратов, 1998, с. 182–200;

Оболенский Л. Вормс Николай Александрович // Венгеров. Сл., т. VI, с. 171–172; Шевелева Г. М. Вормс // Писатели Орловского края. Биобиблиографический словарь. Орел, 1981, с. 55–57; Семенюк М. С. Вормс // Русские писатели, т. 1, с. 484–485.

И. А. Книгин

■ **Востоков** Александр Христофорович (Остенек Александр Вольдемар, 16.03.1781, Аренсбург, Лифляндская губ. – 8.02.1864, Петербург), выдающийся славист, исследователь памятников древнеславянской письменности; поэт, переводчик. Член Российской академии (1820), академик Петербургской АН (1841). В 1831 В. издал две учебные грамматики русского языка: «Сокращенную русскую грамматику...» и «Русскую грамматику...», которые были приняты Министерством народного просвещения и многократно переиздавались. Лингвистические знания о русском языке В. изложил в форме, доступной для школьников, в отличие от прежних учебников, грамматики В. были составлены на материале не книжного, а живого русского языка.

С. упоминает учебник В. в очерке «Дети Москвы» (1877): «С самых ранних лет я тяготел к Москве, чувствовал себя сыном ее. Здесь я получил первые впечатления бытия, здесь же заложены были во мне начальные основания русской грамматики по Востокову. С наслаждением, полным благоговения, декламировал я стихи Ивана Ивановича Дмитриева, не упуская при этом из вида, что автор их, сам сын Москвы, был в свое время министром юстиции. Меня не смущала даже странность, оказывавшаяся при синтаксическом разборе первого четверостишия, а именно, что, по своеобразной генеалогии, придуманной поэтом, Россия, будучи матерью Москвы, становится бабушкой относительно княжений и царств» (12, с. 370). Имена Востока и Дмитриева, видимо, не случайно оказываются рядом: «основания русской грамматики», заложенные Востоковым, позволяют обнаружить логическое несовершенство патриотических стихов Дмитриева.

Литература

Востоков А. Х. Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях. СПб., 1831; Русская грамматика Александра Востокова. По начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831; *Востоков А. Х. Заметки А. Х. Востокова о его жизни.* СПб., 1901;

Майков Л. Н. К биографии А. Х. Востокова. СПб., 1896; Соболевский А. И. Памяти А. Х. Востокова // Известия ОРЯС, 1914, т. 19, кн. 1, с. 119–130; Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. История языкознания. М., 2003, с. 257–260, 284–285; Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: библиографический словарь: в 3 т., т. 1. Минск, 1976, с. 63–70; Песков А. М. Востоков // Русские писатели, т. 1, с. 492–493.

Г. В. Маркелова

■ **Галеві́** (Алеви, Halévy) Людовик (1.01.1831, Париж – 7.05.1908, там же), французский драматург и романист; член Французской академии (1884). Автор многочисленных либретто, в том числе оперетт Ж. Оффенбаха «Орфей в аду» (1858, вместе с Э.-Ж. Кремье; Crémieux; 10.11.1828–30.09.1892), а также нескольких написанных совместно с Анри Мельяком; Meilhac; 21.02.1831, Париж – 6.07.1897, там же; член Французской академии, 1888): «Прекрасная Елена» (1864), «Синяя Борода» (1866), «Великая герцогиня Герольштейнская» (1867), «Перикола» (1868), «Разбойники» (1869), которые воспринимались как осмеяние традиций и сатира на нравы Второй империи.

Вместе с Мельяком Г. написал также ряд комедий. С. упоминает две пьесы Г. и Мельяка. Спектакль по пьесе «Fanny Lear» (1868) упоминается в «Дневнике провинциала в Петербурге» (10, с. 440). Премьера драмы состоялась в Петербурге на сцене Михайловского театра при участии французской актрисы М. А. Паска (для которой и была написана) в бенефис актера А. Э. Дьёдонне, 9 сентября 1871 (*Боборыкин П. Д.* Петербургское театральное искусство // ОЗ, 1871, № 11, с. 72–74). О водевиле «Трикош и Каколет» (1871) идет речь в незавершенном произведении «В больнице для умалишенных», герой которого «помешался на том, чтобы устроить в Петербурге такую же „comptoir de confiance“ <кредитная контора>, образчик которой он недавно видел в водевиле „Tricoche et Cacolet“» (10, с. 524). В этой пьесе изображено агентство «расследований, производимых в семейных интересах»: устройство на работу слуг; продажа фондовых ценностей; различные объединения; «особая служба для встревоженных мужей, наблюдение за их дамами – до, во время и после; то же в отношении мужей» (*Meilhac H., Halévy Lud.* Tricoche et Cacolet: Vaudeville en cinq actes. Paris: Calmann Lévy, Éditeur ancienne maison Michel Lévy Frères, 1880, p. 10). Подобная затея упоминается и в неоконченном продолжении очерка С. «Переписка» (1874, «Благонамеренные речи»). Его персонаж, с помощью «связей и соответствующих

кушей устраивает предприятия, громадность которых заставляет кружиться голову». Он «не может двух слов сказать связно, не может одной строки написать, чтоб в ней не было двух бессмыслиц», он в школе «фразу „Осел и соловей“ спрягал как глагол», и «все его развитие заключается в том, что он несколько раз внимательно просмотрел на Михайловском театре пьесу „Tricoche et Cacolet“» (11, с. 630). В интерпретации С. пьеса Г. и Мельяка оказывается моделью жизни современных дельцов-проходимцев.

М. В. Строганов

■ **Гандон** (Gandon) Бланш, в замуж. Beer (1847–1890), французская артистка эстрады и оперетты. Во Франции ее называли «хорошенькой молодой девушкой с пикантными приемами», но отмечали «эксцентричные туалеты», «невозможный и неловкий шиньон» (*Le Foyer: industrie, littérature, theater*, 1867, 4 mai, p. 6); признавали ее «очаровательной и завлекательной», но только «местной знаменитостью» (*Paulus. Trente ans de café-concert: souvenirs. Paris, [1908]*, p. 85). В конце 1860-х – 1870-е Г. выступала в Петербурге, в том числе исполняла роль Ореста в «Прекрасной Елене» Ж. Оффенбаха. 4 апреля 1871 в петербургском театре Буфф «г-жа Бланш Г. изображала зиму 1871 г.» в представлении «*Les Cascades du Théâtre Bouff*»: «На ней была легкая, коротенькая женская шубейка, накинутая на тело, плотно обтянутое в трико, с пояса – телесного цвета <...> г-жа Г. в этом костюме танцует кан-кан» (цит. по: *Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Л.; М., 2000, с. 552*); ср.: «крайне непристойный костюм» (*Навалихин Н. О чем мы думаем? // Дело, 1871, № 6, с. 6*). Г. судили по 43 статье Устава о наказаниях «за бесстыдные соединенные с соблазном действия» и приговорили к штрафу в 100 руб. с заменой арестом на один месяц (Петроградский Мировой суд за пятьдесят лет. 1866–1916, т. 2. Пг., 1916, с. 1199–1202). Об этом одобрительно писал Суворин: «Любители острых ощущений ничего от этого не потеряют, потому что всегда имеют возможность доставить себе оные на частных квартирах и в домах терпимости; общество же несомненно выиграет, изгнав со сцены такие элементы, которые отнюдь к сценическому искусству не относятся» (*Дневник Алексея Сергеевича Суворина, с. 552*). Вскоре после скандала Г., видимо, покинула Россию.

Имя Г. неоднократно фигурирует в текстах С. В «Истории одного города» (1870) в числе признаков «развращения нравов» в Глупове названа постановка «Прекрасной Елены» с участием «девицы Бланш Гандон» (8, с. 377). Герой очерка «Помпадур борьбы, или Проказы будущего» (1873) «в каких-нибудь три-четыре года напил и наел у Дюссо на десять тысяч рублей и задолжал несколько тысяч за ложу на Минерашках, из которой имел удовольствие аплодировать m-lle Blanche Gandon» (8, с. 164). С. сделал Г. олицетворением одного из средств, отвлекающих человека толпы от насущных общественных проблем. Особенно отчетливо это проявляется в «Дневнике провинциала в Петербурге» (1871), герой которого предлагает для погружения общества в «дремотное состояние» приучать «молодых людей к чтению сонников, или к ежедневному рассмотрению девицы Гандон»: «Предавшись чтению сонников, молодые люди будут ожидать от сего исполнения желаний <...> О девице Гандон – уже не говорю. Во всех сих упражнениях, очевидно, будет участвовать страсть, но страсть спасительная <...> И таким образом получится поколение дремотствующее, но бодрое и не только не препятствующее знакам препинания, но *дейтельно* на постановку их согласное» (10, с. 336). В ранней редакции четвертого «Письма к тетеньке» (1881) «мамзель Гандон» названа «наставницей юных Амалат-беков» (14, с. 492). В текстах С. отразился и связанный с Г. скандал. Рассказчик незавершенной «Благонамеренной повести» (1875) возмущается тем, что Г. приглашали «к мировому судье за какие-то жесты, смысл которых означает лишь торжество любовного начала и, следовательно, не заключает в себе ни малейшего политически неблагонадежного элемента» (11, с. 510).

Литература

Каскадный мир: Сборник французских шансонеток, исполняемых г-жами: Шнейдер, Терезою, Силли, Кадуджею, Филиппо, Альфонсин, Альфонсин-Дюроше, Лафуркад, Антуанет, Марией Лажы, Бланш-Гандон, Бланш-Вилен и проч., с переводом на русский язык в стихах. СПб., 1873; Столянский П. Каскадный жанр в старом Петербурге // Столянский Петр. Путеводитель по Кронштадту: Исторические очерки. СПб., 2011, с. 325–331.

М. В. Строганов

■ **Гатцук** Алексей Алексеевич (2.12.1832, Одесса – 23.10.1891, Москва), издатель, публицист, историк, археолог. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1857), преподавал русскую словесность в Ришельевском лицее в Одессе. Вернувшись

в 1864 в Москву, целиком посвятил себя литературной деятельности. Опубликовал ряд историко-литературных, книговедческих, исторических, археологических и лингвистических разысканий. Прославился как издатель «Крестного календаря» (1866–1917) и еженедельной иллюстрированной политико-литературной, художественной и ремесленной «Газеты А. Гатцука» (1875–90).

О том, что С. знал и читал календарь Г., свидетельствует Д. П. Сильчевский: «Я вошел в кабинет и поздоровался с Михаилом Евграфовичем, сидевшим за письменным столом. Он перелистывал и отбросил при моем входе „крестный календарь“ Гатцука» (С. в восп., т. 2, с. 154).

В «Газете А. Гатцука» неоднократно встречается имя С. В 1879 были напечатаны две анонимные критические заметки об «Убежище Монрепо». Рецензент подчеркивал, что новое произведение С. «носит отличный от других его сатирический характер; в нем, кроме юмора и желчи, проглядывает какая-то грусть» (№ 38, 22 сент., с. 618). Отмечая, что некоторые предшествовавшие произведения писателя тяготели не столько к сатирическому, сколько к карикатурному роду, он писал об изменении манеры С.: «... после многих лет балаганничанья, за которое русский мир так признателен ему, он снова принялся за серьезную сатиру» (№ 48, 1 дек., с. 776). В 1882 «Газета А. Гатцука» поместила нейтральный по содержанию отзыв о восьмом «Письме к тетеньке» (№ 19, 8 мая, с. 351) и краткую заметку о статье С. «Июльское веяние», в которой говорилось: «Статья отличается <...> шуточной защитой иудейского племени против лицемерной, мнимо-народной, мельхиоровой политики, взваливающей на это племя всю ответственность за наше экономическое положение» (№ 36, 4 сент., с. 632), хотя суждения писателя вряд ли можно назвать «шуточной защитой». Газета отреагировала и на публикацию новых глав «Современной идиллии». Рецензент обратил внимание на то, как «мастерски очерчена Фаинушка», отметил, что «некоторые места рассказа без смеха читать нельзя» и подробно представил образ Редеди, подчеркнув при этом излишние преувеличения как характерную черту С.: «... при верном, хотя и несколько пессимистическом взгляде на некоторые уклонения нашей общественной жизни от нормы, при типичности характеров и языка выводимых им деятелей автор нередко в своей сатире впадает в преувеличения, которые доходят до крайности и мешают ясности представления о героях и их положении. Это преувеличение особенно бросается в глаза в живой фигуре Аники-воина, полководца Редеди» (1882, № 41, 9 окт., с. 712).

В 1889 «Газета А. Гатцука» сообщила о кончине С., поместила объявление о похоронах и напечатала некролог (№ 17, 30 апр.,

с. 249–251), рассказала о чествовании памяти писателя в провинции (№ 19, 14 мая, с. 266), представила обзор откликов на его смерть (№ 20, 21 мая, с. 278–280). В 1890 в газете была опубликована статья Н. К. Михайловского «Литературные признаки времени», значительная часть которой посвящена резкой полемике с В. В. Чуйко по поводу творчества С. (№ 2, 20 янв., с. 36–37). За подписью А. Г. вышел отзыв самого Г. о книге Михайловского «Критические опыты. II. Щедрин» (№ 4, 3 февр., с. 72). В том же 1890 в «Газете А. Гатцука» появился биографический очерк Г. А. Мачтета «М. Е. Салтыков-Щедрин в Рязани» (№ 16, 29 апр., с. 285–290; № 17, 6 мая, с. 302–304). В разделе «Хроника» была помещена информация об установке бронзового бюста работы Л. А. Бернштама на могиле писателя (№ 16, 29 апр., с. 295) и о панихидах по С. на Волковом кладбище (№ 17, 6 мая, с. 314) и в Москве (№ 17, 6 мая, с. 315).

Литература

- Слуцкий С. Алексей Алексеевич Гатцук // Памяти отца наместника Леонида, А. А. Гатцука, Н. А. Попова, А. А. Котляревского. М., 1893, с. 360–367; Корш Ф. Е. Памяти Алексея Алексеевича Гатцука // Крестный календарь на 1915 год. М., [1914], с. 59–60; Либрович С. Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг.; М., 1916, с. 240–243;
- Белов С. В. Издательская деятельность А. А. Гатцука // Книжное дело в культурной и общественной жизни Петербурга – Петрограда – Ленинграда. Л., 1984, с. 86–98;
- КЛЭ, т. 2, стб. 26–27; Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982, с. 131; Лепёхин М. П. Гатцук // Русские писатели, т. 1, с. 531.

И. А. Книгин

■ **Георгиевский** Петр Егорович (1791–16.10.1852), профессор латинской и русской словесности в Царскосельском (Александровском) лицее, где обучался С. Автор двух учебников по русской словесности, написанных высокопарно-казенным языком и вызывавших насмешки воспитанников. Н. А. Корф вспоминал, что в его время (1848–54) Г., который достался им в наследство еще от пушкинского лицея, выбыл: звали его «Пепка», читал он «какую-то невозможнейшую пиитику по своей книге, прозванной <...> „Пепкино свинство“» (Корф Н. А. Из пережитого. Записки барона Н. А. Корфа // РС, 1884, май, с. 377–378). По словам другого лицеиста, А. Н. Яхонтова, учебник Г. «возбуждал то улыбку, то досаду» (Яхонтов А. Н. Воспоминания царскосельского лицеиста. 1832–1838 // РС, 1888, окт., с. 114).

С. вспоминал о Г. как о человеке «удивительно добром, но в то же время удивительно бездарном». Прозвище его было Пепа, а два «руководства» – «пространное и краткое» – назывались «большое и малое Пепино свинство» (14, с. 365). В произведениях самого С. изречения бывшего наставника стали предметом пародийного переосмысления. Так, Г. писал, что «образцы *вымышленных характеров* находятся у Карамзина в его повестях, у Жуковского в описании Марьиной рощи...» (*Георгиевский 1835*, с. 83). Возможно, эти наставления отозвались в очерке С. «Ташкентцы приговорительного класса. Параллель первая» (1871, цикл «Господа ташкентцы»), где дважды повторяется тема сочинения, заданного ученикам: «...сравнить романтизм „Бедной Лизы“ Карамзина с романтизмом „Марьиной рощи“ Жуковского...» (10, с. 117, 119).

В курсе русской словесности Г. свое место занимал и Крылов, удостоенный высоких оценок и похвал. В его баснях признавались «светская наблюдательность, ум, прелесть рассказа», «национальный колорит», отмечалось и их воспитательное значение: «Несравненный наш баснописец И. А. Крылов не перестает давать нам мудрые уроки...» (*Георгиевский 1836*, с. 290, 294). Это внушаемое со школьной скамьи представление о житейской пользе крыловских басен преломилось впоследствии в щедринских текстах. С. показывает, что вытверживание басен Крылова как свода немудреных житейских правил начинается с малолетства. В «Господах ташкентцах» будущий «солидный» человек Миша Нагорнов на каверзный вопрос учителя, какая часть речи «Осел и Соловей», с готовностью отвечает: «Осел и Соловей – это заглавие одной из самых нравоучительных басен дедушки Крылова» (10, с. 177). Эта провозглашенная «младенцем» истина возвращает к суждениям Г. о Крылове: представление об «учительности» крыловских басен внушалось со школьной скамьи.

Литература

Георгиевский П. Е. Руководство к изучению русской словесности, содержащее языкоучение, общую риторику и теорию слога прозаических и стихотворных сочинений. СПб., 1835; *Георгиевский П. Е.* Руководство к изучению русской словесности, содержащее общие понятия об изящных искусствах, теорию красноречия, пиитику и краткую историю литературы: в 4 ч. СПб., 1836;

Строганова Е. Н. Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: Диалог с современниками и предшественниками (в печати); РБС, т. 4, с. 429–430; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989, с. 98.

Е. Н. Строганова

■ **Глазунов** Иван Ильич (7.01.1826, Петербург – 19.12.1889, там же), издатель и книгопродавец, купец 1-й гильдии (1862), потомственный дворянин (1870). Г. был крупнейшим поставщиком книг для Императорской Публичной библиотеки, библиотек университетов, гимназий и начальных училищ. Издавал учебные пособия, художественную литературу, в основном произведения русских писателей, научные труды по различным отраслям знаний, популярные книги, справочную литературу. Первым среди российских книгопродавцев стал выпускать книготорговые каталоги, составленные профессиональными библиотекарями (1867). Член городской распорядительной думы (1857–61), гласный городской думы (1873–89), петербургский городской голова (1881–85). Первый директор Петербургского городского кредитного общества (1861–81), член правления Государственного банка от купечества, член Совета торговли и мануфактур Министерства финансов (с 1872). Привлекался к суду по делу о беспорядках в кредитном обществе, но в 1888 подозрение в каких-либо недобросовестных и противозаконных действиях было с него снято.

С. упоминает о Г. в двух письмах к Н.А. Белоголовому. 28 апреля 1882 он пишет о юбилейном обеде в честь С.П. Боткина, на котором городской голова Г. был почетным гостем: «Вчера был боткинский юбилей <...> С правой стороны у Боткина сидел Глазунов...» (19-2, с. 107). В письме от 31 мая 1885 С. насмешливо говорит о планах В.И. Лихачева, ожидающего должности головы и заранее планирующего будущие доходы со ссылкой на своего предшественника Г.: «Влад<имир> Ив<анович> говорит о своем головстве как о деле, как о деле окончательно решенном и <...> при этом наивно прибавляет, что головство дает ему возможность попасть в два-три банка директором и воспользоваться крупным содержанием. Глазунов получал таким образом до 30 т. рублей в год» (20, с. 186).

Литература

Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет: 1782–1882 г. СПб., 1883; Некролог // ВИ, 1890, т. 43, № 1094, с. 34; Лисовский Н.М. Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием их книгоиздательства: 1803–1903. СПб., 1903; Зайцева А.А. Новые материалы о петербургском книготорговце и издателе И.П. Глазунове // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979, с. 76–97; Баренбаум И.Е., Костылева Н.А. Книжный Петербург – Ленинград. Л., 1986, с. 89–93; Брокгауз, т. 8А, с. 805–806; РБС, т. 5, с. 264–265.

Г.В. Маркелова

■ **Грот** Яков Карлович (15.12.1812, Петербург – 24.05.1893, там же), выдающийся русский филолог, переводчик, педагог; академик Императорской академии наук (1858), председательствующий в Отделении русского языка и словесности, вице-президент (с 1889). В 1837 Г. опубликовал в Совр. перевод «Мазепы» Байрона, в 1838 по приглашению П.А. Плетнева стал сотрудником журнала. Преподавал в Гельсингфорсском университете (1841–52), Александровском лицее (1853–62); был учитель вел. кн. Николая Александровича и Александра Александровича (будущего императора Александра III). Наиболее известен как автор трудов по орфографии русского языка. На основе его книги «Русское правописание» (1885) были составлены своды правил, действовавшие до 1918. В 1891 под руководством Г. началось издание нормативного академического «Словаря русского языка». Автор работ о языке и стиле русских писателей XVIII–XIX вв. (от Ломоносова до Пушкина). Предпринятое им издание сочинений Г.Р. Державина «с объяснительными примечаниями» (1864–83) стало образцом для научных изданий русских классиков. Печатал статьи по истории шведской и финской литературы, по скандинавскому фольклору и мифологии, а также переводы скандинавских поэтов.

С., вероятно, был знаком с Г. по их совместной работе в комитете Литературного фонда, членом которого писатель избирался в 1871–77. 10 марта 1871 в связи с похоронами Ф.М. Решетникова С. обратился за содействием к Г., тогда председателю фонда: «Прошлою ночью умер известный литератор Ф.М. Решетников, не оставив после себя ни копейки, так что нечем похоронить его. Податель сего, брат его, просит о выдаче из Литературного фонда 100 р. на похороны. Я, с своей стороны, имею честь покорнейше просить Вас об удовлетворении просителя до собрания заседания» (18-2, с. 70). На письме имеется помета Г.: «Дано г. Каргополову сто рублей. Я. Грот» (18-2, с. 70). В 1872 в газете «Новости» была опубликована памфлетная заметка, в которой приводились данные, порочившие деятельность членов Литературного фонда, в том числе Г. и С. (№ 328, 26 дек.). После разбирательства ревизионная комиссия фонда пришла к выводу, что материал фельетона «не соответствует действительности» (18-2, с. 131).

Литература

Труды Я.К. Грота: в 5 т. СПб., 1898–1903;
Памяти академика Якова Карловича Грота // Сб. ОРЯС, т. ХС, № 3. СПб., 1913; *Виноградов В.В.* Русская наука о русском литературном языке // Учен. записки МГУ, 1946, вып. 106, т. 3, кн. 1, с. 22–147;

Брокгауз, т. 9А, с. 777–778; Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды: биобиблиографический словарь: в 3 т., т. 1. Минск, 1976, с. 85–89; Иванов Ю.Ф. Грот // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979, с. 136.

Г.В. Маркелова

■ **Гумбольдт** (*Humboldt*) Александр Фридрих Вильгельм Генрих (14.09.1769, Берлин – 6.05.1859, там же), барон, немецкий естествоиспытатель, зоолог, географ, путешественник. Член Берлинской, Прусской, Баварской академий наук, почетный член Петербургской академии наук. По материалам экспедиции в Латинскую Америку (1799–1804) кроме собственно научных трудов Г. опубликовал научно-популярную книгу «Картины природы» (1808, рус. перевод 1855). В 1829 совершил путешествие по России, побывав на Урале, Алтае и побережье Каспийского моря. Результаты поездки отражены в трехтомном труде Г. «Центральная Азия» (1843). Вершиной творчества Г. явился пятитомный труд «Космос» (1845–63), в котором ученый обобщил практически все знания о природе, выработанные наукой к середине XIX в.

С. упоминает о Г. как о высшем научном авторитете. В рецензии на «Курс физической географии» В. Петровского (1847) он писал: «Видно, что автор следит за успехами своей науки: в сочинение его вошли результаты всех изысканий Гумбольдта, Форстера, Скорезби, Лапласа, Кемтца, Буха, Гоффа и других» (1, с. 329). В полемической статье «Человек, который смеется» (1869) С. использовал имя Г., возмущаясь неуместным тоном автора статьи «Наши охранители и наши прогрессисты» В.П. Безобразова: «... можно подумать, что так говорит знаменитость вроде Гумбольдта или Гегеля, у которой накопилась в сердце боль от слишком далеко зашедших школьничеств разрезавшихся учеников» (9, с. 138–139). В «Дневнике провинциала в Петербурге» имя Г. появляется в контексте пародийной дискуссии «пенкоснимателей» о загадке итальянской природы: «... над кораблями реют какие-то неизвестные птицы... <... > – Позвольте! не об этих ли птицах писал Страбон? <... >. – Нет, это не те. Кювье же хотя и догадывался, что это простые вороны, однако Гумбольдт разбил его доводы в прах...» (10, с. 403). О смехотворности этой дискуссии свидетельствует, в частности, то, что мифологические представления о людях,

превращенных в птиц, которые ведут «в некотором роде человеческую жизнь» (*Страбон*. География: в 17 кн., кн. VI. М., 1964, с. 260), и научные аргументы – ссылки на Кювье и Гумбольдта – используются персонажами как равноценные.

Литература

Гумбольдт А. фон. Космос: Опыт физического мироописания: в 3 ч. М., 1862–1863; Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799–1804 гг.: в 3 т. М., 1963–1969;

Переезды с Александром Гумбольдтом по Сибири (1829) // РА, 1865, стб. 1011–1030;

Энгельгардт М. А. Александр Гумбольдт, его жизнь, путешествия и научная деятельность. СПб., 1891; Есаков В. А. А. Гумбольдт в России. М., 1960; Штадельбауер Йорг. Александр Гумбольдт и Россия // Релга: Научно-культурологический журнал, 2012, № 7 (245). [URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3193&level1=main&level2=articles>] [5.11.2016];

Брокгауз, т. 9А, с. 888–893.

Г. В. Маркелова

■ **Девериа́** (Devéria) Огюстина, французская актриса, играла в водевилях и комедиях в петербургском Михайловском театре (1860–68), олицетворяя бульварное направление в репертуаре. Дебютировала в ролях Общественного мнения и Венеры в оперетте Ж. Оффенбаха «Орфей в аду» (1859). Особенный успех имела в роли прекрасной Елены в оперетте Оффенбаха (премьера 9 апреля 1866, бенефис Д.), играя с «беззастенчивостью, свойственною чистокровной парижской кокотке» ([Толстой Ф. М.] Музыкальное обозрение // ОЗ, 1868, № 12, с. 343). Газеты иронизировали: «Это самая великая артистка из всех, какие только существуют в наши дни. Правда, что сфера ее таланта не особенно обширна – именно, она ограничивается только канканными и, если можно так выразиться, будуарными чувствами, – но зато в этой сфере она велика как никто. Выражение означенных чувств у m-elle Девериа простирается до гениального пафоса. <... > Я прославлю m-elle Девериа, несмотря на то, что она выражает одно чувство и даже не чувство, а ощущение» (СПбВед, 1866, № 102); «Говорили у нас, что французский Михайловский театр конкурирует с самой „Comedie Francaise“. Увы!

И там появилась Девериа, показала публике свои ляжки в трико, а грудь и спину в натуральном виде и затмила всех прежних исполнительниц французской сцены» (Бирюч Петроградских государственных театров, 1919, № 13–14, с. 138). «Прекрасная Елена» выдержала 32 представления в первые два месяца. П. Д. Боборыкин в романе «Жертва вечерняя» (1868) неоднократно упоминал Д., напр.: «Мне очень досадно, что я не в Михайловском театре. Девериа должна нынче канканировать»; «Подождать недельку, а там начнутся живые картины в Михайловском театре. Вот уж можно сказать: великопостные удовольствия. <...> В церквах звон; а Девериа в первое же воскресенье явится какой-нибудь нимфой с одним бантом, pour tout décor <вот и вся одежда>» (Боборыкин П. Д. Сочинения: в 3 т., т. 1. М., 1993, с. 29, 143). В конце 1868 Д. уехала во Францию, очевидно, из-за конкуренции с В. А. Лядовой в роли Елены.

С. упоминает Д. цикл «Признаки времени» (1868). В очерке «Легковесные» речь идет о молодых администраторах: «Загляните в Михайловский театр во время представления „La Belle Hélène“ – как они стонут, как плещут руками, как визжат при малейшем неосторожном движении, обнажающем корпус г-жи Девериа! Кто эти „они“? Это они, это строители нашего будущего!» (7, с. 53–54). В очерке «Хищники» один из персонажей предлагал съесть всех обывателей, а когда они закончатся, есть друг друга. Его оппонент ставит каверзный вопрос: «Глупенький! да ты предположи, что этот оставшийся – ты! Что ж ты делать будешь? ведь ты всех переешь, ты даже Деверию съешь – куда же ты денешься?» На это следует ответ, что «было бы более нежели прискорбно», если бы кто-нибудь «был вынужден на такую печальную и радикальную меру», как «съесть Деверию». Самой страшной оказывается перспектива, когда «на всем земном шаре останется только один хищник сам-друг с г-жою Девериа» (7, с. 144, 145). Русифицированная и склоняемая фамилия актрисы – Девериа – подчеркивает особенности ее низменного восприятия массовым сознанием. Завершается этот процесс трансформации имени Д. в очерке «Ташкентцы приготовительного класса. Параллель третья» (1872, цикл «Господа ташкентцы»), где имя собственное становится нарицательным обозначением содержанки: офицер Отпетый «такую „деверию“ завел, что вся кавалерия смотрит да зубами щелкает»; «... какой у них аукцион насчет этих деверий-камелий идет!» (10, с. 198, 202).

Литература

Янковский М. О. Оперетта. Возникновение и развитие жанра на Западе и в СССР. М.; Л., 1937, ч. 3, с. 219–225.

М. В. Строганов

■ **Дмитриев** Иван Иванович (10.09.1760, село Богородское близ Сызрани, Казанской, впоследствии Симбирской, ныне Самарской губ. – 3.10.1837, Москва), поэт, критик, мемуарист; член Российской академии (1797); государственный деятель: сенатор (1806), член Государственного совета (1810), министр юстиции (1810–14). С 1805 отошел от активного литературного творчества, продолжая изредка публиковать стихи, которые воспринимались новыми поколениями как произведения автора «Екатеринина века» (Куприянова, с. 125).

Строки из патриотической оды Д. «Освобождение Москвы» С. сделал эпиграфом к очерку «Дети Москвы» (1877): «В каком ты блеске ныне зрима, Княжений, царств великих мать! Москва! России дочь любима! Где равную тебе сыскать! <... > Твои сыны, питомцы славы, Прекрасны, горды, величавы, А девы – розами цветут...» С. упоминает Д. в иронически окрашенных воспоминаниях рассказчика об учебе в московском заведении, готовившем из дворянских отпрысков «питомцев славы»: «С наслаждением, полным благоговения, декламировал я стихи Ивана Ивановича Дмитриева, не упуская при этом из вида, что автор их, сам сын Москвы, был в свое время министром юстиции. Меня не смущала даже странность, оказывавшаяся при синтаксическом разборе первого четверостишия, а именно, что, по своеобразной генеалогии, придуманной поэтом, Россия, будучи матерью Москвы, становится бабушкой относительно княжений и царств. Напротив, это казалось даже трогательным. Ежели мать – баловница по ремеслу, то для бабушки и придумать другое занятие трудно. Каких желать лучших условий для процветания княжений!» (12, с. 370). В этом очерке писатель критикует систему дворянского образования и воспитания, культивировавшую ура-патриотические настроения. С. показывает, что этой цели служили и такие стихотворения, как «Освобождение Москвы». С. выступал против подмены патриотизма верноподданничеством, «доходящим до фанатизма» (5, с. 389). Именно так показаны настроения экзальтированного «отрока», иронически описанного в «Детях Москвы». С. утверждает, что гипертрофическое выражение патриотических чувств не имеет ничего общего с истинной любовью к родине, которая в человеке «сама по себе так жива и естественна, что не требует никаких подстрекательств» (5, с. 389).

В программу обучения в Московском дворянском институте, вероятно, входили и другие произведения Д., которые помнил С. Стихот-

ворение «Всех цветочков боле розу я любил...» цитируется в очерке «Он!!» (1873, цикл «Помпадуры и помпадурши»): «...на счастье прочно Всяк надежду кинь...» (8, с. 147).

Литература

Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь: в 3 ч. М., 1866; *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1967; *Дмитриев И. И.* Сочинения. М., 1986; *Вяземский П. А.* Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева // *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. т. 1. СПб., 1878, с. 112–116; *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998; *Куприянова Е. Н.* Дмитриев и поэты карамзинской школы // *История русской литературы*, т. 5, ч. 1. М.; Л., 1941, с. 124–130; *Лотман Ю. М.* Поэзия 1790–1810 годов // *Поэты 1790–1810 годов*. Л., 1971, с. 5–62; РБС, т. 6, с. 438–454; *Песков А. М.* Дмитриев // *Русские писатели*, т. 2, с. 122–125.

Г. В. Маркелова

■ **Забелин** Иван Егорович (17.09.1820, Тверь – 31.12.1908, Москва), историк, археолог, член-корреспондент (1884), почетный член Императорской Петербургской академии наук (1907), председатель Общества истории и древностей российских (1879–88); фактический руководитель Исторического музея в Москве, коллекционер. Публикатор документов по истории быта русского народа XVI–XVIII вв. и по истории Москвы, автор исследований, отличающихся верой в самобытность и творческие силы русского народа. Наиболее известны такие исследования З., как «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.» (1862), «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.» (1869); «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время» (1883) и др. Был дружен с К. Т. Солдатёнковым, который стал издателем многих его сочинений.

Имя З. появляется в двух письмах С., адресованных В. М. Соболевскому в связи с переговорами о возможности продажи Солдатёнкову права на издание своих сочинений. Переговоры затягивались, что тревожило С., и он побуждал Соболевского к скорейшему окончанию дела. При этом С. упоминает о З. как о лице, имеющем на издателя наибольшее влияние: «Я слышал, что главный деятель у Солдатенкова не Корш, а Забелин» (1–5 янв. 1886: 20, с. 239); то же и в письме от 9 января 1886:

«Теперь я узнал, что главный заправило у Солдатенкова не Корш, а Забелин...» (20, с. 240). Из этого можно заключить, что С. либо подозревал З. в неблагоприятном для себя вмешательстве в переговоры с Солдатёнковым, либо обращал внимание Соболевского на то, с кем в ходе этих переговоров действительно следует иметь дело. Несмотря на все усилия, переговоры окончились безрезультатно.

Литература

Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001;

Трубачев С. С. Пятидесятилетие ученой деятельности И. Е. Забелина // ИВ, 1892, т. 48, № 6, с. 746–757; Кузьминский К. С. И. Е. Забелин и его печатные работы. М., 1912;

Брокгауз, т. 12, с. 93–94; Иван Егорович Забелин: Библиографический указатель. М., 1988.

Г. В. Маркелова

■ **Карамзин** Николай Михайлович (1.12.1766, Знаменское, Симбирская губ. – 22.05.1826, Петербург), писатель, историк, журналист, один из крупнейших деятелей в истории русской культуры. Автор «Писем русского путешественника» (1791–92), первого русского травелога, познакомившего отечественных читателей с интеллектуальной, культурной и общественной жизнью Европы. Основположник сентиментального направления в русской литературе («Бедная Лиза», 1792; «Наталья, боярская дочь», 1792; «Остров Борнгольм», 1794; «Чувствительный и холодный. Два характера», 1803 и др.), издатель «Московского журнала» (1791–92) и ВЕ (1802–03), альманахов «Аглая» (1794–95), «Аониды» (1796, 1797, 1799), «Пантеон иностранной словесности» (1798). «Историю государства Российского» (1803–26), один из первых обобщающих трудов по истории России, А. С. Пушкин назвал «не только созданием великого писателя, но и подвигом честного человека» (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т., т. XI. [М.; Л.], 1949, с. 57). По своим общественно-политическим убеждениям К. был монархистом и консерваторм, что выразилось в предназначавшейся для Александра I «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811).

С. обращался к К. на протяжении всей жизни. Он называет или цитирует его прозаические и стихотворные произведения: «Трио-

лет Лизете», «Прости» (Кто мог любить так страстно...), эпитафия, «Бедная Лиза», «Цветок на гроб моего Агатона», «Марфа-посадница»; неоднократно упоминает о К. как историке, встречается у него название альманаха «Аонида», читал он и «Записку о древней и новой России». Впервые С. познакомился с произведениями К. в Московском дворянском институте, где обучение русской словесности включало «чтение Карамзина с разбором периодов» и «подражания из Карамзина и других новейших писателей» (Макашин I, с. 90). Внушавшаяся воспитанникам мысль, что К. – «наш лучший русский писатель» (17, с. 149), получила в текстах С. ироническое наполнение. В социальном отношении его имя символизировало защиту старых устоев, крепостничества в частности, в эстетическом смысле было знаком сентиментальной литературы. К. выступает в текстах С. как родоначальник школы «настеганной» чувствительности (2, с. 475). Само понятие *чувствительность* у С. связывается с реалиями крепостного времени. В рецензии 1864 на брошюру «О добродетелях и недостатках» и ряд других изданий, именуемых «стрижиной литературой», С. писал: «Прежнее русское общество было само очень чувствительно; воспитанное на почве крепостного права, оно любило отдых за картинками содержания чувствительного и аккуратного» (5, с. 460–461; см. также очерк «Скрежет зубовный», 1860: 3, с. 360). Сарказм в отношении «карамзинской школы» ярко выразился в образе глуповского градоначальника Эраста Грустилова, который отличается «нежностью и чувствительностью сердца» и аттестован как «друг Карамзина» (8, с. 279). См. также ироническую формулу: «воркование школы Карамзина и Жуковского» (12, с. 259).

Однако сатирический запал С. направлен не столько на самого К. сколько на современные литературно-общественные тенденции: по его мнению, с К. лишь начинаются «опыты обращения русской литературы в „Лизин пруд“ <...> но никогда они не были так настоятельны, никогда не лезли так напролом, как в настоящее время» (5, с. 460). Одной из характерных черт карамзинской школы С. считал попытку изображения «русского мужика» как нового литературного типа, но замечал, что такая литература «одним прикосновением к мужику превращает мужика в пейзажника» (9, с. 30). Поэтому он упрекал Н. Н. Златовратского за употребление языка, немислимого «в отношении к крестьянскому быту», и предлагал воздержаться от «латинской», т. е. устаревшей, мертвой конструкции, «которая с успехом употреблялась Карамзиным, но давно уже оставлена» (письмо от 26 мая 1882: 19-2, с. 114).

Повесть К. «Бедная Лиза», символизирующая «убежище сладких звуков и молитв» (13, с. 644), трактуется у С. как эталон устаревшей литературы, далекой от проблем действительной жизни, литературы, которая «давно уже не представляет достаточного материала для сравнения» (13, с. 488). Другим образцом сентиментального творчества оказывается прозаическая элегия К. «Цветок на гроб моего Агатона» (1793). Имя Агатона С. использует как ироническую характеристику героя, «который не ел и не пил, а только проливал слезы» (5, с. 461), и сатирически утрирует текст, переадресуя это имя субъекту речи, т. к. слезы об умершем друге проливает именно он. Начальные строки элегии: «Нет Агатона!... Нет моего друга!» приобретают статус чувствительной формулы (6, с. 8), которая пародийно обыгрывается в рассказе «Он!!» (1873, цикл «Помпадур и помпадурши»), где использована для обрисовки плачевных перспектив отставного помпадур (8, с. 146). Слово К., сохраняя отголосок своего высокого значения, переводится в низменный социально-бытовой план, и на этом совмещении несовместимого основан сатирический эффект. Как знак архаичной литературы и устаревших понятий С. использует и название альманаха К. в словосочетании «современники „Аонид“» («Насущные потребности литературы», 1869: 9, с. 101–103).

С., которому некогда внушали мысль о «пленительности» прозы К. («... когда Карамзин пленял своей прозой»: 10, с. 313), иронизировал над его стилем. В «Пошехонской старине» герой-школьник рассказывает о любимых уроках: «У нас сочинения задают, переложения, особливо из Карамзина. Это наш лучший русский писатель. „Звон вечерового колокола раздался, и вздрогнули сердца новгородцев“ – вот он как писал! Другой бы сказал: „Раздался звон вечерового колокола, и сердца новгородцев вздрогнули“, а он знал, на каких словах ударение сделать!» (17, с. 149) – порядок слов в первом варианте конструкции выступает как свидетельство стилистического мастерства. Этот пассаж пронизан иронией, непонятной с первого взгляда. С. цитирует повесть К. «Марфалпосадница, или Покорение Новагорода». Но у К. буквально сказано: «Раздался звук *вечерового колокола*, и вздрогнули сердца в Новегороде», т. е., по С., фраза построена так, как сделал бы это любой дюжинный писатель, – таким образом похвала оказывается насмешкой. Этот фрагмент обсуждается и в очерке 1872 «Ташкентцы пригготовительного класса. Параллель третья» («Господа ташкентцы»: 10, с. 176).

Вместе с тем сама интенсивность обращения С. к имени и текстам К. свидетельствует об актуальности его фигуры. Несмотря на консерватизм общественно-политических взглядов, эстетическое несовер-

шенство и архаичность текстов К., С. воспринимал его как значительное явление и признавал его влияние на литературу.

Литература

- Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л., 1964; Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1966; Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984; Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М., 1989–1998; Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991;
- Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1885; Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987; Пивоваров Ю.С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991, с. 3–15; Карамзин: Pro et Contra. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: Антология. СПб., 2006; Строганова Е.Н. «...Наш лучший русский писатель»: Н.М. Карамзин в текстах М.Е. Салтыкова-Щедрина // Чувствительность в литературе, искусстве, культуре XVIII–XIX вв. (в печати);
- Лотман Ю.М. Карамзин // Русские писатели, т. 2, с. 470–477.

Е.Н. Строганова

■ **Кожанчиков** Дмитрий Ефимович (1820/1821, Москва – 7.12.1877, Петербург), книгопродавец и издатель. Имел книжные магазины в Петербурге (с 1858), Варшаве, Казани, Харькове, Одессе. Выпускал произведения современных писателей (И.А. Гончарова, Т.Г. Шевченко, А.Н. Островского, А.Ф. Писемского и др.), исторические труды и памятники древнерусской и раскольничьей литературы. В 1867–70 издавал педагогический журнал «Учитель».

В 1860-е был близок к революционно-демократическим кругам. Привлекался к дознанию по делу о сношениях с «лондонскими пропагандистами» (1862) и с этого времени состоял под негласным надзором полиции; приговором Сената был освобожден от суда (1864). Кроме книжной К. занимался и другой промышленной деятельностью, но неудачно. В последние годы жизни, разорившись, служил в администрации, управлявшей фирмой «А. Черкесов и К». Умер в бедности.

Книжный магазин К. упоминается в сатире С. «Характеры» (1860): «Тот же философ, остановясь против книжной лавки Кожанчикова,

сказал: – „Отечественные записки“ походят на упраздненную Бурсу. Не слышно в пустынном здании кликов Бургия; даже веселый Дудышкин более молчит, нежели проричает; но запах щей и гороховицы столь сильно въелся в стены и потолок, что не заглушат его своими благовониями ни Благосветлый-Басистов, ни Басистый-Благосветлов» (4, с. 197). С. не случайно помещает своего критика-философа «против книжной лавки Кожанчикова»: именно около этого блестящего магазина, считавшегося лучшим в Петербурге, группировалась почти вся либеральная пресса. В данном случае С. иронизирует над одним из главных либеральных журналов – ОЗ А. А. Краевского и С. С. Дудышкина. Свою критику он направляет на ясно определившееся движение либеральной журналистики к «правым позициям», «к реакции и охранительству» (4, с. 541).

Фамилия К. упоминается также в библиографическом описании рецензируемого С. издания: «Говоруны. Комедия в четырех действиях И. А. Манна. Издание Кожанчикова. СПб. 1868» (9, с. 319).

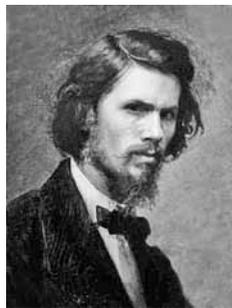
Литература

Костомаров Н. Воспоминание о Д. Е. Кожанчикове // НВ, 1877, 20 дек.;

Толстяков А. П. Начало издательской деятельности Д. Е. Кожанчикова (125 лет) // Памятные книжные даты: 1983. М., 1983, с. 275–279; Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург – Ленинград. Л., 1986, с. 419–422;

РБС, т. 9, с. 34; Деятели рев. движ., т. 1, ч. 2, стб. 174.

Г. В. Маркелова

■ **Крамской** Иван Николаевич (27.05.1837, Острогожск Воронежской губ. – 24.03.1887, Петербург), живописец, портретист. Выходец из мещанской семьи. Учился в острогожском уездном училище, с детства занимался рисованием. В 1853 поступил в ретушеры к харьковскому фотографу и в течение трех лет объехал с ним «большую половину России, в качестве ретушера и акварелиста» (Крамской, с. 4). В 1856 служил ретушером у петербургских фотографов.

В 1857–63 учился в Академии художеств. Будучи претендентом на получение большой золотой медали, отказался писать картину на заданную тему («Пир в Валгалле») и в 1863 вместе с другими товарищами вышел из Академии. Один из главных организаторов Художественной артели и Товарищества Передвижных выставок.

В отзыве на первую выставку передвижников (1871) С. иронически высказался о возможностях «эстетического воспитания обывателей», но отметил «несомненную» пользу передвижных выставок (9, с. 225). Он приветствовал «эстетическую сдержанность» выставки, которая произвела «самое приятное впечатление» (9, с. 227) и высоко оценил работы К. «Майская ночь», «Охотник на тяге» и «Голова мужика»: «Все эти картины прекрасны» (9, с. 233).

В 1877 К. начал работу над портретом С. по заказу П. М. Третьякова, которому сообщал 22 января: «Салтыков (Щедрин) в среду уже будет у меня, начинаем» (Переписка И. Н. Крамского, с. 181). В начале работы Третьяков высказал пожелание относительно изображения фигуры писателя: «Мне кажется, его следовало бы писать с руками. Дай бог, чтобы вышел удачен» (Переписка И. Н. Крамского, с. 181). В марте 1877 К. полагал, что портрет «почти кончен»: «В живописи не Бог знает что, но похож будет» (Переписка И. Н. Крамского, с. 185). В прессе сообщалось: «Портрет Салтыкова почти окончен и может быть назван вполне прекрасным» (НВ, 1877, 1 апр., № 390, с. 2). Но сам К., видимо, был не вполне доволен портретом и еще в течение двух лет перерабатывал его. 29 марта 1877 он писал Третьякову об изменениях: «Есть большая перемена в фигуре, и кажется лучше: стола вовсе не существует, и обе руки находятся налицо» (Переписка И. Н. Крамского, с. 186). Задержку передачи портрета в галерею художник объяснял тем, что делал копию для С. (Переписка И. Н. Крамского, с. 252). Передача портрета состоялась в 1879, и Третьяков полагал, что в галерее он «стал еще лучше» (Переписка И. Н. Крамского, с. 254).

О внешнем сходстве портретного изображения вспоминала Е. С. Некрасова, говоря о своей первой встрече с С.: «Я вдруг увидела совсем новое лицо, новое и в то же время хорошо знакомое – я тотчас узнала, что это Салтыков. Он очень похож на портрет, сделанный Крамским» (С. в восп., т. 1, с. 284). Второй портрет (погрудное изображение) находился в доме С., о чем вспоминал К. М. Салтыков (*Салтыков К. М. Интимный Щедрин*. М.; Пг., 1923, с. 78). М. И. Семевский писал о местоположении портрета в доме писателя: «... в гостиной, над диваном, висит превосходно писанный Крамским портрет Михаила Евграфовича» (ЛН, т. 13–14, с. 525).

Сохранилось единственное письмо К. к С. от 21 ноября 1884, написанное под «громادным» впечатлением от сказки «Карась-идеалист»: «Никогда еще мне на столь малом пространстве не давали современные писатели так много содержания и такого глубокого интереса; мало того, это до такой степени высокохудожественно, что

я не могу прийти в себя от удивления! Сказка, не более, как сказка, а между тем – высокая трагедия!» (Крамской, с. 499). Ответ С. на это письмо неизвестен.

Отзываясь на смерть художника, С. писал Н.А. Белоголовому 26 марта 1887: «Крамской умер <...> и его очень жаль, хотя лично я его почти не знал. Он двукратно снимал с меня портреты по заказам, но вообще даже во время моей болезни ни разу меня не посетил. Во всяком случае, это был человек с талантом, имел вкус и чувство меры, а этим обладают немногие из наших живописцев, вообще людей невежественных и страдающих самомнением. Умер он прекрасно, то есть внезапно...» (20, с. 321).

Портрет кисти Крамского упоминался в описании панихиды по С.: «Тело покоится в довольно большой зале... На левой стене портрет покойного, работы Крамского; направо в углу другой портрет, сделанный гуашью» (РВед, 1889, 30 апр., № 117, с. 1).

Литература

Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. 1837–1887. СПб., 1888; Переписка И.Н. Крамского. И.Н. Крамской и П.М. Третьяков. 1869–1887. М., 1953;
Эттингер П.Д. Салтыков в изобразительном искусстве // ЛН, т. 13–14, с. 555–568; Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и в искусстве. М., 1951, с. 97–98; Гольдштейн С.Н. Иван Николаевич Крамской. Жизнь и творчество. М., 1965, с. 167–168.

И. Ю. Матвеева

■ **Лебедев** Стефан Исидорович (1817–16.04.1882, Петербург), филолог, цензор. Окончил Главный педагогический институт, где в 1842–59 преподавал русскую словесность (с 1851 профессор). Параллельно преподавал в Главном инженерном училище (1844–48) и др. Считался одним из лучших педагогов, однако отзывы о нем разноречивы. Рядовые выходцы из семинаристов видели в Л. «дельного» преподавателя, более развитые и пытливые студенты относились к нему критически (Златовратский А.П. Из воспоминаний // Н.А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1986, с. 123, 125–126). Добролюбов отзывался о Л. издевательски-насмешливо (Добролюбов Н.А. Заметки и размышления по поводу лекций Степана Исидоровича Лебедева // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: в 9 т., т. 8. М.; Л., 1964, с. 575–596). Немногочисленные историко-литературные работы Л. оцениваются специалистами как «ничтожные» (Егоров Б.Ф. Приме-

чания // *Добролюбов Н.А.* Указ. соч., т. 8, с. 679). В 1858 Л. становится ревизором учебного комитета Синода, в 1860–65 также и цензором Петербургского цензурного комитета. Согласно свидетельству современника, Л. был «после Бекетова наиболее снисходительным и понимающим свое дело» цензором, и некоторые редакции, например БДЧ, просили назначить его «предпочтительно пред другими» (*Рудаков В.Е.* Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения // ИВ, 1911, № 8, с. 521).

Л. было поручено цензурировать январско-февральскую хронику цикла С. «Наша общественная жизнь» (1863), посвященную теме нравственного распада в эпоху общественной реакции. В этом очерке С. обличает готовность экс-либералов ради демонстрации своей «благонамеренности» шельмовать прогрессивную молодежь («нигилистов», «мальчишек»). Статья предназначалась для книжки Совр., выходявшей после восьмимесячной приостановки журнала «за вредное направление». В связи с этим цензура проявила особую осторожность, и по распоряжению председателя цензурного комитета очерк поступил на отзыв сразу трем цензорам, в т. ч. Л. В отзыве от 27 января 1863 Л. отмечал, что у С. под благонамеренными «разумеются консерваторы», под нигилистами и мальчишками – «крайние, неверующие, самые красные». Цензор подчеркивал, что, по мнению С., именно настоячивые действия и требования «нигилистов» и «мальчишек» побудили правительство к преобразованиям и именно им Россия обязана нововведениями текущего времени. «... Последнюю мысль, – заключает Л., – я предполагаю необходимым исключить вместе с другими отдельными мыслями и выражениями в 34 местах <...> остальное за тем, не представляющее ничего резкого и грубого, можно бы дозволить печатать» (ЛН, т. 13–14, с. 134). После поправок, в основном соответствовавших указаниям цензора, статья С. была опубликована.

Литература

Жирков Г.В. От цензоров-профессионалов – к тайным цензорам // У мысли стоя на часах... : Цензоры России и цензура. СПб., 2000, с. 3–23;

Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г., Фут И.П. Цензоры Санкт-Петербурга (1804–1917): Аннот. список // НЛО, 2004, № 69, с. 364–392.

Г.В. Маркелова

■ **Лемётр** (Lemaître) Антуан Луи Проспер (21.07.1800, Гавр – 26.01.1876, Париж), великий французский актер, прославившийся под сценическим именем *Фредерик-Леметр*, драматург. Исполнитель роли

Робера Макэра (Robert-Macaire) в пьесе Б. Антье, Ж.-А. Сент-Амана и Полианта «Постоялый двор Андре» (1823). Образ Робера Макэра, беглого каторжника, убийцы и мошенника, стал «целиком порождением» актера, который своими находками превратил заурядную мелодраму в комедию, «шарж на мелодраму», имевший огромный успех (*Финкельштейн*, с. 42, 45). В 1834 сам Л. в соавторстве с Антье, Сент-Аманом, А. Оверне и М. Алуа написал пьесу «Робер Макэр» (1834), где герой, «вор, шулер, мошенник и спекулянт <...> становится уважаемым членом общества <...> Образ этого проходимца, достигающего жизненно-го благополучия путем темных афер, профанирующего самые высокие человеческие чувства, в сознании современников стал олицетворением эпохи» (*Финкельштейн*, с. 128). В 1836–38 О. Домье печатал в журнале «Шаривари» серию карикатур с комментариями (позже вышли отдельным изданием под общим названием «Сто один Робер Макэр»), где герой являлся в облике адвоката, коммерсанта, финансиста, врача, судьи, педагога (История западноевропейского театра, с. 301).

С. в письмах дважды упоминает имя Робера Макэра. 16 января 1860 он спрашивает П. В. Анненкова о П. И. Мельникове-Печерском: «... Правда ли, что Мельникова не допустили даже баллотироваться в члены Общества вспомоществования б<едным> литераторам? и что Тургенев по этому случаю держал речь, в которой публично заявил некоторые не совсем опрятные факты из жизни этого Robert-Macaire'a. Если это правда, то мне все-таки жаль Мельникова, потому что если он и подлец, то подлец не злостный, а по приказанью» (18-1, с. 224). В письме к Анненкову из Парижа С. делится своими театральными впечатлениями: «... Был раз 10 в театре и между прочим вчера видел «Robert-Macaire» и в ней прославленного Gil-Naza. Нашел, что это посредственность – не больше. Dailly-Бертрам паясничает, чему пьеса дает полный повод...» (20 сент./2 окт. 1880. – 19-1, с. 173). Главную роль в пьесе исполнял Жиль-Наз (наст. имя Давид Антуан Шапулад, 1825–99), и, как видно по отзыву, его игра не произвела впечатления на С.

Литература

История западноевропейского театра: в 8 т. М., 1963, т. 3, с. 293–302; Финкельштейн Е. Л. Фредерик-Леметр. Л.: Искусство, 1968.

Е. Н. Строганова, В. И. Юхнович

■ **Луи-Филипп** (Louis-Philippe; Людовик-Филипп, Людвиг-Филипп; 6.10.1773, Париж – 26.08.1850, Клермонт, Англия), герцог Орлеанский, король Франции (1830–48) из младшей ветви династии Бурбонов. Был

воспитан на идеях просвещения и усвоил либеральный образ мыслей. Во время Великой французской революции вслед за своим отцом, герцогом Филиппом Орлеанским, отказался от титула и принял именование гражданина Эгалите, был членом якобинского клуба. В 1791–93 сражался в революционных войсках. После измены своего начальника, генерала Дюмюрье, вынужден был покинуть Францию. Жил в эмиграции, окончательно вернулся на родину в 1817, после укрепления Бурбонов, с которыми примирился в эмиграции. В период Реставрации поддерживал связь с оппозиционно настроенными кругами крупной буржуазии, но вел жизнь частного человека, заботясь о благосостоянии своей семьи. Во время Июльской революции 1830 сторонники Л. («орлеанисты») добились провозглашения его королем; крупный финансист и землевладелец, Л. стал «королем-буржуа». Он прошел церемонию гражданской коронации и принял присягу на верность новой конституции (Ревякин 1992, с. 94). Правительство Л. предпринимало шаги, способствовавшие экономическому подъему Франции (Европейская модернизация, с. 271–278), проводило либеральные реформы в области избирательного права и судопроизводства, но противилось введению всеобщего избирательного права. Различные политические силы и разные слои населения требовали дальнейших реформ. Л. обвиняли в том, что он сконцентрировал в своих руках всю полноту власти и действовал в интересах финансовой буржуазии. Король, поддерживаемый влиятельным министром его правительства Ф. Гизо, всячески сторонился политических реформ. Вызывала недовольство и его миролюбивая внешняя политика, в которой общество усматривало пренебрежение национальными интересами страны и ущемление достоинства Франции (Ревякин А. В. История международных отношений в новое время. М., 2004, с. 119–120). На жизнь Л. было совершено множество покушений. Экономический кризис 1847 вызвал резкое недовольство властью. 24 февраля 1848 Л. подписал отречение от престола, во Франции была провозглашена республика. Королевская семья эмигрировала в Англию.

С. многократно упоминает Л. в своих сочинениях, но делает это, как правило, с целью развития или конкретизации размышлений по поводу российской действительности. Особенно это характерно для цикла «Наша общественная жизнь» (1863). В январско-февральской хронике С. упоминает Л. в связи с А. А. Краевским, издателем

ОЗ и газеты «Голос»: «Совсем другое дело, если я вижу человека, таинственно пробирающегося в редакцию газеты „Голос“; тут я прямо говорю себе: нет, это человек неблагонамеренный <...> ибо знаю стойкость убеждений Андрея Александрыча и очень помню, как он, еще в 1848 году, боролся с Луи-Филиппом и радовался падению царства буржуазии» (6, с. 10). Ирония состоит в том, что Краевский, которого С. наделяет республиканскими взглядами, в 1848 выражал сочувствие «несчастному, испытанному всякими бедствиями королю Луи-Филиппу» и оценивал свергнувшую его французскую революцию как «ниспровержение всех государственных и общественных оснований» силами «уличных бродяг» (цит. по: 6, с. 572). В результате «антибуржуазность» Краевского оборачивается приверженностью монархии, а его «неблагонамеренность» оказывается верноподданничеством. Так С. выявляет истинное лицо русской либеральной прессы, смыкающейся с правительственной реакцией. Иронично обрисована фигура Л. в апрельской хронике при сравнении «храбрости» уездного судьи и маршала Бюжо, «который некогда советовал Луи-Филиппу бомбардировать Париж (ах, если б я его послушался! – тосковал, называют, этот король в своем уединении) <...> Бюжо советовал бомбардировать только Париж, а мой судья постоянно бомбардировал... страшно сказать! – бомбардировал справедливость!» (6, с. 57). Это сопоставление показывает, что неправомерные действия представителей российского правосудия подрывают у граждан веру в закон и по своим глубинным последствиям могут быть разрушительнее, чем насильственные действия власти. В майской хронике «Нашей общественной жизни» и в очерке «Сенечкин яд» (1869) перечисление французских монархов используется для осмеяния беспринципности и низкопоклонства «русских гулящих людей за границей», с их «космополитизмом», направленным «в сторону целования плечиков»: «Был во Франции Карл X – русский гулящий человек называл его королем-рыцарем и боготворил; был король Людовик-Филипп – гулящий человек называл его образцом семейных добродетелей и боготворил...» (6, с. 102). Общеизвестная любовь Л. к своей семье была в глазах французов одним из проявлений его «буржуазности», но они считали, что преданность Л. семье побеждает преданность интересам Франции. Русские же «гулящие люди», оторвавшиеся от интересов и нужд своей страны и «боготворящие» Францию в лице ее королей, на первый план выдвигают достоинства Л. как семьянина. С. высмеивает близорукую позицию русских космополитов, опасную для российского общества.

В очерке «Зиждитель» (1874, цикл «Помпадурсы и помпадурши») С. сравнивает положение российской прессы до и после реформы. Он пишет, что необходимость обходить цензурные препоны вынуждала дореформенную прессу рассматривать российские проблемы не прямо, а отраженно, т. е., говоря о Франции времен Л., отсылать читателя к аналогичным явлениям в жизни России: «Как ни слаба была связь между мной и Луи-Филиппом, но мне было лестно, что русская журналистика не одобряет его внутренней политик. <...> я кричал: à bas Louis-Philippe! <Долой Луи-Филиппа!> <...> хотя лично ничего от того не выигрывал, что Луи-Филипп был 24 февраля 1848 года уволен без прошения в отставку. Выигрывал не я, а мое мирозерцание, выигрывали те политические и общественные идеалы, к которым я себя приурочивал» (8, с. 198–199). Таким способом, как показывает С., прогрессивной прессе удавалось утверждать свои политические и общественные идеалы. Писателя возмущало молчание пореформенной прессы о насущных проблемах, свидетельствующее, что как выразитель общественного мнения она оказалась еще менее свободной, чем прежде: «Теперь у нас существуют всевозможные политические и общественные интересы. Все дано нам: и гласный суд, и земские учреждения <...> Тут-то бы и поговорить. <...> Ведь дело идет уж не о дотации герцога Немурского (напели мы за нее порядком Луи-Филиппу в свое время!), а о собственной нашей дотации, в форме гласностей, устных и т. п. А между тем никто ничему не радуется, никто ни о чем не печалится. <...> Словом сказать, вкус к французской буржуазии пропал, а надежда проникнуть, при содействии крестьянской реформы, в какую-то таинственную суть – не выгорела. И остался русский человек ни при чем, и не на ком ему свое сердце сорвать» (8, с. 199). Писатель выявляет еще одну функцию упоминаний в русской печати о Л., имя которого использовалось как своеобразный громоотвод для выражения общественного недовольства.

Нравственное лицо русской буржуазно-либеральной прессы сатирически осмысливается в IV главе цикла «Господа Молчалины» (1876). Олицетворением журналистики, желающей и выжить, и сохранить либеральный вид в условиях реакции, выступает издатель газеты «Чего изволите?» Молчалин 2-й, готовый на любые компромиссы с властями. Пытаясь высказать собеседнику свое политическое кредо, он упоминает короля Л. и намекает на солидарность с противниками монархии, однако делает это с оговорками, в конце концов сворачивая на то, что русский народ и республиканское правление несовместимы: «Ну да, конечно <...> разумеется, я... Само собой, что, по мнению моему,

республика... И в случае, например, если бы покойный Луи-Филипп... Однако согласитесь, что не при всех же обстоятельствах... Да и народы притом не все... Не все, говорю я, народы...» (12, с. 69–70). Ср. в варианте, не пропущенном цензурой: «И в случае, например, если б покойный Луи-Филипп... Однако согласитесь, что не для всех же народов республика пригодна! – Еще бы! – воскликнул я, – существуют народы, для которых и Управы Благочиния – за глаза довольно!» (12, с. 541).

Разговоры о короле Л. показаны у С. как беседы на одну из расхожих тем: о сомнительной легитимности Л. как монарха, о покушениях на Л. и, наконец, о его свержении. Вопрос о законности восхождения Л. на французский престол возникал, по-видимому, в связи с первоначальным решением Николая I не признавать легитимность Л., в котором он видел узурпатора трона, поддержанного революционным народом (Император Николай I и европейские революции, с. 530–531). Отсюда обывательские рассуждения персонажей С. о «ненастоящем» короле: «И что этим французам нужно? Был у них настоящий король – другого взяли. Теперь и этого не хотят» (17, с. 205: «Пошехонская старина», 1887–89); «... дядя сообщает, что во французского короля опять стреляли. <...> – Не понимаю, как другие государи в это дело не вступятся! – удивляется дядя. – Как вступить! Он ведь и сам ненастоящий!» (17, с. 234). Разговор о том, «законный или незаконный король Людвиг-Филипп», заканчивается оглядкой благонамеренных спорщиков на возможную реакцию властей: «... беседующие догадываются, что разговор принимает слишком вольный характер, и переходят к другим предметам» (17, с. 234).

С. представляет досужие пересуды о Л. рядовых дворян-обывателей: деревенских помещиков, столичных и уездных чиновников. В «помещичьих гнездах», до которых «мировые происшествия туго <...> доходили», узнают новости от приезжих: «Приедет исправник – и <...> всякие вести привезет <...> Что Людовик-Филипп на престол прародительский вступил – это они <исправники> первые узнали, а потом уж и пошло» (15-2, с. 50: «Пошехонские рассказы», 1883). В городе о французских событиях узнают из печати и рассуждают о них авторитетно: «Они следили за политикой и могли объяснить, почему в 1848 году Луи-Филипп пал» (16-2, с. 237: «Мелочи жизни», 1887). Если же газеты молчат, городские обыватели питаются слухами: «– А я давеча в лавке у Егорова слышал, что во французского короля опять стреляли, – возвещает он. – И я слышал, – подтверждает Клюквин. – Не знаю, читал я сегодня газеты, ничего там не пишут. – Писать не ве-

лено, даже разговаривать строго-настрого запрещено. Чтобы ни-ни. <...> А Егорову, слышь, дворецкий главнокомандующего сказывал» (17, с. 205). Этими рассуждениями персонажей о Л. писатель показывает, что сознание косной обывательской массы проникнуто идеей верноподданничества. Пересказы слухов о Л. свидетельствуют, с одной стороны, о том, что запретительные меры подстрекают любопытство обывателей, а с другой – что они воспринимаются как норма жизни.

В образованных кругах конец досужим разговорам о Л. кладет русско-турецкая война 1877–78: «Я рылся в воспоминаниях и спрашивал себя: о чем, в самом деле, мы до войны говорили? Говорили о короле Луи-Филиппе, о процессах, ознаменовавших его царствование <...> и переходили к Мирабо, Робеспьеру, Дантону и к декларации прав человека. <...> Бесспорно, это были темы очень благодарные, но для того, чтобы развивать их не торопясь, необходимо, чтоб окрест царствовал глубокий мир...» (12, с. 182: «На досуге», 1877). Здесь, как и в IV главе цикла «За рубежом» (1881), имя Л. олицетворяет послеиюльскую реакцию во Франции. В обоих очерках «королю-буржуа» противопоставлены люди передового мировоззрения: «Я в то время <...> примкнул <...> к тому безвестному кружку, который инстинктивно прилепился к Франции. Разумеется, не к Франции Луи-Филиппа и Гизо, а к Франции Сен-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж Занда. <...> тогда и Луи-Филипп, и Гизо <...> все это были как бы личные враги...» (14, с. 111–113). С. с горечью констатирует, что надежды, связанные со свержением Л. и с французскими революциями в целом, не оправдались: «И вот, в результате – республика без республиканцев, с сытыми буржуа во главе, в тылу и во флангах <...> и теперь продукты *suffrage universel* <всеобщего избирательного права>, заседающие в палатах, едва ли многим отличаются от продуктов *suffrage restreint* <ограниченного избирательного права>, которыми щеголяли *chambres introuvables* <<бесподобные палаты> парламента> времен Карла X и Луи-Филиппа» (14, с. 160). При таком положении дел облик Франции тускнел, и это не прибавляло оптимизма С. в его раздумьях о судьбах отечества.

Литература

Чернышевский Н. Г. Июльская монархия // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т., т. 7. М., 1950, с. 64–185;
Император Николай I и европейские революции // РС, 1904, т. 117, кн. 3, с. 529–544; Ревякин А. В. Французские династии: Бурбоны, Орлеаны, Бонапарты // Новая и новейшая история, 1992, № 4, с. 82–110; Гражданин-король // Европейская модернизация: в 2 кн., кн. 1. М., 2004, с. 267–287;

Таньшина Н.П. Орлеанистская Франция и «европейский концерт». 1830–1848 годы // Новая и новейшая история, 2005, № 3, с. 127–141; Брокгауз, т. 18, с. 235–236; Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа: Справочник. М., Вече, 1999. [URL: <http://www.bibliotekar.ru/encMonarhi/178.htm>] [10.09.2016].

Г. В. Маркелова

■ **Лядова** Вера Александровна (15.03.1839, Петербург – 5.04.1870, там же), певица (сопрано), балерина, артистка оперетты. Отец и дядя – дирижеры императорских театров. С 10 лет обучалась в Императорском театральном училище, с 1865 выступала в балетной труппе Петербургских императорских театров. С. видел Л. в фантастическом балете «Ундина, или Наяда» Ж. Перро на музыку Ц. Пуни. 7 ноября 1863 Л. танцевала партию Джиганнины. Критическую оценку балета как вида искусства С. дал в статье по поводу этого спектакля «Петербургские театры. „Наяда и рыбак“» (1864, напеч. 1868), но об игре танцоров он не говорит.

Как актриса Л. дебютировала в роли Анюты в водевиле «Барская спесь и Анютины глазки» (Александринский театр). Особый успех имела в заглавной роли в оперетте Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена» на Александринской сцене (премьера 18 окт. 1868; 42 представления в первый сезон): «Г-жа Л. в роли Елены была прелестна. Красота, соединенная с грацией, приятный серебристый голосок, соединенный с бойкой и развязной игрой, – все это вызывало нескончаемую бурю аплодисментов... Вообще русская Елена не только не ниже, но даже выше прославившейся Девериа» (ПЛ, 1868, № 149). Л. учла опыт О. Девериа; ее Елена была почти респектабельна: «„Прекрасную Елену“ она играла отнюдь не развратной бабенкой, которая, все сваливая на Венеру, не прочь от подвернувшегося Париса. Лядова изображала спартанскую царицу глубоко религиозной женщиной. Первая молитва к Венере дышала верой, ария „Кувырк“ – покорностью року <...> Крылов Виктор, переведивший либретто с французского, не передал основного авторского замысла: Елена должна исполнить веление неба и отдаться Парису. Лядова поправляла переводчика в этом отношении» (Гнедич 2000, с. 45).

Высоко оценивая игру Л., П. П. Гнедич писал: «Самое неприличное у нее – ее фотографические карточки, где она снялась с Па-

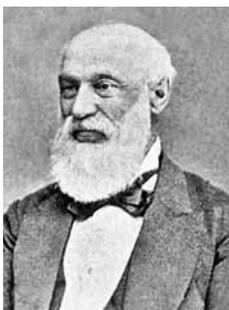
рисом в таких позах, которых никогда не позволяла себе на сцене. Это вызвало фарисейское негодование фельетониста „Петербургских ведомостей“, – но во всяком случае она была неизмеримо приятнее Девериа, игравшей эту роль на французской Михайловской сцене. О Шнейдер я уж и не говорю» (*Гнедич 2000*, с. 45). Фотограф Карл Бергамаско вывесил в витрине своего заведения на Невском проспекте две фотографии, которые поклонники Л. Охотно покупали. А. С. Суворин счел их «непристойными» и напечатал открытое письмо актрисе: «Вторая группа изображает ту сцену, когда Менелай застаёт свою Елену с Парисом en flagrant délit <в момент преступления>. Г. Сазонов держит вас в своих объятиях, и если бы я написал здесь, как он держит, как расположены его руки по вашему стану, то редактор „СПб. ведомостей“, наверное, вычеркнул бы это место; поэтому я и не распространяюсь, хотя у меня хватило бы смелости и искусства на описание этого положения, которое, как я опять должен заметить, вы воспроизводите на сцене в более скромном виде, или, лучше сказать, держите г. Сазонова на более скромной ноге» (*Суворин А. С. Письмо к Вере Александровне Лядовой // Суворин А. С. Театральные очерки. Пб., 1914, с. 272, 274*). После этого обличения другие издания защищали Л., поклонники подарили ей в знак своей любви бриллиантовую диадему, а фотографические карточки подорожали в 4 раза.

В «Господах Головлевых» речь заходит о «Прекрасной Елене» и об арии „Cas-ca-ader“ в исполнении французской певицы Лотар. Героиня замечает: «У нас давеча доктор все „кувырком“ пел». Собеседник отвечает: «„Кувырком“ – это покойная Лядова ... вот, кузина, прелесть-то была! Когда умерла, так тысячи две человек за гробом шли... думали, что революция будет!» (13, с. 84). Речь идет об одной и той же арии на французском и русском языке. Скоропостижная смерть Л. «страшно поразила весь театральный мир; опереткоманы совсем приуныли, лишившись самой блистательной представительницы каскадного жанра» (*Вольф А. Хроника петербургских театров. СПб., 1884, ч. III, с. 41*).

Литература

- Гнедич П. П. В. А. Лядова (К полувеку ее смерти – 24 марта 1870 г. ст. с.) // Бирюч Петроградских государственных театров. Сб. 2. Пг., 1921, с. 172–181; Гнедич П. П. Книга жизни: Воспоминания: 1855–1918. М., 2000;*
Корнакова М. Е. «Дзынь-ля-ля» // Балтийские сезоны: Действующие лица петербургской сцены: альманах // 2000, № 1, с. 91–94.

М. В. Строганов

■ **Максимович** Павел Павлович (26.11.1816, крепость Константиногорская Кавказской губ. – 1.07.1892, с. Шепелево Ярославской губ.), морской офицер, земский деятель, организатор педагогического образования в Тверской губернии. В 1848, после окончания Петербургского Морского кадетского корпуса и семилетнего преподавания в нем, оставил службу и занялся хозяйством в своих тверских имениях. Активно участвовал в проведении крестьянской и земской реформ, по своей инициативе и на собственные средства в 1870 открыл в Твери школу для подготовки народных учительниц, которой в 1872 было присвоено его имя. С 1882 была передана в ведение земства, стала первой в России женской учительской школой. В 1919 ее материальная база была передана Тверскому институту народного образования (с 1921 – педагогический институт, с 1971 – университет).

С. мог познакомиться с М. в Твери через А. М. Унковского. В 1858–59 М. был членом Тверского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, в котором, занимая умеренно-либеральную позицию, поддерживал партию Унковского и А. А. Головачева по всем основным вопросам крестьянской реформы. Несмотря на то, что М. в комитете защищал крестьян, в феврале 1860 он обратился к Унковскому как предводителю дворянства с просьбой посодействовать в деле о неповиновении четырех крестьян, которых супруга М. переселила из Ярославской в Тверскую губернию на более плохие земли («на песочки»). Дело затянулось, крестьяне не соглашались на уговоры и в результате оказались в тюрьме. Тверское губернское правление дважды принимало решение о посылке воинской команды для их усмирения, но 10 сентября 1860 тверской вице-губернатор С., выполнявший в отсутствие губернатора его функции, отменил решение об экзекуции, заметив, что «сии крестьяне находятся в тюрьме, и, следовательно, посылать команду для усмирения их некуда» (ГАТО, ф. 466, оп. 1, д. 89017, л. 24). По его же решению дело передали в Сенат, через 2 года крестьяне были освобождены.

С. знал о педагогической деятельности М.: доклад о школе за 1875 был опубликован в ОЗ (1877, № 4, с. 230–233). Со школой М. связано и первое цензурное предостережение ОЗ. В 1879 Г. З. Елисеев опубликовал во «Внутреннем обозрении» материал в защиту школы от гонений директора народных училищ Тверской губернии Н. Д. Малова (№ 1, с. 99–111) и поднял вопрос о взаимоотношениях земства и правительства. Именно эту публикацию член Совета главного управления

по делам печати Д. П. Скуратов считал наиболее радикальной: «... явно враждебное отношение редакции ко всем без исключения правительственным мероприятиям и ко всем органам правительственной власти высказывается так рельефно», что не может остаться «без немедленного взыскания» (Боград. ОЗ, с. 481–482). Александр II одобрил решение Совета о предостережении журнала. В 1879 в ОЗ были напечатаны сам текст предостережения и «разъяснение» министерства народного просвещения по делу школы (№ 2, с. 288–292).

С. упоминает имя М. в письме к Н. А. Белоголовому от 18 декабря 1882: «Умер Глазенап. Максимович приезжал к Унковскому и говорит: дал я Глазенапу 50 тысяч – и теперь ничего не получишь...» (19-2, с. 160). В художественных и публицистических текстах С. деятельность М. отражения не нашла.

Литература

Журавлев Н. В. М. Е. Салтыков-Щедрин в Твери, 1860–1862. Калинин, 1961;

Архивы

ГАТО, ф. 466, оп. 1, д. 89017 (Дело о неповиновении крестьян помещика П. П. Максимовича).

Т. А. Ильина

■ **Марковецкий** Семен Яковлевич (1817/1819 – 28.07.1884, Царское Село), актер. Учился в Петербургском театральном училище у П. А. Каратыгина. В 1839–81 играл в Александрійском театре, в том числе в пьесах А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» (Вихорев, 1853), «Бедная невеста» (Беневоленский, 1853), «Бедность не порок» (Разлюляев, 1854), «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (Павлик, 1866). В угоду публике подчеркивал внешние приемы: «ломался без всякого милосердия, что, впрочем, очень нравилось публике»; «дурачится», «он делает из роли своей все, что умеет. Публика хохочет, хлопает и... он доволен» (ЛН, т. 88, кн. 1, с. 232, 335). Такая утрировка оказалась весьма уместной в оперетте: большой удачей М. была роль Менелая в «Прекрасной Елене» Ж. Оффенбаха (1868).

Герой рассказа С. «В дружеском кругу» (1874, «Благонамеренные речи») утверждает огромное просветительское значение оперетты Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена»: «Она познакомила нашу армию и флоты с классической древностью! <...> На днях приходит ко мне капитан Потугин: „Правда ли, говорит, Александр Петрович, что в древности греческий царь Менелай был?“ – „А вы, говорю, откуда узнали?“ – „В Александринке, говорит, господин Марковецкого на днях

видел!“» (11, с. 425). С. описывает обычную для массовой культуры ситуацию, когда художественное произведение, созданное на условно-историческом материале, воспринимается как исторический источник, на основании которого строятся представления о прошлом.

Литература

Бирюч Петроградских Государственных театров. 1918, № 2, с. 57; 1919, № 13–14, с. 175; Бирюч Петроградских Государственных театров. Сб. статей, сб. II. Пг., 1921, с. 176.

М. В. Строганов

■ **Мидхат-паша** (18.10.1822, Стамбул – 26.04.1883, Таиф, ныне Саудовская Аравия), турецкий государственный деятель. Под руководством М. была написана первая турецкая конституция, официально провозглашенная 23 декабря 1876. Однако уже в феврале 1877 султан Абдул-Хамид II распустил созданный на основании конституции парламент, восстановил режим неограниченной власти, а М. выслал из Турции в Европу. В 1878 благодаря вмешательству британского правительства М. был назначен губернатором Сирии. В 1881 по ложному обвинению приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой в Таиф, где умерщвлен убийцами, подосланными султаном.

Русская демократическая общественность ценила борьбу турецкого политика за конституционное ограничение абсолютной монархической власти, что было актуально и для России. В очерке «Чужой толк» (1880), где в иносказательной форме говорится об арестах народнически настроенной молодежи, С. упоминает о тех обстоятельствах жизни М., которые ассоциировались с российскими политическими условиями: «В комнату вошел Алексей Степаныч Молчалин. Я так мало был приготовлен к его визиту, что прежде всего у меня мелькнуло в голове: уж не желает ли он мне сообщить свое мнение насчет высылки Митхада-Паши в места не столь отдаленные (в то время это была самая животрепещущая новость дня). Но, взглянув на него, тотчас же убедился, что случилось нечто не совсем обыкновенное» (12, с. 276).

Литература

Петросян Ю. А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958; Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX – нач. XX в.). М., 1971;

■ **Наср-эд-дин-шах**, Насер ад-Дин Шах (16.07.1831, Тебриз – 19.04.1896, Тегеран), персидский шах (с 1848). Неоднократно (в 1873, 1878, 1889) совершал путешествия по Западной Европе и России. За «верность России и союзническому долгу» был удостоен высшей награды Российской империи – Ордена Андрея Первозванного. Делал попытки путем реформ приобщить Иран к европейской цивилизации. Его действия, в частности предоставление концессий иностранным компаниям, вызывали протестные выступления народа, которые жестоко подавлялись. Был убит иранским панислаμισмом.

Впервые косвенное упоминание о Н. появляется в очерке С. «Мнения знатных иностранцев о помпадурах» (1873), написанном по следам первого визита персидского шаха в Россию. Это событие благожелательно освещалось русскими газетами, что сделало шаха популярной фигурой. Официальная печать умалчивала о негативных сторонах личности и внутренней политики Н., на которых акцентирует внимание С., создавая собирательный сатирический портрет восточного властителя. При этом писатель заостряет и утрирует реальные качества Н. В этой связи обращает на себя внимание ряд фактов, зафиксированных очевидцами. Так, известно, что шах не владел иностранными языками. Незнание французского засвидетельствовано газетными отчетами о первом визите Н. в Россию; позднее то же самое отмечали С.И. Уманец и есаул Меняев (псевд. Мисль-Рустем), мемуарист, инструктор Персидской казачьей бригады. По свидетельству Меняева, шах плохо усвоил и русский языка: за несколько лет он не выучил и 20 слов и мог сказать только «больш пиль» – большая пыль – и «лош жир» – лошади жирные, сытые (*Мисль-Рустем*, с. 56). Эта особенность у С. показана с помощью передачи реплик «ямужкого» принца его наставником – татаринном Хабибуллою, служителем петербургского отеля. Соответственно его речь насыщена характерными искажениями русского языка: «Ай-ай, хорошо здесь! – говорил прынц, – народ нет, помпадур есть – чисто! Айд а домой риформа делать!» (8, с. 261/528). В пародийном «рескрипте» другого персонажа С. – лже-хана Сеида-

Махомеда-Наср-Эддина («Современная идиллия», 1877) – используются просторечные формы в характерном для иностранца виде: «Достопочтенному, могущественному и милостивому господину аблакату Балалайке, в Питембурхи»; «Ах, отменна балык!» (15-1, с. 65).

По словам Меняева, Н., желая уподобиться великому реформатору Петру Великому, стремился перестроить свою армию на европейский манер, но преобразования свелись в основном к нелепым изменениям в военной форме. Уманец иронически пишет о «либеральных» полковниках шаха: «Он либерально отменил закон, по которому шах должен присутствовать при совершении казни. Казни, однако, весьма часты в Персии» (*Уманец*, с. 228). С. показывает, что такого рода реформы ничего не могли изменить в стране. «Народ гонял, помпадур сажал, риформа кончал» (8, с. 261) – так устами персонажа писатель сформулировал суть реформаторской деятельности при деспотическом режиме. Это высказывание имело непосредственное отношение к «великим реформам» в России.

Н. сохранял не только свои деспотические привычки, но и традиционный образ жизни, он содержал гарем, пополняя его новыми избранницами. Эти обстоятельства, спроецированные на российский фаворитизм, сатирически изображены в романе «Современная идиллия», где Балалайкин рассказывает, как поставляет невест хану Наср-Эддину: «Да, господа, немало-таки было у меня возни с этим ханом! <...> трех невест в течение двух месяцев ему переслал – и все мало! Теперь четвертую подыскиваю!» (15-1, с. 65). Мемуаристы обращали внимание на то, что шах брал в гарем девушек независимо от их социального происхождения. В «Современной идиллии» об этом же говорится в «рескрипте» лже-хана: «И пишете вы нам, что она Людмила есть дочь киевского князя Светозара, а в плакате значится: дочь фейерверкера. И для нас это все единственно...» Отразилась в романе и отмеченная современниками скупость шаха на подарки: Балалайкин жалуется, что за все хлопоты хан отблагодарил его только тем, что прислал «один глиняный кувшин воды и балык весом двадцать фунтов», да «еще пару шакалов» (15-1, с. 65).

В мемуарах Меняева приводится эпизод, непосредственно связанный с С.: «Делали по приказанию шаха, в училище (медерсе), перевод сочинения Салтыкова, у которого в одном месте сказано, что шах имеет тип армянина. Зная, что шаху это очень не понравится, и боясь его гнева, гг. профессора и директор решили лучше совсем пропустить это место, что действительно и сделали» (*Мисль-Рустем*, с. 56). Этот характерный анекдот представляет шаха как самодержца, которого

окружение ограждало от задевающего слова С., подвергая цензуре его сочинение.

Литература

Путешествие шаха Наср-Эд-Дина по Мазандерану. Собственный его величества дневник. СПб., 1887; Пребывание шаха Наср-Эддина в России во время первого путешествия Его Величества по Европе, в 1873 году (Извлечение из собственного Его Величества дневника). СПб., 1889; Петербургское обозрение (Шах Персии. Значение его поездки <...>) // Гражданин, 1873, № 20, 14 мая; [Богданович Е. В.] Наср-Эддин шах и его выезд в Россию в 1873 году СПб., 1873; [Уманец С. И.] Персидский шах и его двор // ИВ, 1891, № 10, с. 223–238; *Мисль-Рустем*. Персия при Наср-Эддине шахе с 1882 по 1888 г.: Очерки в рассказах / Меняев. СПб., 1897; *Стрелянова П. Н.* Казаки в Персии. М., 2007; *Пылев А. И.* Правители и государи стран мусульманского востока в трудах российских военных и государственных служащих (XVIII – нач. XX вв.) // Историческая и социально-образовательная мысль, 2013, № 2, с. 22–32; Брокгауз, т. 20А, с. 655.

Г. В. Маркелова

■ **Павлѐнков** Флорентий Федорович (8.10.1839, Тамбовская губ. – 20.01.1900, Ницца, похоронен в Петербурге), книгоиздатель, книгопродавец, переводчик, публицист, изобретатель. В 1861 окончил Михайловскую артиллерийскую академию; состоял на службе в киевском и брянском арсеналах, в 1866 вышел в отставку. За выпуск сочинений Д. И. Писарева был привлечен к судебной ответственности, но сумел оправдаться. В 1868 был осужден за речь на похоронах Писарева и заключен в Петропавловскую крепость; в 1869 сослан в Вятскую губернию. В ссылке продолжил издательскую деятельность, выпустив, в частности, мгновенно разошедшийся публицистический сборник «Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год». Книга состояла из сатирических статей, корреспонденций и очерков на местном материале (доп. 2-е изд. – 1877; 3-й вып. – 1878, был запрещен и уничтожен). Авторы, среди которых был сам П., не скрывали жанрово-стилистической ориентации на С., не только цитируя его произведения, но и представляя события «в щедрином освещении». Рецензент ОЗ отмечал, что большинство ста-

тей «Вятской незабудки» имеет обличительный характер» (ОЗ, 1877, № 7, с. 116). В издании П. вышли рассчитанные на широкого читателя научно-популярные книги, иллюстрированные библиотеки русской и зарубежной классики для детей, сочинения отечественных писателей, однотомный иллюстрированный «Энциклопедический словарь» (7 изданий) и др. На некоторые его издания откликнулись ОЗ (1880, № 6, 12; 1883, № 2, 3, 6). Важнейшим достижением П.-издателя стал выпуск научно-популярной серии «Жизнь замечательных людей», представлявшей «вернейший социальный и психологический портрет П.» (Горбунов, с. 145). В этой серии вышли три издания книги С. Н. Кривенко «М. Е. Салтыков-Щедрин, его жизнь и литературная деятельность» (СПб., 1891, 1896, 1914).

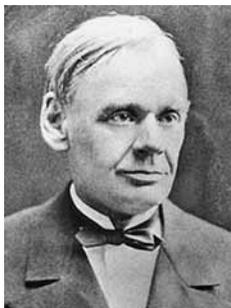
С., искавший «подходящего издателя» для своего собрания сочинений, познакомился с П., по всей вероятности, 5 февраля 1889. Он писал Л. Ф. Пантелееву 4 февраля: «... Павленков дал мне знать, что завтра утром будет у меня для переговоров...» (20, с. 462). 11 февраля П. известил С.: «Я согласен на Ваше последнее предложение об отдельном издании, но желал бы привести его в связь и слить с тем первоначальным проектом договора, который Вы мне предлагали прочесть для сведения» (Павленков, с. 387). Условия договора он «изложил в общих чертах на прилагаемом листке почтовой бумаги» (Павленков, с. 387). Как и другие издатели, П. хотел передачи ему права собственности на все произведения С., включенные в собрание сочинений, но это было неприемлемо для писателя, о чем свидетельствуют его замечания на полях «листка» и ответное письмо от 17 февраля о прекращении переговоров: «Милостивый государь Флорентий Федорович. Болезнь моя приняла такой тяжелый характер, что я вынужден отложить на неопределенное время всякие предположения об отчуждении права собственности на мои сочинения. Примите уверения в совершенном почтении» (20, с. 464–465). Именно после этой встречи С. принял решение о подготовке так называемого «авторского» собрания сочинений в девяти томах

Литература

Павленков Ф. Ф. [Письмо от 11 февраля 1889 г.] // ЛН, т. 13–14, с. 387–388; Черкасов В. Д. Ф. Ф. Павленков (Отрывки из воспоминаний). СПб., 1907; Рассудовская Н. Издатель Ф. Ф. Павленков (1839–1900). Очерк жизни и деятельности. М., 1960; Белов С. В., Толстяков А. П. Русские издатели конца XIX – начала XX века. Л., 1976, с. 36–63; Блюм А. В. Ф. Ф. Павленков в Вятке. Киров, 1976; Динерштейн Е. Книгоиздатель Павленков // В мире книг, 1977, № 5, с. 68; Петряев Евг. Литературные находки. Очерки куль-

турного прошлого Вятской земли. Киров, 1981, с. 86–92; *Петряев Евг.* «Артель» Ф. Ф. Павленкова // Петряев Евг. Вятские книголюбцы. Киров, 1986, с. 131–136; *Горбунов Ю. А.* Флорентий Павленков, его жизнь и издательская деятельность: Биографический очерк. Челябинск, 1999; КЛЭ, т. 5, стб. 526; Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982, с. 389–390.

И. А. Книгин

■ **Рубцов** Николай Иванович (3.10.1825, Тверь – 9.11.1895, Вильно), чиновник, администратор, общественный деятель. По окончании тверской гимназии (1842) поступил в Московский университет, но курса не завершил; с 1845 служил в Твери при губернаторах А. П. Бакунине, П. Т. Баранове, П. Р. Багратионе. В 1860-е Р. замещал вице-губернатора, был старшим советником губернского правления (1866), советником трех распорядительных отделений (1868).

При переводе на должность гражданского губернатора Вильны П. Р. Багратион предложил Р. должность вице-губернатора в Ковно. Р. был управляющим канцелярией Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора А. Л. Потапова. За проведение политики русификации западных областей был награжден орденами Станислава II ст., Анны II ст., Владимира III и IV ст. и именем Карповичи (Карповец) в Белостокском уезде Гродненской губернии с внесением в дворянскую родословную книгу (1874). Жил в Вильно в своем доме на Ботанической ул.; после отставки с чином тайного советника 6 лет был городским головой.

В период вице-губернаторства С. в Твери Р. постоянно встречался с ним по служебным делам: С. был фактическим председателем, а Р. старшим секретарем губернского правления (Памятная книжка Тверской губернии на 1861 год. Тверь, 1861, с. 2); С. был членом, а Р. делопроизводителем и секретарем губернского статистического комитета (там же, с. 10); С. был членом присутствия по крестьянским делам без права голоса (18-1, с. 234), а Р. был секретарем присутствия. Служебные контакты С. и Р. отразились в немногих документах (*Князев*, с. 135). Встречались они и на общественном поприще: в попечительском комитете Тверской публичной библиотеки (Документальные материалы Государственного архива Калининской области

о М. Е. Салтыкове-Щедрине: Перечень дел и документов. Калинин, 1961, с. 22–23; Из истории тверских библиотек. Тверь, 1995, вып. 1, с. 5–19). В «Тверских губернских ведомостях», официальную часть которых редактировал С., Р. помещал свои публикации. С. едва ли читал его заметки 1859 об освящении нового здания тверской гимназии и освещении улиц Твери спирто-скипидарной жидкостью, воспевавшие успехи администрации, но от тверских жителей он знал и о долго строившемся здании, и о недостатках уличного освещения, поэтому к похвалам администрации относился негативно. С. несомненно знал работы Р. в области статистики и этнографии, хотя большая часть их была опубликована после его отъезда из Твери. Для сбора этой информации Р. совершал поездки, во время которых собирал материалы, вошедшие в экспозицию Тверского музея (О Тверском музее // ТвГВ, 1880, № 33, ч. неоф., с. 5). В 1860-е Р. написал очерки, посвященные Ржеву, Осташкову, Торжку, Кашину и Старице. Они начинаются краткой историей города от основания до конца царствования Екатерины II; в центральной части описываются состав и численность населения, культовые учреждения, климатические условия, промыслы и промышленность, медицинские, благотворительные, образовательные и культурные учреждения; в конце приводятся краткие этнографические зарисовки. Характеристика традиционной культуры содержится только в очерках Осташкова и Торжка.

Некоторые очерки Р. об Осташкове были напечатаны в период тверского вице-губернаторства С. и привлекли его внимание. Восприятие этих очерков раскрывается в статье С. «Несколько полемических предположений» (1863), где упоминается о «Письмах об Осташкове» В. А. Слепцова. Книга Слепцова была написана в ответ на панегирические статьи о городских учреждениях Осташкова, в том числе и на очерки Р. По рекомендации редакции Совр. Слепцов поехал в Осташков поздней осенью и зимой 1861 (ЛН, т. 71, с. 279), сразу после приезда в Петербург С., который побывал там 2–7 ноября (Макашин II, с. 373–383). В своей статье С. противопоставляет «беллетристическую» манеру Слепцова «статистической» манере: «таблицы, наполненные цифрами», и «особенные поползновения на статистику», но нет противопоставления «официальной приглаженности и внутренней неумытости», «официального благосостояния и внутренней нищеты и придавленности» (5, с. 265). Именно такие черты характерны для статических работ Р. В критике общественных институтов С. сходилась с Р.: ср. оценку сиротских домов у Р. (Р-в Н. Об осташковских больнице, богадельне и сиротском доме // ТвГВ, 1863, 4 мая, № 18, ч. неоф., с. 52)

и в официальных бумагах С. (Журавлев Н. В. Салтыков-Щедрин в Твери. 1860–1862. Калинин, 1961, с. 134–135; Князев, с. 148). Но в положительной программе Р.: увеличение числа кормилиц, открытое поступление детей – С. видел прекраснотушные мечтания.

Литература

- Рубцов Н. Записка о промышленности города Осташкова // ТвГВ, 1861, ч. неоф., 4 ноября, № 44, с. 200–203; Рубцов Н. Записка о промышленности города Осташкова // ТвГВ, 1861, ч. неоф., 11 ноября, № 45, с. 204–208; Рубцов М. В. Краткие сведения об основателе Тверского музея Николае Ивановиче Рубцове. Тверь, 1920; Князев И. В. М. Салтыков-Щедрин в Твери (1860–1862 гг.): Летопись служебной деятельности // Учен. зап. Астраханского гос. пед. ин-та, т. 27. Астрахань, 1969, с. 115–156; М. Е. Салтыков и Тверской край // Щедринский сборник, вып. 3. Тверь, 2009, с. 235–315; Савицкий Лев, священник. Православное кладбище гор. Вильно. К столетию кладбищенской церкви св. Ефросинии. 1838–1938 гг. Вильно, 1938, с. 54; Сергеев Илья. Организатор тверской статистики // Тверские ведомости, 2012, № 32, 10–16 авг., с. 20.

Архивы

Lietuvos valstybes istorijos archyvas (Литовский государственный исторический архив). Фонды Каунасского уездного архива, ф. 1345 (Личный фонд Н. И. Рубцова, управляющего канцелярией Виленского генерал-губернатора, оп. 1, 1861–1897–1909. – 31 дело).

М. В. Строганов

■ **Салтыкова** Елизавета Аполлоновна (урожд. Болтина, август 1838, Петербург – до 24 декабря 1910, там же), жена С. (венчание 6.06.1856 в Крестовоздвиженской церкви Москвы). Точная дата рождения неизвестна. Из письма С. к Д. Е. и А. Я. Салтыковым следует, что в августе 1853 Е. А. исполнилось 15 лет (18-1, с. 138), т. е. она родилась в 1838 (С. А. Макашин на основании записи в метрической книге Крестовоздвиженской церкви о том, что невесте к моменту бракосочетания исполнилось 17 лет, делает неверный вывод, что она родилась в 1839: Макашин II, с. 517).

До службы отца вятским вице-губернатором (1851–53) Е. А. жила в Петербурге. Получила домашнее образование. В Вятке училась музыке у ссыльного Станислава Яворского (Петряев, с. 63) и была «хоро-

шей музыкантшей» (С. в восп., 1, с. 223). Вместе с сестрой участвовала в музыкальных вечерах, распорядителем которых был их отец. В программе концерта 7 декабря 1851 значится пьеса французского композитора Ф. С. Давида «Le Desert Ode Symphonie» (ода-симфония «Пустыня»), исполненная сестрами Болгиными в 4 руки. Особо отмечалось «прекрасное» исполнение ими попури, «составленного из мотивов» оперы Ф. Обера «Занетта», комической оперы Г. Доницетти «Дочь полка» и его же оперы «Паризина» (ВятГВ, 1851, 15 дек., с. 409–410). На этом вечере С. мог познакомиться с Е. А. (Петряев, с. 53). Отношения С. с А. П. Болгиным как его новым начальником сложились не сразу, о чем он писал 27 октября 1851 Н. А. Милюкову: «... неприязненные отношения ко мне вновь назначенного вице-губернатора <...> делают совершенно непереносным мое и без того уже тяжелое положение...» (18-1, с. 100; также: Петряев, с. 54–55). Но впоследствии он стал частым гостем в их доме: «Я к семейству Лизы привязался, как к родному, еще в Вятке, когда Лиза была не более как маленькая девочка; в нем меня приласкали как сына...» (18-1, с. 160). Со слов Е. А. биограф С. писал, что в те годы «он чувствовал себя у них вполне хорошо, подолгу разговаривал с их матерью, шутил и беседовал с ними (она и сестра ее были в то время еще девочками), вообще, бывал весел, хотя и тогда она не помнит, чтобы он смеялся, как другие: „у него смеялись только глаза“. Отправляясь всей семьей кататься, они почти всегда заезжали за ним и брали его с собою; при этом иногда находили его в забавном положении: он не мог ехать, потому что оказывался заперт и не мог выйти из дома; старый человек, который жил у него, отлучаясь ненадолго куда-нибудь в лавку, обыкновенно запирает дом и его там. И Салтыков на это не сердился, а только в комическом виде сообщал из окна о своем положении» (Кривенко, с. 31). В 1853 специально для сестер Болгиных С. составил по разным источникам «Краткую историю России» (Арсеньев, с. LIII) – сорок «довольно мелко написанных листов» (Кривенко, с. 31–32), занимался с ними и русской словесностью (Салтыков К., с. 171). Влюбленность С. в юную Е. А. отразилась в рассказе «Скука» (1856): «Там, вдали, вижу я, мелькают два серенькие платица... Боже! да это они, они, мои девочки, с их звонким смехом, с их непринужденною веселостью, с их вьющимися черными локонами! Как хороши они и сколько зажгли сердец, несмотря на свои четырнадцать только лет <...> Но в особенности вы, моя маленькая, миленькая Бетси, вы, радость и утешение всего живущего, волнуете всю кровь в молодом человеке, изо всех сил устремляющемся к вам... <...>

То была первая, свежая любовь моя, то были первые сладкие тревоги моего сердца! Эти глубокие серые глаза, эта кудрявая головка долго смущали мои юношеские сны» (2, с. 229).

Осенью 1853 С. посватался, но за молодостью Е. А. получил лишь разрешение повторить свое предложение через год. В июле 1854 он писал брату: «Дело о моей женитьбе все в одном и том же положении, т. е. ни взад, ни вперед <...>. Всею причиною мое несчастное положение в Вятке» (18-1, с. 145–46). Только в апреле 1855 его желание осуществилось, о чем он сообщал брату 3 мая: «Бывши в прошлом месяце в Владимире, я успел получить согласие девочки, о которой уже два года постоянно мечтаю» (18-1, с. 154). Решительное желание С. жениться на бесприданнице вызвало резкое неприятие матери, и сын понимал, что это грозит ему финансовым наказанием. О своих перспективах он писал, что «должен будет устраивать свое маленькое хозяйство сам»: «Не знаю <...> не будет ли мне тяжело жить вдвоем при моих ограниченных средствах; знаю только, что до бесконечности люблю мою маленькую девочку и что буду день и ночь работать, чтобы сделать ее жизнь спокойною» (18-1, с. 155). Этой установки он придерживался до конца жизни.

Отношения супругов прошли разные фазы, но, прожив вместе почти 33 года, они существовали как будто в разных измерениях, и их жизненные интересы были мало совместимы. Женясь на юной девушке, С., вероятно, предполагал воспитать ее по своему усмотрению, но этого не произошло, и, безмерно любя жену, он с годами стал испытывать постоянное недовольство ею. Она же, выйдя замуж без большой любви, никогда не стремилась понять своего мужа. Совместная жизнь, особенно в последние годы, оказалась очень тяжелой для обоих. Жизнелюбие Е. А., ее любовь к удовольствиям, забота о сохранении молодости и красоты плохо сочетались с образом жизни С., которого многолетние болезни рано превратили в «брюжжащего старика».

Воспоминания современников сохранили впечатления об облике Е. А. первого периода ее замужества: «Маленькая красавица. Умом общественным еще ребенок, да к тому ж испорченный» (ТГОМ. КП 7047). Письма Е. А. рисуют ее радости и огорчения. 18 апреля 1859 она пишет сестре из Рязани о пребывании с мужем в Москве: «Michel сделал мне такое удовольствие – мы жили у Chevalier и два раза слушали тамошних цыган...» (цит. по: Макашин II, с. 178). В самой же Рязани ей жилось невесело: «Живем мы по-прежнему скучно, но по-прежнему едем в Петербург, там и развлечемся. Можно бы и здесь, паркет в большой зале перестлали, стало очень нарядно, также и в гостиных,

можно бы, кажется, всех принимать, но Michel и слышать не хочет о soirées fixe, собираются у нас только для карт» (цит. по: *Макашин II*, с. 246). Однако с переездом в Петербург образ жизни Е. А. становится все более независимым.

Осложнившаяся в декабре 1874 болезнь С. совершенно разделила супругов; с 1876 в его письмах появляются сетования на жену. Одно из первых – в письме к П. В. Анненкову от 15/27 февраля из Ниццы: «Теперь вот в Ницце карнавал и все беснуются. Я один сижу дома и не интересуюсь ничем <...>. Жена моя, которая молодеет не по дням, а по часам, сгорает от досады, что не может участвовать на балах <...>. А так как я в той же мере стареюсь и хирею, то можете себе легко представить, какое удовольствие мне доставляют эти стремления второй молодости» (18-2, с. 261). С течением времени сетования превращаются в жалобы, для которых, судя по всему, были основания. 15 августа 1881 С. П. Боткин писал Н. А. Белоголовому о положении С.: «Елизавета Апол<лоновна> действует с ним все-таки непохвально, во второй раз теперь бросила его одного на даче, в первый раз ездила на Иматру, а теперь ей понадобилось ехать в Гельсингфорс; такого тяжелого и слабого больного оставлять одного на даче не совсем ладно» (М. Е. Салтыков-Щедрин в письмах, с. 74). Как показывает письмо С. П. Белоголовой к П. Л. Лаврову от 3 августа 1885 о жизни С. в висбаденском пансионате по соседству с ними, в собственной семье ему недоставало элементарного внимания: «Михаил Евграфович ведет себя донельзя мило, деликатен и кроток, – чего мы никак не ожидали. Так он не избалован своей супругой, вообще домашней обстановкой, что всякую пустую о нем заботу, самую обыденную, что и замечать-то не следовало бы, он принимает как нечто необычное» (цит. по: *Макашин IV*, с. 354–355).

«Скромная и кроткая», как считал С. (18-1, с. 157), Е. А. сумела со временем устроить жизнь на свой лад, не слишком считаясь с потребностями мужа. Современники свидетельствуют: она «знала, что все равно будет так, как решит она»; «К осуществлению своих стремлений она шла вполне разумными путями, то есть путями, приводившими ее к достижению намеченных целей» (С. в восп., т. 2, с. 294, 321). Семья вела жизнь, отдельную от С.: «У Елизаветы Аполлоновны был свой салон, куда муж и не заглядывал...» (С. в восп., т. 2, с. 284), сына и дочь она воспитывала соответственно со своими представлениями: «Детей сильно баловала, и когда сама приходила к выводу, что это баловство, кроме вреда, ничего не принесло, то говорила: „Ну, что же делать? Ведь у меня их только двое...“» (С. в восп.,

т. 2, с. 327). Мемуаристы глухо пишут и о романах Е. А., упоминая имена «известного петербургского адвоката, циркомана и лихого наездника П. И. Танеева или В. И. Лихачева» (С. в восп., т. 2, с. 320; там же: т. 1, с. 392, 370–371; т. 2, с. 374).

Степень сочувствия одному из супругов, выражаемая современниками, зависела от факторов субъективных, но они единодушно отмечали грубость С., публично называвшего жену «дурой», но при этом безмерно страдавшего, когда ее не было рядом. «Во время ее отсутствия он, по-видимому, любит ее еще сильнее и постоянно находится в тревоге, не случилось ли чего-нибудь с нею; посылает ей депеши и с тоскою ожидает ответа» (М. Е. Салтыков-Щедрин в письмах, с. 74); «Видно было, что он серьезно волновался и беспокоился о ней». От окружающих он требовал уважительного отношения к Е. А.: «Оскорбляя свою жену на каждом шагу самым беспощадным образом, он вместе с тем требовал от других полного к ней уважения» (С. в восп., т. 2, с. 293). Эта внутренняя установка С. на соблюдение уважительного отношения к жене, внешне противоречившая его собственному поведению, выражалась и в том, что в письмах к общим знакомым он неизменно передавал привет от нее.

Об уровне притязаний Е. А. дает представление ее письмо от 20 мая 1877 к управляющему подмосковным имением Витенево А. Ф. Каблукову о покупке имения Лебяжье: «Там нам тоже досталась отличная коляска. Вообще барыня, которой принадлежало Лебяжье, была ужасно богата, и муж на нее ужасно много тратил денег. Например, там два попугая, за одного из них заплачено 600 руб. Мебель отличная на 17 комнат, с коврами и с такими прелестными дорогими зеркалами, что мы их в город перевезли. Спальная мебель роскошная» и т. д. (19-2, с. 316). С. с печальной иронией писал о своей жене: «У жены моей идеалы не весьма требовательные. Часть дня (большую) в магазине просидеть, потом домой с гостями прийти, и чтоб дома в одной комнате много-много изюма, в другой много-много винных ягод, в третьей – много-много конфет, а в четвертой – чай и кофе. И она ходит по комнатам и всех потчует, а по временам заходит в будуар и переодевается. Вот. Я боюсь, что и детей она таких же сделает...» (А. Л. Боровиковскому, 1 июня 1883: 20, с. 208).

Е. А. была очень далека от того, чем жил С. и что он писал, хотя и занималась перепиской его черновиков. Сохранились сделанные ею копии и наборные рукописи целого ряда мелких произведений и отдельные главы или фрагменты глав объемных произведений, что отмечено в комментариях: «Тихое пристанище» (копия гл. I–VII позд-

ней редакции; гл. I наборной рукописи, 1865), «Пропала совесть», «Дикий помещик» (1869), «Сон в летнюю ночь» (1875), «В среде умеренности и аккуратности» (отрывок из гл. IV, 1875), «Недоконченные беседы» (гл. V, вторая половина статьи, 1876), «Современная идиллия» (гл. I, 1877), «Пестрые письма» (письмо VIII), «Вяленая вобла», «Орел-меценат», «Богатырь», «Гиена» (1886), «Мала рыбка, а лучше большого таракана», отдельные главы из «Мелочей жизни» (Введение, гл. II, «Чудинов», «Имярек», 1886–87), «Пошехонская старина» (Введение, гл. I, II, III, часть гл. XXX, 1887, 1889).

Примечательно, что рукой Е. А. переписан очерк «Имярек», имевший заглавие «Оброшенный. Больные грезы больного человека» и выражавший состояние духа С., включая и реакцию на жизнь его «неудачной семьи» (С. П. Боткин). Обстоятельства этой жизни раскрываются, в частности, в письмах С. П. Боткина к Н. А. Белоголовому: «... Сам он часто говорит о смерти и утверждает, что пора, что он более никуда не нужен. Иногда, впрочем, ему и Елизавета Аполлоновна напоминает, что тебе Миша пора умирать, ты стал очень раздражителен, Вы, дети, его не любите, он все Вашу маму обижает...» (9 мая 1885, Культияла); «Держит она себя с ним не только как глупая женщина, но даже как злая, наслаждается его страданием. Избавление его от смерти, видимо, ее не порадовало, при первых днях улучшения она отняла у него сестру милосердия, затем постоянно его дразнит то тем, то другим. <...> она каждый раз, подавая лекарства, не упустит случая, чтобы сказать: ах, Миша и зачем ты все это принимаешь: ведь ты все равно не выздоровеешь! Ведь ты умрешь!...» (26 декабря 1886, Петербург); «Елиз<авета> Апол<лоновна> в каком-то особом настроении; не без нетерпения ожидает развязки, приготовляясь к новой роли вдовы, с трудом удерживает свое веселое настроение, не совсем подходящее к настоящему положению мужа и с любопытством спрашивает меня, доживет ли он до Царского села, куда он думает переехать на лето» (6 апреля 1889, Петербург). Житейскую трагедию С. обобщенно передает горестная реплика Е. А. Боткиной в письме от 6/18 ноября 1885: «Бедный, бедный Салтыков, что за ад он себе устроил из своей семейной жизни» (М. Е. Салтыков-Щедрин в письмах, с. 75, 77, 78, 76).

Уже современники заметили, что поведение и интересы Е. А. могли послужить импульсом для создания образа «куколки» в циклах «Господа ташкентцы» (1869–72), «Круглый год» (1879–80) и материалом для рассказа «Ангелочек» (С. в восп., т. 2, с. 284, 295). Рисуя образ куколки, Салтыков буквально использовал автобиографические детали. «Ей было с небольшим пятнадцать лет (почти невеста), мне –

двадцать три года. В то время я был ужаснейший сорвиголова – просто, как говорится, ничего святого. Увижу хорошенькую дамочку или девочку и сейчас же чувствую, как все внутри у меня поет: rien n'est sacré pour un sareurrrrrr!> <для сапера нет ничего святого!>» (13, с. 483: «Круглый год»). Портретную зарисовку повзрослевшей «куколки» С. делает как будто с натуры: «Маленькая, но уже слегка отяжелевшая, рыхлая; с мягкими, начинающими расплываться чертами лица, с смеющимися глазками, с пышно взбитым белокурым ореолом вокруг головки. Но сколько было намотано на ней всяких дорогих ветошек – это ни в сказке сказать, ни пером описать. Вероятно, она не меньше трех часов сряду охорашивалась перед целым сочетанием зеркал...» (13, с. 482; ср. с описанием Е. А. в зрелом возрасте: «Склонная к тучности фигура, туго затянутая в корсет, лицо миловидное, но совершенно невыразительное, несмотря на красивые, слегка ретушированные серые глаза». – С. в восп., т. 2, с. 289). И поведение «куколки», с наслаждением слушающей рассказы сына о его разгульной жизни, напоминает реальную Е. А.: по свидетельству мемуариста, Константин в лицее стал кутить, и это нравилось его матери, которая «с удовольствием рассказывала знакомым о похождениях своего Кости» (С. в восп., т. 2, с. 295).

В свое время С. считал Е. А. «доброй и неприхотливой девочкой» (18-1, с. 160). Видимо, она действительно была «существом добродушным» (С. в восп., т. 2, с. 294), о чем позволяют судить, например, ее хлопоты о выдаче вида на жительство бывшей няньке детей Анне Бодровой (19-2, с. 315–316). Но и после смерти С. она не могла ему простить их неудавшийся брак, при этом не виня себя ни в чем. Ценнейшие сведения о поздних годах Е. А., еще не вошедшие в научный оборот, содержатся в автобиографии И. И. Манухина, в 1907–10 снимавшего у нее комнату. Мемуарист пишет, что Е. А. жила «замкнуто, вдали от света, своей дочери и сына», «одинокая, всеми полузабытая», из посетителей называет лишь А. Г. Достоевскую и, как он ошибочно считал, вдову «поэта Жуковского» (в действительности это была Е. И. Жуковская, с чьей семьей С. и его жена в свое время поддерживали приятельские отношения). Е. А. находилась в весьма стесненных обстоятельствах, что и вынудило ее пустить жильца, от которого она не скрывала, что «дети постоянно требуют от нее денег и, рассчитывая на ее доброту, ожидают, что она ради них пожертвует последним». О С. вспоминать она не любила: «... эта маленькая, подвижная старушка, в черном парике, набеленная, нарумяненная, немного жеманная и манерная, но приятно-светская, избалованная, болтливая, поверхностная, хранила о сво-

ем браке с Салтыковым такое горькое, такое жуткое воспоминание, что, говоря о нем, теряла сразу свою беспечность, хмурилась и спешила перевести разговор на другую тему. „Вы не можете себе представить, какой это был брак! – как-то раз сказала она. – Мне едва минуло 16 лет. Он был значительно старше. Это была нехорошая прихоть с его стороны... А потом все прошло, и он меня называл душой и всегда был по отношению ко мне такой нехороший: желчный, раздражительный и злой... Ужасно! Любил и баловал он только наших детей, Лизу и Костю“». Е. А. вышла замуж почти в 18 лет, но, судя по этому фрагменту, она уменьшала возраст своего замужества. Память о С. хранили лишь его письменный стол, портрет работы И. Н. Крамского и бюст работы Л. А. Бернштама. Все остальное в этих комнатах, как замечает рассказчик, к С. не имело никакого отношения: они были обставлены «не без быющей в глаза „роскошности“, весьма уже поблекшей. Ковры, позолота, много зеркал, кружева. Бархат, атлас и множество пышных цветных абажуров <...> Блестящая вычурность имела прямое отношение не к нему, а к покойному петербургскому городскому голове Лихачеву. С ним по смерти мужа Е<лизавета> А<полоновна> связала свою судьбу» (Манухин, с. 59–61). Но такая «роскошность» всегда составляла обстановку жизни Е. А., в частности те зеркала, о которых идет речь, видимо, достались Е. А. от бывшей владелицы Лебяжьего, о чем она писала некогда Каблукову. К тому же нет достоверных сведений о том, когда Е. А. связала свою жизнь с В. И. Лихачевым – после смерти С. или же после смерти жены Лихачева в 1904.

Литература

- Кривенко С. Н. Михаил Салтыков-Щедрин. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1891; Арсеньев К. К. Материалы для биографии М. Е. Салтыкова // Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина), т. 1. СПб., 1894, с. XI–СХІІІ; М. Е. Салтыков-Щедрин в письмах, отзывах и воспоминаниях современников // Записки отдела рукописей, вып. VI. М., 1940, с. 69–82; Салтыков К. М. Интимный Щедрин. Статьи. Публикации. Библиография. Тверь, 2001, с. 125–184;
- Петряев Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. Киров, 1988; Строганова Е. Н. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин // Русские писатели. М., 2003, с. 271–295; Манухин И. И. Автобиография // Жизнь и призвание доктора И. И. Манухина. М., 2015, с. 59–65, 76;
- Документальные материалы Государственного архива Калининской области о М. Е. Салтыкове-Щедрине. Перечень дел и документов. Калинин, 1961; Шумихин В. Г., Кокурина С. П. М. Е. Салтыков-Щедрин и Вятка. Библиографический указатель. 1848–1982. Киров, 1985; М. Е. Салты-

ков-Щедрин и его окружение в Вятке. Биобиблиографический указатель. Киров, 1989.

Архивы

ТГОМ (Тверской государственной объединенный музей). КП 7047 (Дневник Алексея Александровича Бакунина. 1856 год).

Е. Н. Строганова

Приложение

Из кн.: Жизнь и призвание доктора И. И. Манухина / сост. и подгот. текста: А. В. Говядинов; предисл. Т. И. Ульянкиной. М.: Русский путь, 2015. – 352 с.

И. И. Манухин о Е. А. Салтыковой

[Фрагменты из автобиографии]

[1907 г.]

«Жил я теперь не у Алекс<андры> Тимофеевны на Фурштатской ул<ице>, а переехал на Жуковскую ул<ицу>, 37. Случайно, благодаря посредничеству Ал<ександры> Тим<офеевны>, у которой был большой круг знакомых, мне удалось найти подходящую комнату у вдовы писателя Салтыкова-Щедрина.

Елизавета Аполлоновна была 70-летняя старушка. Жила она замкнуто, вдали от света, своей дочери и сына. Одинокая, всеми полузабытая, она была окружена лишь попечениями верной горничной Поли и семьей преданного ей швейцара Дементия, оберегавшего ее запущенный, заложенный-перезаложенный небольшой (о 5–6 квартирах) дом на Жуковской. Материальные ее дела запутались, и она, чтобы помочь делу, решила сдать свободную комнату.

Это была неприспособлено, по-студенчески обставленная комната во дворе. Единственным ее украшением был большой, удобный письменный стол. „За этим столом была Написана Пошехонская старина“, – сказала Елизавета Аполлоновна, показывая мне новое жилище.

Она оказалась в полной несоответствии с остальными комнатами, обставленными не без бьющей в глаза „роскошности“, весьма уже поблекшей. Ковры, позолота, много зеркал, кружева. Бархат, атлас и множество пышных цветных абажуров. Это квартира-бонбоньерка прямого отношения к Салтыкову-Щедрину, по-видимому, не имела, о нем напоминал только превосходный его портрет кисти Крамского, висевший в гостиной и освещенный боковым прожектором, бюст на высоком цоколе в столовой и мой письменный стол. Блестящая вычурность имела прямое отношение не к нему, а к покойному петербургскому

городскому голове Лихачеву. С ним по смерти мужа Е<лизавета> А<поллоновна> связала свою судьбу. Бюст Лихачева, тоже на высоком цоколе, стоял в спальне, отражаясь во всех зеркалах, а вся обстановка, до мелочей, хранила печать былого с ним счастья.

Об Ел<изавете> Ап<оллоновне>, ее судьбе и смерти, я расскажу в своем месте¹, здесь же упомяну, что эта маленькая, подвижная старушка, в черном парике, набеленная, нарумяненная, немного жеманная и манерная, но приятно-светская, избалованная, болтливая, поверхностная, хранила о своем браке с Салтыковым такое горькое, такое жуткое воспоминание, что, говоря о нем, теряла сразу свою беспечность, хмурилась и спешила перевести разговор на другую тему. „Вы не можете себе представить, какой это был брак! – как-то раз сказала она. – Мне едва минуло 16 лет. Он был значительно старше. Это была нехорошая прихоть с его стороны... А потом все прошло, и он меня называл дурой и всегда был по отношению ко мне такой нехороший: желчный, раздражительный и злой... Ужасно! Любил и баловал он только наших детей, Лизу и Костю“.

Той зимою я познакомился и с детьми Салтыкова-Щедрина. Елиз<авета> Михайловна (Лиза) была замужем вторым браком за итальянским маркизом, и жила в Петербурге своей семьей, своей жизнью – светской, рассеянной, весьма далекой от забот о матери.

Константин Михайлович (Костя) изредка приезжал из Пензы, где служил мелким чиновником. Его карьера и личная жизнь сложились очень неудачно. Мать считала причиной его несчастий большое наследство, которое он слишком рано (еще когда был в Александр<овском> лицее) получил. Оно досталось ему от отца после продажи полного собрания его сочинений издательству Маркса. Началась пустая жизнь в кругу блестящей петербургской молодежи. Однако ненадолго хватило наследства: через несколько лет пришлось думать о службе, о карьере, и Константин Михайлович уехал в Пензу. Неудачная женитьба, запутанные денежные дела, неприятность по службе привели его, слабовольного, избалованного, к тому, что, растеряв дружеские и служебные связи, он влачил в провинции довольно печальное существование.

Одинокая и беспомощная, Е<лизавета> А<поллоновна> избрала меня своим конфидентом. Я знал, что дети постоянно требуют от нее денег и, рассчитывая на ее доброту, ожидают, что она ради них пожертвует последним. Но чем могла она жертвовать? Уже и так все было заложено и перезаложено.

¹ К сожалению, свое намерение рассказчик не осуществил.

Были у Елизаветы Аполлоновны горести и в недавнем прошлом. Одна из них – неудачное сватовство Конст<антина> Мих<айловича> к дочери Ф. М. Достоевского. Кто знает, быть может, все сложилось бы по-иному, если бы этот брак состоялся? А. Г. Достоевскую, вдову писателя, мне случалось видеть изредка у Елиз<аветы> Аполлоновны. Как-то раз встретился и с вдовой поэта Жуковского. Эти „литературные старушки“ не оставили в моей памяти заметного следа, может быть, потому, что они приезжали к Елизавета Аполлоновна с очередным визитом и общение их с нею не выходило из рамок поверхностных разговоров: на содержательную беседу Ел<изавета> Ап<оллоновна> была не способна.

Не могу сказать, что Ел<изавета> Ап<оллоновна> своими сетованиями мне уж очень докучала, слишком я был занят и мало бывал дома» (с. 59–61).

[октябрь 1907 г., после женитьбы И. И. Манухина]

«Елизавета Аполлоновна решила переехать на свою дачку на ст. Всевожская, а нам сдать „бонбоньерку“. Мы обрадовались предложению. Она оставила нам ее в том виде, как в ней жила, увезла только Лихачева и разные дорогие ее сердцу мелочи, а Салтыкова в гипсе и красках оставила нам» (с. 65).

[осень 1909, жена И. И. Манухина уехала в Париж учиться]

«Жил я вновь по-холостому на пансионе у Е. А. Салтыковой, которая вновь перебралась в свою „бонбоньерку“» (с. 76).

■ **Филарёт** (Василий Михайлович Дроздов; 26.12.1783, Коломна Московской губ. – 19.11.1867, Москва), иерарх русской православной церкви, богослов, государственный деятель. В 1808 принял монашество с именем Филарет, в 1809 рукоположен в иеромонаха и назначен инспектором и профессором философских наук Петербургской духовной академии; ректор Академии (1812–19), деятель российского Библейского общества (до 1826). В 1817 рукоположен в епископа, архиепископ Московский и Коломенский (с 1821), митрополит (с 1826), оставался на Московской кафедре до своей кончины. Почетный член Императорской Академии наук (1827–41), ординарный академик по отделению русского языка и словесности. В 1994 русской православной церковью причислен к лику святых. Ф. имел боль-

шое влияние на общественную и религиозную жизнь XIX в. Поборник русского перевода Библии, он был признан выдающимся проповедником, реформатором российской богословской школы, его называли Патриархом Всероссийским, «Московским Златоустом» (Сушков, с. 138). Однако диапазон оценок Ф. современниками был необычайно широк. В документах частного характера критически оценивались не только его участие в проектах государственных преобразований, но и нравственный облик. Среди обличителей Ф. были А. И. Герцен, С. М. Соловьев, Н. С. Лесков. Емкую характеристику Ф. дал И. С. Аксаков: «... мы не позволяем себе <...> ни сопричислять митрополита Филарета к лику блаженных <...> не называем его ни „любеобильным пастырем“, ни „человеком сердца“, ни светилом науки <...> не прославляем никаких его великих дел <...> Но мы вместе с тем указываем, что истории придется засвидетельствовать и объяснить обаятельную мощь имени Филарета для современников, и не только для современников» (Аксаков 1883, с. 8).

Ф. не сумел адекватно понять неизбежные перемены в России и, являясь одним из авторов манифеста об освобождении крестьян, считал реформы преждевременными и был сторонником телесных наказаний. Известен отклик Ф. по поводу «Губернских очерков» С. 27 декабря 1858 Ф. писал обер-прокурору Синода графу А. П. Толстому (с пометой «Секретно»): «Смущают нас не раз вестями то о журнале, то о книге, в которых будет укоризненно и насмешливо изображаемо духовенство, подобно как в известных Губернских очерках. И то, что в светских книгах светских чиновников и разного рода людей выставляют порочными и безрассудными, и притом сверх вероятия, очень вредно; несравненно вреднее будет, если так же поступать будут с духовенством. Вид литературы в настоящее время предлагает пронизательному начальству вопрос: нет ли соумышления, которое старается все уважаемое в обществе привести в презрение и поколебать убеждения веры и нравственности...» (Филарет 1886, с. 296).

В текстах С. имя Ф. упоминается неоднократно, но всегда в негативном смысле. Отзываясь на книгу А. В. Станкевича о Т. Н. Грановском в статье «Один из деятелей русской мысли», С. восклицает по поводу вынужденного объяснения Грановского о своей диссертации с Ф. «... кто бы мог подумать это!» (9, с. 161). Об этом эпизоде Грановский рассказал в письме к Я. М. Неверову, где характеризовал Ф. как «лукавого пастыря», который, «сияя бриллиантами», требует объяснений о «воле и руке Божьей» (Грановский, с. 752–753). В нецензурной сказке «Архиерейский насморк», обличающей нравы представителей

церковной среды, С. упоминает о «приснопамятном митрополите Филарете», говоря о персонаже, который состоял у него викарием и «едва не потерял носа» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Тверские страницы жизни. Тверь, 1996, с. 180: первая публикация без купюр, по копии из архива С. А. Макашина).

С. снижает фигуру Ф., наделяя именем *Филофей Дроздов* одного из персонажей цикла «Круглый год», любовника «куколки» Nathalie и почитателя опереточной дивы Филиппо (13, с. 445, 492), и упоминая в черновом варианте о якобы родственных отношениях этого Дроздова с митрополитом: «И еще как он лгал, что он покойному Филарету племянником приходится...» (13, с. 759). В рассказе «Переписка» (1873, цикл «Благонамеренные речи») речь идет о некоем Феофане Филаретове, окончившем курс духовной академии и «в качестве многообещающего юноши названном Филаретовым в честь покойного московского митрополита». Сатира С. направлена на так называемое «прозорливство» Ф.: «Вы знаете, как прозорлив был покойный преосвященный; но на этот раз неисповедимые пути провидения и его прозорливости готовили важное и прискорбное испытание. Преосвященный готовил Феофана для высших ступеней духовной иерархии, а вместо того, он ныне томится в заключении, из которого должен будет перейти непосредственно на скамью обвиненных!» (11, с. 83). В высшей степени негативно С. воспринимал защиту Ф. телесных наказаний в «Записке о телесных наказаниях...» (1861), где эти наказания оправдывались ссылками на христианские ценности и Священное писание. Это прочитывается в репликах персонажей «Переписки» о необходимости кнута, которые сочетаются с молитвенными воздыханиями (11, с. 76). Неприятие тех качеств, которые С. находил у Ф.: нравственную глухоту, чиновническое бездушие, ханжество, деспотизм и зависть вполне подтверждает текст «Пошехонской старины»: «У Николая Явленного настоятелем был протопоп, прославившийся своими проповедями. Говорили, что он соперничал в этом отношении с митрополитом Филаретом, что последний завидовал ему и даже принуждал постричься, так как он был вдов. И действительно, в конце концов он перешел в монашество, быстро прошел все степени иерархии и был назначен куда-то далеко епархиальным архиереем» (17, с. 218).

Литература

Филарет. Сочинения Филарета, Митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи: в 5 т. М., 1873–1885; *Филарет*. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам: в 5 т., т. 4. СПб., 1886;

Сушков Н. В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Филарета. М., 1868; Деметр Н. Наши общественные дела // ОЗ, 1872, № 10, с. 233–266; [Аксаков И. С.] Москва, 17 января: По поводу столетнего юбилея митрополита Филарета // Русь, 1883, № 2, с. 8; Т. Н. Грановский. Письмо к Я. Н. Неверову // Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.; Л., 1935, т. 5, с. 752–753; Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т., т. VIII. М., 1856, с. 130–131; т. XIV. М., 1958, с. 82; Лесков Н. С. Мелочи архиерейской жизни // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т., т. 6. М., 1957, с. 398–538; Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С. М. Сочинения. Книга XVIII. М., 1995, с. 529–660; Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3-х т., т. 2. М., 2004;

Дмитриев А. П. Филаретовский юбилей 1867 г. и кончина святителя в оценках «триумвирата» московских консерваторов (И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, М. Н. Катков) // Филаретовский альманах, 2009, № 5, с. 165–186.

Е. А. Бузько

■ **Циммерман** Эдуард Романович (15.04.1822, с. Ивановское Льговского у. Курской губ. – не ранее 1903), писатель-путешественник, журналист, переводчик. Обучался в Московском университете на факультете математики (1839–43). В 1846–52 воспитатель и домашний учитель Хилковых в Бежецком уезде Тверской губернии. В 1853 в соавторстве с А. Ф. Мерчинским издал учебник по арифметике. В 1857–58, сопровождая кн. М. И. Хилкова, Ц. совершил путешествие по Северной Америке. Первые путевые очерки посвящены американским штатам и городам. В 1866–69 побывал в Европе и, будучи «чуть ли не первым иностранным корреспондентом» РВ (Максимов, с. 190), напечатал несколько статей о Франции и Швейцарии. В 1869 Ц. опять отправился в Америку, корреспонденции по ходу путешествия печатались в 1870 в газете «Русская летопись» (отд. изд.: Путешествие по Америке в 1869 и 1870 году. М., 1871; Соединенные Штаты Северной Америки. Из путешествий 1857–58 и 1869–70 годов: в 2 т. М., 1873). Американские очерки Ц. публиковались в ОЗ, «Русском мире», «Семье и школе», «Русской газете». На их основе были написаны детские книги и итоговая работа «Очерки американского сельского хозяйства» (М., 1897), в которой проводилось сравнение с российским опытом хозяйствования. В 1881–83 Циммерман совершил кругосветное путешествие. Серии путевых очерков печатались

в ОЗ, РМ, «Семье и школе» (отд. изд.: «Путешествие вокруг света: Для русского юношества». СПб., 1886). В 1897 обследовал Египет, Тунис и Алжир, очерки об Африке и Сицилии печатались в ВЕ (1899, № 7–10). Публиковал также очерки своих российских путешествий. Ц. восторженно воспринимал американский образ жизни, правосознание, политику и экономику; с особым вниманием относился к железнодорожному транспорту и состоянию дорог, поразивших его впечатление во время первой американской поездки.

В ОЗ были опубликованы статьи Ц. «Основание новых штатов в Америке» (1871, № 12, с. 369–402), «Вотчинный закон в Америке и наши степи» (1877, № 9, с. 109–166) и два тематических цикла. Первый – «Столетняя годовщина в <северной> Америке. Очерки из истории Соединенных штатов» (1876) – состоял из пяти очерков, каждый из которых имел свой подзаголовок. Вторая статья цикла «Штемпельный билль» о противостоянии американских колоний «Акту о гербовом сборе», принятому английским парламентом в 1765, привлекла внимание цензуры. Согласно этому закону каждая деловая сделка и выпуск любого печатного издания в подчиненных Англии североамериканских колониях облагались большим налогом, что вызвало массовые протесты и волнения в Америке. Эти выступления привели к отмене «Акта» в 1766 и были одним из этапов освободительного движения, завершившегося основанием независимых Соединенных Штатов Америки. Подробно описывая протестные события и цитируя выступления американских политиков, Ц. особо подчеркивал значение всеобщих гражданских свобод, которых не было у европейских народов. Цензор ОЗ среди прочих недостатков в материалах номера указал, что «при сравнении однородных каких-либо порядков Европы с Америкой, Ц. «непременно старается представить первые в самом невыгодном свете» (цит. по: *Боград. ОЗ*, с. 458).

Второй цикл статей, «Путешествие по Австралии и Океании» (1882–83), состоял из шести путевых очерков, каждый из которых также имел подзаголовок, сопровождался краткой аннотацией и датой написания, что создавало впечатление корреспонденций с места события. Как автор этих очерков Ц. дважды упоминается в письмах С. к Н. К. Михайловскому. В одном из них, из Парижа от 16/28 сентября 1881, шла речь о формировании очередных номеров ОЗ, куда Циммерман «не замедлит» послать материал (19-2, с. 41). Во втором, от 11 августа 1882, С. писал, что «Циммерман присылает – горы» (19-2, с. 132), своеобразно отмечая необычайную писательскую продуктивность Ц., и не только в отношении материалов для ОЗ.

Литература

- Циммерман Эд. Очерки из истории Соединенных штатов // ОЗ, 1876, № 4, с. 667–689; № 6, с. 421–452; № 9, с. 91–120; № 10, с. 549–566; № 12, с. 349–384); Циммерман Эд. Путешествие по Австралии и Океании // ОЗ, 1882, № 8, с. 307–336; № 9, с. 87–110; № 12, с. 443–488; 1883, № 7, с. 71–112; № 8, с. 349–384; № 9, с. 219–240;
- Тимофеева Л. А. «...кто хочет видеть Волгу во всем ее величии...»: писатель-путешественник Э. Р. Циммерман // Водные пути: пути жизни, пути культуры. Тверь, 2015, с. 112–119;
- Брокгауз, т. 38, с. 185–186; Максимов А. Н. Сотрудники «Русских ведомостей» 1863–1913 // Русские ведомости: 1863–1913: Сб. ст. М., 1913, с. 190–191 (вторая паг.); Русская интеллигенция: Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннот. указ.: в 2 т. СПб., 2010, т. 2, с. 540; Циммерман Эдуард Романович: Краткая библиография. [URL: http://az.lib.ru/c/cimmerman_e/text_0020.shtml] [20.06.2015].

Архивы

- РО ИРЛИ РАН, ф. 377, оп. 7, № 3791 (Письмо в редакцию энциклопедического словаря с автобиографическими сведениями).

Л. А. Тимофеева

■ **Юрьев** Николай Андреевич (18.12.1829 – ?), брат С. А. Юрьева, друга С. Из дворян Московской губернии (ГАТО, ф. 645, оп. 1, д. 4848, л. 11), в 1874 числился записанным в 6 часть дворянской родословной книги Тверской губернии (ГАТО, ф. 514, оп. 1, д. 22, л. 40 об.–41), куда было внесено и имя его жены – Евдокии Владимировны (там же, л. 4). В 1861–66 мировой посредник 2 участка Калязинского у. Тверской губ., принадлежавший к либеральной группе тверских посредников (18-1, 238).

Вполне вероятно, что С. был знаком с Ю., хотя документально это не подтверждено. С. принимал активное участие в обсуждении кандидатур и составлении списка мировых посредников Тверской губернии (*Макашин II*, с. 349, 351). 8 апреля 1861 С. сообщал брату, что его имя «будет в участке Юрьева» (18-1, с. 237), имея в виду С. А. Юрьева. 24 мая 1861 на мировом съезде были утверждены участки и мировые посредники Калязинского уезда, и 3 июня 1861 С. писал Д. Е. Салтыкову: «Твой мировой посредник Юрьев, но не Сергей, а Николай Андреевич, а Сергей Андреевич у него кандидатом» (18-1, с. 243). Ко 2-му участку Ю. относились 5 волостей, в т. ч. Спасско-Салтыковская, в котором

находились владения Д. Е. Салтыкова, и Плещеевская, в которой располагались селцо Мышкино и дер. Новинки, принадлежавшие С. и его брату Сергею (ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 54, л. 16). Уставная грамота была составлена С. Е. Салтыковым по доверенности С. от 10 сентября 1861 (ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 2212, л. 3) и представлена 17 сентября, а 8 декабря «препровождена для хранения в губернское присутствие». Это была одна из двух утвержденных в 1861 уставных грамот в участке Ю. (ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 294, л. 54). 18 января 1862 в губернское по крестьянским делам присутствие было отправлено «Объявление помещиков статского советника Михаила и отставного капитан-лейтенанта Сергея Евграфовича Салтыковых о выкупе крестьянами деревни Новинок Бранихского общества Плещеевской волости, постоянного их земельного надела» (ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 294, л. 55 об.) за подписью Ю., который производил проверку документов, а также состава и границ предоставляемой крестьянам в собственность земли (ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 2212, л. л. 1–1 об.) Проведение реформы во владениях Д. Е. Салтыкова началось в декабре 1861. Количество земли, находившейся в пользовании крестьян, превышало размеры, установленные «Положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», что повлекло за собой долгие споры из-за отрезков, которые в имении Д. Салтыкова были особенно велики (Журавлев, с. 104). Уставные грамоты на село Спасское с деревнями и дер. Артемьево и Семеновская были подписаны через год (ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 3408), а на селения Беляево и Бревново – после объемной переписки с Ю. с объяснениями необоснованности претензий крестьян (Вершинский, с. 27) – только в 1869, уже после увольнения Ю. от должности мирового посредника (ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 3421, 3422). Постановлением Тверского губернского присутствия от 15–16 марта 1866 2-й участок Калязинского у. был упразднен и указом Правительствующего сената от 17 июня 1866 мировой посредник поручик Н. А. Юрьев «уволен от настоящей должности за упразднением заведываемого им участка» (ГАТО, ф. 603, оп. 1, д. 24, л. 1, 7).

Литература

Вершинский А. Н. Салтыковская вотчина в XIX в. // Известия Тверского педагогического института, вып. V. Тверь, 1929, с. 3–37; Журавлев Н. М. Е. Салтыков (Щедрин) в Тверской губернии. Калинин, 1939.

Архивы

ГАТО, ф. 645, оп. 1, д. 4848 (Дело о дворянском происхождении губ. секр. С. А. Юрьева о внесении его в родословную книгу и выдаче грамоты. 1849–1854 гг.); ГАТО, ф. 514, оп. 1, д. 22 (Постановления Тверского гу-

бернского собрания. 1874–1877 гг.); ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 54 (Переписка об открытии мировых съездов и выборе мировых посредников. 1861 г.); ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 2212 (Дело о выкупе крестьянами д. Новинок и сельца Мышкино Калязинского уезда Тверской губернии усадебной и полевой земли у М. Е. и С. Е. Салтыковых. 1861–1862 гг.); ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 294 (Сведения мировых посредников об утверждении уставных грамот. 1862 г.); ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 3408 (Уставные грамоты Калязинского уезда. Спасско-Салтыковского общества села Спасского. 1861 г.); ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 3421 (Уставные грамоты Калязинского уезда. Спасско-Салтыковского общества дер. Беяевки. 1869 г.); ГАТО, ф. 484, оп. 1, д. 3422 (Уставные грамоты Калязинского уезда. Спасско-Салтыковского общества дер. Бревново. 1869 г.); ГАТО, ф. 603, оп. 1, д. 24 (Об уничтожении одного из мировых участков. 1869 г.).

И. Н. Поведская

III

СТАТЬИ

Биографические и творческие связи

Комментарии и интерпретация

Рецепция

*Е. В. Душечкина*¹

(Санкт-Петербургский государственный университет)

М. Е. САЛТЫКОВ И Н. С. ЛЕСКОВ:

БЫЛА ЛИ ПОЛЕМИКА?²

В статье рассматривается история сложных личных и творческих отношений между М. Е. Салтыковым-Щедриным и Н. С. Лесковым. Специфика их личных и профессиональных отношений состоит в том, при отсутствии очного знакомства друг с другом они, тем не менее, в течение всей своей творческой жизни находились в постоянных связях, что, в конце концов, привело к сближению и совпадению их взглядов на предназначение русской литературы.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, взаимоотношения, русская литература середины XIX в., полемика, коммуникация, литературное влияние.

E. V. Dushechkina

(Saint Petersburg University)

M. E. SALTUKOV AND N. S. LESKOV:

WAS THERE A CONTROVERSY?

The history of the complex creative touches between Saltykov-Shchedrin is considered in the article. The specificity of their personal and professional relationships is that despite the fact that they didn't know each other personally, nevertheless they had permanent relationships which in the end led them the convergence and coincidence of their views on the purpose of Russian literature.

Keywords: Michael Saltykov-Shchedrin, Nikolai Leskov, Russian literature of the mid-19th century, controversy, disputes, communication, literary influence.

¹ Душечкина Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: dushechkina@yandex.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00192).

■ Проблема «Салтыков-Щедрин и Лесков» освещалась в литературе неоднократно. Назову работы В. С. Петрушкова, С. А. Макашина, И. П. Видуэцкой, М. С. Горячкиной, А. А. Горелова, А. П. Ауэра, Л. Г. Чудновой. Авторы писали о вопросах преемственности писателей (в основном Лескова у Салтыкова), сравнениях, сопоставлениях, общности сатирических приемов писателей, откликов в печати друг о друге и пр.

Поставив перед собой цель рассмотреть историю полемики между Салтыковым и Лесковым, в процессе работы над статьей я вскоре поняла, что никакой полемики между ними не было. Poleмика предполагает спор, дискуссию при выяснении каких-либо (литературных, общественных, политических и пр.) вопросов. Однако ни устных, ни печатных дискуссий Салтыкова с Лесковым не зафиксировано. Более того, нет уверенности в том, что они когда-либо встречались, были лично знакомы, разговаривали друг с другом. Согласно хронологической канве жизни и деятельности Лескова, составленной К. П. Богаевской, по крайней мере, два раза оба писателя были одновременно в одном помещении: «15 декабря 1873 г. состоялось собрание представителей литературы и искусства у В. П. Гаевского по вопросу об издании литературного альманаха „Складчина“ в пользу голодающих самарцев. Присутствовали: М. Е. Салтыков-Щедрин, Я. П. Полонский, А. Н. Майков, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский и др.». Если это сообщение входит в летопись жизни Лескова, то значит и Лесков там был, но в приведенной цитате он, видимо, включен в группу «др.». Четыре дня спустя по тому же поводу и там же опять состоялась встреча писателей. В этом сообщении уже перечислено не шесть, а четырнадцать фамилий. И снова Лесков попадает в группу «др.» [Богаевская, 1958, с. 813]. Если все же он там присутствовал, то сведений о его общении с Салтыковым не зафиксировано. Нет произведений Лескова и в альманахе «Складчина», вышедшем в следующем, 1874 г., несмотря на то, что в этом сборнике приняли участие 49 литераторов самых разных направлений. Так, может быть, и на собрании Лескова не было?

Мне представляется, что, освещая связи Лескова и Салтыкова, стоит говорить не о полемике, а об отношениях, точнее – о связях, лично и очно незнакомых друг с другом людей. Их коммуникация (а она безусловно была) реализуется в иных формах – через опосредованное общение. Они знали друг о друге, но их связь осуществлялась не напрямую, а обособленно: в печати и через печать. Через печать проявляется общение, выражаются эмоции (положительные и отрицатель-

ные), возникает взаимопонимание или взаимоотталкивание. Согласно Л. А. Бакстеру [Baxter, 2004, с. 1–22], А. Л. Силларсу и А. Л. Вангелисти [Sillars, Vangelisti, 2006, с. 331–351] и др. исследователям, коммуникация – это средство, с помощью которого люди конструируют и поддерживают свои отношения как социальное взаимодействие. Есть понятие невербальной коммуникации, которая тоже может осуществлять социальное взаимодействие [Андрианов, 2007]. Опираясь на факты этого обособленного общения, можно реконструировать отношение коммуникантов друг к другу, совпадение или несовпадение их взглядов.

Мои персонажи почти ровесники (Салтыков на 5 лет старше – родился в 1826 г. и скончался на 6 лет раньше – в 1889). Оба тесно связаны с Петербургом. Главное дело обоих – литература. Оба знали друг о друге (Лесков Салтыкова, по крайней мере, с 1860 г., Салтыков Лескова (Стебницкого) – видимо, с 1862). Каждый из них так или иначе откликался на публикации другого, пользовался его образами и выражениями.

Рассмотрим историю их связей, проследив по текстам, ими написанных, и отчасти по другим источникам.

Первым откликается на Салтыкова Лесков в очерке <<О соискателях коммерческой службы>> (<<Указатель экономический>>, 1860). Здесь начинающий писатель использует ставшие широко известными имена персонажей: Живолот (Салтыкова) и Сквозник-Дмухановский (Гоголя): «Русская литература, – пишет Лесков, – осмеивая Живолютов, Сквозников-Дмухановских и прочих „озорников“ и „надорванных“, – остается в долгу перед людьми, которые отдали свои лучшие годы науке...» [Лесков, 1996, 1, с. 170]. Живолотом в очерке Салтыкова «Неприятное посещение» из «Губернских очерков» зовут исправника Маремьянкина за то, что в детстве, он якобы глотал живую рыбу. «Озорники» и «надорванные» оттуда же. А это свидетельствует о том, что «Губернские очерки» Лесковым прочитаны (вышли в 1857 г.) и усвоены.

К «Очеркам винокуренной промышленности» («Отечественные записки», 1861), Лесков ставит эпитафию из сатиры в прозе Салтыкова «Скрежет зубовой» («Современник», 1860): «Урожай у нас – Божья милость, неурожай – так, видно Богу угодно. Цены на хмель высокие – стало быть, такие купцы дают; цены низки – тоже купцы дают» [Лесков, 1996, 1, с. 259]. Этот эпитафия используется по свежим следам – через два-три месяца после выхода в свет сатиры Салтыкова. Как видим, Лесков внимательно следит за его творчеством.

В очерке «Русские люди, состоящие „не у дел“» («Русская речь», 1861) встречаем очередное обращение Лескова к Салтыкову с оценкой тех же «Губернских очерков». Лесков объясняет, почему эта книга принесла Салтыкову славу: «Очевидно, что статьи, обличающие чиновников, – пишет он, – были выражением общественного негодования <...>, а потому рассказы Щедрина, <...> приподнимавшие покров, которым были завешены пружины нашей судебно-административной неурядицы, читались нарасхват...» [Лесков, 1996, 1, с. 366]. Лесков дает высокую оценку социальной значимости книги Салтыкова. Поскольку этот его очерк написан в 1861 г., то возможно, в нем имеются в виду и более поздние произведения Салтыкова 1857–1860 гг.: «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе». В некоторых других текстах Лескова встречаются также отсылки к «Губернским очеркам», которые писатель прекрасно знал и очень ценил.

В очерке ««О лжи в русской жизни»» (апрель, 1862) Лесков пишет: «За исключением некоторых рассказов гг. Щедрина, Успенского и писем Якушкина, они <читатели. – Е. Д.> нигде не встретили верно-го описания народного быта, нигде не увидели того народа, с которым они живут...» [Лесков, 1996, 2, с. 500]. Здесь опять введена ссылка на Салтыкова прежде всего как на автора истинно пишущего о народной жизни, наряду с П. И. Якушкиным («Путевые письма из Орловской области») и Н. В. Успенским («Очерки народного быта»).

В статье «О литераторах белой кости» («Русский инвалид», 1862) Лесков с явным одобрением отзывается о писателях (в том числе и о Салтыкове), которые, печатаясь в таких изданиях как «Русский вестник» и «Русская речь», «не меняют своих убеждений, как белье» [Лесков, 1996, 1, с. 438]. Можно привести и целый ряд других высказываний Лескова о Салтыкове.

Казалось бы, все развивается спокойно. Младший писатель ссылается на старшего, уже нашедшего свое место в литературе, соглашаясь с ним, поддерживая его идейную позицию и его поведение как литератора. Он явно все читает и все серьезно обдумывает.

Однако вскоре ситуация резко меняется: в мае 1862 г. случается скандал в связи со статьей Лескова (Стебницкого) о петербургских пожарах, напечатанной в достаточно либеральной в те годы «Северной пчеле». Имя Стебницкого становится одиозным, а с 1864 г., после опубликования романа «Некуда», начинается травля Лескова (Стебницкого) со стороны радикалов. Эти драматические в жизни Лескова события хорошо известны. Наиболее язвительными были статьи В. А. Зайцева «Перлы и алмазны русской журналистики» («Русское

слово», 1864) и Д. И. Писарева «Прогулка по садам российской словесности» («Русское слово», 1865). В статье Д. И. Писарева роман назван дурным произведением, бесчестным поступком. Распространяется даже слух, что он написан по заказу Третьего отделения. При этом никаких аналитических рецензий на роман Лескова в печати не появлялось. «Современники восприняли этот роман, – пишет И. В. Столярова, – как оскорбительный пасквиль. Как справедливо заметил Салтыков-Щедрин, роман не был серьезно разобран никем из критиков, в адрес автора раздавалась одна литературная брань» [Столярова, 1996, 1, С. 28].

Ну а что же сам Салтыков? Что знал, что писал и как относился Салтыков к Лескову до одиозной статьи в «Петербургской газете»? В ряде статей и рецензий Салтыкова встречаются упоминания Стебницкого, которого он характеризует как представителя «школы клубничизма». Об истории слова «клубничизм» (от «клубнички» – чего-нибудь скабрезного, эротического) и его употреблении Салтыковым, писал В. В. Виноградов в своей неоконченной статье для книги «История слов» [Виноградов]. Понятие «клубничизм» по отношению к рассказам Лескова середины 1860-х гг. представляется весьма странным или, по крайней мере, натянутым. Так, в рецензии на диологию В. Авенариуса «Бродящие силы» (1867) Салтыков пишет: «... г. Стебницкий и за ним Авенариус пропагандировали клубнику, как единственную положительную сторону русской жизни и русских нравов» [9, с. 237]¹. Салтыков имеет в виду драму Лескова «Расточитель» («Литературная библиотека», 1867). В рецензии на комедию Н. И. Чернявского «Гражданский брак» (1868) Салтыков опять пишет о том же: «Клубничизм новейшего времени взрастил два цветка на своей почве: гг. Стебницкого и Авенариуса» [9, с. 254]. То же и в статье «Новаторы особого рода» (1868), написанной по поводу романа Боборыкина «Всемирный труд». Помимо «клубничизма», гораздо более серьезная критика направлена на писателей (в том числе и на Лескова), издающихся над нигилистами. В рецензии на комедию И. В. Самарина «Перемелется – мука будет» Салтыков пишет: «В прошлый театральный сезон мы имели драму г. Стебницкого, комедию г. Чернявского и, наконец, комедию г-жи Себиновой „Демократический подвиг“ – три произведения, в которых вполне выразился наш положительный нигилизм, тот ниги-

¹ Здесь и далее во всех статьях это издание (Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20-ти т. – М.: Худож. литература, 1965–1977) цитируется без упоминания в списках литературы (ред.).

лизм, который учит мыслить затылком и кричать: „пожар!“ – при малейшем сознательном движении жизни вперед» [9, с. 280].

Специально посвященной Лескову статьи Салтыков не писал долго, хотя еще 7 апреля 1865 г. он намеревался написать для «Современника» разбор романа «Некуда»: «Кстати: не желаете ли, чтобы я написал хорошие и милые рецензии на романы: „Некуда“, „В путь-дорогу“ и „Марево“? – не без самодовольного ехидства пишет он Некрасову, – Я напишу. Если желаете, то пришлите мне самые романы, кои хотя я и читал, но все-таки недурно иметь их под руками» [18-1, с. 301]. Однако в 1865 г. эта статья так и не была написана.

Но вот, наконец, в 7-м номере «Отечественных записок» за 1869 г. в отделе «Новые книги» появляется неподписанная статья «Повести, очерки и рассказы М. Стебницкого», посвященная незадолго до того вышедшему двухтомнику Лескова [см.: 9, с. 335–342]. И хотя роман «Некуда» не был включен (что естественно) в двухтомник (в него вошли рассказы середины 1860-х гг.), тем не менее, именно «Некуда» сразу оказался в центре внимания Салтыкова: «О романе кричали много, он был руган и переруган несчетное число раз, наконец, самое имя г. Стебницкого приобрело какой-то особенный смысл...» [9, с. 335]. Было ясно, что роман этот едва ли не навсегда или, по крайней мере, надолго утвердил в сознании Салтыкова неприемлемый для него образ Лескова. Статья Салтыкова создает впечатление, что более или менее внимательно он прочитал из двухтомника только очерк «Русское общество в Париже». По крайней мере, повесть «Леди Макбет Мценского уезда» (1864) затронута бегло и опять же в связи с «клубничизмом», а «Овцебык» – в связи с нигилизмом. О других вошедших в двухтомник произведениях вообще речь не идет. Говоря о «Русском обществе в Париже», Салтыков особый упор делает на отношении Стебницкого к нигилизму: «И действительно это у него какой-то кошмар, – пишет он, – нигилисты не дают ему покоя, они его со свету сживают; даже за границей он не мог от них скрыться, и там они везде становились ему поперек дороги» [9, с. 341].

Главные тезисы Салтыкова таковы: «Некуда» – это не литература, это пасквиль, это доносительство, это сплетни: «...изделие г-на Стебницкого, известное в продаже под названием „Некуда“, никогда не было *литературным произведением*¹; стало быть, и относиться к нему как к настоящему роману не только не было надобности, но даже и не было никакой возможности» [9, с. 335]. Текст Салтыкова

¹ Здесь и далее курсив автора.

трудно назвать рецензией – это почти сплошная ругань, логика развития мысли прослеживается с трудом. При этом Салтыков сам справедливо отмечает, что роман «Некуда» «не был серьезно разобран никем из критиков»: «Отзывы эти были не более не менее как частные взрывы личного негодования, это была просто-напросто брань <...>, раздавалась одна литературная брань» [9, с. 335]. Впрочем, и сам он, как уже было отмечено, серьезного разбора не сделал.

Текст Салтыкова был напечатан анонимно. Тем не менее, мало кто в те годы сомневался в авторстве этого текста, как, видимо, и сам Лесков, внимательно следивший за всем, что появлялось в «Отечественных записках». О ссылках Лескова на статью Салтыкова сведений нет. В этот период Лесков особенно болезненно переживает все отзывы о себе. Однако, как справедливо пишет А. П. Ауэр, «... нигде Салтыков не назван Лесковым среди обидчиков. <...> Писатель отклонялся от открытой полемики с Салтыковым» [Ауэр, 1998, с. 123].

Но вместе с тем Лесков стремится к объективности: когда его взгляды совпадают со взглядами Салтыкова, он готов солидаризироваться с писателем и даже поддерживать его. Так, в 1869 г. в «Русских общественных заметках» Лесков поддерживает Салтыкова, который «ядовито и зло подтрунивал» [Лесков, 1869, с. 1] над заседаниями сессии губернского земского собрания, свидетелем которых он был во время службы в Пензе и Туле. Лесков защищал Салтыкова и Гл. Успенского, выступивших против переоценки современной прессой новых судов, отметив, что «в журналистике возник негласный запрет на какие бы то ни было критические замечания в адрес новых судов» [Лесков, 2004, 8, с. 139].

Лесков не писал о Салтыкове критических статей. Он вообще не отвечал статьями на критиков радикального лагеря, в том числе и на Салтыкова. Он коммуницирует с Салтыковым иначе: работает с его образами и выражениями в самой ткани своих художественных текстов. С этим мы встречаемся еще в «Некуда» (глава «Два внутренние мира»), где Лесков пишет, что «... надворный советник Щедрин начал рассказывать такие вещи, что снова прошел слух, будто бы родился антихрист и действует в советничком чине. По газетам и другим журналам закопошились обличители» [Лесков, 2004, 4, с. 163].

Однако порою осуждение образа жизни «новых людей», на стороне которых стоял и Салтыков, входило в ткань произведений Лескова, как, например, в романе «На ножах» (1870), где рассказывается о судьбе героини, увлекшейся фаланстерами, ребенок которой сразу был отдан в воспитательный дом: «Такие, дескать, у нас правила игры»

[Лесков, 2004, 9, с. 79]. Фет вспоминает эпизод, когда Салтыков, расхваливал Тургеневу успех недавно возникших фаланстеров. На недоумение своего собеседника «А какая же участь ожидает детей?», Салтыков отвечает: «Детей не полагается» [Фет, 1890, 1, с. 367–368]¹. Эта чудовищная для Лескова позиция нигилистов вызывала его возмущение, тем более что еще в 1863 г. в статье о Чернышевском и романе «Что делать» он писал: «... дети и подавно *отрицаются*, их община будет воспитывать; родители им не нужны» [Лесков, 2007, 10, с. 18]. Что же касается Салтыкова, то трудно поверить в то, что писатель, который говорил: «Сердце мое невольно сжимается всякий раз, как я вижу детей» [17, с. 493], серьезно поддерживал идею воспитания детей вне семьи. Его высказывания были скорее идеологической бравадой, нежели реальным отношением к детям.

В «Божедомах» (1868–1869) газетный работник Бубка называет Салтыкова пророком, сказавшим, «что нигилист есть нераскаившийся титулярный советник, а титулярный советник есть раскаявшийся нигилист, да прибавил, что „все тут будем“, – и верно!» [Лесков, 2000, 7, с. 520]. Лесков включает почти буквально высказывание Салтыкова из хроники «Наша общественная жизнь» (<Январь 1864 года>): «Но и я сказал вещь не менее резонную, когда утверждал, что нигилисты суть не что иное, как титулярные советники в нераскаянном виде, а титулярные советники суть раскаявшиеся нигилисты... Все там будем!» [6, с. 234]. «Все там будем» в истолковании «кающегося нигилиста», означает – «будем в лагере реакции и консерватизма». Это выражение очень понравилось Лескову, совпадало с его взглядами и запомнилось ему навсегда. Впоследствии он не раз его использовал, вплоть до 1891 г., когда 4 января писал Л. Н. Толстому о бывших нигилистах и радикалах, которые теперь устраиваются на службу с большим жалованием: «Вспоминаешь Салтыкова: „Все там будем“!» [Лесков, 1958, 11, с. 473].

Примеры отсылок Лескова к Салтыкову многочисленны, в то время как Салтыков и в дальнейшем сохранял весьма настороженное отношение к Лескову и его творчеству. О Лескове он никогда больше не писал: роман «Некуда» раз и навсегда определил для него «лицо» и репутацию Лескова, и в этом смысле действительно имел для писателя «роковое и почти трагическое значение» [9, с. 234]. До Лескова иногда доходили некоторые суждения Салтыкова о нем. Так, в 1875 г. Лесков пишет И. С. Аксакову: «В одном московском доме Некрасов

¹ Подробнее см.: [Рейфман, 1979, с. 363].

сказал: „Да разве мы не ценим Лескова? Мы ему *только ходу не даем*“» [Лесков, 1958, 10, с. 397]. Под «мы» имелся, конечно, в виду и присутствовавший здесь же Салтыков.

И вместе с тем сближение Салтыкова и Лескова происходило.

Со временем Салтыков все более совпадает в своих взглядах с Лесковым на литературу. В статье «Напрасные опасения» (1868) он писал: «Новая русская литература не может существовать иначе как под условием уяснения <...> положительных типов русского человека ...» [9, с. 23]. Создание положительных героев было для него самой трудной и самой необходимой задачей литературы как «приготовление элементов будущего» [Столярова, 1998, с. 97]. Лесков в своих рассказах о праведниках как раз «приготавливал эти элементы». Это свидетельствовало о том, сколь важным писатель считал воссоздание черт красоты народа, его нравственности и подвижничества. «Искусство, – по его мнению, – должно и даже обязано сберечь сколь возможно все черты народной красоты» [Лесков, 1882, с. 2].

Салтыков, говоря о необходимости создания в литературе положительных героев, отнюдь не вспоминал Лескова, который так много сделал в этом направлении. Сближение Лескова с Салтыковым происходило, но оно происходило не на личностном уровне, а на уровне идей, взглядов на те или иные вопросы литературы и русской жизни. «Были, знаете, слова, – говорил Салтыков Н. К. Михайловскому незадолго до смерти, – ну, совесть, отечество, человечество, другие там еще... А теперь потрудитесь-ка их поискать!» [Михайловский, 1957, с. 313]. Свой литературный стиль писатель объяснял так: «Литература, например, может быть названа солью русской жизни: что будет, если соль перестанет быть соленою?» [Арсеньев, 1900, с. 153]. Салтыков вспоминает здесь слова из Евангелия от Марка (9: 50).

И случается как по Пушкину: «Бывают странные сближенья». В 1891 г., уже после кончины Салтыкова, Лесков опубликовал в «Петербургской газете» «литературную заметку» «Обуянная соль», поставил к ней эпитафию из Евангелия от Марка: «Соль – добрая вещь, но если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?» Образ обуянной соли Лесков, как несколькими годами раньше Салтыков, связывает с литературой. Отвечая на критику своего рассказа «Под Рождество обидели», Лесков пишет, что «если же литература отступит» от <...> высокого и верного направления <...> она будет то, что обуянная соль, потерявшая свою соленость, которую остается выбросить вон» [Лесков, 1891, с. 2].

Салтыков умирает 28 апреля 1889 г.

12 октября 1889 г. Лесков пишет В.А. Гольцеву: «Посылаю Вам стихотворение Фофанова, которое висело у меня, прикрепленное на стенке над рабочим столом. Оно написано не одному Салтыкову, а вообще „отошедшим“, и появилось в печати после смерти Андрея Алекс<андровича> Краевского. Мне оно очень нравится...» И далее приводится текст стихотворения «Отошедшим»: «Отходят старые глашатаи свободы / Под своды вечные, под гробовые своды / И лавры провожают их...» [Лесков, 11, с. 349].

К.М. Фофанов написал это стихотворение в августе 1889 г. Оно посвящено «вообще „отошедшим“» в последнее время, но Лесков, вывесивший текст этого стихотворения над своим рабочим столом, прежде всего, вспомнил Салтыкова, «отошедшего» несколько месяцев тому назад.

Литература

- Андрианов М. С. Невербальная коммуникация: психология и право. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007. – 256 с.
- Арсеньев К. К. Салтыков (Михаил Евграфович) // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и М.А. Ефрона: в 86 т. Т. 28. – СПб.: Издательское дело, 1900. – С. 150–156.
- Ауэр А. П. Салтыков-Щедрин и Лесков: (К поэтике русской сатиры второй половины XIX века) // М.Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII–XX веков. – М.: Наследие, 1998. – С. 159–180.
- Богавская К. П. Хронологическая канва жизни и деятельности Н. С. Лескова // Н. С. Лесков. Собрание сочинений: в 11 т. – М.: ГИХЛ, 1956. Т. 11. – С. 799–834.
- Виноградов В. В. История слов. [URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=klubnitschka&vol=2>] [10.10.2016].
- <Лесков Н. С.>. Русские общественные заметки // Биржевые ведомости. – 1869. – № 1869. – С. 1–2.
- Лесков Н. С. Жития как литературный источник // Новое время. – 1882. – № 2323. – 17 августа. – С. 2.
- Лесков Н. С. Обуюнная соль // Петербургская газета. – 1891. – 13 января. – № 12. – С. 1–2.
- Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. / подг. текста и примеч. Б.М. Эйхенбаума – М.: Худож. литература, 1956–1958.
- Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1–8 / Под ред. И. П. Видуэцкой. – М.: Terra. 1996.
- Михайловский Н. К. Памяти Щедрина // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников / под общ. ред. С.Н. Голубова и др. – [Л.]: ГИХЛ, 1957. – С. 312–321.

- Рейфман П. С.* Предполагаются ли дети? // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по русской и славянской филологии. XV. Литературоведение. – Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та. 1979. – С. 357–363.
- Столярова И. В.* Лесков и Россия // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений. Т. 1. – М.: Terra, 1996. – С. 7–100.
- Фет А. А.* Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 ч. Ч. 1. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1890. – 452 с.
- Baxter L. A.* Relationships as dialogues // Personal Relationships. – Vol. 11. – № 1. – The University of Iowa, 2004. – P. 1–22.
- Sillars A. L., Vangelisti A. L.* Communication: Basic properties and their relevance to relationship research / ed. A. L. Vangelisti and D. Perlman // The Cambridge Handbook of Personal Relationships. – New York: Cambridge University Press. 2006. – P. 331–351.

И. Н. Поведская¹

(Тверской государственной объединенный музей)

ЗИЛОВЫ – ТВЕРСКИЕ РОДСТВЕННИКИ М. Е. САЛТЫКОВА

В статье, основанной главным образом на архивных источниках, приводится информация о семье сестры М. Е. Салтыкова – Любви Евграфовны, в замужестве Зиловой, даются сведения о владениях и материальном положении дворян Зиловых, судьбах детей и внуков Л. Е. и Н. А. Зиловых.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков, Любовь Евграфовна Салтыкова, Зиловы, Старицкий уезд, с. Страшевичи, имущественное положение, потомство.

I. N. Povedskaya

(Tver State Museum)

THE ZILOVS – TVER RELATIVES OF M. E. SALTYKOV

This article is based mostly on archival sources and provides the information concerning the sister of Mikhail Saltykov Lyubov Yevgrafovna, otherwise Zilova. It gives information about acres and means of the nobles Zilovs and lives of the children and grandchildren of L. E. and N. A. Zilovs.

Keywords: M. E. Saltykov, Lyubov Yevgrafovna Saltykova, Zilovs, Staritsa uyezd, Strashevichi village, property status, posterity.

■ В 1846 г. сестра М. Е. Салтыкова Любовь Евграфовна вышла замуж за тверского помещика Н. А. Зилова. Род дворян Зиловых известен с XVII в. [Чернявский. Приложение, с. 76], их владения располагались в Старицком, Осташковском и Новоторжском уездах Тверской губернии [Тверская усадьба, 2000].

Николай Александрович Зилов родился 1 ноября 1809 г. в сельце Усохи Старицкого уезда в семье военного [Метрические книги Старицкого уезда за 1809 год, л. 754]. Его отец Александр Сергеевич Зилов (1787–1867) [Шереметевский, 1914, с. 317] – штабс-капитан, помещик Старицкого уезда, мать Прасковья Васильевна принадлежала к старинному дворянскому роду Дубасовых.

¹ Поведская Инна Николаевна, старший научный сотрудник Тверского государственного объединенного музея; innapoved@mail.ru.

Николай Зилов начал службу в 1827 г. юнкером в Лейб-гвардии Кирасирском полку, в 1829 г. получил звание корнета. В 1831 г. в чине поручика участвовал в кампаниях русской армии по подавлению польского восстания, за что был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», серебряной медалью «За взятие приступом Варшавы, 25 и 26 авг. 1831», польским знаком отличия «За военное достоинство» 4-й степени. В 1838 г. в чине ротмистра переведен в Уланский Великого князя Михаила Павловича полк. В 1841–1842 гг. командовал эскадронам, в октябре 1843 г. был уволен в бессрочный отпуск по домашним обстоятельствам с зачислением в запасной армейский эскадрон этого же полка [Дело по прошению Николая Александрова о причислении детей его к роду Зиловых..., л. 1–5].

В 1842 г. между А. С. Зиловым и его детьми – сыновьями ротмистром Николаем, штабс-ротмистром Павлом, поручиками Александром и Леонидом и дочерью Любовью (в замужестве Масловой) произошел раздел имущества, доставшегося по наследству после умерших Прасковьи Васильевны Зиловой, надворной советницы Натальи Федоровны Гордеевой и поручицы Пелагеи Федоровны Дубасовой (бабушки детей Зиловых), причем все крестьяне Зиловых были заложены в Московском опекуном совете по 250 р. за душу. Земли и крестьянские души были разделены примерно поровну между всеми детьми. По этому разделу Николаю достались часть земель, дворовых людей и крестьян в с. Страшевичи, деревнях Короткове и Фомине Старицкого уезда, Корино (Князово) в Осташковском уезде, Алексейково в Новоторжском уезде. Всего в собственности Н. А. Зилова накануне женитьбы числилось свыше 900 десятин земли, 8 дворовых и 83 крестьянских душ мужского пола, доход со всех имений составлял 535 руб. в год, в т. ч. 15 руб. дохода приносила водяная мукомольная мельница на реке Рачайне, находившаяся в совместной собственности с братом Павлом. Незадолго до свадьбы, в октябре 1845 г., видимо, нуждаясь в средствах, Зилов обратился за надбавочной ссудой в 15 руб. серебром за душу в Московский Опекунский совет [О выдаче Зиловым свидетельств на разное имение, л. 1, 5, 41–46; Дело по письму губернского предводителя дворянства..., л. 2–6].

Как свидетельствует семейная хроника Салтыковых, 13 декабря 1845 г. «девица Любовь Евграфовна Салтыкова стоворена в супружестве за старицкого помещика уланского великого князя Михаила Павловича полка ротмистра и кавалера Николая Александровича Зилова» [цит.: Саватеев, 1991, с. 282]. 28 января 1846 г. в с. Спасском в придельном храме Корсунской Богоматери было совершено таин-

ство бракосочетания, затем молодые уехали в Москву [Саватеев, 1991, с. 282].

5 ноября 1846 г. Николай Александрович был уволен от службы по домашним обстоятельствам «майором и с мундиром» [Дело по прошению Николая Александрова..., л. 4].

Семья проживала в селе Страшевичи. Это большое торговое село располагалось на тракте Тверь–Торжок–Ржев. Здесь было две церкви, трактиры, постоялый двор, красильня, мастерская, кузница, шерстобойка, несколько раз в год устраивались ярмарки. В самом селе и его окрестностях было несколько дворянских усадеб. Зиловы соседствовали с Наркевичами, Путятиными, Черкашениновыми, Черкасовыми, Загрязскими, Давыдовыми, Дубасовыми, Хлоповыми. Семья брата Николая, Павла, у которого было 5 детей, также проживала в Страшевичах, другой его брат – Леонид, у которого было 10 детей – в сельце Родном, отец Александр Сергеевич – в сельце Александровском.

Господский дом Николая Александровича и Любви Евграфовны Зиловых располагался в южной части села, он был деревянный, на каменном фундаменте, с мезонином и двумя флигелями. Там же размещались хозяйственные постройки (каменные скотный и конный дворы, амбары, кузница, каретный сарай и пр.) и сад «с плодовитыми деревьями» [Дело по письму губернского предводителя дворянства..., л. 6]. Крестьяне Зиловых из селений, находящихся в Старицком и Новоторжском уездах, занимались хлебопашеством и проводкой барок по реке Тверце, ходили на барщину, а крестьяне из Осташковского уезда состояли на чистом оброке, который платили 2 раза в год – деньгами и рябчиками [Дело по письму губернского предводителя дворянства..., л. 3; Описание имения..., л. 8].

Семья жила небогато, к тому же через три года после женитьбы Зилов серьезно заболел, «незавидное» положение семейства сестры, достойной «лучшей участи», вызывало беспокойство Михаила Евграфовича [18-1, с. 39–40]. «За слабостью зрения просителя майора Н. А. Зилова» прошение от 16 октября 1850 г. о причислении к роду детей подписывала Любовь Евграфовна [Дело по прошению Николая Александрова..., л. 1 об.] 5 июля 1853 г. в Страшевичи на два дня приехал М. Е. Салтыков и подарил племянникам 5 лотерейных билетов [Из родового архива Салтыковых, 1976, с. 296].

Любовь Евграфовна умерла 9 ноября 1854 г., вскоре после рождения дочери Прасковьи, как указано в метрических книгах – «от родов», похоронена в с. Страшевичи [Метрические книги Старицкого уезда за 1854 г., л. 1644 с об.] После ее смерти Ольга Михайловна

Салтыкова отказалась взять на воспитание детей Зиловых и просила Михаила сообщить его мнение на этот счет [Из родового архива Салтыковых, 1976, с. 298]. Но, судя по ее переписке с Дмитрием Евграфовичем, в 1856 г. дети проживали в селе Ермолино [Из родового архива Салтыковых, 1976, с. 309, 319]. Николай Александрович к концу жизни совсем ослеп, и описание имения Корино в 1858 г., «за лишением его зрения», подписал его отец А. С. Зилов. К этому времени все владения Зиловых находились в залоге Московского Опекунского совета [Описание имения Н. А. Зилова, л. 14, 16 об.].

Умер Н. А. Зилов 10 сентября 1858 г., как сказано в метрических книгах церкви села Страшевичи, – «от простуды», похоронен был на приходском кладбище [Метрические книги Старицкого уезда за 1858 год, л. 2478 об.]

У супругов Зиловых было 6 детей – сыновья Михаил (1848–1872), Александр (1849–?), Петр (1850–1880) и дочери Ольга (1846–1862), Надежда (в замуж. Раевская, 1852–1877), Прасковья (в замуж. Вревкина, 1854–1892) [Дело по прошению Николая Александрова..., л. 6–9; Дело по прошению малолетних Зиловых..., л. 2–3; Шереметевский, 1914, с. 317–318, 726]. Четверо детей Зиловых умерли, не дожив до 30 лет.

Старшая дочь Ольга родилась 5 декабря 1846 г., крестили ее в Новоторжском Воскресенском Девичьем монастыре [Дело по прошению Николая Александрова..., л. 7]. Михаил Евграфович в письме к брату Дмитрию от 9 декабря 1854 г., не советуя матери брать на себя опеку над всеми детьми Зиловых, предлагал принять «на полное попечение Олю, старшую дочь Любочки, и отдать ее в казенное заведение, так как она уже довольно подросла для этого» [18-1, с. 148–149], но только в апреле 1858 г., незадолго до смерти Н. А. Зилова, О. М. Салтыкова собралась отправить внучку в Петербург или Москву «в заведение» и поручила Михаилу «все их посмотреть» [Из родового архива Салтыковых, 1976, с. 324]. В итоге был выбран Московский сиротский дом, куда Ольгу должны были доставить Сергей Евграфович и Екатерина Епифанова (внучка О. М. Салтыковой, дочь Надежды Евграфовны) в октябре 1858 г. [Из родового архива Салтыковых, 1976, с. 341]. Ольга умерла в 1862 г. [Шереметевский, 1914, с. 317]. Как сообщает семейная летопись, которую на страницах «Месяцеслова» вел Евграф Васильевич Салтыков, «1862-го года июля 29-е число скончалась внучка наша Ольга Николаевна Зилова в усадьбе родителей ее в селе Страшевичи и погребена возле прахов ее родителей. – Мир праху твоему, милое дитя, скончавшееся на 15-м году ее жизни!» [цит.

по: Саватеев, 1991, с. 282–283]. Метрическая книга фиксирует смерть 1 августа, от чахотки [Метрические книги Старицкого уезда за 1862 г., л. 1287 об.]

Старший сын Михаил родился 16 февраля 1848 г., крещен в Преображенском соборе г. Торжка [Дело по прошению Николая Александрова ... Л. 9], умер 9 августа 1872 г., похоронен на приходском кладбище с. Страшевичи [Шереметевский, 1914, с. 317]. Больше никаких сведений о нем обнаружить не удалось.

Александр родился 26 марта 1849 г., крещен был в Крестовоздвиженской церкви г. Торжка [Дело по прошению Николая Александрова ..., л. 8]. В 1865 г. он поступил в Морское училище (Морской кадетский корпус), в 1869 г. «выдержал экзамен на гардемарина 17-м учеником» [18-2, с. 18; Отчет председателя, 1869, с. 38]. Экзамены (по 14 предметам) проводились с 3 марта по 9 апреля, выпуск и производство в гардемарины состоялись 20 апреля 1869 г. [Коргуев, 1897, с. 269–270]. Салтыков принял участие в его судьбе. По окончании учебы гардемарин, как писал Салтыков В. М. Лазаревскому, «рассылают в командировки, кого в кругосветное путешествие, кого в Средиземное море и т. д.». По словам А. Зилова, в кругосветное плавание было назначено только 8 гардемарин при 20 вакансиях и назначение остальных зависело от морского министра [18-2, с. 18]. Салтыков просил Лазаревского, знакомого с управляющим Морским министерством вице-адмиралом Н. К. Краббе (1860–1876), посодействовать его племяннику и «замолвить <...> доброе слово о командировании этого молодого человека на одно из судов, отправляющихся в кругосветное путешествие» [18-2, с. 18]. Эта просьба Салтыкова была выполнена: 21 апреля Краббе сообщил Лазаревскому, что «... гардемарин Зилов будет назначен в плавание в Тихий океан согласно желанию его дяди» [18-2, с. 21]. Александр дослужился до звания капитана 2 ранга, в 1894 г. он командовал крейсером «Разбойник», несшим патрульную службу у Командорских островов [Ликин, 2006, с. 25]. Его женой стала дочь зубцовского помещика поручика Н. А. Давыдова Маргарита Никандровна (01.02.1859–?) [Чернявский. Генеалогия, с. 56].

Петр родился 20 мая 1850 г. в Страшевичих [Дело по прошению Николая Александрова ..., л. 6]. О нем известно только то, что в 1873 г. он потребовал, «чтоб сестер выделили по закону» из наследства родителей, пользуясь тем, что М. Е. Салтыков не нашел бумагу, оставленную покойным Н. А. Зиловым, которой он отказывался от своей части в имении Любви Евграфовны в пользу дочерей, а О. М. Салтыкова, судя по всему, в этой истории участия не приняла [18-2, с. 163]. Умер

Петр Зилов – «сельца Александровского землевладелец» – 8 марта 1880 г., похоронен при церкви с. Страшевичи, «в фамильном склепе» [Метрические книги Старицкого уезда за 1880 год, л. 190 об.]

Все упомянутые дети Зиловых были внесены в 6 часть дворянской родословной книги Тверской губернии в 1852 г.

Надежда родилась 1 февраля 1852 г., крещена была в Климентовской церкви г. Торжка [Дело по прошению малолетних Зиловых..., л. 3]. 23 марта 1856 г. «опекунша над малолетними майора Зилова детьми» О. М. Салтыкова подает прошение в Тверское дворянское депутатское собрание о выдаче для Надежды и Прасковьи свидетельства об их дворянском происхождении для помещения их впоследствии в какое-либо учебное заведение [Дело по прошению малолетних Зиловых..., л. 1]. 20 ноября 1873 г. Салтыков сообщает матери из Петербурга, что «Наденька в сентябре приехала сюда <...> с тем, чтоб искать себе место гувернантки, и нам удалось пристроить ее в Смоленскую губернию в семейство порецкого предводителя дворянства Глинки» с жалованьем 400 р. в год [18-2, с. 163]. Вскоре Надежда вышла замуж за Григория Феофановича Раевского, но 31 марта 1877 г. скоропостижно скончалась, похоронена была в Страшевичах [Шереметевский, 1914, с. 726].

Прасковья родилась 16 октября 1854 г., крещена в Богородице-Рождественской церкви села Страшевичи [Дело по прошению малолетних Зиловых..., л. 2]. В 1873 г. была выпущена из Московского сиротского института и поступила в Петербургскую консерваторию, по окончании которой, в 1878 г., была приглашена в Киевскую оперу. В 1882 г. была принята «в число артистов русской оперы» с жалованьем 5000 р. [Светлов, 1921, с. 22], дебютировала в партии Вани в опере М. И. Глинки «Жизнь за царя» на сцене Мариинского театра. Как писал театрал и коллекционер С. Ф. Светлов, «у Веревкиной прелестный, бархатный контральто» [Светлов, 1919, с. 84]. После постановки «Русалки» в ноябре 1882 г., состоявшейся «после весьма продолжительного перерыва <...> при новой обстановке», Светлов оставил хвалебный отзыв: «Веревкина (княгиня) как по физиономии, так и по фигуре вполне подходит под тип старинной русской боярыни. Голос у нее <...> обладает весьма приятным, мягким тембром. Поет Веревкина очень хорошо, и потому она имела успех вполне заслуженный» [Светлов, 1921, с. 46]. Позднее Веревкина выступала в Петербургской частной русской опере (Малый театр) и на провинциальной сцене. В 1887 г. в составе русской оперы с успехом гастролировала в Берлине и Копенгагене. По воспоминаниям современников,

обладала музыкальным и сценическим дарованием, проявившимся как в драматических, так и в лирических партиях. Неоднократно пела на концертной эстраде в Петербурге (в 1880 г. с оркестром под управлением Э. Направника, в 1884 г. – Н. Римского-Корсакова), Москве и других городах. Камерный репертуар Веревкиной включал произведения М. Глинки, А. Даргомыжского, Э. Направника, П. Чайковского. С 1888 г. до конца жизни вела педагогическую деятельность, изредка выступала в концертах [Ежегодник, 1893, с. 476]. Скончалась П. Н. Веревкина 19 марта 1892 г., похоронена на Никольском кладбище Александро-Невской лавры [Саитов, 1912, с. 412]¹.

Следующее поколение Зиловых представлено только детьми Александра Николаевича. Его старший сын Александр родился 28 сентября 1879 г. в Петербурге, в 1900 г. окончил Морской кадетский корпус, стал военным моряком. В 1901–1902 гг. служил на крейсере «Разбойник», которым за несколько лет до этого командовал его отец, участвовал в Русско-японской войне, был ранен. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1905), орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами и бантом (1907), 2-й степени (1914), орденом Св. Анны 2-й степени (1915), итальянской серебряной медалью за оказание помощи пострадавшим во время землетрясения 1908 г. на Сицилии и в Калабрии (1911). В 1910-х гг. служил на крейсерах, миноносцах, тралящих и транспортных судах, в т. ч. во флотилии Северного Ледовитого океана. С ноября 1918 г. А. А. Зилов участвовал в Белом движении в составе Северного флота, в 1918–1919 гг. был начальником морского штаба в Мурманске, в 1920 г. служил в штабе командующего флотом. Был женат на Антонине Петровне Соловьевой, в браке родилось двое детей (в 1913 и 1914 гг.) [Волков, 2004, с. 181].

Младший сын А. Н. Зилова Владислав родился в 1886 г., в 1907 г. окончил Морской кадетский корпус, звание офицера получил в 1908 г. После революции 1917 г. служил в Вооруженных силах Юга России. До эвакуации Крыма находился в составе Русской Армии в Черноморском флоте. В 1920 г. служил старшим офицером на крейсере «Генерал Корнилов», затем, в звании капитана 2-го ранга, – командиром эсминца «Зоркий». В марте 1921 г. числился в составе русской эскадры в Бизерте, а в марте 1922 г. – в правлении Бизертского Союза русских воинов в лагере Надор, затем – в лагере Ремель. В эмиграции оказался

¹ Как свидетельствуют материалы О. А. Культепиной в настоящем сборнике, у П. Н. Веревкиной была дочь, о судьбе которой ничего неизвестно (ред.).

во Франции, в 1930-х гг. проживал в Париже. Жена – Анна Ивановна (р. 1886). Умер 30 сентября 1965 г. в Монтаржи (Франция) [Волков, 2004, с. 181].

Литература

- Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2004. – 560 с.
- Ежегодник императорских театров. Сезон 1891–1892. – СПб.: Тип. Императорских Санкт-Петербургских театров, 1893. – 622 с.
- Из родового архива Салтыковых. Материалы для биографии писателя / публ. Н. С. Никитиной; предисл. и комм. С. А. Макашина // Салтыков-Щедрин. 1826–1976. Статьи и материалы, библиография. – Л.: Наука, 1976. – С. 251–342.
- Коргуев Н. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 года. – СПб.: Тип. морского министерства, 1897. – 432 с.
- Ликин Ю. А. Винтовые клипера типа «крейсер» // Моделист-конструктор. – 2006. – № 3 (Приложение). – 32 с.
- Отчет председателя комиссии свиты Его Величества контр-адмирала Вевель фон Кригера об экзамене, произведенном выпускным воспитанникам Морского училища, в марте и апреле 1869 года // Морской сборник. – 1869. – Т. CV. – № 11. – Ноябрь. Официальный отдел. – С. 19–38.
- Саватеев В. П. Летописи салтыковской вотчины // Салтыков-Щедрин и русская литература. – Л.: Наука, 1991. – С. 251–295.
- Саитов В. И. Петербургский некрополь. Т. I. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. – 716 с.
- Светлов С. Ф. Театральный дневник // Бирюч Петроградских Государственных театров. Сб. статей / под ред. А. С. Полякова. Сб. I. – Пг., 1919. – С. 54–85.
- Светлов С. Ф. Театральный дневник // Бирюч Петроградских Государственных театров. Сб. статей / под ред. А. С. Полякова. Сб. II. – Пг. – 1921. – С. 3–50.
- Тверская усадьба. Дворянство. XVIII–XX вв.: база данных. Тверской государственный университет, Научная библиотека. – Тверь, 2000. CD-rom.
- Чернявский М. Генеалогия господ дворян внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год: С алфавитным указателем и приложением. – [Тверь, 1869]. – XIII, 220 л. (Написано от руки. Литогр.).
- Чернявский М. Приложения к генеалогии господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской Губернии с 1787 по 1869 г. – [Б. г.] – [4], 280 с., (Написано от руки. Литогр.).
- Шереметевский В. Русский провинциальный некрополь. – Т. I. М.: Типо-литография И. Н. Кушнерев и К°, 1914. – 1008 с.

Архивы

- Дело по письму губернского предводителя дворянства для удостоверения описания имения ротмистра Н. А. Зилова, начальником губернии. 1845 г. // Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 59. Оп. 1. Д. 2190.
- Дело по прошению малолетних Зиловых о причислении к роду дочерей майора Николая Александрова и о выдаче документов о дворянстве. 1856 г. // ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 1372.
- Дело по прошению Николая Александрова о причислении детей его к роду Зиловых и о выдаче в доказательство дворянского происхождения детям документов. 1850–1859 гг. // ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 1371.
- Метрические книги Старицкого уезда за 1809 год // ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 14843.
- Метрические книги Старицкого уезда за 1854 год // ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 14897.
- Метрические книги Старицкого уезда за 1858 год // ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 14902.
- Метрические книги Старицкого уезда за 1862 год // ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 35357.
- Метрические книги Старицкого уезда за 1880 год // ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 302.
- О выдаче Зиловым свидетельств на разное имение. 1842 г. // ГАТО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 54791.
- Описание имения помещика майора Н. А. Зилова, состоящего Тверской губернии Осташковского уезда. 1858 г. // ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1231.

О. А. Культепина¹

(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)

**«СДЕЛАЙ ЭТО И РАДИ НЕЕ И РАДИ МЕНЯ»:
ПЛЕМЯННИЦА М. Е. САЛТЫКОВА
ПРАСКОВЬЯ ВЕРЕВКИНА**

Прасковья Николаевна Веревкина была младшей дочерью Любови Евграфовны Зиловой, родной сестры М. Е. Салтыкова. Веревкина обладала весьма неплохими музыкальными данными, успешно закончила Петербургскую консерваторию и выступала на столичной и провинциальной сцене. Однако финансовые трудности театральной дирекции решили ее артистическую судьбу драматически. В статье рассматриваются письма П. Н. Веревкиной, ее дяди и театральных покровителей, а также разбираются известные данные о жизни артистки и ее отношениях с М. Е. Салтыковым, сказавшим однажды, «что племянницы – совсем лишняя вещь».

Ключевые слова: М. Е. Салтыков, П. Н. Веревкина, С. А. Юрьев, театр XIX века, Московский оперный театр, оперная певица, переписка.

О. А. Kultepina

(National Research University „Higher School of Economics“)

**„DO IT FOR HER BENEFIT AND FOR ME“:
MICHAEL SALTYKOV-SHCHEDRIN’S NIECE
PRASKOVYA WEREFKINA**

Praskovya Nikolaevna Werefkina was a younger daughter of Lybov' Ewgrafovna Zilova and a niece of Michael Saltykov-Shchedrin. Werefkina was of talent in music, graduated the Saint Petersburg conservatory and then acted in the capitals and the provinces. However, the financial difficulties of the theatre administration were the crisis of her artistic fate. This paper presents the letters of Werefkina and her uncle to the theatre patrons and also discusses the facts of her life and her relations with Michael Saltykov, who said once that „nieces are the thing you don't need at all“.

¹ Культепина Ольга Александровна, магистрантка факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, ассистент Школы лингвистики НИУ ВШЭ; e-mail: okultepina@gmail.com.

Keywords: Michael Saltykov, Praskovya Werefkina, a theater XIX century, Moscow opera stage, opera singer, correspondence.

■ Упоминания о П. Н. Веревкиной, племяннице М. Е. Салтыкова, можно найти в указателе к собранию его сочинений и в некоторых музыковедческих изданиях [Шишкова, 2002, с. 62; Пружанский, 1991, с. 98]. И хотя Веревкина не стала столь же известной, как ее дядя, ее личность и судьба достойны внимания исследователей – как литературоведов, занимающихся изучением биографии великого писателя, так и музыковедов, интересующихся жизнью артистов второй половины XIX в.

Прасковья Николаевна Веревкина (1854–1892) – певица (меццо-сопрано и контральто), оперная и эстрадная артистка. О ее детстве и юности известно крайне мало. Она родилась в селе Страшевичи Старицкого уезда в семье тверского помещика майора Николая Александровича Зилова и сестры Салтыкова Любови Евграфовны. Девочка очень рано осталась сиротой: мать умерла вскоре после ее рождения, а отец, тяжело и долго болевший уже до появления младшей дочери, – в 1858 г. В семье росли еще четверо детей: Ольга, Александр, Петр и Надежда. Особенности отношений между братьями и сестрами неизвестны, однако можно предположить, что близости между ними не существовало. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что Салтыков в одном из писем к матери в 1873 г. упоминает о разладе в семье Зиловых, вызванном разделом наследства: «Дело в том, что один из братьев Зиловых, Петр, требует раздела. Всем известно, что покойный Николай Александрович оставил какую-то бумагу, которою отказывался от своей части в имении сестры Любочки в пользу дочерей. Но бумаги этой нигде найти не могу, и Петр, пользуясь этим, требует, чтоб сестер выделили по закону. <...> Наденька в сентябре приехала <...>, и хотя она не жалуется на братьев, но, по-видимому, согласия между ними нет. Саша, впрочем, тут ни при чем, а орудует Петр» [18-2, с. 163].

Нет достоверной информации о детских годах Прасковьи Зиловой, в частности о том, где она воспитывалась и росла. Однако известно, что в 1873 г. она была выпущена из Московского сиротского института, поступила в Петербургскую консерваторию и через пять лет получила приглашение в Киевскую оперу, где пела вплоть до 1882 г.

С того момента, как Веревкина оставляет Киевскую оперу, начинается история ее мытарств, бесконечных поисков работы, прошений о помощи с устройством, которые исходили как от самой Веревкиной, так и от ее дяди, который, вероятно, был единственным родствен-

ником, способным хоть чем-то помочь племяннице, о чем он писал В. П. Гаевскому: «Признаться сказать, я с каждым годом все больше и больше убеждаюсь, что племянницы – совсем лишняя вещь, но когда они даны природой, то хочешь не хочешь, а надо угнетать ими приятелей» [20, с. 136].

Сохранилось совсем немного биографических сведений о личности Веревкиной, в основном некоторые факты о пребывании на той или иной сцене и о завершении музыкальной карьеры в качестве педагога. Эта скудость биографических сведений была, на мой взгляд, следствием трагической судьбы артистки – трагической из-за невозможности в полной мере реализовать свой певческий и драматический талант. Именно материалы, свидетельствующие об этой личной трагедии сохранились лучше всего.

Несмотря на «преlestный, бархатный контральто» [Светлов, 1919, с. 84] в сочетании с драматическим дарованием, Веревкина практически постоянно нуждалась в месте на оперной сцене. Ее благосклонно принимали и публика столиц и критики: «... меня везде любили, как только я выступала» [Письма Веревкиной, л. 8], она с успехом концертировала по России и даже за рубежом. Однако, как явствует из писем, главным для нее стало «желание быть на Московской сцене» в оперной труппе. В архиве Веревкиной хранятся ее письма к театральному критику и близкому знакомому Салтыкова С. А. Юрьеву с просьбами о содействии: самое первое письмо датируется 1884 г., последнее – предположительно 1890–1891 гг. Веревкина писала ему: «Вот уже скоро год, как я была в Москве, и столько хлопот было потрачено – для того чтоб поступить на сцену и все напрасно» [Письма Веревкиной, л. 2].

Из сохранившихся писем Салтыкова и Веревкиной становится ясно, что племянница и дядя действовали, как говорится, по всем фронтам, хотя, к сожалению, их письма, адресованные друг другу, не сохранилось. Однако, судя по письмам Веревкиной, где она говорит о своих визитах к дяде, а также по замечанию С. А. Макашина о том, что Веревкина могла просвещать М. Е. Салтыкова относительно новейших музыкальных постановок [15-2, с. 342], общение между родственниками было достаточно активным и регулярным. Можно говорить об искреннем участии Салтыкова в театральной судьбе племянницы и его своеобразном разрешении на использование своих связей и имени в решении сложных вопросов. Так, артистка писала Юрьеву: «Бога ради хоть Вы не откажите для дяди и похлопочите за меня, а то он говорит: „Никто на мои просьбы не хочет и внимания обращать, сколько

я ни пишу, ни прошу, точно об ничто <...> ведь не родственность здесь движет, а движет талант“» [Письма Веревкиной, л. 14]. В собрании сочинений Салтыкова опубликовано несколько его писем к В. П. Гаевскому, которого он в частности просил: «Пожалуйста, сделай это и ради нее и ради меня. Ужасно гадко будет, если ей опять придется переезжать из Киева в Одессу и т. д.» [19-2, с. 299]. Заслуживает внимания тот факт, что хлопоты Салтыков касательно театральных контрактов племянницы выпали на период его болезни: «Была несколько раз в Петербурге, дядя очень, все-таки, нехорош, хотя и пишет и лучше чувствует себя, чем прошлый год» [Письма Веревкиной, л. 2]. Уже после смерти дяди Веревкина самостоятельно продолжала переписку с Юрьевым, не оставляя попыток найти подходящее место.

Столь сложное положение талантливой артистки, пользовавшейся покровительством известного родственника и его приятелей (а из писем становится ясно, что приятели хлопотали именно по поручению Салтыкова, а не самой Веревкиной или ее мужа), объясняется тяжелой финансовой ситуацией в Дирекции театров. Вынужденные сократить зарплату труппе до 22 тысяч рублей [Светлов, 1921, с. 47–48], театральные чиновники подходили к найму артистов с холодной рассудочностью и равнодушием, что отмечали поклонники театра. Поэтому, как говорила сама Веревкина, для нее было «лучше примазаться <1 сл. нрб.>, хотя за меньшую плату, неужели оставаться без дела» [Письма Веревкиной, л. 4]. Современники ценили талант Веревкиной, например, она писала о впечатлении управляющего московскими императорскими театрами А. А. Майкова: «...ему понравилась сила голоса, а главное весь ровный ничем непотраченный голос, и по обширности регистра, я смогла петь и контральтовые партии и мецо-сопрановые» [Письма Веревкиной, л. 8]. Однако были и недоброжелатели, всячески препятствовавшие ее появлению на столичных сценах. В одном из писем Веревкина сообщала: «Я из Москвы получила письмо, где мне пишут, что <...> будто Майков прямо заявил, что он меня пригласит, но около него стоит человек имеющий на него влияние и чуть ли Майков не находится от него в зависимости <...> – Овсянников, который [1 сл. нрб.] знает как наговаривает против меня <...> Ведь это [1 сл. нрб.] растовчическая личность и человек ничего не смыслящий в искусстве, а все приняли на медный грош» [Письма Веревкиной, л. 10–11].

Надо отметить, что помимо карьерных волнений Веревкина испытывала также и личные: в недатированном письме к Юрьеву, которое можно отнести к последним двум-трем годам жизни артистки, она писала о тяжелой болезни своей единственной дочери. Здоровье самой

артистки также было весьма слабым, что мешало ей часто гастролировать: «...притом и здоровья то я слаба, т. е. ужасно нервная» [Письма Веревкиной, л. 16]. Сложности в гастрольной жизни возникали также из-за стремления певицы сохранить свою маленькую семью, состоявшую из дочери и мужа: «Если бы на 2 года смогла бы здесь (в Москве. – О. К.) устроиться семейным образом с дочкой, а может быть, со временем и с мужем, а это много значит для меня» [Письма Веревкиной, л. 8]; «На днях получила известие, что меня хотят ангажировать в Лондонский Ковенгарденский Театр. Конечно, что лестно и большая честь, но так не хочется уезжать от мужа и дочки далеко одной...» [Письма Веревкиной, л. 16].

К сожалению, более подробных сведений о семье, которая, судя по всему, имела важное влияние на артистическую карьеру Веревкиной, пока не обнаружено. По письмам можно понять, что ее муж также происходил из Тверской губернии и был знаком с сыном С.А. Юрьева, о чем сама артистка писала: «Оказывается муж мой знает Вас и был <1 сл. нрб.> на год старше Вашего сына. Он ведь тоже тверской из Кашина, стало быть наш уже земляк» [Письма Веревкиной, л. 14]. Это короткое замечание, а также упоминание Веревкиной о своем холостом положении во время обучения в консерватории дают основание предполагать, что она познакомилась со своим мужем уже после выпуска из консерватории (что оговаривается в одном из писем), возможно, в Тверской губернии. В период своих трудных поисков она не жила в родных местах, большинство сохранившихся писем к Юрьеву написано из Боровичей Новгородской губернии. Неизвестно, каким образом столичная певица со своей семьей оказалась в этом городе и как долго задержалась в нем, особенно если учесть, что похоронена она в Петербурге.

Во время своей службы в 1880-е в Петербурге в Мариинском театре Веревкина составила там некоторые знакомства. Так, В. П. Тянь-Шанский пишет об участии певицы в домашних концертах, которые устраивал его приятель Н. М. Штрупп в доме их общих знакомых Ламанских: «Штрупп воспользовался возможностью устраивать собрания „общества добровольных клакеров“ в субботу же, с музыкой и пением <...> Изредка пела артистка Мариинского театра контральто П. Н. Веревкина, племянница Салтыкова-Щедрина» [Семенов-Тянь-Шанский, 2009, с. 266]. Кстати, интересно отметить, что семья Ламанских, где проходили эти вечера, каждое лето проводили на даче в Боровичах, где они, возможно, и познакомилась с Веревкиной.

Неизвестно, как складывалась жизнь певицы в Москве, но, судя по ее письмам, и в старой столице она общалась с интеллигентным кругом поклонников искусства, о чем писала Юрьеву: «Теперь время самое горячее, не подпишу я контракта теперь, стало быть я не буду на Московской сцене и лишусь удовольствия быть в Вашем кругу, а мне очень бы этого хотелось: много хороших добрых советов для меня как для артистки и как для человека, я б не вынесла из Вашего кружка» [Письма Веревкиной, л. 12–13].

В 1892 г. П. Н. Веревкина ушла из жизни одной из многих забытых артисток, отмеченная двумя скромными некрологами, в последний раз отдавших дань уважения ее таланту.

Литература

Ежегодник Императорских театров. Сезон 1891–1892. – СПб.: Тип. Императорских Санкт-Петербургских театров, 1893. – 622 с.

П. Н. Веревкина (Некролог) // Нувеллист. – 1892. – № 4. – С. 8.

Пружанский А. Отечественные певцы. 1750–1917. Часть 1. – М.: Сов. композитор, 1991. – 422 с.

Светлов С. Ф. Театральный дневник С. Ф. Светлова // Бирюч Петроградских Государственных театров. Пг., 1919. – Сб. I. – С. 54–85.

Светлов С. Ф. Театральный дневник С. Ф. Светлова // Бирюч Петроградских Государственных театров. Пг., 1921. – Сб. II. – С. 3–50.

Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло: В 2 т. Т. 1. – М.: Новый хронограф, 2009. – 678 с.

Шишкова М. П. С. Я. Лемешев и духовная культура Тверского края – Тверь: Фактор, 2002. – 104 с.

Архивы

Письма Веревкиной Прасковьи Николаевны Юрьеву С. А. // РГАЛИ. Ф. 636. Оп. 1. Ед. хр. 163.

Г. А. Лумпанова¹
(Независимый исследователь)

**М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН В ПИСЬМАХ
ДЕКАБРИСТА М. И. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА**

В статье представлены фрагменты из неопубликованных писем М. И. Муравьева-Апостола, связанные с тверским периодом жизни М. Е. Салтыкова. Эти материалы дополняют сведения о бытовом общении писателя и его деятельности.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, М. И. Муравьев-Апостол, тверское окружение, А. М. Унковский, В. Г. Коробьин, Ф. Н. Глинка, литературный вечер.

G. A. Lumpanova
(Independent researcher)

**LETTERS OF THE DECEMBRIST M. I. MURAVYOV-APOSTOL:
ABOUT M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN**

The paper presents the fragments from the unpublished letter of M. I. Muravyov-Apostol which are connected with the so called Tver period in the life of Mikhail Saltykov. These materials will supply the data concerning the writer's work and his everyday personal contacts.

Keywords: M. E. Saltykov-Shchedrin, M. I. Muravyov-Apostol, Tver contacts, A. M. Unkovsky, V. G. Korobjin, F. N. Glinka, literary evening.

■ С 9 апреля 1857 по 25 января 1868 г. в Твери проживал амнистированный декабрист Матвей Иванович Муравьев-Апостол с женой Марией Константиновной и двумя воспитанницами – Августой Созонович и Анной Бородинской. Человек с интересным прошлым, много повидавший на свете, Муравьев-Апостол вызывал любопытство в среде тверских дворян и желание познакомиться с ним, а его общительность и гостеприимство способствовали установлению добрых приятельских отношений с многими из них. Среди новых знакомых декабриста был губернский предводитель дворянства Алексей Михайлович Унковский, автор наиболее прогрессивного проекта об ос-

¹ Лумпанова Галина Алексеевна, правоведа, советник РФ 1-го класса, в отставке; независимый исследователь; e-mail: tet-olga@yandex.ru.

вобождении крестьян от крепостной зависимости. В августе 1859 г. в его доме Муравьев-Апостол познакомился с М. Е. Салтыковым, занимавшим в то время должность рязанского вице-губернатора. Неопубликованное эпистолярное наследие Муравьева-Апостола содержит некоторые сведения об этом знакомстве, неизвестные биографам Салтыкова.

О первой встрече Муравьев-Апостол пишет 3 августа 1859 г. в Москву племяннику Михаилу Бибикову: «На днях я познакомился с автором Губернских очерков. Был у Унковского, когда ему говорят, что Салтыков приехал и спрашивает, дома ли Унковский. На следующий день Щедрин был у меня» [Письма Муравьева-Апостола, д. 274, л. 36].

Факт состоявшегося знакомства упоминается во многих статьях о Салтыкове, и этим ограничивается информация об их общении. Из писем декабриста становится известно, что знакомство и общение продолжилось. 10 октября 1860 г. Матвей Иванович пишет племяннику: «До назначения своего вице-губернатором Салтыков, когда проезжал через Тверь, всегда меня посещал» [Письма Муравьева-Апостола, д. 275, л. 74 об.].

Известно, что с конца 1859 г. Салтыков стал добиваться перевода из Рязани в другой город. С. А. Макашин называет его маршруты 1860 г.: в начале марта он ездил в Петербург просить о переводе, в середине марта возвращался из столицы в Рязань, в середине апреля ехал в Петербург уже с женой [Макашин, 1972, с. 263–265]. Таким образом, Салтыков три раза проезжал через Тверь и, если верить Муравьеву-Апостолу (а оснований не доверять ему нет), три раза встречался с ним. Муравьев-Апостол не пишет, о чем они говорили.

Будучи назначен «высочайшим приказом» от 3 апреля 1860 г. тверским вице-губернатором, Салтыков приехал в Тверь в первой половине мая на несколько дней, чтобы подобрать дом для жительства и решить некоторые бытовые вопросы, после чего вернулся в Петербург. В этот приезд Салтыков и Муравьев-Апостол не встречались. 14 мая, после его отъезда, Муравьев-Апостол сообщает племяннику: «Салтыков в Петербурге. Ему, говорят, поручено писать отчет Министерства внутренних дел за прошедший год. Странное назначение, когда это министерство набито донельзя чиновниками всех возможных степеней» [Письма Муравьева-Апостола, д. 275, л. 35 об.–36].

24 июня Салтыков приехал в Тверь и приступил к исполнению служебных обязанностей. Он не спешил продолжить знакомство с Муравьевым-Апостолом и навестил его спустя 3,5 месяца после приезда и, как выясняется, лишь по настоянию вернувшихся из ссылки А. М. Ун-

ковского и А. И. Европеуса. Он не застал дома Матвея Ивановича, и декабрист отдал ему свой визит через несколько дней. 10 октября Муравьев-Апостол пишет племяннику: «Вступив в должность, он ни разу не был у меня, что очень смутило Алексея Михайл<овича> и других <...>. Они настояли на своем» [Письма Муравьева-Апостола, д. 275, л. 75 об.].

Вероятно, на этом личное общение вице-губернатора и амнистированного декабриста закончилось. Муравьев-Апостол, тем не менее, знал о некоторых делах Салтыкова и событиях его жизни. Такие сведения он получал, главным образом, от Владимира Григорьевича Коробьина, женатого на его племяннице Екатерине Илларионовне Бибиковой и занимавшего в Твери должность управляющего палатой государственных имуществ.

10 июля 1860 г. Муравьев пишет племяннику, упоминая губернатора П. Т. Баранова и жандармского полковника И. М. Симановского, который сыл либералом: «Вчера много узнал хорошего про Салтыкова. Ты слышал про дело крестьян Зиновьева. Чтобы их урезонить, Баранов послал Симановского, который перепорол до 20 душ. Салтыков восстал сильно против незаконных, возмутительных поступков голубого (цвет жандармского мундира. – Г. А.) либерала» [Письма Муравьева-Апостола, д. 275, л. 47]. «Зиновьевское дело», достаточно изученное биографами Салтыкова, заняло определенное место в работах о тверском периоде его жизни. Муравьев-Апостол в упомянутом, а также в других письмах ничего нового, неизвестного ранее не сообщает.

Интересно письмо от 15 января 1861 г., адресованное Михаилу Бибикову: «Третьего дня у Коробьиных был вечер литературный. Салтыков читал, вероятно, новое свое произведение. Он хотел иметь слушателями первыми Баранова и Мамонова, и никого больше» [Письма Муравьева-Апостола, д. 276, л. 11–11 об.]. Это письмо дает представление о времяпровождении Салтыкова и ближайшем его окружении. Помимо хозяев дома супругов Коробьиных и губернатора Баранова в него входил некий Мамонов. Можно предположить, что это был Александр Александрович Дмитриев-Мамонов, новоторжский помещик, женатый на дочери П. А. Оленина Елизавете. Супруги проживали в Твери, и Матвей Иванович был с ними знаком через Петра Оленина. Александр был сыном генерал-майора действительного статского советника А. И. Дмитриева-Мамонова, он окончил Московский университет, служил по выборам в Новоторжском уезде Тверской губернии [Бибикова, 2006. С. 40]. Точно неизвестно, что именно чи-

тал Салтыков. На наш взгляд, это мог быть недавно опубликованный очерк «Наш дружеский хлам» (Современник, август 1860) или же новый очерк «Литераторы-обыватели», напечатанный вскоре в том же журнале (февраль 1861).

Через год, 14 января 1862 г., Муравьев-Апостол в письме к племяннику рассказывает о благотворительном литературно-музыкальном вечере в Дворянском собрании в пользу тверских студентов, на котором выступил и Салтыков. Правда, автор письма допустил ошибку, поставив инициалы «Д. Е.» вместо «М. Е.»: «12 числа в доме Собрания был литературно-музыкальный вечер. Он состоял из трех отделений. Первое: Ф. Н. Глинка читал свои два сочинения, заимствованные из псалмов и пророков. Какой-то Тетяев прочел „Разговор на большой дороге“ Тургенева <...>. Д. А. Трескин исполнил на виолончели <нрб.>. Второе: Авд<отья> Павловна Глинка читала свои стихи „Эмансипация женщин“, в которых, по моему указанию, она говорит о наших дамах, Д. Е. Салтыков прочел свой очерк „Госпожа Падейкова“; опять музыка и Трескин. Третье: Ф. Н. Глинка читал еще два стихотворения „Две притчи“ из Нового завета; какой-то Образцов прочел комедию Гоголя „Тяжба“, а там опять Трескин. По окончании был танцевальный вечер» [Письма Муравьева-Апостола, д. 277, л. 8]. Местная газета об этом вечере не писала, и процитированное письмо является единственным источником, из которого становится известно об этом событии. Ценность письма состоит в том, что оно является доказательством знакомства Салтыкова с Ф. Н. Глинкой, переехавшим в Тверь на жительство в 1861 г. До сих пор считалось, что прямых доказательств их знакомства нет¹.

Салтыков покинул Тверь в апреле 1862 г. Последнее упоминание Муравьева-Апостола о нем содержится в письме к Бибикову от 8 октября 1863 г.: «В № 8 от августа „Современника“ есть статья Щедрина, в которой есть, как мне кажется, намеки на Коробьиных. Прочти ее» [Письма Муравьева-Апостола, д. 278, л. 67].

Речь идет о произведении «Как кому угодно», имевшем жанровый подзаголовок «рассказы, сцены, размышления и афоризмы». Муравьев, видимо, имел в виду рассказ «Семейное счастье». У его героини Марьи Петровны Воловитиновой три сына. Старший сын Сенечка – действительный статский советник, успешно делающий карьеру: он «занимает довольно видный пост в служебной иерархии», держит

¹ Обоснование возможных обстоятельств знакомства Салтыкова с Глинкой см.: [Строганов, с. 15] (ред.).

подчиненных в страхе и «сам повиноваться умеет» [6, с. 412]. Но, несмотря на все эти достоинства, «материнское сердце оставалось холодно к нему» [6, с. 414]. Среднего сына мать не столько любит, сколько боится [6, с. 419]. Младший же сын – «пустейший малый», озорник и бунт, «но тем не менее сердце Марьи Петровны ни к кому из детей так не лежало», как к нему [6, с. 420].

Попробуем разобраться, кто из Коробьиных мог послужить прообразом героев рассказа. Муравьев-Апостол в письмах часто упоминает Владимира Григорьевича, его жену Екатерину Ивановну и их детей, и дважды пишет о приезде матери Коробьина. В. Г. Коробьин с 1857 г. занимал видную должность в Твери, и ходили слухи, что он «назначается на место кн. Багратиона», тверского губернатора, отставку которого в 1863 г., правда, без достаточных оснований, предполагали местные чиновники [Письма Муравьева-Апостола, д. 278, л. 67]. Эти факты из биографии Коробьина, совпадающие с биографией старшего сына героини рассказа, дают основание предполагать, что именно Владимир Григорьевич мог послужить прообразом Сенечки.

Из-за недостатка информации о матери Коробьина нет оснований делать выводы о ее сходстве с Воловитиновой. Также не представляется возможным судить, похожи ли были братья Коробьина на младших сыновей героини рассказа. Безусловно, Матвей Иванович и его племянник Михаил Бибиков знали других Коробьиных, но в письмах о них не упоминается. Остается надеяться, что со временем исследователям удастся найти дополнительные сведения о Коробьиных и разобраться, о каких «намек» писал Муравьев-Апостол.

Литература

- Бибикова Э. Н. Родословная Олениных. Оленино: [Б. и.], 2006. – 54 с.
Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. М.: Худож. литература, 1972. – 600 с.
Строганов М. В. М. Е. Салтыков и Ф. Н. Глинка // Щедринский сборник. Вып. 3 / науч. ред. Е. Н. Строганова. – Тверь: СФК-офис, 2009. – С. 8–26.

Архивы

- Письма Муравьева-Апостола М. И. и С. Н. Бибиковым // ГАРФ. Ф. 1153 (Муравьевы). Оп. 1. Д. 274–278.

В. В. Кузнецов¹

(Всероссийский историко-этнографический музей, Торжок)

**НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПОКУПКА М. Е. САЛТЫКОВА
В НОВОТОРЖСКОМ УЕЗДЕ**

В статье исследуется архивное дело о покупке М. Е. Салтыковым в ноябре 1861 г. имения Василёво в Новоторжском уезде, принадлежавшего Д. С. Львову. На основании анализа предварительных условий купчей можно предположить, что сделка не состоялась вследствие того, что ее условия были не вполне приемлемы для Салтыкова по финансовым соображениям. Однако истинная причина этого, скорее всего, заключалась в том, что уже к концу 1861 г. Салтыков принял решение уйти с занимаемой должности и покинуть Тверь.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков. Новоторжский уезд, Д. С. Львов, имение, предварительные условия покупки, отказ от сделки.

V. V. Kuznetsov

(Russian National Museum of History and Ethnography, Torzhok)

**M. E. SALTIKOV'S CANCELLED PURCHASE
IN NOVTORZHISKY DISTRICT**

The article examines archival documents about purchasing by M. E. Saltykov in November 1861 the estate of Vasilevo in Novtorzhsky District, owned by Dmirty S. Lvov. Based on the analysis of the preconditions of purchase, it can be assumed that the transaction did not take place due to the fact that its conditions were not acceptable for Saltykov because of financial reasons. However, the true reason for this lies in the fact that by the end of 1861, Saltykov decided to retire and leave Tver.

Keywords: M. E. Saltykov, Novotorzhsky District, D. S. Lvov, the estate, preconditions of purchase, rejection of the bargain.

■ Как известно, с 1860 по 1862 г. М. Е. Салтыков был тверским вице-губернатором. Через полтора года по прибытии на должность писатель решил приобрести имение в Тверской губернии. Его выбор пал

¹ Кузнецов Виктор Владимирович, кандидат филологических наук, исполняющий обязанности директора ФГБУК «Всероссийский историко-этнографический музей», Торжок; e-mail: tiveriada@yandex.ru.

на имение в Новоторжском уезде, которым владел Дмитрий Сергеевич Львов – дальний родственник выдающегося деятеля русской культуры второй половины XVIII – начала XIX в. Николая Александровича Львова. Однако этой покупке не суждено было случиться. Некоторые детали этой неудавшейся купли-продажи содержатся в деле «О запроданном статским советником Львовым статскому советнику Салтыкову имении Новоторжского уезда», которое хранится в фонде Тверской палаты Гражданского суда Государственного архива Тверской области.

Следует отметить, что «запроданное» не то же самое, что «проданное». «Запродать» значило «составить протокол о намерениях, заключить предварительную договоренность о купле-продаже, при которой покупатель выплачивал продавцу задаток» [Даль, 1978, с. 622].

Именно о получении задатка от Салтыкова и говорится в главном документе дела – запродажной записи, составленной Львовым 1 ноября 1861 г. По ней он получал в задаток от Салтыкова 3 000 руб. сер. (в пересчете на современные деньги – 3 846 000 руб.) В целом имение площадью 387 дес. 751 саж. (около 389 га). Львов оценил в 39 000 руб. сер. (около 50 млн. современных руб.) [О запроданном..., л. 5]. Жалованье статского советника составляло 275 руб. Таким образом, Салтыков должен был выложить за имение почти 12 годовых жалований. Сумма немалая даже для статского советника и вице-губернатора.

Условия заключения купчей, прописанные в запродажной, были таковы [О запроданном..., л. 5–6]:

Помимо задатка, чистыми деньгами Львов получал 32 000 руб., а семью тысячами Салтыков должен был погасить долг Львова Московскому опекунскому совету и Тверскому приказу Общественного призрения.

Салтыков был обязан устроить жизнь 222 крестьян и 31 дворового человека согласно с Положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. Это, в частности, означало, что он был обязан предоставить в пользование крестьянам придомовой участок и полевой надел, который они при посредничестве сельской общины могли выкупить. Если же они отказывались от выкупа, то Салтыков был обязан бесплатно предоставить им надел в четверть от того, который они могли выкупить. Очевидно, что при выполнении этих условий площадь имения и количество крестьян уменьшались и экономическая эффективность имения снижалась.

Также покупатель принимал на себя расходы на составление запродажной записи и на совершение купчей крепости. Примечательно, что сначала эти хлопоты брал на себя продавец. В предложении, где

говорится об этом, слово «продавец» зачеркнуто и над ним написано «покупатель» [О запроданном..., л. 6].

Львов оставлял за собой расположенный в его владениях винокуренный завод (винокуренные заводы приносили довольно приличный доход помещикам). Кроме того Салтыков был «обязан дозволить продавцу вырубить из лесной дачи при деревне Степурине 500 бревен от семи до осьми вершков в отрубе» [О запроданном..., л. 6]. Бревно «7–8 вершков в отрубе» – это бревно диаметром 35–36 см. Именно такие бревна использовались в строительстве домов. Таким образом, Львов оставлял за собой право вырубать в продаваемом имении строевой лес.

Не исключено, что последнее условие в тексте запродажной записи добавлено Львовым уже после каких-то устных договоренностей с Салтыковым, поскольку оно стоит после заключительных положений этого документа, в которых указывается срок заключения купчей – 20 декабря 1861 г. Определялись также действия продавца и покупателя в случае неявки одного из них к моменту заключения купчей: «Если же покупатель не явится к этому сроку, то теряет задаток; а если к 20-му декабря не явится продавец для совершения купчей крепости, то обязан возвратитъ покупателю взятый ныне задаток и сверх того уплатить неустойку три тысячи рублей серебром; для чего договаривающиеся стороны должны испросить в Опекунском Совете Тверского Приказа Общественного призрения разрешения на продажу имения. Но это условие не имеет силы, если к 20 декабря не получится разрешения на упомянутую продажу от Опекунского совета Приказа Общественного призрения. В таком случае продавец и покупатель должны явиться через десять дней по получении разрешения в Палату (Тверскую палату гражданского суда. – В.К.) для совершения купчей крепости» [О запроданном..., лл. 5 об.–6].

Возможно, одна из сторон не выполнила эти условия или же Опекунский совет не выдал к 20 декабря разрешения на продажу имения.

Срок в 10 дней, по истечении которого Львов и Салтыков должны были явиться в Палату для совершения сделки, заканчивался 30 декабря, т. е. в канун Нового года. На это же время – 25, 26, 27 декабря – приходились Рождественские праздники, а 25-го еще и «воспоминание избавления Церкви и Державы Российския от нашествия французов»; 1-го января помимо Нового года отмечались дни рождения сына Александра II царевича Алексея и великой княгини Елены Павловны. Все эти дни считались государственными праздниками и были выходными.

Вероятно, Львов не захотел заниматься хлопотами в праздничные дни и ехать в Тверь. Это вполне соответствовало бы душевному складу Дмитрия Сергеевича, которого еще в молодости его двоюродная сестра Анна Алексеевна Оленина называла «ленивым, но сентиментальным» [Бочкарева, 2007, с. 97]. Вообще, как увидим далее, Дмитрию Сергеевичу были свойственны некоторое сибаритство и рассеянный образ жизни.

Возможно также, что от сделки отказался Салтыков, прикинув все «за» и «против» совершения сделки на условиях Львова, явно не очень выгодных для покупателя.

Так или иначе, 4 января 1862 г. Львов и Салтыков обратились в Тверскую Гражданскую палату с прошением, «в котором они объяснили, что по обоюдному между ними согласию условие запродажной записи, совершенной в Новоторжском уездном суде 1861 г. 1 ноября, уничтожают, и купчей с запродажной записью совершать не желают» [О запроданном..., лл. 3–3 об.]. 19 января 1862 г. Палата постановила «о содержании прошения с отсылкой запродажной записи дать знать Новоторжскому Уездному суду для надлежащего с его стороны распоряжения». [О запроданном..., л. 3 об.]. На следующий день (20 января) Салтыков подал прошение на имя императора Александра II с просьбой об отставке. [Тюнькин, 1989, с. 451].

По всей видимости, в этом и была истинная причина того, почему сделка не состоялась. Это не отражено в рассматриваемых архивных документах, но, вероятно, уже к концу 1861 г. Салтыков принял решение уйти с занимаемой должности и покинуть Тверь. В своем прошении он «объяснял это „домашними обстоятельствами и крайне расстроенным здоровьем“, однако истинные причины этой отставки до сих пор неизвестны» [Строганова, 2009, с. 198].

Какое же имение собирался купить Салтыков в Новоторжском уезде? В документах его название не упоминается. В запродажной Львов пишет, что оно досталось ему «по смерти родителя <...> Сергея Дмитриевича Львова по наследству и по раздельному акту с прочими наследниками, совершенному 12 марта 1860 г.» [О запроданном..., л. 5]. Упомянутый С. Д. Львов (1781–1857) – подпоручик, коллежский советник, в 1824–1848 гг. предводитель Новоторжского дворянства. Земли его имения находились к северу от Торжка по обе стороны реки Тверцы. В числе прочих населенных пунктов в нем располагались сельцо Митино и сельцо Василёво [Лопатина, Лобанова, Михайлова, 2000, с. 47]. В соответствии с его завещанием имение было поделено между двумя сыновьями. Старшему – Дмитрию – достались земли

на правом берегу Тверцы с усадьбой Василёво, младшему – Николаю – на левом с усадьбой Митино.

Таким образом, в рассматриваемых документах идет речь об имении Василёво. Главный дом усадьбы, построенный в середине XVIII в., был деревянным. В середине или второй половине XIX в. он сгорел, и его обитатели были вынуждены переселиться в располагавшееся рядом каменное здание, в котором изначально находились дворовые службы и оранжерея. Вероятно, отсутствие средств и желания на восстановление дома и содержание имения побудили Львова избавиться от него и как-то поправить свои финансовые дела.

Непонятно, правда, где он собирался жить после продажи имения. На вырученные деньги он мог купить дом в Торжке и жить на доходы от винокуренного завода. Но, скорее всего, он не очень ясно представлял свое будущее и особенно о нем не задумывался. После неудавшейся сделки Дмитрий Сергеевич прожил всю жизнь в Василёве в сохранившемся после пожара каменном корпусе, который он называл «домом» [О запроданном..., л. 1].

По воспоминаниям М. С. Олениной (внучатой племянницы Д. С. Львова), он был большим чудаком. Ездил один в маленьком шарабане, неизменно носил теплый красный жилет, нюхал табак и вытирал нос ярко-красным платком. Некоторое время жил в Париже, откуда вывез разные раритеты вроде больших раковин, кораллов, самородков, драгоценных камней, яйца страуса, которое он называл «кукурузным яйцом». Дома во всю стену у него был шкаф с рядами французского журнала «Revue des deux mondes»¹ за несколько лет. Кроме Дмитрия Сергеевича и его экономки Авдотьи Кирилловны в усадьбе обитали 18 павлинов, которые взлетали на старую липу и возвещали неприятными голосами, что кто-то на противоположном берегу Тверцы хочет перебраться через реку. Любимым занятием Дмитрия Сергеевича было вырезание из белой бумаги ажурных рисунков, наклеивание их на черный фон и развешивание на стенах в рамках под стеклом [Гортынская, 2000, с. 61–63]. Умер Дмитрий Сергеевич 22 декабря 1897 г. в возрасте 90 лет, женат не был и потомства не оставил. Приходящее в упадок имение унаследовала его племянница Татьяна Петровна Балавенская. Однако в 1906 г. ей пришлось отдать его в уплату за все возраставшие долги в банк. Купил

¹ Revue des Deux Mondes (фр. «Обозрение двух миров» или «Обозрение Старого и Нового света») – двухнедельный французский журнал либерального направления. Издаётся в Париже с 1829 г. по настоящее время.

Василёво богатый новоторжский купец Цвылёв, от него имение перешло его дочери [Андреев, 2000, с. 27].

Литература

- Андреев Л. В. Архитектурно-ландшафтный комплекс Митино – Василёво – Прутня // Краеведческий альманах: Научно-образовательное и информационно-справочное издание. № 3. – Тверь: Лилия принт, 2003. – С. 3–31.
- Бочкарева И. А. Н. А. Львов: Очерки жизни. Венок новоторжских усадеб. – Тверь: Тверская обл. тип., 2008. – 128 с.
- Гортынская М. П. Воспоминания о Митине и Василёве // Краеведческий альманах. № 3. – Тверь: Лилия принт, 2003. – С. 59–63.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. I. М.: Русский язык, 1978. – 700 с.
- Лопатина Н. А., Лобанова О. В., Михайлова Т. А. Родословный список новоторжских Львовых // Краеведческий альманах. № 3. – Тверь: Лилия принт, 2003. – С. 43–56.
- Строганова Е. Н. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин // Русские писатели и Тверской край: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов университетов / под ред. М. В. Строганова и И. А. Трифаженковой. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – С. 190–217.
- Тюнькин К. И. Салтыков-Щедрин. – М.: Мол. гвардия, 1989. – 622 с.

Архивы

- О запроданном статским советником Львовым статскому советнику Салтыкову имени Новоторжского уезда // Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 310. Оп. 1. Д. 54990.

Т. А. Ильина¹

(Тверской государственной университет)

**М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И П. П. МАКСИМОВИЧ:
РУССКИЙ ЛИБЕРАЛ В ЛИТЕРАТУРЕ И В ЖИЗНИ**

Статья посвящена вопросу соотношения литературного образа русского либерала, созданного М. Е. Салтыковым-Щедриным, и реально-го представителя либеральной интеллигенции – П. П. Максимовича, общественного деятеля, создателя первой в России женской учительской школы (в Твери). Анализируются биографические факты их взаимоотношений. Прослежена тема русского либерализма в творчестве писателя Щедрина, его отношение к представителям либерального лагеря и соответствие / несоответствие литературного образа реальному историческому лицу.

Ключевые слова: русский либерал, М. Е. Салтыков-Щедрин, П. П. Максимович, либерализм П. П. Максимовича, русский либерал у М. Е. Салтыкова-Щедрина, соотношение литературы и жизни.

Т. А. Ilyina

(Tver State University)

**M. E. SALTUKOV-SHCHEDRIN AND P. P. MAXIMOVICH:
RUSSIAN LIBERAL IN LITERATURE AND IN REAL LIFE**

The paper is devoted to the question of the connection between the literary character of the Russian liberal which was created by M. E. Saltykov-Shchedrin and the real representative of the intellectuals P. P. Maksimovich, who was public figure, the founder of the first Russian teachers' school for women (Tver). The author analyses the biographical facts of their relationship. Moreover, the paper reveals the theme of Russian liberalism in Shchedrin's works, his attitude to the liberal camp and the compliance / discrepancy of the literary character with its real historical person.

Keywords: Russian liberal, M. E. Saltykov-Shchedrin, P. P. Maksimovich, Maksimovich liberalism, Russian liberal character in Saltykov-Shchedrin's works, connection between literature and life.

¹ Ильина Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, заведующая отделом редких книг научной библиотеки Тверского государственного университета; e-mail: ilyina_tver@mail.ru.

■ Тема этой статьи родилась в ходе работы над энциклопедией «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники». В «Указателе личных имен и названий периодической печати» к двадцатитомному Собранию сочинений писателя сказано: «Максимович Павел Павлович (1817–1892), педагог, писатель член тверского губернского комитета во время крестьянской реформы, инспектор училищ, сотрудник журнала „Друг детей“» [20, с. 531]. Однако здесь произошло смешение информации о двух людях с фамилией Максимович и инициалами П.П. Характеристика «инспектор училищ, сотрудник журнала „Друг детей“» относится к Павлу Петровичу Максимовичу (1796–1888), который был инспектором Санкт-Петербургского учебного округа, членом ученого комитета Министерства народного просвещения, автором книги для первоначального чтения «Друг детей» (СПб., 1839), выдержавшей множество изданий, а также ряда религиозных сочинений. Был ли он сотрудником журнала «Друг детей», выходявшего в Москве в 1887–1888 гг., пока сказать трудно из-за отсутствия необходимой информации. В случае же с Салтыковым речь идет о Павле Павловиче Максимовиче, что подтверждается письмом писателя к Н.А. Белоголовому от 18 декабря 1882 г.: «Умер Глазенап. Максимович приезжал к Унковскому и говорит: дал я Глазенапу 50 тысяч – и теперь ничего не получишь...» [19-2, с. 160]. Павел Александрович Глазенап и Алексей Михайлович Унковский были хорошими знакомыми Павла Павловича Максимовича. В этом письме Салтыков единственный раз упоминает его имя, хотя нет сомнений в том, что они были знакомы.

Павел Павлович Максимович родился 26 ноября 1816 г. в крепости Константиногорская Кавказской губернии. После окончания Санкт-Петербургского Морского кадетского корпуса и семилетнего преподавания в нем, в 1848 г. он оставил службу и занялся хозяйством в своих тверских имениях. Максимович активно участвовал в проведении крестьянской и земской реформ, по своей инициативе и на собственные средства в 1870 г. он открыл в Твери школу для подготовки народных учительниц, которой в 1872 г. было присвоено его имя, а с 1882 г. школа была передана в ведение земства. Это учебное заведение стало первой в России женской учительской школой и заложило основы будущего Тверского университета. В 1919 г. материальная база школы перешла Тверскому институту народного образования (с 1921 г. – педагогический институт, с 1971 г. – университет). Скончался Максимович в своем имении Шепелево Ярославской губернии (сегодня Шепели Кашинского района Тверской области) 1 июля 1892 г. [см.: Ильина].

Максимович – типичный представитель той либеральной интеллигенции, которую с поражающим постоянством клеймил писатель Щедрин едва ли не в каждом своем художественном тексте. Квинтэссенцией такого отношения является сказка «Либерал». С Максимовичем Салтыков, скорее всего, познакомился в Твери через своего друга А. М. Унковского, возглавлявшего в период подготовки крестьянской реформы 1861 г. так называемую «тверскую оппозицию». В 1858–1859 гг. Максимович был членом Тверского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, в котором занимал умеренно-либеральную позицию и поддерживал партию Унковского и А. А. Головачева по основным вопросам крестьянской реформы и, прежде всего, по вопросу освобождения крестьян с землей [см.: Джаншиев, 1894; Розум, 1945; Макашин, 1972, с. 385–397].

Как раз во время работы этого комитета проявились те качества Максимовича, которые часто высмеивал Щедрин в своих произведениях. Например, либеральное красноречие. В качестве примера можно привести главного героя фельетона «В деревне» Николая Петровича Многоболтаева. Сатирическое определение пустого красноречия находим в очерке «Скрежет зубовный»: «Словом, чтобы определить характер нашего витийства одним термином, можно назвать его размазисто-стыдливо-пустопорожним» [3, с. 364]. Максимович был очень красноречив, о чем позже вспоминал Унковский: «П. П. отличался среди членов комитета своей убедительной речью и логичностью своих выводов. Его горячая и убедительная речь производила на слушателей сильное впечатление. Видя иногда, что он не может победить своею логикою противников, П. П. переходил как будто на их сторону и начинал развивать их взгляды. Противники, приобретая такого союзника, радовались, но это продолжалось недолго, так как П. П., развивая их взгляды, доводил их до абсурда, и приходилось от них, в конце концов, им отказаться» [Селиванов, 1901, с. 20]. Примеры патетических выступлений Максимовича, сохраненные в журналах комитета, подтверждают информацию о его красноречии [См., например: Розум, 1945, с. 7, 8, 11, 14].

Щедрин высмеивал русских либералов за их фарисейство, лицемерие, лживость, эгоизм, приспособленчество. Примеров слишком много, поэтому приведем только одну цитату из очерка «К читателю»: «В публичных местах нет отбоя от либералов всевозможных шерстей, и только слишком чуткое и привычное ухо за шумихою пустозвонных фраз может подметить старинную заскорузлость воззрений и какое-то лукавое, чуть сдерживаемое приурочивание вопросов общих, истори-

ческих к пошленьким интересам скотного двора своей собственной жизни» [3, с. 260]. И в этом смысле Максимович тоже был типичным русским либералом, потому что его красноречие в комитете часто было направлено на защиту интересов помещиков, а не крестьян. Так, например, в записке от 21 августа 1858 г. он призывал членов комитета при подготовке реформы иметь в виду прежде всего интересы помещиков: «Если бы мы увлеклись порывами великодушия, – писал он, – ко вреду нашего сословия, то по данному нам неоспоримому праву мы можем изменить, уничтожить все то, что признаем несовместимым с нашим благополучием» [цит. по: Розум, 1945, с. 13]. Крестьянская реформа его интересовала в первую очередь как создание условий для капиталистического развития России. Он не стремился отдавать крестьянам слишком большие наделы земли и защищал систему барщины: «Я также не разделяю мнения, что мы должны озаботиться о полном наделе крестьян сенокосом. По-моему, эта излишняя предосторожность усложняет выкуп и отнимает у помещика возможность попытаться по добровольному соглашению денежную плату заменить несколькими днями работы в то время, когда оно у крестьян от их работы свободно» [цит. по: Розум, 1945, с. 21]. По мнению Максимовича, надел в 3–4 десятины на душу вполне достаточен для крестьянин, а с их недовольством по этому поводу надо решительно бороться. Таким образом, отстаивая освобождение крестьян с земельным наделом, он допускал его в той мере, в какой это было выгодно ему самому как помещику. По некоторым вопросам либералы, подобные Максимовичу, объединялись в голосовании с крепостниками, и разница между ними исчезала. И это также прекрасно подметил Щедрин: «У нас в настоящее время две партии: ретрограды и либералы (разумеется, умеренные). <...> Чего хотят ретрограды, чего добиваются либералы – понять очень трудно <...> если гнаться за определениями, то первую партию всего приличнее было бы назвать ретроградною либералией, а вторую – либеральною ретроградией» («Наш губернский день») [3, с. 416–417]. В романе «Дневник провинциала» звучит ирония и по отношению к работе комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян в целом.

Несмотря на выступления в защиту крестьян, в феврале 1860 г. Максимович обратился к Унковскому как предводителю дворянства с просьбой посодействовать в деле о неповиновении четырех крестьян, которых супруга Максимовича переселила из Ярославской в Тверскую губернию, как тогда говорили, «на песочки». Дело затянулось, крестьяне не соглашались на уговоры, в результате чего ока-

записались в тюрьме. Тверское губернское правление дважды принимало решение о посылке воинской команды для их усмирения, но 10 сентября 1860 г. тверской вице-губернатор Салтыков, выполнявший в отсутствие губернатора его функции, отменил решение об экзекуции, отметив, что «сии крестьяне находятся в тюрьме, и, следовательно, посылать команду для усмирения их некуда» [Дело о неповиновении крестьян..., л. 24]. По его же распоряжению дело было передано в Сенат, и крестьян через 2 года освободили. В целом для Максимовича крестьянская реформа оказалась довольно выгодной. Он не отпустил на волю беглых выкупа почти 160 крестьян из имений Спасское и Жеребцовка, более того, при разделе земли села Спасского Кашинского уезда (по закону о 4 десятинах на крестьянскую душу) во владении крестьян оказалось меньше земли, чем до реформы: было 694 десятины, а стало 536, т. е. 158 десятин осталось за помещиком Максимовичем [Уставная грамота <...> помещика П. П. Максимовича с. Спасского, л. 1; Уставная грамота <...> помещицы жены капитан-лейтенанта Анны Андреевны Максимович дер. Жеребцовки, л. 1]. Половинчатость позиций Павла Павловича сказалась и в том, что он не поддержал решительных действий тверской оппозиции и не подписал знаменитый адрес тверского дворянства Александру II от 3 февраля 1862 г., в котором 113 дворян решительно выступили против своих сословных привилегий. Но арест 13-ти мировых посредников вызвал протест со стороны Максимовича, и он отказался занять место представителя правительства в губернском присутствии по крестьянским делам, объясняя свой отказ несогласием с действиями правительства по отношению к оппозиции. Так, он писал тверскому губернатору П. Т. Баранову: «Тринадцать членов мирового института, увлеченные своими убеждениями, сделали заявление, противное существующим узаконениям. Хотя, несмотря на искреннюю мою приязнь к большей части этих честных людей, я не оправдываю и не разделяю их образа действий, но не скрою от Вас, что правительственные лица, распорядившиеся без предварительного дознания внезапным арестом и преданием их прямо суду Сената, в свою очередь, также нарушили существующие законы, что произвело на меня тяжелое впечатление» [Дело по ходатайству..., л. 56–56 об.].

После земской реформы 1864 г. Максимович стал активным деятелем тверского земства, единственным из членов комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. С 1865 г. он участвовал в заседаниях Кашинского уездного земского собрания, в 1866–1877 гг. являлся членом Тверской губернской земской управы. Сначала он заведовал

губернской больницей, занимался вопросами охраны здоровья, мерами по распространению оспопрививания и устройству родовспомогательных учреждений. Писатель Щедрин не увидел ничего хорошего в земстве и высмеял его во многих своих произведениях, и некоторые объекты его сатиры как будто подразумевают деятельность Максимовича. Так, в сатире на земство «Новый Нарцисс, или Влюбленный в себя» (1868) как пример ничтожности земских дел приводится «лучшение рукомыльников» в больнице. Верность своей позиции по отношению к земству писатель подтвердил и в позднем рассказе «Земский деятель» (1887): «...умывальники горели, как жар» [16-2, с. 242]. Максимович добивался улучшения в больнице системы вентиляции и установления ватерклозетов. И действительно, каково было больным находиться в помещении, в трех шагах от которого «стоят на земле четыре открытых чана с постоянно наполняемыми экскрементами» [Селиванов, 1901, с. 31]. Максимович, видимо, сумел справиться с этой проблемой и привел больницу в образцовый порядок. Еще одним объектом критики Щедрина была любовь земцев к участию в многочисленных комиссиях. И это тоже про Максимовича: «П. П. не отказывался участвовать во всех земских комиссиях, и очень часто он заменял своих товарищей по управе» [Селиванов, 1901, с. 33]. Как примету пореформенного времени писатель называл создание всевозможных акционерных обществ: «...проекты сыпались за проектами; акционерные компании нарождались одна за другою, как грибы в молчаливое время» («Господа ташкентцы») [10, с. 212]. И в этом смысле напрашиваются аналогии с Максимовичем, который разработал проект акционерной компании по изданию дешевых книг для народа. Щедрин презрительно называл земских деятелей «сеятелями» и один из своих циклов озаглавил «В сфере сеяния». Примечательно, что тверской помещик В. Постельников свое стихотворение, посвященное Максимовичу, назвал «Сеятель добра» [Селиванов, с. 174].

Все эти примеры совпадений фактов литературы и жизни лишней раз подтверждают, что писатель Салтыков-Щедрин обладал очень хорошим знанием реальной русской действительности и искусством типизации, обобщения в создании художественных образов.

С другой стороны, все перечисленные выше особенности поведения либерального интеллигента Максимовича не помешали ему успешно заняться большим созидательным делом – организацией первой в России женской учительской школы, которая дала образование и позволила выбраться из вековой нищеты более тысячи крестьянских девушек. Школа считалась одной из лучших в России и пользовалась

вполне заслуженным авторитетом за те гуманистические и демократические традиции, которые были заложены ее основателем. Кстати, в школе после смерти писателя в декабре 1889 г. земством была учреждена стипендия имени М. Е. Салтыкова и выделено 1500 рублей для образования ее капитала [Протоколы, с. 68 (2-й паг.)].

Салтыков-Щедрин несомненно знал о педагогической деятельности Максимовича. Так, во «Внутреннем обозрении» журнала «Отечественные записки» (1877. № 4) был опубликован отчет по школе Максимовича за 1875 год. Кроме того с этой школой оказалось связано первое цензурное предостережение журналу. В 1879 г. (№ 1) Г. З. Елисеев опубликовал во «Внутреннем обозрении» материал в защиту школы Максимовича от гонений директора народных училищ Тверской губернии Н. Д. Малова и поднял вопрос о взаимоотношениях земства и правительства. Именно этот материал член Совета главного управления по делам печати Д. П. Скуратов посчитал наиболее радикальным и антиправительственным, отметив «явно враждебное отношение редакции ко всем без исключения правительственным мероприятиям и ко всем органам правительственной власти высказывается так рельефно», что не может остаться «без немедленного взыскания» [цит. по: Боград, 1971, с. 482]. Поддержанное большинством Совета решение о предостережении журналу было одобрено Александром II. В № 2 за тот же год были напечатаны текст предостережения и «разъяснение» Министерства народного просвещения по делу школы Максимовича.

Созидательная сторона деятельности Максимовича и таких, как он, не нашла отражения в художественных и публицистических текстах писателя, который не раз упрекал либералов в красноречии и отсутствии настоящего дела: «У всех на языке одна фраза: надо дело делать, и у всех же в голове одна мысль: ах, кабы меня бог помиловал» («Итоги») [7, с. 432]; «А дело необходимо, то будничное, некрасивое дело, которое одними своими мелочами может истратить целую жизнь человека» («Каплуны») [4, с. 253]; «Все говорят охотно: „Надо дело делать“, но какое – не знают. А вобла похаживает между тем среди возрожденной толпы и самодовольно выкрикивает: „Не растут уши выше лба! Не растут“» («Вяленая вобла») [16-1, с. 70]. Либеральный земец Павел Павлович Максимович делал такое «будничное» дело, но этого не заметил писатель Щедрин.

Метафорой русского либерала стал образ каплуна в одноименном очерке Щедрина. Однако реальный Максимович практически во всем опровергает этот образ. Так, Щедрин обвиняет либералов в эгоизме,

преследовании только своих интересов, равнодушии к общественным проблемам. Максимович же берется за решение одной из самых насущных проблем современности – неграмотности народа и на свои собственные деньги открывает школу для подготовки народных учителей. Писатель считает, что либералы презируют народные массы, а Максимович в Санкт-Петербурге водит своих воспитанниц – крестьянских девушек на концерты, лекции, в театры. Обобщая в образе города Глупова всю Россию, писатель полагал, что настоящих деятелей в ней нет: «Нельзя сказать себе: выйду к толпе и увлеку ее в ту или другую сторону. Толпа не вдруг и не всю открывает грудь свою <...> Надобны сверхъестественные силы, чтобы увлечь толпу сразу, а много ли найдется деятелей, обладающих этими силами? <...> Да, страшна жизнь, и не легко выносятся бремя ее! Деятели, которые обладают достаточными для того силами, называются героями, а звания этого, как известно, у нас в Глупове и по штату совсем не положено» [4, с. 254]. Но Максимович, наверно, и был таким героем. По Щедрину, «действительное геройство заключается <...> в упорном и непрерывном раздалбливании туго уступающей глуповской среды» [4, с. 255], и Максимович своей педагогической деятельностью, а также мужественным отстаиванием своего детища от нападок бюрократов, пытавшихся закрыть школу, только подтверждает мысль о наличии таких героев в городе Глупове.

Позиция Салтыкова-Щедрина по отношению к либеральной интеллигенции неоднозначна: несмотря на беспощадную критику, он не отделял от нее и самого себя, считал и себя жителем города Глупова, более того, верил, что только интеллигенция способна изменить что-то в лучшую сторону. Такое неоднозначное отношение к русскому либерализму наиболее ярко выразилось в «Письмах к тетеньке», о чем писал С. А. Макашин: «Образ „тетеньки“ (под ним и подразумевалась либеральная интеллигенция. – Т.И.) почти всюду „звучит“ в ключе иронии (но не сарказма) <...> образ „тетеньки“ не является всецело отрицательным, хотя Салтыков и судит „тетеньку“ судом своей сатиры, но он не выносит ей окончательного и беспощадного приговора, какой, например, он вынес в „За рубежом“ французской реакционной буржуазии <...> она не безнадежна, и в ее недостатках писатель склонен винить прежде всего ее „воспитание“ и те объективные условия русской жизни, „которые благоприятствовали и благоприятствуют развитию... легкомысленной повадивости“» [14, с. 612–613]. И самое главное – Салтыков-Щедрин верил в силу русского либерального интеллигента, последнее письмо он заканчивает словами: «Я твердо

убежден, что в делах современности от вас зависит многое, почти все <...> По-видимому, вы даже не подозреваете, что вы – сила, а между тем нет истины бесспорнее этой. Сознajte же свою силу, но не для того, что безразлично посылать поцелуи правде и неправде, а для того, чтоб дать нравственную поддержку добросовестному и честному убеждению. Право, без этой поддержки невозможно сделать что-нибудь прочное» [14, с. 466]. Так же высоко писатель оценивал роль интеллигенции в «Мелочах жизни»: «Не будь интеллигенции, мы не имели бы ни понятия о чести, ни веры в убеждения, ни даже представления о человеческом обществе» [16-2, с. 12–13]. Но, справедливо-сти ради, стоит сказать, что подобных положительных высказываний крайне мало.

Подводя итог, можно сказать, что писатель Щедрин практически не увидел ничего хорошего в деятельности русских либералов, – здесь я позволю себе согласиться с мнением Ю.И. Айхенвальда: «Он пропустил мимо себя много людей и почти никого не похвалил <...> Щедрин, ловец специфический, видел только то, что мог видеть, – и, несомненно, к свойствам его таланта приспособлялись факты, к зрению – зрелище» [Айхенвальд, 2013, с. 446, 447]. Салтыков-Щедрин навсегда сохранил верность своей сатирической музе: «Имярек, по самой природе своей, по всему складу своей жизненной деятельности, не мог не остаться верен той музе, которая, однажды озарив его существование, уже не оставляла его» [16-2, с. 320]. Предназначение этой музы состояло в бичевании пороков, а не восхвалении достижений. И что приносит большую пользу отечеству – вопрос сложный: «Странная вещь эта любовь к отечеству. Вот люди, которые несомненно любили отечество (речь идет о тверских либералах. – Т.И.) и которых тем не менее разгромили другие люди, тоже несомненно любившие отечество» [12, с. 219].

Литература

- Айхенвальд Ю.И. Салтыков-Щедрин // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. Кн. 1. – СПб.: Рус. христ. гуманист. академия, 2013. – С. 446–453.
- Боград В.Э. Журнал «Отечественные записки», 1868–1884: указ. содерж. – М.: Книга, 1971. – 734 с.
- Джанишев Г.А. А.М. Унковский и освобождение крестьян: ист.-биограф. справки. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1894. – [2], 192, [2], 51 с., [3] л. ил.
- Ильина Т.А. Школа Максимовича: исследование и материалы. – Тверь: Книжный клуб, 2010. – 184 с., [8].
- Макашин С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов: биография. – М.: Худож. литература, 1972. – 600 с.

Протоколы заседаний Тверского очередного губернского земского собрания 8–19 декабря 1889 г. – Тверь: Земская тип., 1890. – 1 т. разд. паг.

Розум М. А. Подготовка крестьянской реформы в Тверском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян // Учен. зап. Калнин. гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина. Т. 10. Вып. 1. – Калинин: КГПИ, 1945. – С. 1–38.

Селиванов А. Ф. П. П. Максимович, основатель Тверской женской учительской школы. – СПб.: Типо-литогр. М. П. Фроловой, 1901. – 175 с., [1]

Архивы

Дело о неповиновении крестьян помещика П. П. Максимовича // Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 466. Оп. 1. Д. 89017.

Дело по ходатайству членов Тверского губернского по крестьянским делам присутствия г. Бакуниных об увольнении их от настоящей должности // ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13983.

Уставная грамота Тверской губернии Кашинского уезда 4-й местности капитан-лейтенанта помещика П. П. Максимовича с. Спасского // ГАТО. Ф. 484. Оп. 1. Д. 7748.

Уставная грамота Тверской губернии Кашинского уезда 4-й местности помещицы жены капитан-лейтенанта Анны Андреевны Максимович дер. Жеребцовки // ГАТО. Ф. 484. Оп. 1. Д. 7757.

Л. А. Тимофеева¹

(Библиотека Российской академии наук)

**М. Е. САЛТЫКОВ И СЕМЬЯ
ПОТОМСТВЕННЫХ КНИЖНИКОВ БАЗУНОВЫХ**

Статья посвящена нескольким книготорговцам из семьи Базуновых в связи с биографией М. Е. Салтыкова. Впервые представлены документы из архивов и сведения из малоизученных печатных источников. Уточнены биографические данные о Ф. В. Базунове, И. В. Базунове, А. Ф. Базунове, С. А. Базунове. Рассказано об участии М. Е. Салтыкова в сборнике памяти А. Ф. Смирдина.

Ключевые слова: биография М. Е. Салтыкова, династия Базуновых, А. Ф. Смирдин, И. Г. Соловьев, российская книготорговля, российское книгоиздательство.

L. A. Timofeeva

(Library of the Russian Academy of Sciences)

M. E. SALTUKOV AND THE BIBLIOPHILES BAZYNOVS

The paper is devoted to several booksellers from the Bazunov family whose biographies were connected with the biography of M. E. Saltykov. The author presents some documents from archives and little-known published sources for the first time and clarifies biographical information on F. V. Bazunov, I. V. Bazunov, A. F. Bazunov, S. A. Bazunov. The article also deals with M. E. Saltykov participation in the edition dedicated to the memory of A. F. Smirdin.

Keywords: M. E. Saltykov, the Bazunov dynasty, A. F. Smirdin, I. G. Soloviev, Russian book trade, Russian book publishing industry.

■ В числе знакомых М. Е. Салтыкова было немало лиц, профессионально связанных с подготовкой, изданием и распространением печатной продукции. Особое место среди них занимали купцы Базуновы, четверо из них входили в круг деловых контактов писателя. Базуновы работали на российском книжном рынке почти 70 лет. Без упоминания этой фамилии не обходится ни одно из основательных исследований по истории отечественного книгоиздательства, а словарные статьи

¹ Тимофеева Любовь Анатольевна, главный библиотекарь Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург); e-mail: l_tim@bk.ru.

об этой семье помещены в отраслевых и универсальных энциклопедиях. Однако и в справочных изданиях, и в исследованиях о книжном деле XIX в. содержится много неточных сведений об этой династии. Причиной фактических ошибок является отсутствие личных документов Базуновых и, как заметил современный исследователь, неизученность «огромного количества осевших в архивах контрактов, договоров, счетов, конторских книг, расписок и прочих документов, традиционно исключенных из поля зрения историков литературы» [Вдовин, 2013, с. 112].

Путаница с именами, родственными связями, датами жизни Базуновых имеет место и в научных изданиях текстов писателей, связанных с книгопродавцами деловыми отношениями, – Л. Н. Толстого, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского. Такого рода неточности допущены и в комментариях к письмам Салтыкова. Лишь один из Базуновых – Александр Федорович, знакомый Достоевского, обратил на себя внимание биографов [Белов, 2011, с. 39–52; Либрович, 2005, с. 201–205; Тихомиров, 2012, с. 116–122]. О деятельности других известно мало. Поскольку они не оставили личных архивов, а их деловая переписка почти не сохранилась (или пока не выявлена), информацию о семье можно обнаружить в печатных материалах, редко используемых по причине трудоемкости разысканий. Это московские купеческие переписки, коммерческие объявления в книжных каталогах и газетах, адресные и профессионально-сословные справочные издания, которые послужили основными источниками сведений для настоящей статьи.

*

Семья Базуновых происходила из крепостных князя М. С. Долгорукова и до переезда в Москву проживала в Орловской губернии [Материалы, 1887, с. 234]. Основатель династии, Василий Иванович Базунов, занимался книготорговлей с 1810 г. и имел собственную лавку. Все его девять сыновей с детства были причастны к книжному делу, работая в лавках отца и его коллег, трое завели собственное дело. Старший, Алексей, имевший личный капитал уже в 1811 г., работал в Москве до начала 1830-х гг. Иван и Федор-младший начали работать под своими торговыми именами в начале 1840-х гг.: Иван – в Москве, а Федор – в Петербурге. Именно они поддерживали деловые отношения с Салтыковым. Федора Васильевича-младшего имел в виду Салтыков, адресуясь 14 июля 1856 г. к редактору «Русского вестника» М. Н. Каткову в связи с подготовкой к печати «Губернских очерков»: «... магазин Базунова в настоящую минуту закрыт, и, когда в нем будет

вновь производиться торговля, неизвестно. Опасаясь, чтобы статьи мои не пропали, если будут пересланы этим путем, я прошу Вас выслать мне их с почтою...» [18-1, с. 175]¹.

Федор Васильевич Базунов-младший (ок. 1796–1856?) «был одним из известнейших и аккуратнейших книгопродавцев» [Овсянников, 1879, с. 29]. Он начал работать мальчиком в лавке старшего брата – Алексея, а затем служил одним из приказчиков в петербургском магазине А. Ф. Смирдина. В январе 1842 г., став купцом третьей гильдии, Ф. В. Базунов основал собственное дело на Невском, 28, напротив Казанского собора [Материалы, 1889, с. 175; Рекламное объявление, 1842, с. 226–228].

Торговля Базунова развивалась успешно, и осенью 1849 г. магазин переехал в более престижное место – дом В. В. Энгельгардта (впоследствии Е. В. Ольхиной) на Невском, 30. Именно этот адрес имел в виду Салтыков в упомянутом письме к Каткову. Сам Базунов в 1850-е гг. жил неподалеку – на Большой Конюшенной, 10, в доме П. Д. Норова [Путеводитель, 1854, с. 19, 167]. Ф. В. Базунов работал с русскими книгами универсального содержания и вел подписку на периодические издания. Кроме книг в магазине продавались гравюры и (с 1855 г.) мелкая скульптура Н. А. Степанова, представлявшая писателей и актеров, а также находились отделения контор нескольких журналов. Много лет снабжая учебными книгами Александровский лицей, 30 августа 1855 г. Ф. В. Базунов обратился в его администрацию с прошением о дозволении «быть и именоваться комиссионером Императорского Александровского Лицея». Его прошение было удовлетворено в декабре 1855 г. выдачей свидетельства [О дозволении, 1855, л. 1, 3]. Известно, что Ф. В. Базунов не только торговал книгами, но и издавал их, вложив средства в роман А. К. Ярославцева «Любовь музыканта» (СПб., 1842, 3 т.) и в исследование отца Иакинфа «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (СПб., 1848, 4 т.).

По приезде в Петербург из Вятки Салтыков пользовался услугами магазина как автор журнала «Русский вестник», петербургское отделение которого находилось у Базунова. Более раннее личное знакомство Салтыкова с книгопродавцем представляется сомнительным, хотя его магазин на Невском, 28 мог быть известен писателю по первому петербургскому периоду. Сведений о дате кончины Ф. В. Базунова

¹ В комментарии к письму этот Базунов неверно определен как Александр Федорович, который в 1856 г. еще не был хозяином магазина.

не сохранилось, но письмо Салтыкова о том, что магазин закрыт, возможно, свидетельствует либо об этом, либо о болезни Базунова. В январе 1857 г. хозяином этого магазина в книготорговом объявлении был впервые указан купец третьей гильдии С. А. Базунов, в течение всего года размещавший свою рекламу в петербургских газетах, а в феврале 1858 г. – купец третьей гильдии А. Ф. Базунов; они приходились родными племянниками Федору Васильевичу.

*

Сергей Алексеевич Базунов был сыном московского книготорговца А. В. Базунова. До принятия на себя обязанностей хозяина магазина (на Невском, 30) он содержал собственную книжную лавку в доме Пажеского корпуса на Садовой улице. Жил С. А. Базунов в доме И. И. Глазунова на Большой Мещанской, 5 [Книга адресов, 1858, стб. 59]. Его имя значится среди издателей сборника, посвященного А. Ф. Смирдину, одним из авторов которого был Салтыков. Задуманный в 1856 г. как альманах в честь пятидесятилетия деятельности известного книгопродавца, он был издан в шести томах уже после его смерти «в пользу многочисленного осиротевшего семейства А. Ф. Смирдина и на сооружение ему памятника» [Сборник, 1858, 3-я с. обл.]¹.

Весной 1857 г. петербургские издатели составили письмо, обращенное к литераторам, с приглашением к участию в юбилейном сборнике. Среди них, кроме С. А. Базунова, были М. О. Вольф, И. И. Глазунов, братья Исаковы, А. А. Смирдин и др. Отпечатанное литографическим способом письмо рассылалось писателям. В начале июня 1857 г. было опубликовано объявление о готовящемся собрании сочинений русских писателей в пользу Смирдина, подписанное теми же шестнадцатью издателями. Сбором материалов занимались А. А. Смирдин и его компаньон В. Е. Генкель, редактором был назначен А. Г. Тихменев. Фамилия М. Е. Салтыкова (Щедрина) значилась в объявлении в списке литераторов, получивших приглашение и изъявивших согласие на благотворительную публикацию в сборнике [Юбилей, 1857, с. 552].

По-видимому, в начале 1857 г. Салтыков не предполагал отдать какое-то конкретное сочинение и выразил лишь готовность к участию в проекте. В письме к В. П. Безобразову от 1 октября 1858 г. он сообщал: «В марте я отдал в Смирдинский альманах повесть под названием „Яшенька“. Повесть очень плохая и мне крайне хотелось бы

¹ Пятидесятилетие должно было отмечаться в 1857 г., Смирдин скончался 16 сентября 1857 г.

выручить ее. Так как она до сих пор не напечатана, и, следовательно, я имею полное право не позволять более ждать, то не будете ли Вы так добры вытребовать ее от <А. А.> Смирдина и выслать ее ко мне обратно. Для этого стоит Вам только зайти в магазин его» [18-1, с. 202]. 3 февраля 1859 г. эта тема была продолжена в письме к П. В. Анненкову: «Год тому назад я отдал в альманах Смирдина повесть под названием "Яшенька". Эти подлецы до сих пор ее не печатают, да и обратно не возвращают. Так как я совсем (т. е. нигде) не хотел бы печатать эту вещь, по причине ее совершенной посредственности, то Вы бы весьма обязали, вырвав ее из рук этого скотопромышленника Генкеля. Безобразов хлопотал, да не отдают» [18-1, с. 213].

Попытки Салтыкова выручить повесть не увенчались успехом. В конце октября 1857 г. было опубликовано объявление о подписке на сборник памяти А. Ф. Смирдина, полностью перепечатанное и в первом выпуске сборника, вышедшем в начале 1858 г. К этому времени состав томов был определен по тематике и участникам. Фамилия Салтыкова значилась среди авторов, которыми «частью доставлены, частью обещаны статьи» для публикации [В память, 1857, с. 1182]. Количество и качество имевшихся в редакции сочинений, по-видимому, не вполне удовлетворяло составителей и они не могли терять уже объявленных в рекламе участников проекта, тем более – знаменитого автора «Губернских очерков».

Повесть Салтыкова «Яшенька» была напечатана в 1859 г., открывая последний выпуск «Сборника литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина» [Сборник, 1859, с. 1–94]. Публикация сопровождалась редакционным примечанием, которое, очевидно, было извинением перед Салтыковым, долгое время требовавшим вернуть «очень плохую» повесть: «Этот рассказ был получен от автора еще в половине 1857 года, но по разным обстоятельствам мог быть только теперь напечатан» [Сборник, 1859, с. 94].

Косвенно причастный к публикации Щедрина в «Смирдинском альманахе», С. А. Базунов мог и лично знать его, будучи владельцем известного писателю книжного магазина, которым руководил до начала 1858 г. и где по-прежнему располагалась петербургская контора «Русского вестника», опубликовавшего в октябре 1857 г. пьесу Салтыкова «Смерть Пазухина».

*

28 февраля 1858 г. полноправным хозяином этого магазина стал двоюродный брат С. А. Базунова – Александр Федорович Базунов

(ок. 1828/1829–1899)¹. Он не приходился сыном, как обыкновенно указывается в биографических справках, первому владельцу – Ф. В. Базунову-младшему. Отцом Александра Федоровича был старший брат и полный тезка петербургского купца, московский мещанин Ф. В. Базунов-старший (род. ок. 1792). Он был единственным из девяти братьев, получившим специальное образование в Московском коммерческом училище, которое окончил в 1813 г. По выпуске из училища он служил в книжной лавке компаньона своего старшего брата Алексея – П. Н. Инихова [История Московского купеческого общества, 1914, с. 137], а через десять лет перешел в мещанское сословие Москвы [Материалы, 1888, с. 155]. Его сын Александр также обучался в Московском коммерческом училище, которое окончил с чином коллежского регистратора в 1844 г. [Московское коммерческое училище, 1904, с. 21 (2-я паг.)]. Александр, как и отец, принадлежал к мещанскому сословию. Мещанским происхождением объясняется торговое звание А. Ф. Базунова – «временный купец», которое имели не принадлежавшие по рождению к торговому сословию «граждане разных наименований, получившие, по их торговым действиям, купеческие свидетельства» [Справочная книга, 1869, с. 3].

Оставляя дело племянникам, один из которых имел собственный магазин, а второй – основательное специальное образование, петербургский Ф. В. Базунов мог рассчитывать на дальнейшее успешное развитие семейного бизнеса. Приняв на себя руководство магазином и вступив в купеческую гильдию (в 1859 г. – как временный купец 3-й гильдии, позднее – как купец 2-й гильдии), А. Ф. Базунов стал одним из самых известных предпринимателей Петербурга. В 1860-х гг. он проживал на Караванной улице в доме 12 [Всеобщая адресная книга, 1867–1868, отд. 3, с. 33]. Как и многие книгопродавцы, он не ограничивался торговлей и подпиской на периодику, но и вкладывал средства в издание книг. К середине 1868 г. А. Ф. Базунов выпустил 11 наименований книг, в основном – современной беллетристики, среди которых были две книги Достоевского [Знакомые, 1888, с. 20].

Напечатанный в 1869 г. «Систематический каталог русским книгам, продающимся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова» (дополнения выходили до 1875 г.), «положил бесспорную за-

¹ Датой рождения А. Ф. Базунова обычно называется 1825 г. Судя по правилам приема в Коммерческое училище, он родился позже, а данные «Справочных книг» петербургского купечества свидетельствуют о том, что годом его рождения был 1828 или 1829 г.

служу на поприще русской библиографии» [Либрович, 2005, с. 202]. Каталог и его дополнения были составлены В. И. Межовым, и, отражая книжную продукцию с 1825 по 1874 гг., насчитывали более 24 500 записей и фактически являлись не книготорговыми, а репертуарными указателями российской печати. Именно это качество было отмечено в рецензиях «Отечественных записок» на каталог и его первое дополнение [Рецензия, 1869, с. 290–295; Пятковский, 1870, с. 223–224]. Методическим новшеством этого справочника являлось включение в описание изданий списка отзывов и рецензий.

В текстах Салтыкова содержится несколько косвенных упоминаний об А. Ф. Базунове. Его «книжная лавка» названа в очерке «Характеры» (1860) при описании «Русских ведомостей», отделение которых находилось у Базунова [4, с. 197]. В 1868 г. Щедрин написал рецензию на изданные Базуновым «Новые сочинения Г. П. Данилевского» [9, с. 257]. В «Отечественных записках» рецензировались и другие его издания: Комб А. Уход за детьми физиологический и нравственный (СПб., 1868); Успенский Г. И. Очерки и рассказы (СПб., 1871); Успенский Г. И. Разоренье (СПб., 1871); Кушчевский И. А. Николай Негорев, или Благополучный россиянин (СПб., 1872) [Боград, 1971, № 223, 907, 958, 1354, 1366].

В 1871 г., в период расцвета фирмы, А. Ф. Базунов задумал издавать серию «Библиотека современной литературы», которая должна была состоять из книг русских литераторов. В рекламном объявлении он сообщал, что проект предпринимается «в виду крайнего недостатка русских беллетристических произведений для легкого чтения в отдельной продаже, так как такого рода сочинения помещаются большею частью в больших журналах, недоступных по ценам большинству читающей публики» [Второе прибавление, 1871, отд. л.]. Издатель предоставлял писателям возможность отдельной книжной публикации и платил наличными деньгами за право печати, ориентируясь на тарифы периодических изданий. Полиграфическое оформление книг было скромным, обычная цена на том небольшого формата в 350–400 страниц составляла 1 руб. 25 коп., а тираж – от 1 500 до 2 000 экземпляров. Общее число книг серии составило к началу 1876 г. 30 наименований, среди авторов были Г. И. Успенский, Достоевский, П. Д. Боборыкин, В. В. Крестовский, А. С. Афанасьев-Чужбинский. Неоднозначно воспринятый и книгопродавцами и литераторами, этот издательский проект стал одной из причин разорения А. Ф. Базунова в 1876 г.

Кроме «Библиотеки современных писателей» А. Ф. Базунов выпустил около 30 наименований популярных книг по разным отраслям

знания: политике, экономике, географии, военному делу и педагогике. Последним издательским проектом Базунова стал иллюстрированный еженедельный журнал «Пчела», выходящий под его именем в течение 1875 г. Вторым издателем и ответственным редактором в этот период был кандидат прав М. И. Ходоровский, напечатанный в «Пчеле» (1875, № 18–21) не принятую Салтыковым к публикации в «Отечественных записках» повесть С. М. Лободы (Крапивиной) «Дневник княгини Хмуровой» [18-2, с. 168].

В начале 1876 г. дела А. Ф. Базунова пришли в расстройство. Это произошло «отчасти вследствие прекращения платежей со стороны других лиц, отчасти некоторого стеснения того кредита, которым он пользовался до сих пор, а главным образом вследствие значительных платежей, произведенных им в декабре и январе месяцах, достигающих нескольких десятков тысяч рублей» [Базунов, 1876, с. 3]. Невозможность самостоятельно разрешить финансовые трудности привела к физическому недомоганию и отъезду для лечения за границу. Торговлю в это время вел брат, а юридическим представителем был М. И. Ходоровский. Отъезд Базунова, совпавший с неполучением подписчиками журналов, оформленных подпиской в его магазине, вызвал ряд статей в столичных газетах и журналах, первую из которых напечатали «Биржевые ведомости» 1 февраля 1876 г. [Исчезновение, 1876, с. 1].

Базунов был не единственным книготорговцем, не обеспечившим своевременную передачу денег в редакции журналов, но он имел репутацию одного из самых надежных предпринимателей. 7 февраля 1876 г. состоялось первое собрание редакторов и издателей, имевших претензии к Базунову, среди которых был и присяжный поверенный, представлявший интересы «Отечественных записок». На собрании выяснилось, что Базунов не доставил в редакции журналов около 45 000 руб., а сумма его собственных долгов достигала 75 000 руб. [К исчезновению Базунова, 1876, с. 3]. В марте М. Н. Катков, не получивший за подписку на «Русский вестник» 11 000 руб., стал настаивать на задержании Базунова и аресте его имущества [Книгопродавец Базунов, 1876, с. 3].

Исчезновение Базунова с деньгами кредиторов и подписчиков и его разорение произвело «большую сенсацию в петербургском книжном и литературном мире» [Либрович, 2005, с. 201]. Впечатления от этой истории отразились в переписке многих современников, среди которых были Салтыков, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев и Достоевский. Брат издателя, А. Базунов, обратился к журналистам с просьбой не распространять ложную информацию о бегстве Алек-

сандра Федоровича. Он был уверен, «что при некоторой разумной снисходительности» со стороны кредиторов и издателей «все затруднения будут устранены в самом непродолжительном времени» [Письмо в редакцию, 1876, с. 3–4]. Однако этого не произошло. С начала февраля 1876 г. в Коммерческом суде стали рассматриваться иски заимодавцев, активное внимание к процессам привлекали публикации «Петербургского листка», «Нового времени» и «Биржевых ведомостей». Разорению Базунова и подписке на периодику были посвящены статьи, напечатанные в журналах «Дело» [Книгопродавцы – в бегах, 1876, с. 187–193] и «Отечественные записки» [Елисеев, 1876, с. 133–153].

Иски рассматривались Коммерческим судом до конца июня 1876 г. Вернувшийся в марте из-за границы Базунов продолжал торговлю, надеясь поправить дела. 11 сентября 1876 г. он был объявлен несостоятельным должником. Имущество «бывшего временного Санкт-Петербургского 2 гильдии купца», комиссионера Императорской Академии наук, Морского ученого комитета, Министерства юстиции, Министерства финансов и Киевского Императорского университета Св. Владимира перешло в ведение Конкурсного управления, которое стало заниматься возвратом долгов [О несостоятельности, 1876, с. 332]. В декабре 1876 г. в Петербурге была выпущена брошюра: «Опись книг, распропадающих Конкурсным управлением по делам бывшего книгопродавца А. Ф. Базунова». На 16 страницах перечислялись сотни наименований книг, находившихся на складах магазина. Экземпляры некоторых изданий исчислялись тысячами [Опись, 1876].

Нераспроданные на аукционах книги и невыполненные издательские договоры впоследствии приобрел М. О. Вольф, которому «базуновское наследство» не принесло прибыли и сгорело в 1900 г. во время пожара на складах Вольфа. Сам А. Ф. Базунов, лишившись имущества и купеческого звания, поступил на службу приказчиком в петербургский книжный магазин К. Н. Плотникова. Скончался последний из династии книгопродавцев 3 июля 1899 г. и был похоронен на Волковом православном кладбище в Петербурге, как и десятью годами ранее М. Е. Салтыков. Могила А. Ф. Базунова до настоящего времени не сохранилась [Саитов, 1912, с. 125; Кудрявцев, Шкода, 1993, с. 315–354].

Банкротство Базунова затронуло финансовое положение Салтыкова как редактора «Отечественных записок». В связи с недоставкой подписных денег в редакцию журнала он в 1876 г. несколько раз

упоминал ситуацию с Базуновым в февральских письмах из Ниццы. 15 февраля он писал Анненкову: «В Петербург» книгопродавцы бегут – с деньгами за журналы. У „Отечественных» записок» до 700 подписчиков украли, более 10 т. рублей» [18-1, с. 262]. Эта тема обсуждается и в письме к Некрасову от 10 февраля: «Краевский прав, не советуя входить в сделки с книгопродавцами. Следовало бы просто в февральской книжке объявить, что такие-то книгопродавцы не сдали подписчиков, а такой-то бежал...» [18-1, с. 258].

В связи с объявлением редакции «Отечественных записок», опубликованном в «Голосе» 15 февраля 1876 г., Салтыков писал Некрасову 20 февраля: «Удивляюсь, что Вы не хотите сказать прямо, что такие-то и такие-то книгопродавцы не сдали подписки <...>. Между прочим, Тургенев писал мне, что он тоже не получает журналов, ибо подписался у Базунова» [18-1, с. 258]. В марте 1876 г. «Отечественные записки» опубликовали статью Г. З. Елисеева «Внутреннее обозрение», посвященную столичной книготорговле, разорению нескольких книгопродавцев, бесправию подписчиков и делу Базунова [Елисеев, 1876, с. 133–153].

Обвинения критика «Отечественных записок» в адрес лично А. Ф. Базунова были не вполне справедливы, потому что он, как вспоминали о его коллеги, клиенты и литераторы, был «человеком бесспорно дельным, энергичным» и честным [Либрович, с. 202]. В течение 15 лет он успешно вел дела фирмы, его имя не упоминалось в судебных хрониках. Деловая репутация книгопродавца была так высока, что в мае 1871 г. Базунов через генерал-адъютанта государя, К. Н. Посьета, обратился в Канцелярию министерства императорского двора с просьбой о рассмотрении его кандидатуры на звание «книгопродавца Его Императорского Величества», поскольку «из русских никто еще не удостоен этого высокого счастья» [По ходатайствам, 1871, л. 24 об.]. Кандидатура Базунова, из магазина которого «берутся книги и журналы почти для всех особ Императорской Фамилии, а также для собственной библиотеки Его Императорского Величества», была одобрена с дозволением лично обратиться с прошением в Канцелярию министерства императорского двора [По ходатайствам, 1871, л. 24, 29]. Прощения Базунова среди архивных документов нет, и причины, по которым он не стал поставщиком Высочайшего двора, пока неизвестны.

*

С меньшим размахом, но вполне успешно вел дела еще один знакомый Салтыкову представитель базуновской семьи – московский купец

третьей гильдии Иван Васильевич Базунов (1788–1865), дядя Александра Федоровича. Изучать книжную торговлю он начал в 1802 г. в московской лавке И. В. Попова, в 1828 г. поступил приказчиком к книгопродавцу А. С. Ширияеву. После смерти Ширияева в 1841 г. стал его преемником и одним из опекунов его сына. Комиссионер Московского университета, И. В. Базунов торговал русскими книгами и принимал подписку на отечественные журналы и газеты. Под собственным именем он торговал с 1842 г., будучи до 1847 г. компаньоном О. Л. Свешникова и некоторое время продолжая после Ширияева аренду университетской лавки на Страстном бульваре. С 1853 г. И. В. Базунов вел торговлю в собственном магазине на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара в доме Н. А. Загряжского, где находились в разное время конторы и отделения многих журналов, таких, как «Журнал общепользительных сведений», «Журнал садоводства», «Отечественные записки», «Пантеон», «Русская беседа», «Русский вестник», «Русский художественный листок» и «Современник».

Базунов был предприимчив, аккуратен в торговле и не рисковал с изданием книг. Известно, что он вложил средства лишь в печать посмертного собрания сочинений Н. В. Гоголя, предпринятого Н. П. Трушковским (М., 1855–1856) и некоторых сочинений И. И. Лажечникова [Некролог И. В. Базунова, 1865, с. 395]. С 1847 г. он был московским комиссионером «Современника». В связи с денежными расчетами с авторами, которые проводились через московскую контору журнала, магазин Базунова неоднократно упоминается в письмах Салтыкова 1863–1864 гг. к И. А. Панаеву [18-1, с. 273, 280, 285, 287–291]. В сохранившихся счетах магазина Базунова, представленных в редакцию «Современника», Салтыков указывается в 1863–1864 гг. как получатель денег и держатель счета, из которого выплачивались деньги А. М. Унковскому [Счета, 1863–1864, л. 56–56 об.]. Финансовые документы были оформлены приказчиком И. Г. Соловьевым и подписаны Базуновым. Адресом магазина московского Базунова Салтыков пользовался в личной переписке, в частности, с П. В. Анненковым, когда находился в Москве и Витенево [18-1, с. 295]. Салтыков, по-видимому, был знаком и с хозяином магазина, и с приказчиком, которому Базунов, не имея собственной семьи, передал дела.

Иван Григорьевич Соловьев (1819–1881) в последние годы жизни хозяина управлял магазином и показал себя надежным преемником. Называя магазин «Книжная торговля И. Г. Соловьева бывшая И. В. Базунова в Москве» [Счета, 1865–1866, л. 60, 62], он вел дело под собственным именем с июля 1865 г. [Рекламное объявление, 1865,

с. 5]. Соловьев поддерживал и родственные и деловые связи бывшего хозяина – в том числе по «Современнику», вел торговлю русскими книгами и подписку на журналы. При магазине по-прежнему находилось и московское отделение «Отечественных записок», через которое передавались статьи в петербургскую контору. В письме к А. М. Скабичевскому от 3 июля 1873 г. Салтыков сообщает: «Сегодня я сдал в кн<ижный> маг<азин> И. Г. Соловьева для доставления в контору „Отеч<ественных> зап<исок>“ 1-ую часть повести „Перед зарей“, проредактированную мною и предположенную к помещению в августовской книжке „Отеч<ественных> зап<исок>“» [18-2, с. 152].

Кроме пересылки литературных материалов Соловьев производил и денежные выплаты авторам журнала – сведения об этом содержатся в письмах Салтыкова первой половины 1870-х гг. [18-2, с. 107, 108, 132; 19-1, с. 76]. Сам Салтыков также пользовался услугами книгопродавца при финансовых расчетах. Так, 20 июня 1872 г. он писал Некрасову: «Не можете ли Вы ссудить меня 200 рублей, сделав распоряжение, чтобы мне выдал эти деньги И. Г. Соловьев. Если это возможно, то пришлите Соловьеву письмо об этом, чтоб он мне или кому я прикажу, выдал деньги. Я 30 июня думаю быть в Москве, а потому хорошо бы, если к этому времени пришло Ваше письмо к Соловьеву. Если Вы имеете что-нибудь написать и мне, то сделайте это к тому же времени через Соловьева же» [18-2, с. 110].

Судьба московской торговли Базунова–Соловьева была трагична. Аккуратный и компетентный книжник И. Г. Соловьев, которого один из современников назвал «живым библиографическим указателем русской литературы» [Некролог И. Г. Соловьева, 1881, с. 395], а другой «добрым тружеником» [Астапов, 1912, с. 33], весной 1881 г. оказался разоренным. Его долги составили около 75 000 рублей, в том числе и по подписке на «Отечественные записки». Причинами несостоятельности назывались и финансовое участие в делах обанкротившегося А. Ф. Базунова, и растрата одного из сотрудников Соловьева. По-видимому, к полному разорению, которое книгопродавец счел несовместимым с жизнью и репутацией, привело стечение нескольких роковых обстоятельств: «Люди, имевшие сношения с покойным, отлично знали его высокую честность и знали также, что дела его торговли расстроились не по вине Ивана Григорьевича» [Некролог И. Г. Соловьева, 1881, с. 2].

Многолетний комиссионер по продаже сочинений Л. Н. Толстого, известный книжник и антиквар покончил с собой 21 апреля

1881 г.; средства на похороны были собраны его московскими коллегами. Товар из магазина на вес приобрел московский книгопродавец А. А. Астапов, но вырученные деньги не покрыли долгов семьи, состоявшей из вдовы и трех сыновей, заботу о которых Соловьев просил принять на себя М. Н. Каткова. Часть долгов не была востребована заимодавцами, среди которых был и Л. Н. Толстой [Толстой, 1934, с. 37, 71]. По-видимому, Салтыков также не обращался за возвратом денег к вдове Соловьева, вложив в журнальную подписку собственные средства, так как писал Г. З. Елисееву 31 дек. 1881: «Соловьевский долг (5 049 р.) я со счетов не снимаю, но так как вряд ли что получится, то предполагаю погасить его в три раза» [19-2, с. 75].

Область российского книготоргового и издательского дела в XIX в. была одной из самых рискованных, поскольку в ее основе был предмет, имевший и материальную, и интеллектуальную ценность, менявшуюся с течением времени. Финансовые риски были связаны с общественно-политической и экономической ситуацией, состоянием печатного дела, законодательством, цензурой, читательским спросом. Вложенные в книгу деньги – на издательские договоры, печать, хранение, распространение и рекламу – не сразу возвращались к предпринимателям, что требовало использования кредитов, а успешность книги на потребительском рынке была нестабильна и подчас непредсказуема. Владея товаром большой стоимости, книготорговцы не могли без огромных убытков распродать или заложить его в случае возникновения финансовых проблем. Немногие из представителей самой образованной части российского купечества передавали дела своим наследникам и поддерживали коллег-родственников, развивая семейный бизнес. Базуновы, тремя поколениями в собственном капитале работавшие на книжном рынке с 1810 по 1876 гг., были среди немногочисленных исключений.

Литература

- Астапов А. А.* Повесть о своем житии и книжном деле // К 50-летию книгопродавческой деятельности А. А. Астапова. – М., 1912. – С. 9–35.
- Базунов А.* Письмо в редакцию // Петербургский листок. – 1876. – № 26. – 5 февраля. – С. 3.
- Белов С. В.* Издательская деятельность А. Ф. Базунова // Белов С. В. Жрецы книжного дела. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. – С. 39–52.
- Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1868–1884: Указатель содержания. – М.: Книга, 1971. – 734 с.

- В память Александра Филипповича Смирдина // Санкт-Петербургские ведомости. – 1857. – № 228. – 20 октября. – С. 1182.
- Вдовин А. В. Издательская экономика Ивана Гончарова (писатель и Морское министерство) // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 124. – С. 111–129.
- Всеобщая адресная книга Петербурга. – СПб.: Гоппе и Корнфельд, 1867–1868. – 988 с.
- Второе прибавление (за 1870 год) к Систематическому каталогу русских книг, продающихся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова / сост. В. И. Межов. – СПб., 1871. – 270 с., [15 л. объявлений].
- Елисеев Г. З. Внутреннее обозрение // Отечественные записки. – 1876. – Т. ССХХV. – № 3. – С. 133–153.
- Знакомые. Альбом М. И. Семевского: 1867–1888. – СПб., 1888. – 456 с.
- История Московского купеческого общества: 1863–1913. Т. 4. – Вып. 1: [Императорское Московское Коммерческое училище]. – М., 1914. – 494, 97 с.
- [Исчезновение А. Ф. Базунова] // Биржевые ведомости. – 1876. – № 31. – 1 февраля. – С. 1.
- К исчезновению Базунова // Петербургский листок. – 1876. – № 30. – 11 февр. – С. 3.
- Книга адресов всего Санкт-петербургского купечества и иностранных гостей с обозначением рода их торговли, промышленности, и фабричных и заводских производств. – СПб., 1858. – 235 стб.
- [Книгопродавец Базунов] // Петербургский листок. – 1876. – № 46. – 6 марта. – С. 3.
- Книгопродавцы – в бегах // Дело. – 1876. – № 2. – С. 187–193.
- Кудрявцев А. И., Шкода Г. Н. Волковское православное кладбище и некрополь-музей Литераторские мостки // Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. – С. 315–354.
- Либрович С. Ф. Базуновское наследство // Либрович С. Ф. На книжном посту: Воспоминания. Записки. Документы. – [Переизд.]. – М.: ГПИИБ, 2005. – С. 201–205.
- Материалы для истории московского купечества. Т. 5. – М., 1887. – 414 с.
- Материалы для истории московского купечества. Т. 7. – М., 1888. – 257 с.
- Материалы для истории московского купечества. Т. 8. – М., 1889. – 310 с.
- Московское коммерческое училище. Сто лет жизни: 1804–1904 / сост. Н. Виноградов. – М., 1904. – 372, 54 с.
- [Некролог И. В. Базунова] // Иллюстрированная газета. – 1865. – Т. 15. – № 25. – С. 395.
- [Некролог И. Г. Соловьева] // Русский курьер. – 1881. – № 109. – 23 апр. – С. 2.

- О несостоятельности // Санкт-Петербургские сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. – 1876. – № 77. – 23 сент. – С. 332.
- Овсянников Н. Г. Воспоминания старого книгопродавца // Материалы для истории русской книжной торговли. – СПб., 1879. – С. 1–60 (1-я паг.)
- Опись книг, распродающихся Конкурсным управлением по делам бывшего книгопродавца А. Ф. Базунова. – СПб., 1876. – 16 с.
- Письмо в редакцию // Петербургский листок. – 1876. – № 26. – 5 февраля. – С. 3–4.
- Путеводитель. 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и прочие. 1854. – СПб., 1854. – VII, 240, 41 с.
- <Пятковский А. П.?> Первое прибавление к «Систематическому каталогу» русских книг, продающихся в книжном магазине А. Ф. Базунова. СПб., 1870 // Отечественные записки. – 1870. – Т. СХСІ. – № 8. – Отд. II. – С. 223–224.
- [Рекламное объявление] // Московские ведомости. – 1865. – № 146. – 6 июля. – С. 5.
- [Рекламное объявление] // Прибавления к Санкт-Петербургским ведомостям. – 1842. – № 24. – 30 января. – С. 226–228.
- [Рецензия на «Систематический каталог русским книгам»] // Отечественные записки. – 1869. – Т. CLXXXIII. – № 4. – Отд. II. – С. 290–295.
- Саитов В. Петербургский некрополь. Т. 1 (А–Г). – СПб., 1912. – XX, 716 с.
- Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. Т. 1. – СПб., 1858. – XII, 346, 10 с.
- Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. Т. 6. – СПб., 1859. – 404 с.
- Систематический каталог русским книгам, продающимся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова... / сост. В. И. Межов. – СПб., 1869. – VIII, XIV, 998 с.
- Справочная книга о лицах, получивших на 1869 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям / сост. И. А. Аверин. – СПб., 1869. – 464 с.
- Тихомиров Б. Н. В книжном магазине А. Ф. Базунова // Тихомиров Б. Н. С Достоевским по Невскому проспекту, или Литературные прогулки от Дворцовой площади до Николаевского вокзала. – СПб., 2012. – С. 116–122.
- Толстой А. Н. Полное собрание сочинений. Юб. изд.: в 90 т. Т. 63. – М.; Л.: ГИХЛ, 1934. – XII, 530 с.
- Юбилей Александра Филипповича Смирдина // Сын отечества. – 1857. – № 23. – 9 июня. – С. 552.

Архивы

О дозволении книгопродавцам Базунову и Ключезлю именоваться «Комиссионерами лица», 1855 // ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. № 360 б.

По ходатайствам разных лиц о даровании звания поставщика Высочайшего Двора с правом иметь на вывеске изображение государственного герба, 1871–1872 // РГИА. Ф. 472. Оп. 23. № 7.

Счета и препроводительные письма книжной лавки И. В. Базунова в редакцию «Современника», 1855–1866 гг. // РО ИРЛИ. № 5103.

Л. А. Богданова¹

(Государственный литературный музей)

**ФОТОГРАФИИ М. Е. САЛТЫКОВА И ЕГО РОДНЫХ
В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ**

В статье в форме каталога представлены подлинные фотопортреты М. Е. Салтыкова, выполненные известными мастерами в 1870–1880-е гг., а также фотографии детей писателя, которые были переданы в музей в 1934 г. его внучкой Т. Н. Гладыревской. Особый интерес представляют фотографии с автографами М. Е. Салтыкова и его родных – отца – Евграфа Васильевича, и дочери – Елизаветы Михайловны.

Ключевые слова: Государственный литературный музей, фонды, коллекция, подлинные материалы, фотопортреты писателя, изображения детей, автографы.

L. A. Bogdanova

(State Literature Museum)

**THE PHOTOGRAPHS OF M. E. SALTYKOV
AND HIS RELATIVES IN THE FUNDS
OF STATE LITERATURE MUSEUM**

The paper presents the catalogue of the original photographs of M. E. Saltykov which were taken by famous masters in 1870–1880s. Moreover, it offers the photographs of writer's children which were donated to the museum in 1934 by his granddaughter T. N. Gladyshevskaya. The photos with the auto-signatures of M. E. Saltykov and his relatives (his father and his daughter) are of special interest.

Keywords: M. E. Saktykov, State Literature Museum, funds, collection, original materials, photographs of the writer, child's images, autographs.

■ Государственный литературный музей был открыт в 1934 г. по инициативе В. Д. Бонч-Бруевича, который стал его первым директором и главным хранителем. В музее собраны и хранятся многие

¹ Богданова Лидия Александровна, научный сотрудник научно-экспозиционного отдела «Дом И. С. Остроухова в Трубниках» Государственного литературного музея; e-mail: lidabogd@mail.ru.

коллекции: уникальные рукописи, редкие книги, автографы, ценные документы, подлинные фотографии, предметы живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, личные вещи писателей и других деятелей культуры. На общем фоне многих богатых коллекций, щедринские материалы занимают довольно скромное место, поскольку их не так много, но по своей значимости они не менее уникальны, к тому же именно они положили начало комплектованию фондов литературного музея в период его создания. Торжественное открытие музея состоялось 14 июля 1934 г., и в самой первой книге поступлений есть запись Бонч-Бруевича, сделанная 9 января того же года, о том, что у Т. Гладыревской приобретены материалы о Салтыкове-Щедрине за 40 рублей. Это была коллекция подлинных фотографий детей писателя, Елизаветы и Константина, полученная от Тамары Николаевны Гладыревской [см. о ней: Гладыревская Е. А.], внучки писателя по линии его дочери Елизаветы Михайловны. Две фотографии детей Салтыкова передал в музей Сергей Александрович Макашин, не исключено, что он также получил их от Т. Н. Гладыревской. Это следующие фотографии:

Константин Салтыков. Петербург. 1874.

Фотограф Р. Бейер.

На обратной стороне надпись: «Костя Салтыков 15 м. 1874 года. 2 года ½ месяца».

16,4 × 10,9.

Поступила в музей в 1934 г. от Т. Н. Гладыревской.

КП 50948/326.

Лиза и Костя Салтыковы. Дети М. Е. Салтыкова.

Петербург. 1881 (8 и 9 лет).

Фотограф К. И. Бергамаско. Сепия.

16,8 × 10,6.

Поступила в музей в 1934 г. от Т. Н. Гладыревской.

КП 15466.

Елизавета Салтыкова. Дочь М. Е. Салтыкова.

Петербург. 1882.

Фотограф К. И. Бергамаско.

19,4 × 9,8.

Поступила в музей в 1934 г. от Т. Н. Гладыревской.

КП Б4180.

Елизавета Салтыкова. Дочь М. Е. Салтыкова.

Петербург. 1884. Сепия. В овале.

Фотограф Г. Деньер.

М. Е. Салтыков-Щедрин.
Петербург, нач. 1870-х.
Фотограф К. А. Шапиро

М. Е. Салтыков-Щедрин.
Петербург, 1879–1880.
Фотограф К. А. Шапиро

М. Е. Салтыков-Щедрин.
Петербург, 1885.
Фотограф К. А. Шапиро.
В нижней части паспарту автограф:
«Нилу Ивановичу Соколову
в знак сердечной дружбы
и искренней признательности.
М. Салтыков»

Михаил Салтыков в детстве.
1828. Акварель. Неизв. худ.
На обратной стороне автограф отца:
«...Михаил... Салтыков...
14 июня 1828»

Лиза и Костя Салтыковы.
Петербург, 1881.
Фотограф К. И. Бергамаско

Елизавета Салтыкова.
Париж, 1896.
Фотограф Reutlinger

На обороте автограф: «Дорогой моей подруге Соне Унковской от фигурки»¹.

10,2 × 6,2.

Поступила в музей в 1940 г. от С. А. Макашина.

КП 11105/5.

Елизавета Салтыкова. Петербург. 1887.

Фотограф К. А. Шапиро.

11 × 8,5.

Поступила в музей в 1934 году от Т. Н. Гладыревой.

КП 15468.

Елизавета Салтыкова. Петербург. 1888.

Фотограф К. А. Шапиро.

На обороте надпись чернилами: «Дочь С-Щ – Елизавета Михайловна (в первом браке – баронесса Дистерло, во втором – маркиза де Пассано). Умерла в 1925 г. в Ницце. У нее остались ценные рукописи Щедрина. С. Макашин».

Поступила в музей в 1940 г. от С. А. Макашина.

КП 11105/6.

Елизавета Салтыкова. Париж. 1896.

Фотограф Reutlinger.

12 × 10.

Поступила в 1934 г. от Т. Н. Гладыревой.

КП 15449.

Хранящиеся в музее фотопортреты самого М. Е. Салтыкова относятся к 1870–1880-м гг. и выполнены лучшими мастерами фотографического дела. Они имеют огромное значение для изучения образа писателя, но эта коллекция недостаточно востребована и еще мало исследована. Ей посвящена только статья М. С. Ерусалимчик, в которой автор сосредоточилась на датировке шести, на ее взгляд, «любопытных фотографий» [Ерусалимчик]. Три фотографии М. Е. Салтыкова были опубликованы в подготовленном сотрудниками ГЛМ альбоме-каталоге [Литература в лицах, с. 182–183]. Некоторая часть материалов щедринской коллекции была представлена в 2009–2010 гг. на общей выставке «„Немое красноречие вещей...“ (мемории писателей XVIII–XX веков)», посвященной 75-летию Государственного литературного музея.

Особую ценность представляют фотографии с автографами.

¹ Унковская Софья Алексеевна (1871–1854), дочь А. М. Унковского, гимназическая подруга Е. М. Салтыковой.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Петербург. 1870.

Фотограф С. Л. Левицкий. Сепия.

16,4 × 10,8.

В левом нижнем углу надпись: «Салтыков. 1870».

Поступила в музей в 1937 году от Флерова.

КП 50948/1083.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Петербург. Начало 1870-х.

Фотограф Г. Деньер.

15 × 10.

Поступила в музей в 1956 году по Постановлению Министерства культуры РСФСР.

КП 34200.

В коллекции есть несколько фотопортретов Салтыкова, выполненных известным петербургским фотографом К. А. Шапиро примерно в одно время. На первый взгляд, портреты практически идентичны, но если приглядеться внимательно, то очень заметно, что все кадры разнятся: поворотом головы, взглядом, некоторыми деталями, например, по-разному висит цепочка от пенсне, по-разному заправлены волосы, где-то видны пуговицы на одежде, а где-то нет и т. д.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Петербург. 1870-е.

Фотограф К. А. Шапиро. Сепия.

16 × 10,8.

КП 52355.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Петербург. Начало 1870-х.

Фотограф К. А. Шапиро. Сепия.

15,6 × 10,5.

Поступила в музей в 1934 г. от Ф. И. Витязева¹.

КП 50948/92.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Петербург. Начало 1870-х.

Фотограф К. А. Шапиро. Сепия.

16,6 × 10,6.

Поступила в музей в 1940 г. от С. А. Макашина.

КП 11105/2.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Петербург. 1879.

Фотограф К. А. Шапиро. В овале. Сепия.

¹ Витязев Ферапонт Иванович (1886–1938), историк, библиограф книгоиздатель; сотрудничал в «Литературном наследстве» (с 1933). В 1938 был арестован и расстрелян.

На обратной стороне автограф: «*Софье Афанасьевне Гончаровой от Салтыкова*».

17,2 × 11,2.

Поступила в музей в 1939 г. от Е. И. Поливода.

КП 9313/1.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Петербург. 1879–1880.

Фотограф К. А. Шапиро. Сепия.

16,6 × 10,4.

Поступила в музей в 1961 г. от Г. П. Эйсер¹.

КП И38047

М. Е. Салтыков-Щедрин. Петербург. 1885

Фотограф К. А. Шапиро. Сепия. В овале

В нижней части паспарту автограф: «*Нилу Ивановичу Соколову² в знак сердечной дружбы и искренней признательности. М. Салтыков*».

58,5 × 46.

Поступила в музей в 1939 г. от В. Е. Евгеньева-Максимова.

КП 10227/1.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Петербург. 1885.

Фотограф К. А. Шапиро. Сепия.

В нижней части паспарту надпись «*Салтыков*».

16,8 × 10,9.

Поступила в музей в 1936 г. от А. Е. Розинера³.

КП 15460.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Петербург. 1885.

Фотограф К. А. Шапиро. Сепия.

16,8 × 10,9.

Поступила в музей от Е. Ф. Никитиной⁴.

КП И51554.

М. Е. Салтыков-Щедрин за письменным столом. Петербург. 1888⁵.

Фотограф Л. Ф. Пантелеев.

17 × 12,5.

¹ Эйсер Галина Павловна, племянница Е. А. Штакеншнейдер, историограф семьи.

² Соколов Нил Иванович (1844–1894), профессор Военно-медицинской академии, врач-терапевт, лечивший Салтыковых. О возможных обстоятельствах дарения фотографии см.: [Ерусалимчик, с. 132–133].

³ Розинер Александр Евсеевич (1880–1940), управляющий конторой изд-ва «Нива», позже сотрудник издательств «Товарищество А. Ф. Маркс» и «Радуга».

⁴ Никитина Евдоксия Федоровна (1895–1973), хозяйка литературного салона, критик, коллекционер.

⁵ Датировка предположительна [см. также: Ерусалимчик, с. 133–134].

На обратной стороне рукой М. А. Котляревского написано: «*Фотографирование происходило в сумрачный февральский день (1889 года). Кабинет Салтыкова был оклеен темными обоями. Пантелеев носовым платком отсвечивает теневую сторону лица Салтыкова*».

Поступила в музей в 1934 г. от О. М. Мижуева.

КП 50948/1984.

Кроме перечисленных выше подлинных фотопортретов писателя в фондах ГЛМ хранится огромное количество копийного материала: фотокопии с портретов Салтыкова кисти известных художников и портреты, выполненные с фотографий; большая коллекция гравюр и скульптурных изображений писателя, большой раздел очень редких фотографий «Окружение Салтыкова-Щедрина». Описывать это собрание не входит в нашу задачу. Однако необходимо отметить как особый раритет изображение Михаила Салтыкова в детском возрасте – один из двух дошедших до нас детских портретов Салтыкова; второй, работы Л. Григорьева, находится в Пушкинском Доме в Петербурге.

Михаил Салтыков в детстве. 1828. Акварель.

Неизв. худ.

На обратной стороне автограф Евграфа Васильевича Салтыкова: «*... Михаил... Салтыков. – ... 14 июня 1828*».

Поступил в музей от И. С. Зильберштейна.

10,4 × 8,4.

И 10308.

К этому портрету приложена записка С. А. Макашина: «*Находящийся в собрании И. С. Зильберштейна миниатюробразный акварельный портрет Салтыкова в детстве представляет значительный иконографический интерес. До сих пор был известен лишь один портрет Салтыкова ребенка – работы крепостного живописца Льва Григорьева, находящийся в Пушкинском Доме. Идентичность изображенного – Салтыкову удостоверена надписью на обратной стороне картона „... Михаил Салтыков... 14 июня 1828 года...“ Судя по автографам отца сатирика периода 1820-х гг., имеющимся в родовом архиве Салтыковых, эта надпись сделана рукою Евграфа Васильевича.*

Дата акварели со своей стороны также подтверждает идентичность портретированного Салтыкову. Сатирик родился 15 января 1826 г. и в июне 1828 г. ему было около двух с половиной лет. Это вполне соответствует возрасту изображенного на акварели ребенка».

Раздел «Оригинальные фотографии», к которому мы обратились, – лишь малая часть щедринского фонда собрания ГЛМ. Щедрин-

ские материалы хранятся и в других фондовых отделах. Так, например, в отделе книжных фондов есть прижизненные издания произведений Салтыкова-Щедрина; в отделе рукописей находятся гранки произведений с его правкой и письма; сохранилось несколько личных вещей писателя; собрана большая коллекция иллюстраций разных художников к произведениям писателя. Все эти материалы еще ждут своего подробного описания.

Литература

Гладыревская Е.А. Немного о потомках М.Е. Салтыкова-Щедрина // М.Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий / ред.-сост. Р.Д. Кузнецова, Е.Н. Строганова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. – С. 277–279.

Ерусалимчик М.С. Фотопортреты Щедрина в собрании Государственного литературного музея // «Шестидесятые годы» в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1985. – С. 130–135.

Литература в лицах. Фотографии русских писателей из собрания Государственного литературного музея. 1850–1916. Альбом-каталог. М.: Три квадрата, 2008. – 252 с. [илл.]

*Н. А. Николаева*¹

(Санкт-Петербургская Государственная консерватория
им. Н. А. Римского-Корсакова)

**ВЯТСКИЕ «УЧЕНИЦЫ ГЕРКЕ»:
ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К «ГУБЕРНСКИМ ОЧЕРКАМ»**

Имя Антона Августовича Герке, известного в XIX в. петербургского пианиста и педагога, упоминается в очерке «Приятное семейство», где одна из героинь названа «ученицей Герке». Обращение к реалиям жизни прославленного педагога, музыкальному репертуару того времени, вятскому окружению Салтыкова позволяет сделать вывод, что «ученица Герке» – это обобщенный образ, соединяющий в себе «характеристические черты» нескольких вятских музыкантш, вероятно, неплохих пианисток.

Ключевые слова: А. А. Герке, М. Е. Салтыков, музыкальный репертуар, вятское окружение, сестры Болтины, М. Н. Семенова, ученица Герке, обобщенный образ.

N. A. Nikolaeva

(Saint Petersburg Conservatory n. a. N. A. Rimsky-Korsakov)

**«THE STUDENTS OF GEHRKE» IN VYATKA: FROM THE
COMMENTS TO «GUBERNSKYE OCHERKI»**

The name of Anton Avgustovich Gehrke, the famous pianist and teacher in the 19th century in St. Petersburg, is mentioned in the sketch «Phriyatnoye semejstvo» («Gubernskye ocherki»), where one of heroines is called «the student of Gehrke». While looking at the facts of Gehrke's life, the musical repertoire of that time and the association with Saltykov-Shchedrin's circle in Vyatka we can come to the conclusion that «the student of Gehrke» is the generalized image. It contains the «characteristic features» of several women musicians in Vyatka, who were probably quite good pianists.

¹ Николаева Нина Александровна, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова; e-mail: Nikol-nina@yandex.ru.

Keywords: A. A. Gehrke, musical repertoire, M. E. Saltykov, Vaytka-circle, sisters Boltin, M. N. Semenova, student of Gehrke, generalized image.

■ Имя Антона Августовича Герке (1812–1870) известно сейчас лишь узкому кругу специалистов. Вместе с тем музыкант вошел в историю русской музыки как крупнейший пианист своего времени и как выдающийся педагог, один из основателей петербургской пианистической школы.

Герке родился 9 августа 1812 г. на Украине (Малые Пулины Волинской губернии) в семье известного скрипача и дирижера Августа Герке. Он получил блестящее музыкальное образование, его учителями кроме отца были такие знаменитости, как Джон Фильд, Фридрих Калькбреннер, Игнац Мошелес, Фердинанд Рис (два последних – ученики Бетховена).

С 1832 г. личная и творческая жизнь Герке была тесно связана с Петербургом, где он сразу выдвинулся в число первых пианистов и педагогов. В 1833 г. ему было присвоено звание «пианиста Его Величества». Выступления молодого музыканта пользовались неизменным успехом. Его игру называли «дивной», «высоким искусством», а самого пианиста – чародем [Северная пчела, 1838, с. 155] Герке был большим поклонником композиторов-романтиков. Во многом благодаря ему русская аудитория открывала для себя произведения Шопена, Листа, Шумана. Успешная концертная деятельность артиста продолжалась до последних лет его жизни. Но начало 1840-х гг. можно считать пиком его артистической карьеры.

Именно к этому времени относится и расцвет его деятельности как педагога. Герке называют «лучшим и солиднейшим фортепианным учителем» [Ник. Ф., 1907, стб. 435]. Одновременно с обширной педагогической практикой Герке вел классы в Театральном училище и училище Правоведения. Его педагогический авторитет был настолько велик, что в 1862 г. Рубинштейн пригласил его одним из первых преподавать в только что открывшуюся Санкт-Петербургскую консерваторию. Герке-педагог воспитал огромное количество пианистов, по подсчетам современников – более 2000. Его учениками в разное время были В. В. Стасов, М. П. Мусоргский. Г. А. Ларош, П. И. Чайковский, Н. Н. Пургольд (жена Н. А. Римского-Корсакова).

К концу 1840-х гг. Герке приобретает большую известность. Уроков именитого педагога добиваются многие. Среди его учеников числятся представители первых аристократических домов столицы [Переписка и бумаги о Герке, л. 3–4 об.]. Безусловно, имя Герке было хорошо

знакомо Салтыкову и его петербургскому окружению. Важно и то, что сам писатель очень любил музыку, «выучился несколько играть на фортепиано» [Жуковская, с. 309], был «усердным посетителем» Большого и Михайловского театров, на сцене которых неоднократно выступал Герке. Музыкальные интересы писателя были разносторонни. И многое в творчестве Салтыкова свидетельствует о его широкой осведомленности в вопросах музыкального искусства [Борисов, 1988, с. 68].

Салтыков упоминает имя Герке в очерке «Приютное семейство» («Губернские очерки»), используя его в качестве содержательной детали при описании музыкального вечера. Марья Ивановна, комментируя успех своей дочери Агриппины, говорит князю Чебылкину: «... если бы вы знали, mon cher prince, чего нам стоили все эти уроки: ведь Агриппина – ученица Герке» [2, с. 102].

Марья Ивановна не случайно выбирает князя Чебылкина своим confidentом. На него, как бывшего столичного жителя, имя модного педагога должно было произвести должное впечатление. Вместе с тем реалии личной жизни Герке несколько расходятся со словами Марьи Ивановны. В биографии Герке нет сведений о его деятельности в провинциальных городах. Многие уездные барышни специально приезжали в столицу, чтобы взять хотя бы несколько уроков у прославленного музыканта. Конечно, не исключено, что Агриппина с матерью ездили в Петербург, но в силу чрезмерной скарედности последней эти визиты кажутся маловероятными, к тому же в тексте «Губернских очерков» о них нет никаких упоминаний. Стоимость занятий Герке была на удивление небольшой. Музыкант, как отмечали знавшие его люди, «был чужд корысти, так как в то время, когда другие, подобные ему знаменитости, брали за уроки десятки рублей, Антон Августович довольствовался 5 рублями за урок, если выезжал, и 3 рублями у себя дома» [Антон Августович Герке, 1880, с. 803]. На упоминание имени Герке в рассказе Салтыкова вполне могли обратить внимание читатели, связанные с музыкальной средой Петербурга, как, возможно, Ц. А. Кюи, которому «Губернские очерки» «доставили самую большую дозу удовольствия» [Кюи, 1955, с. 43]. Очевидно, что Марья Ивановна, «самая неблагонамеренная дама в целом Крутогорске» [2, с. 91], называя дочь ученицей Герке, стремится дать ей «ту или другую физиономию, по своему усмотрению» [2, с. 95].

Значится ученицей Герке не только было престижно, но и предполагало хорошее владение инструментом. А при наличии таланта его воспитанники достигали высокого пианистического уровня. Так,

у Мусоргского, ученика Герке 1849–1854 гг., «техника <...> была замечательна, исполнение блестящее и эффектное» [Кюи, 1989, с. 93].

Описанная Салтыковым исполнительская манера Агриппинны достаточно эффектна. Она «отряхивает свои кудри и, приняв вид отчасти вдохновенный, отчасти полоумный, начинает разыгрывать какой-то „Rêve“» [2, с. 101]. Что касается мастерства и дарования, то в тексте об этом нет прямых высказываний, а хвалебные восклицания «Прекрасно! превосходно! с каким чувством!» и «под конец пиесы» «гром аплодисманов» оказываются в немалой степени обусловлены присутствием своего *entrepreneur de succès* <устроитель успеха>, рыжего детины «с весьма развитыми мускулами» [2, с. 101].

Однако заслуживает внимания одна деталь, имплицитно имеющая отношение к Герке в контексте его репертуара и музыкальных интересов вятского окружения Салтыкова. Это исполняемая Агриппиной пьеса – «какой-то „Rêve“». Ее название (в переводе с французского – греза, сон, мечта) отсылает сразу к нескольким произведениям, которые могли быть известны русской публике в начале 1850-х гг. В первую очередь – к сочинению Ференца Листа «Грезы любви» (*Liebesträume / Rêves d'amour*), состоящему из трех ноктюрнов и опубликованному в 1850 г. Знаменитый третий «Rêve» до сих пор остается одним из самых популярных произведений фортепианной музыки. Герке общался с Листом лично и горячо откликался на его творчество и как пианист, и как педагог. Произведения композитора входили в программу его концертов, и некоторые из них звучали в Петербурге впервые. В 1866 г. большим музыкальным событием стала русская премьера фантазии «Пляска смерти» Листа, где партию фортепиано с блеском исполнил Герке. В отличие от других педагогов, при работе с учениками Герке смело расширял музыкальный репертуар, вводя в него произведения Листа и других романтиков. В. В. Стасов, вспоминая своего учителя, писал: «Герке следил за всем новым в музыкальном деле, и я именно благодаря ему слышал и знал не только все новые фортепианные сочинения того времени, множество пьес и этюд Тальберга и Листа, но даже и Шопена, и Шумана» [Стасов, 1952, с. 375]. Как ученица Герке, Агриппина вполне могла исполнять третий «Rêve» Листа, тем более что к концу 1840-х гг. произведения композитора постепенно начинают входить в русский быт и домашнее музицирование [Мишельштейн, 1999. с. 429].

Название пьесы может отсылать и к французскому пианисту и композитору Фридриху Калькбреннеру, учителю Герке. Его произведения часто исполнялись в Петербурге в 1830-е гг. В 1835 г. на сцене Ми-

хайловского театра прозвучала его Большая фантазия для фортепиано с оркестром «Le Rêve» [Шумилин, 2014, с. 259].

Название «Le Rêve» или «La Rêverie» было характерно для произведений романтического жанра. Так, французскому композитору Фелисьену Сезару Давиду принадлежит пьеса «La Reverie» (1848). Произведения Давида были популярны в России. В Петербурге неоднократно исполнялась в концертах его ода-симфония «Пустыня» («Le Desert») [Северная пчела, 1846, № 53, с. 209; № 69, с. 274; 1848, № 54, с. 214; Серов, 1892, с. 463]. 8 марта 1849 г. на сцене Большого театра транскрипцию этого произведения для 2-х фортепиано Л. Мейера исполнил и Герке вместе со знаменитой пианисткой Софией Борер [Шумилин, 2012, с. 244]. А 7 декабря 1851 г. фортепианный вариант «Пустыни» Давида прозвучал в Вятке на благотворительном концерте, о котором в восторженном тоне сообщили «Вятские губернские ведомости» [Вятские губернские ведомости, 1851, с. 409–410]. Исполнили произведение Давида юные сестры – Анна Болтина и Елизавета Болтина, будущая жена писателя, по воспоминаниям, «хорошая музыкантша» [Жуковская, 2001, с. 309]. Также «девицы Болтины» порадовали публику «прекрасною игрою» попури из опер Обера и Доницетти, прозвучавших, вероятно, в транскрипции Черни и Тальберга.

Распорядителем концерта был отец сестер вице-губернатор Аполлон Петрович Болтин, большой любитель музыки. В списке учеников, написанном рукою Герке, присутствует фамилия Болдин. Можно предположить, что это вариант фамилии Болтин, так как фамилия Мусоргского здесь явно записана со слуха: Муссорский¹ [Переписка и бумаги о Герке, л. 4]. В целом этот перечень учеников составлен небрежно, инициалы не указаны. А. П. Болтин начинал свою карьеру в Петербурге и в 1833–1848 гг., до своего назначения председателем губернского правления в Томск, служил в Министерстве внутренних дел [Месяцеслов..., с. 414; Адрес-календарь..., с. 193]. Его дочери-близнецы, которым в августе 1851 г. исполнилось 13 лет, вполне могли брать уроки у Герке, на что косвенно указывают также произведения, исполненные ими на концерте и требующие от музыканта основательной подготовки.

¹ Герке записал фонетический вариант фамилии с удвоенным «с» – соответственно французскому произношению. В то время фамилия композитора писалась без буквы «г». И только в начале 1860-х гг. Модест Петрович начал писать свою фамилию по-другому. См.: [Мусоргский, 1932, с. 26, 75].

Безусловно, музыкальным образованием дочерей руководила и Екатерина Ивановна Болтина, урожденная Юшкова. В 1836 г. она, как и сестры ее мужа Александра Петровна и Прасковья Петровна, окончила Смольный институт [Черепнин, 1915, с. 535–536], где воспитанниц на хорошем уровне обучали пению и игре на фортепиано. В Вятке барышни Болтины учились музыке у Станислава Яворского, сосланного в этот город еще в 1838 году [Петряев, 1988, с. 63].

В отчете о концерте названы имена других пианисток, в том числе дочери губернатора Марии Николаевны Семеновой, которая также могла быть ученицей Герке. Ею была исполнена технически сложная фантазия на темы из оперы Россини «Моисей» Тальберга, одного из любимых композиторов Герке. Заслуживает внимания и то, что Николай Николаевич Семенов с зимы 1845 по 1847 г., до назначения губернатором в Вятку, служил в Петербурге [Семенов-Тянь-Шанский, 1917, с. 177–178]. И хотя его семья в это время жила в Рязани, дочь вполне могла приезжать в столицу и брать уроки у Герке. Биографами отмечалось, что отдельные детали жизни Семенова и его семьи отражены Салтыковым в образе князя Чебылкина [Макашин, 1951, с. 372], а жена и дочь князя, как сказано в начале «Губернских очерков», двукратно съездили в столицу [2, с. 10]. Салтыков был в хороших отношениях с семьей губернатора и, наверное, не раз слушал игру Марии Николаевны. В 1854 г. она вышла замуж за Михаила Федоровича Бурмейстера [Биографические справки..., с. 17], знакомого писателя по Лицею. На их свадьбе Салтыков был свидетелем со стороны жениха [Богданов, 2015, с. 44].

Несомненно, этот вятский концерт и другие домашние музыкальные вечера, где мог исполняться «какой-то „Rêve“», послужили писателю материалом при написании очерка «Приютное семейство», а ученица Герке Агриппина Алексеевна – это обобщенный образ, соединяющий в себе «характеристические черты» нескольких вятских музыкантш, по всей видимости, неплохих пианисток.

Литература

- Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1849 год: в 2 ч. Ч. 2. – СПб.: Имп. Академия наук, 1849. С. 193.
- Антон Августович Герке, пианист-виртуоз. Биографический его очерк, 1812–70 гг. и два письма о нем кн. В. Ф. Одоевского, 1837 г. // Русская старина. – 1880. – Т. XXVIII. – Август. – С. 802–805.
- Богданов А. Вятский губернатор из Рязанки // Липецкая газета: итоги недели. – 2015. – № 28. – 6–12 июля. – С. 39–45.

- Борисов Ю. Н. Звук и музыка в художественном мире М. Е. Салтыкова-Щедрина // Ауэр А. П., Борисов Ю. Н. Поэтика символических и музыкальных образов М. Е. Салтыкова-Щедрина. Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1988. – С. 66–73
- Вятские губернские ведомости. – 1851. – № 50. – 15 декабря. Ч. неоф. – С. 409–410.
- Жуковская Е. И. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове // Жуковская Е. И. Записки. Воспоминания. – М.: Аграф, 2001. – С. 295–315.
- Кюи Ц. А. Избранные письма. – Л.: Музгиз, 1955. – 754 с.
- Кюи Ц. А. Из критического этюда «М. П. Мусоргский» // Мусоргский в воспоминаниях современников. – М.: Музыка, 1989. – С. 92–93.
- Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. I. – М.: ГИХЛ, 1951. – 588 с.
- Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833: в 2 ч. Ч. 1. – СПб.: Имп. Академия наук, 1833. – С. 414.
- Мильштейн Я. И. Ференц Лист. – М.: Музыка, 1999. – 686 с.
- Мусоргский М. П. Письма и документы. – М.; Л.: [Огиз] Гос. муз. изд., 1932. – VIII, 567, [3] с.
- Ник. Ф. Стасов и его музыкальная деятельность. Биографические отрывки / Николай Финдейзен // Русская музыкальная газета. – 1907. – № 15. – 15 апреля. – Стб. 431–436.
- Петряев Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. – 127, [1] с.
- Северная пчела. – 1838. – № 34. – 18 февраля. – С. 155.
- Северная пчела. – 1846. – № 53. – 7 марта. – С. 209; № 69. – 27 марта. – С. 274.
- Северная пчела. – 1848. – № 54. – 9 марта. – С. 214.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Т. 1: Детство и юность (1827–1855 гг.). – Пг.: Издание семьи, 1917. – VIII, 322 с.
- Серов А. Н. Обзорение концертов за прошлую неделю (Музыкальный и Театральный вестник, 1856, № 11) // Серов А. Н. Критические статьи: в 4 т. Т. 1. – СПб.: Тип. Департамента уделов, 1892. – С. 460–468.
- Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет тому назад // Стасов В. В. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1952. – С. 299–390.
- Черепнин Н. П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914: в 3 т. Т. 3. – Пг.: Гос. тип., 1915. – 754, IV с.
- Шумилин Д. А. Лист в женском платье. Российский триумф Софии Борер // Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь. Т. 12: XIX век. – СПб.: Санкт-Петербург • Композитор, 2013. – С. 229–253.
- Шумилин Д. Фортепианная музыка в концертной жизни Петербурга 1830-х годов. Хронограф // Музыкальный Петербург. Энциклопедиче-

ский словарь. Т. 13: XIX век. – СПб.: Санкт-Петербург • Композитор, 2014. – С. 222–291.

Интернет-источники

Биографические справки на Вятских наместников и губернаторов (1780–1917) / сост. И. С. Воробьева, Г. А. Земцова. – Киров: ГАКО, 1996. [URL: http://www.kirovgako.ru/out/biograf_list_gub.rtf] [3.11.2016].

Архивы

Переписка и бумаги о Герке // ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 106. Л. 3–4 об.

Е. Н. Грачева

(Гимназия № 610 Петроградского района Санкт-Петербурга)

А. В. Востриков¹

(Санкт-Петербургский государственный университет)

**ЦАРСКИЕ КУДРИ И БАРСКАЯ СПЕСЬ:
ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»**

Статья основывается на опыте комментирования романа «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина для издательства «Азбука». Уточнение значений отдельных слов и выражений и бытования упомянутых в тексте реалий позволяет прояснить интерес и отношение автора к ряду исторических и современных ему событий, обнажить механизм построения художественного образа. В работе использованы малоизвестные словарные источники; приведенные примеры из художественных и мемуарных произведений расширяют контекст восприятия щедринского романа и его влияние на последующую отечественную литературу.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, «История одного города», реальный комментарий, школьное изучение, именной указатель, «говорящая фамилия».

E. N. Gracheva

Gymnasium № 610 (Petrogradsky district, Saint Petersburg)

V. Vostrikov

(Saint Petersburg University)

**TZARSKIE KUDRI AND BARSKAYA SPES'
FROM THE COMMENTARY ON «THE HISTORY OF A TOWN»**

The experience in commenting a novel «The History of a Town» by M. E. Saltykov-Shchedrin for the «Azbooka» Publishing house underlies the matter of this article. Explication of the meanings of particular words

¹ Грачева Елена Николаевна, преподаватель словесности Санкт-Петербургской классической гимназии № 610 Петроградского района Санкт-Петербурга; e-mail: elena.advita@gmail.com; Востриков Алексей Викторович, заведующий сектором «Библиотека Бестужевских курсов» Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: bestuzhevka@gmail.com.

and expressions as well as focusing on the existence of the realia mentioned in the text allow to clarify the interest and attitude of the author to a number of historical and contemporary events, to uncover the mechanism of imagery organization. For this purpose, vocabulary sources difficult to access are used; the examples from fiction and memoir works allow to unveil the context of perception of Shchedrin's novel and its influence on subsequent Russian literature.

Keywords: M. E. Saltykov-Shchedrin, «The History of a Town», satire, comment on realia, school learning, index of names, «speaking names» (charactonyms).

■ В 2000 г. авторы настоящей статьи подготовили для санкт-петербургского издательства «Азбука» роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» [Салтыков-Щедрин, 2000]; книга вышла в серии «Азбука-классика», была 5 раз переиздана (в 2006, 2011, 2015 и 2016 гг., а также в 2014 г. в серии «Школьная библиотека»).

В основе любого комментария лежит критерий отбора объектов для комментирования и определение принципов работы с информацией: как мы будем делать текст понятным для читателя? В издании, предназначенном для школьников и преподавателей, важно было не просто объяснить имена собственные и реалии, но попытаться продемонстрировать, как работают связанные с ними семантические поля, за счет чего возникает сатирический, иронический и прочие эффекты. Как нам представляется, именно это имел в виду Б. М. Эйхенбаум, когда писал: «Задача нашего комментария <...> – не столько разъяснить все намеки Щедрина и привести материал, которым он пользовался, сколько показать его метод и побудить к внимательному чтению этой гениальной сатиры» [Эйхенбаум, 1969, с. 502]. Разговор об основных принципах поэтики Салтыкова-Щедрина выходит за пределы данной статьи, но минимальная теоретическая преамбула необходима.

«История одного города», как и большинство произведений Салтыкова, – журнальная проза, воспринимаемая читателем на фоне злободневного контекста периодики и во многом построенная на обыгрывании узнаваемых читателем актуальных аллюзий. Любое имя или название, сохраняя основное значение (или несколько, если слово многозначное), провоцирует вспышку отсылок к явлениям, ставшим предметом горячей полемики и повсеместных разговоров в прошлом или настоящем. Это может быть актуальное событие во внешней или внутренней политике, обсуждаемый всеми случай, активно распространяемый слух, на шумевшая публикация. Смысл таких окказиональ-

но устанавливаемых семантических связей понятий: ключевая тема в «Истории одного города» – сегодня как всегда, повторяемость исторических ошибок, казусов, заблуждений, бесконечная демонстрация национального умения наступать на одни те же грабли. Предмет нашей статьи – продемонстрировать несколько примеров того, как Салтыков выстраивает подобные ассоциативные ряды и как они работают в тексте. С этой целью мы доработали несколько наших комментариев, воспользовавшись и появившимися в последнее время электронными ресурсами, из которых с огромной благодарностью отметим «Национальный корпус русского языка».

1. В «Описи градоначальникам ...» под пятым номером числится «Ламврокакис, беглый грек, без имени и отчества, и даже без чина, пойманный графом Кирилоу Разумовским в Нежине, на базаре. Торговал греческим мылом, губкою и орехами; сверх того, был сторонником классического образования. В 1756 году был найден в постели, заеденный клопами» [8, с. 277].

Б. М. Эйхенбаум в 1939 г. усмотрел здесь намек на «авантюриста екатерининского времени, „свирепого грека“ Ламбро-Качиони, прославившегося пиратскими набегами на Турцию и обласканного Потемкиным», однако в последующих изданиях он это упоминание снял [Эйхенбаум, 1969, с. 475]. Действительно, названный конкретный грек мало что добавляет к пониманию, что за птица Ламврокакис. Гораздо важнее оказались различные значения и контексты употребления слова «греческий».

Во второй половине XVIII в. в Нежин, старинный город Левобережной Украины, полковой центр казацкого войска, по приглашению Богдана Хмельницкого приехало несколько богатых греческих семей; вскоре нежинская греческая колония стала крупнейшей на Украине, а затем и в России. Нежинские греки имели свой магистрат, суд, школу, пользовались существенными торговыми льготами; местные ярмарки были в ряду самых богатых в Левобережье. Помимо традиционных предметов торговли, город прославился «нежинскими огурцами», которые так понравились Екатерине II, что велено было поставлять их постоянно к высочайшему столу. Кроме того, в 1820 г. в городе была открыта гимназия, впоследствии преобразованная в знаменитый Лицей князя Безбородко. Ко второй половине XIX в. Нежин утратил все свои привилегии и постепенно превратился в обыкновенный провинциальный малороссийский город.

В словаре В. И. Даля в статье «Грецизм» перечислены реалии, в названия которых входит слово «грецкий» – ровно половина из них ста-

ла объектом торговли щедринского Ламвроакаписа (кроме особой породы «грецких собак» и растений «грецкий болдырьян» и «грецкое сено»).

Грецкие орехи в специфическом комментарии не нуждаются.

«Греческая или грецкая губка – высший сорт губок, добываемых в Средиземном море, вблизи греческих островов» [Словарь современного русского литературного языка, т. 3, 1954, стб. 469], см. также: [Брокгауз-Ефрон, т. 9А, 1893, с. 848]. В повседневном быту (т. е. в бане) она была предпочтительней речной губки бадяги и тем более различных мочал; она была мягкой, «мелкопоздристой», хорошо впитывала влагу, в связи с чем даже вошла в поговорку: «пьет, как грецкая губа» [Даль, т. 1, 1880, с. 415; Березин, отд. 1, т. 5, 1875, с. 824, 869]. С середины XIX в., в связи с распространением водолазного оборудования, добыча греческой губки резко выросла.

Грецким мылом называли туалетное оливковое мыло, в старину завозившееся в Россию из Греции; однако в середине XIX в. его экспортировали уже со всего средиземноморского побережья, и «греческим» оно было уже только по старой памяти, чаще его называли то венецианским, то марсельским [Березин, отд. 3, т. 2, 1875, с. 484].

Все эти три предмета были вполне доступны, но простонародью больше в качестве «гостинцев», подарков, праздничного лакомства; «иностранное» название было частью этого антуража, над чем уже начинали посмеиваться, ср. в «Пане Халявском» (1839) Г.Ф. Квитки-Основьяненко: «Маменька же благословили Петруся куском греческого мыла и полотенцем, вышитым разными шелками...» [Квитка-Основьяненко, 1950, с. 296]. «Настоящее» греческое мыло было известно и как продукт регулярной фальсификации. Е.И. Расторгуев в «Прогулках по Невскому проспекту» (1846) упоминает его в списке эксклюзивных предложений провинциалу, приехавшему в Петербург, вместе с «парижскими духами», итальянскими «порошками от клопов и тараканов», «мылом казанским, деланным на Песках» и «английской блистательной ваксой петербургской фабрики» [Расторгуев, 2002, с. 128].

Таким образом, Салтыков собирает персонажа из реалий, которые имеют в своем названии (или содержании) слово «греческий»: греческая колония, греческое мыло, грецкая/греческая губка, грецкие орехи, – и таким образом персонифицирует некое среднестатистическое, обывательское представление о «греке» и «греческом». Кроме того, в «греческой» теме есть еще один скрытый мотив – сравнение великих древних и жалких нынешних греков как общее место в литерату-

ре и публицистике XIX века. Спустя год в «Похвале легкомыслию» («Искра», март 1870 г.) Салтыков создаст еще одну вариацию на эту тему: «За всем тем Афины пали, а потомки древних афинян продают в настоящее время в с.-петербургском гостином дворе айвицу и гречкое мыло» [7, с. 402], в «Дневнике провинциала в столице» появляются «древние нежинские греки» [10, с. 522]. В такой последовательности «греческих» объектов древнегреческий язык, поставленный в один ряд с орехами и мылом, низводится до статуса ярмарочного товара, в котором греческого-то осталось только название, да и то, скорее всего, поддельное.

Однако за шутовской деавтоматизацией штампов, как это часто бывает у Салтыкова, скрывается и вполне серьезная и актуальная тема классического образования. Поднявшаяся в конце 1860-х гг. волна обсуждения, казалось бы, частного вопроса о преподавании древних языков в гимназиях воспринималась читателями Салтыкова как битва за будущее народного просвещения в России.

По реформе 1851 г. древнегреческий язык (в учебных программах того времени он назывался «греческий») был оставлен только в гимназиях в университетских городах (по одной на город) и в местах компактного проживания греков: Одесса, Таганрог, Нежин и Кишинев. Видимо, это было связано с тем, что греки, жившие в разных странах, использовали в качестве делового письменного языка катареусу (язык, искусственно созданный в начале XIX в. на основе древнегреческого, но приближенный к современному разговорному языку), и в изучении древнегреческого виделся практический смысл. В остальных гимназиях часы древнегреческого языка были переданы современному иностранному языку и отчасти физике и естественной истории. По Уставу 1864 г. право на существование получили так называемые реальные гимназии, в которых древние языки были заменены большим количеством часов физики, естественной истории и химии. Либеральная общественность горячо приветствовало изничтожение архаичного греческого, отнимавшего много сил у гимназистов, и появление вместо него современных естественных наук.

Но 14 апреля 1866 г. министром народного просвещения был назначен обер-прокурор Священного синода граф Д. А. Толстой, известный своим клерикализмом и борьбой с тлетворным влиянием западного атеизма. Естественные науки немедленно попали под подозрение. В программной статье «Меры и предположения относительно гимназий и начального народного образования», вышедшей 25 января 1867 г., Толстой решительно провозгласил отказ от реального образо-

вания и возврат к классическим гимназиям с двумя древними языками. Более того, именно греческий язык – как важный для православия и потому «согласный с нашими народными началами» – должен был получить приоритет по сравнению с «западной» латынью [Толстой, 1867].

Эта статья вызвала настоящую бурю в прессе. Не было ни одного издания, не отметившегося полемической статьей на тему «классицизм vs реализм». Позиция «Отечественных записок» была однозначна: к примеру, А. П. Щапов, один из постоянных авторов, посвятил предстоящей реформе целую серию очерков [Щапов, 1870], в которых обвинял классическое образование во всех смертных грехах: «Классицизм разучает быть современными гражданами и деятелями» [цит. по: Шмид, 1878, с. 528]. Появляются публикации, в которых доказывалось, что невозможность выучить древнегреческий и сдать экзамен приводят гимназистов к самоубийству [Шмид, 1878, с. 529].

Крайне негативное отношение Салтыкова к готовящейся реформе народного просвещения известно. Введение классического образования обсуждается героями многих произведений, написанных в 1870–1880-х гг. («Господа ташкентцы», «Благонамеренные речи», «В среде умеренности и аккуратности», «Современная идиллия», «Чижиково горе» и др.). В письмах и публицистических произведениях Салтыкова упоминаются в том числе и самоубийства гимназистов, не одолевших греческий и отчисленных из гимназии (см., к примеру: «Превосходство реального образования доказывалось даже самоубийствами». – «Итоги», 1871 г. [7, с. 448]). Несмотря на массовые протесты в либеральной прессе, в июне 1871 г. реальные гимназии были упразднены, а древнегреческий язык утвердился в гимназической программе в качестве ключевого предмета, отвечающего за народную нравственность.

Писатели и читатели позднейшего времени, за утратой актуального контекста, воспринимали только первый план салтыковской иронии, его работу с языковыми клише и штампами общественного сознания. Ср. у Н. А. Лейкина: «Оба они были классики до мозга костей, а потому и умные люди, до того классики, что даже в бане с парильщиками разговаривали не иначе, как по-латыни, и мылись не мочалаками, а греческими губками» [Лейкин, 1992, с. 156]. Спустя еще 10 лет – у раннего А. П. Чехова, знакомого с гимназическим классицизмом по личному опыту: «Греки занимаются по преимуществу торговлей. Продают губки, золотых рыбок, сантуринское вино и греческое мыло, не имеющие же торговых прав водят обезьян или занимаются преподаванием

древних языков. В свободное от занятий время ловят рыбу около одесской и таганрогской таможен» («К характеристике народов. Из записок одного наивного члена Русского географического общества», 1884) [Чехов, 1975, с. 113].

2. В главе «Подтверждение покаяния. Заключение» о Семене Козыре говорится: «... побывав в Петербурге, Козырь стал хвастаться; князя Орлова звал Гришей, а о Мамонове и Ермолове говорил, что они умом коротки, что он, Козырь, „много им насчет национальной политики толковал, да мало они поняли“» [8, с. 417].

Из контекста очевидно, что речь идет о фаворитах Екатерины II Григории Григорьевиче Орлове, Александре Матвеевиче Дмитриеве-Мамонове (1758–1803) и Александре Петровиче Ермолове (1754–1836). Хвастовство Козыря, рассказывающего об общении с важными лицами, равно как и его преступная непочтительность, казалось бы, понятны и не нуждаются в дополнительном объяснении. Г. В. Иванов не прокомментировал эти имена, видимо, посчитав, что достаточно будет упоминания названных персонажей в именном указателе. Однако в указателе, составленном А. М. Малаховой, названы совсем другие люди: «Дмитриев-Мамонов, Матвей Александрович, граф (1790–1863), публицист и общественный деятель, участник Отечественной войны 1812 г., декабрист, в 1826 г. за отказ присягнуть Николаю I объявлен сумасшедшим, подвергнут насильственному лечению; сошел с ума» [8, с. 597–598]; «Ермолов Алексей Петрович (1772–1861), генерал от артиллерии и инфантерии, полководец и дипломат, с 1816 по 1827 г. – главнокомандующий на Кавказе и одновременно посол в Персии» [8, с. 598].

Произошедшая подмена является, конечно же, досадным недоразумением, ответственность за которое лежит не столько на конкретном авторе биографических справок, сколько на самом принципе разделения комментария на «именную» и «содержательную» часть¹. Нет сомнения, что если бы Г. В. Иванов писал специальное примечание к данному фрагменту, то указал бы правильных персонажей (что он и сделал в 1935 г., см.: [Салтыков-Щедрин, 1935, с. 248]).

Однако нам представляется важным сам факт упоминания Салтыковым этих двух персонажей: почему из всей череды екатеринских фаворитов были выбраны именно они? Возможно, имела

¹ К сожалению, авторитет собрания сочинений повлиял на некоторых позднейших комментаторов, допустивших такую же ошибку; см., напр.: [Салтыков-Щедрин, 1989, с. 525].

значение омонимия фамилий екатерининских фаворитов и николаевских оппозиционеров. Но есть еще одно предположение: актуализация именно этих имен связана с цензурной историей записки князя М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России». Салтыкову эта работа, безусловно, была известна по лондонскому изданию [Щербатов, 1858].

Глава «Подтверждение покаяния. Заключение» была опубликована в № 9 «Отечественных записок» 1870 г., вышедшем 4 сентября. В 1870 г. в Петербурге начал издаваться журнал «Русская старина» под редакцией М. И. Семевского. Щербатовский текст должен был стать одним из важнейших материалов, с помощью которых издатель планировал привлечь читающую публику и утвердить репутацию журнала как своеобразного оплота гласности. Публикация была заявлена как полная и исправленная (по сравнению с неназванным заграничным изданием). Первая часть записки (до восшествия на престол Елизаветы Петровны) вышла в июльском номере (4 июля 1870 г.) с пометой: «Окончание следует». Однако в следующем номере (4 августа) была напечатана только одна глава (до Петра Федоровича) с тремя строчками отточий, обозначившими цензурное изъятие. Окончание же записки появилось только в майском номере журнала за 1871 г., причем объем пропусков достиг 33 строк, из которых существенная часть выпала на долю екатерининского фаворитизма.

Салтыков, и как писатель, и как рецензент, и как издатель, внимательнейшим образом следил за расширением пределов гласности. Вполне вероятно, что он, как и многие другие, сверялся по лондонскому изданию, чтобы оценить масштабы редакторских затруднений, и ждал публикаций в «Русской старине», чтобы удостовериться, что теперь уже дозволено «князя Орлова Гришей называть», а про прочих говорить, «что они умом коротки». А. М. Дмитриев-Мамонов и А. П. Ермолов оказались выделенными Щербатовым, потому что к моменту написания записки это была последняя смена фаворитов, потому и самая наглядная; вероятно, именно освеженный в памяти щербатовский текст и напомнил эти фамилии Салтыкову. Таким образом, в расправе над Козырем можно увидеть щедринский отклик на действия современной ему цензуры. Подробнее наши соображения по этому поводу см.: [Грачева, Востриков, 2010].

3. В «Сказании о шести градоначальницах» фигурирует «ревельская уроженка Амалия Карловна Штокфиш». Г. В. Иванов в комментариях обратил внимание на ее портрет: «Штокфиш была полная, бе-

локурая немка, с высокою грудью, с румяными щеками и с пухлыми, словно вишни, губами», – и отметил сходство с описаниями Екатерины II [8, с. 565]. Соответственно, и победа ее над Клемантинкой в отдельных деталях напоминает известные описания переворота 28 июня 1762 г., в результате которого Екатерина II сместила с престола Петра III. Однако сама фамилия щедринской героини не откомментирована (в отличие от предшествующих ей девицы де Сан-Кюлот и Ираиды Палеологовой).

Слово *Stockfisch* в переводе с немецкого означает: 1) треска [Немецко-русский словарь, 1958, с. 1038]; 2) сушеная или вяленая треска (в этом значении также во фразеологизме: «schweigsam wie ein Stockfisch – нем как рыба») [Большой немецко-русский словарь, 2001, с. 812] и вообще любая рыба; 3) олух, скучный человек [Немецко-русский словарь, 1958, с. 1038], зануда, тупица [Мультитран]; ср.: «треска-рыба, штокфиш; также глупой человек, простак» [Полный немецко-русский лексикон, ч. 2, 1798, с. 593]. Наше внимание в особенности привлекло второе значение, которое, на самом деле, объединило две совершенно разные (и уже отошедшие в прошлое) реалии. Во-первых, так назывался продукт особого способа холодной сушки рыбы (не только трески), традиционно применявшегося у балтийских и скандинавских народов (в пищевой промышленности по-русски часто пользуются термином «стокфиск»): рыба обезвоживается на ветру для удобства дальнейшего хранения; перед употреблением она вымачивается в течение нескольких дней, чтобы вернуть утраченную жидкость, после чего становится пригодной для термической обработки (варки, жарки) почти как свежая. Во-вторых, так называется любая соленая вяленая рыба, употребляемая как закуска к пиву¹. По всей видимости, эти значения, в зависимости от распространенности соответствующих продуктов, часто смешивались; но именно в этом значении слово еще с XVIII в. вошло в европейские языки, в том числе и в русский. Ср.: «Stockfisch ou stokfiche – соленая и вяленая треска, штокфиш» [Макаров, 1884, с. 408]; ср. также: «Stockfisch <...> – говорится о всякого рода соленой и сухой рыбе» [Каменский, 1900, с. 807]. В куплетах московского купчика Бородавкина из водевиля «Всякий шут Иван Иванович» (1850) Ф.А. Кони штокфиш попадает в список столичных деликатесов: «Рыба – сиг, лосось и штокфиш; Всё рассчитано на вкус...»

¹ Несколько комично выглядит русская Википедия, которая в качестве перевода немецкой страницы «Stockfisch» предлагает русскую страницу «Таранка».

[Поэты 1840–1850-х годов, 1972, с. 336]. Словарь В. И. Даля дает (в статье «Шток»): «Штокфиш – сухая треска. Штокфишник, *итрб.* – продавец вразноску приготовленной, вымоченной в щелоче трески» [Даль, т. 4, 1882, с. 665]; см. также: «Штокфиш – *устар.* сушеная треска» [Словарь современного русского литературного языка, т. 17, 1965, стб. 1566].

Сам круг ассоциаций, который вызывало слово «штокфиш», идет вразрез с портретом свежей и пухлой героини Салтыкова. Особый комический эффект появляется, если учесть контекст, в котором слово «штокфиш» употреблялось в повседневной русской жизни второй половины XIX в. Герой Н. А. Лейкина («Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова»; 1874) рассказывает: «Начать с того, что только лишь я проснулся сегодня поутру, как вдруг услышал на дворе громкий выкрик: „штокфиш! штокфиш!“ – Боже мой!» [Лейкин, 1992, с. 98]. А. Ф. Кони в своих «Воспоминаниях старожила» описывает петербургских уличных разносчиков второй половины XIX в.: «Они невозбранно оглашают улицу и дворы, в которые заходят, восхвалением или названием своего товара: „По грушу – по варену!“, „Штокфиш!“ и т. д.» [Кони, 1989, с. 486].

Таким образом, – возвращаясь к Амалии Карловне, – получается довольно ехидный авторский каламбур: пьяные солдаты, провозглашая имя новой градоначальницы, тем самым требуют популярной закуски к пиву – возгласом, известным каждому петербуржцу по репертуару уличных разносчиков. Так трагедия оборачивается фарсом – что и требовалось Салтыкову для его анекдотической версии истории страны.

4. К числу «говорящих фамилий» хотелось бы добавить еще одну. В «Описи градоначальникам...» назван «Пфейфер, Богдан Богданович, гвардии сержант, голштинский выходец. Ничего не совершив, сменен в 1762 году за невежество» [8, с. 278]. Очевидный намек на Петра III дополняется, если перевести его фамилию с немецкого: «Pfeifer – свистун; *устар.* (городской) музыкант» [Большой немецко-русский словарь, 2001, с. 659]; ср.: «дудочник, свирельник, сиповник, флейщик» [Полный немецко-русский лексикон, ч. 2, 1798, с. 203]; «[воен.] флейщик» [Шмидт, 1844, с. 267], [Павловский, 1867, с. 873] («Флейтщик – *спец.* музыкант, играющий на флейте (обычно в армии)» [Словарь современного русского литературного языка, т. 16, 1964, стб. 1437]). Напомним, что Фридрих II, образец для подражания Петра Феодоровича, музицировал на флейте; в его армии флейта и барабан были основными музыкальными инструментами; именно под

влиянием прусской военной традиции (воспринятой во многих странах) звук флейты ассоциировался с армией (ср.: «Снигирь» Г. Р. Державина и затем «На смерть Жукова» И. А. Бродского). Кроме того, в немецком языке есть еще одно значение этого слова: «Pfeife – свисток, дудка, свирель; <...> *фам.* болван, недотепа» [Большой немецко-русский словарь, 2001, с. 659], что прекрасно дополняет портрет героя Салтыкова. Но это еще не все. Слово «пфейфер» в русском языке употреблялось как одна из макаронических форм немецкого «Pfeffer» – «перец», преимущественно во фразеологизмах [Словарь современного русского литературного языка, т. 11, 1961, стб. 1780]. Именно в таком значении слово употреблено Н. В. Гоголем в «Вие»: «„Теперь проклятая старуха задаст мне пфейферу“, – подумал он» [Гоголь, 2013, с. 108]. Таким образом, мы видим еще один пример того, как Салтыков выбирает слово, аккумулирующее разные стилистические и семантические ряды, и заставляет его работать во всех его значениях и стилистических регистрах.

5. В главе «Подтверждение покаяния. Заключение» говорится о плане образцовой муниципии, сложившейся в голове Угрюм-Бурчеева: «Посредине – площадь, от которой радиусами разбегаются во все стороны улицы, или, как он мысленно называл их, роты. <...> Каждая рота имеет шесть сажен ширины – не больше и не меньше; каждый дом имеет три окна, выдающиеся в палисадник, в котором растут: барская спесь, царские кудри, бураки и татарское мыло» [8, с. 404].

Градоустроительную идею Угрюм-Бурчеева, смесь утопического Города Солнца, фурийеристской коммуны и военного поселения, мы прокомментировали во вступительной статье (см.: [Салтыков-Шедрин, 2014, с. 320–324]). Однако в этой картине, как нам показалось, есть некоторые детали, нуждающиеся в отдельном комментарии, в частности цветы, украшающие палисадники.

С бураками все ясно – это малороссийское и южнорусское название свеклы (любой); выращивается ради корнеплода; цветет весьма невыразительно.

Царские кудри – «народное название дикорастущей в России лии» [Брокгауз–Ефрон, т. 37А, 1903, с. 814].

Барская спесь и татарское мыло оказываются одним и тем же цветком. Ср.: барская (боярская) спесь (она же дрема, она же лихнис) – «многолетнее травянистое растение сем. гвоздичных с ярко-красными цветками; татарское мыло» [Словарь современного русского литературного языка, т. 14, 1963, стб. 497]; «с ярко-красными цветами, собранными на верхушке стебля в виде пучка; попадает»

обильно на степных лугах наших и разводится в садах. Его называют также татарским, кукушкиным или девичьим мылом, так как мокрые цветы его при трении мылятся» [Брокгауз–Ефрон, т. 11, 1893, с. 150]¹.

Все это дикорастущие или частично окультуренные растения, характерные для большого количества российских губерний и попадающие в русскую литературу как приметы *couleur local*. Ср. в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова (1856): «Местами росла густая урема из березы, осины, рябины, калины, черемухи и чернотала, вся переплетенная зелеными гирляндами хмеля и обвешанная палевыми кистями его шишек; местами росла тучная высокая трава с бесчисленным множеством цветов, над которыми возносили верхи свои душистая кашка, татарское мыло (боярская спесь), скорлазубец (царские кудри) и кошачья трава (валериана)» [Аксаков, 1966, с. 63]. А также в «Рассказах бабушки...» Д. Д. Благово: «В Сяскове в то время сад был преобладающей, цветников было мало, да и цветов тогда таких хороших, как теперь, не бывало: розаны махровые, шиповник, касатики, нарциссы, барская спесь, пионы, жонкилы» [Благово, 1989, с. 32]. Красивое название цветочков привлекало внимание литераторов; так, Д. Т. Ленский, «приспособив» водевиль Ж. Ф. А. Баяра и Ф. Ф. Дюмануара «*La marquise de Prétintaille*» («Маркиза Рюшечка») к русским деревенским нравам, дал ему и русское название: «Барская спесь и Анютины глазки» (1842).

Таким образом, угрюм-бурчеевская флористика составлена Салтыковым из трех «красивых» простонародных названий полудиких цветов (причем два из них обозначают одно и то же растение) и корнеплода, по-видимому, непрополотого и ушедшего в ботву.

В такой интерпретации картина представляется вполне сатирической. Однако спустя 17 лет она почти дословно повторяется в «Пошехонской старине»: «Помещичьи усадьбы того времени (я говорю о помещиках средней руки) не отличались ни изяществом, ни удобствами. Обыкновенно они устраивались среди деревни, чтоб было сподручнее наблюдать за крестьянами <...>. Дома почти у всех были одного типа: одноэтажные, продолговатые, на манер длинных комодов; ни стены, ни крыши не красились, окна имели старинную

¹ Народные названия растений не были устоявшимися. Так, В. И. Даль в статье «Мыло» называет барскую спесь «кукушкиным мылом», дрему – «калмыцким мылом», «татарским мылом» называет растение «мыльнянка», а также особый сорт собственно мыла, производящийся в Казани [Даль, т. 2, 1881, с. 372].

форму, при которой нижние рамы поднимались вверх и подпирались подставками. <...> О парках и садах не было и в помине; впереди дома раскидывался крохотный палисадник, обсаженный стрижеными акациями и наполненный, по части цветов, барскою спесью, царскими кудрями и буро-желтыми бураками» [17, с. 11–12]. Идеальная утопия, город будущего Угрюм-Бурчеева узнается в палисаднике барского дома из дикого прошлого, из ненавидимого Салтыковым «пошехонства», связанного для него с рабством и насилием, памятным с детства, проведенного в усадьбе между крепостницей-матерью и крепостными. Поэтика «Пошехонской старине» отличается от поэтики большей части журнальной прозы Салтыкова: ироническая рефлексия над клише языка и сознания здесь периферийна, если вовсе не исключена. С этой точки зрения иронический тавтологический повтор (барская спесь – татарское мыло) оказывается неуместным.

Впоследствии этот палисадник не раз отзывался в русской литературе. Ср., например, размышления Ягужинского в «Восковой персоне» Ю.Н. Тынянова (1931): «Он считал по пальцам: Остерман – потатуй, молчан-собака, неизвестно кого за ногу хватит. Апраксин – человек обжорный и нежелатель дела. Вор. Господин Брюс – ни яман, ни якши, человек средней руки. Потом господя гвардия, нахлебнички, война без бою, а потом кто? – Потом боярская толща. Голицыны, Долгоруковы, татарское мыло, боярская спесь. Выходило: теперь он один, Паша, Павел Иванович» [Тынянов, 1959, с. 427]. Ср. также в рассказе Р.Л. Шмараква «Лошадь» (2013): «Под окнами располагался палисадник, где меж двух скудных акаций, распоряженных в казенной симметрии, качались баканые головки татарского мыла» [Шмарков, 2013, с. 25].

6. В главе «Поклонение мамоне и покаяние» о градоначальнике виконте дю Шарио, французском выходце, говорится, между прочим, следующее: «Он веселился без усталости, почти ежедневно устраивал маскарады, одевался дебардером, танцевал канкан и в особенности любил интриговать мужчин». К этому предложению есть примечание «от издателя»: «В этом ничего нет удивительного, ибо летописец свидетельствует, что этот самый дю Шарио был впоследствии подвергнут исследованию и оказался женщиной» [8, с. 375].

Наше внимание привлекло слово «дебардер». Современные словари дают следующие значения французского слова «*débardeur*»: «грузчик; трелёвщик; возчик; разгрузочное устройство; тельник без рукавов с глубоким вырезом; дебардёр (маскарадная одежда); майка

(любой топ без рукавов)» [Мультитран]¹. Картинка фривольного француза, переодетого биндюжником и в таком виде «интригующего мужчину», нас несколько смутила. Русские словари иностранных слов нас отчасти успокоили, но ничего не разъяснили: «дебардер» – «женский костюм для маскарадов» [Михельсон, 1875, с. 170]; «род женского маскарадного костюма» [Чудинов, 1894, с. 276].

В словаре Брокгауза–Ефрона это слово отсутствует. Помог разобраться в путанице «Русский энциклопедический словарь» И. Н. Березина (статья, судя по инициальной подписи, написана В. Р. Зотовым): «Дebarдер (débardeur) – рабочий при разгрузке судов, носильщик. На Сене называют так преимущественно лиц, сплавающих в Париж лес большими плотами. Дебардеры составляли прежде отдельную корпорацию и теперь еще управляются особым синдиком, хоть железные дороги много повредили их занятию. Костюм их, состоящий из коротких штанов, круглой куртки, шерстяного широкого, обыкновенно красного, пояса и матросской лакированной шляпы, как хорошо облегающий формы, принят был после 1830 г. в Парижских маскарадах и усвоен в особенности женщинами легкого поведения, заменившими только шляпу солдатской шапочкой в форме колпака. Гаварни прославили дебардеров в своих рисунках» [Березин, отд. 2, т. 1, 1874, с. 164]. Непосредственное описание костюма у Зотова не вполне точно; по крайней мере, на указанных им рисунках П. Гаварни дебардерки одеты во что-то вроде довольно просторных шароваров² (впрочем, легких и в движении вполне облегающих). Существенным представляется то, что это именно простонародные мужские штаны, в которые переодевались демимондки на парижских маскарадах.

Таким образом, получается, что глуповский градоначальник переодевался в женщину, переодетую мужчиной. Вполне щедринская по стилистике и выразительная сама по себе деталь усиливает аналогию с самым известным кроссдрессером французской (а отчасти и русской) истории – шевалье де Еоном (или д'Эон-де-Бомоном;

¹ В издании 1989 г. слово было извлечено из контекста и помещено в отдельный «Словарь», в связи с чем его толкование ограничилось первым значением: «грузчик» [Салтыков-Щедрин, 1989, с. 545].

² Ср. в описании дома княжны А. Б. Мещерской в «Былом и думах» А. И. Герцена: «Во внутренних комнатах царил мертвая тишина, только по временам раздавался печальный крик какаду <...> да противное хныканье небольшой обезьяны <...>. Обезьяна эта, одетая дебардером, в широких красных шароварах, сообщала всей комнате особый запах, чрезвычайно неприятный» [Герцен, 1956, с. 313].

1728–1810)¹. Но не только. Поминая костюм дебардера, Салтыков не только усиливает включенность дю Шаррио в кафешантанную культуру, которая сама по себе стала отдельным предметом его сатиры в ряде произведений конца 1860–1870-х гг. как эпицентр времяпрепровождения тратящих закладные деньги помещиков и обезумевших от дармовых денег «железнодорожников». Двойное переодевание, как древнейший комический прием, усиливает впечатление общего абсурда и безумия, в который погружают город Глупов его градоначальники.

В 1935 г. Б. М. Эйхенбаум писал: «Полное и достаточно убедительное научное комментирование „Истории одного города“ – одна из самых очередных задач современного литературоведения» [Эйхенбаум, 1969, с. 502]. Несмотря на 80 лет работы исследователей творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина, мы вынуждены оставить эту фразу без оговорок.

Литературы

Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Семейная хроника; Детские годы Багрова-внука. – М.: Правда, 1966. – 600 с. – (Библиотека «Огонек»).

Березин И. Н. Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1873–1880.

Благово Д. Д. Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / изд. подгот. Т. И. Орнатская. – Л.: Наука, 1989. – 472 с.

Большой немецко-русский словарь / Grosswörterbuch deutsch-russisch: Ок. 95 000 слов и 200 000 словосочетаний / [К. Лейн и др.]. – М.: Рус. яз., 2001. – 1038 с.

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб.: Акц. Общ. Брокгауз–Ефрон, 1890–1907.

Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 518 с.

Гоголь Н. В. Миргород / изд. подгот. В. Д. Денисов. – СПб.: Наука, 2013. – 570 с.

¹ Этот намек отмечен некоторыми комментаторами и основывается, видимо, на упоминании о посмертном освидетельствовании с целью точного установления пола, выразительно описанном В. С. Пикулем в первой главе романа «Пером и шпагой» (1972). Однако источники сведений М. Е. Салтыкова о де Еоне и его отношении к этому персонажу нуждаются в уточнении.

- Грачева Е. Н., Востриков А. В. История в одном городе // Пермьяковский сборник / ред.-сост. Наталия Мазур. Ч. 2. – М.: Новое издательство, 2010. – С. 443–457.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб., М.: М. О. Вольф, 1880–1882.
- Каменский В. Е. Французско-русский словарь, сост. по диксионеру Lagouss'a. – СПб.: Типо-лит. А. И. Литвинова, 1900. – 972 с.
- Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский // Русские повести XIX века: (20–30-х годов). Т. 2. – М.–Л.: ГИХЛ, 1950. – С. 259–448.
- Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. – М.: Правда, 1989. – 496 с.
- Лейкин Н. А. Шуты гороховые: Повести, рассказы. – М.: Русская книга, 1992. – 300 с.
- Макаров Н. П. Полный французско-русский словарь. Ч. 2. – СПб.: изд. Н. П. Макарова, 1884. – 542 с.
- Михельсон А. Д. Объяснение всех иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней / сост. по словарям: Гейзе, Рейфа и др. – М.: Тип. Индрих, 1875. – 560 с.
- Немецко-русский словарь: 80 000 слов / под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. – М.: ГИС, 1958. – 1304 с.
- Павловский И. Я. Полный немецко-русский словарь. – Рига: Н. Киммель, 1867. – XIV, 1050 с.
- Полный немецко-российской лексикон, из большого граматикально-критического словаря г. Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания немецкаго языка нужных словоизречений и объяснений / издано Обществом ученых людей. Ч. 1–2. – СПб.: Имп. тип., 1798.
- Поэты 1840–1850-х годов / сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. Э. М. Шнейдермана; вступ. статья и общ. ред. Б. Я. Бухштаба. – Л.: Сов. писатель, 1972. – 540 с.
- Расторгуев Е. И. Прогулки по Невскому проспекту // Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX века / сост., вступ. статья и коммент. А. М. Конечного. – СПб.: Гиперион, 2002. – С. 121–204.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Избранные сочинения / вступ. ст. Туркова А. М., Сост. сказок, раздела «Приложения», примеч. Соболева А. Л. и Соболева Л. И. – М.: Худож. литература, 1989. – 556 с.
- Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города / ст. Я. Эльсберга; подгот. текста С. А. Макашина, послесл. и коммент. Г. В. Иванов. – Л.: Academia, 1935. – XXVI, [2], 216, [4] с.
- Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города / вступ. ст. Е. Н. Грачевой, коммент. Е. Н. Грачевой, А. В. Вострикова. – СПб.: Азбука, 2000. – 348 с.

- Салтыков-Щедрин М.Е.* История одного города / ст. Е. Н. Грачевой, коммент. Е. Н. Грачевой, А. В. Востриков. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. – 378, [3] с.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1965.
- Толстой Д. А.* Меры и предположения относительно гимназий и начального народного образования // Журнал Министерства народного просвещения. – 1867. – Ч. 133. – Современная летопись. – С. 1–24.
- Тынянов Ю. Н.* Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М., Л.: ГИХЛ, 1959. – LX, 554 с.
- Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 3. – М.: Наука, 1975. – 624 с.
- Чудинов А. Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи / сост. под ред А. Н. Чудинова. – СПб.: В. И. Губинский, 1894. – [4], IV, 989, III с.
- Шмарков Р. Л.* Лошадь // Сибирские огни. – 2013. – № 3. – С. 23–32.
- Шмид Е.* История средних учебных заведений в России. – СПб: Тип. В. С. Балашева, 1878. – 684 с.
- Шмидт И. А. Э.* Полный русско-немецкий и немецко-русский словарь для употребления обоих народов. Изд. 2-е. Ч. 2. – Лейпциг: Таухниц, [1844]. – 522 с.
- Щапов А. П.* Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. – СПб.: Н. П. Поляков, 1870. – [4], IV, 332, [1] с.
- Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России князя Щербатова и Путешествие [из С.-Петербурга в Москву] А. Радищева / с предисл. Искандера. – London: Trubner & Co, 1858. – XVI, II, 340 с.
- Эйхенбаум Б. М.* О прозе: Сб. статей. – Л.: Художественная литература, 1969. – 504 с.

Интернет-источники

- Национальный корпус русского языка. [URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>] [18.08.2016].
- Электронный словарь Мультитран. [URL: <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=1>] [18.08.2016].

С. М. Шаврыгин¹

(Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова)

**ПЕТР I В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА
И В «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

В статье показано, что генезис образа последнего глуповского градоначальника Угрюм-Бурчеева связан не только с известными историческими прототипами, такими, как князь Святослав Игоревич, Аракчеев, Николай I, архимандрит Фотий, но в гораздо большей степени с литературным образом Петра I в поэмах А. С. Пушкина «Полтава» и «Медный всадник». Используя пушкинские мотивы, Салтыков в сатирических целях трагедизирует их, раскрывая истинную суть глуповской власти. Если у Пушкина движущей силой петровского созидания стало стремление к культуре, просвещению, торговле, то у Салтыкова – глухое невежество, твердолобость и культурная дикость глуповской власти. Салтыков усиливает пушкинские негативные ассоциации в стремлении раскрыть сущность высшей российской бюрократии, чья воля и непреклонность идет вразрез с живой жизнью и живыми людьми.

Ключевые слова: архетип, образ, портрет, художественное пространство, мифопоэтика, фантастика, метафора, символ, ирония.

S. M. Shavrygin

(Ulyanovsk State Pedagogical University n. a. I. N. Ulyanov)

**PETER THE GREAT – A LITERARY CHARACTER
IN WORKS OF A. S. PUSHKIN AND IN «THE HISTORY
OF A TOWN» OF M. E. SALTUKOV-SHCHEDRIN**

The paper clarifies that the genesis of the image of the last Glupov major Ugrium-Burcheev is associated not only with the famous historical prototypes, such as the Prince Svyatoslav, General Arakcheev, the Emperor Nicholas I, Archimandrite Photios, but much more with the literary character

¹ Шаврыгин Сергей Михайлович, доктор филологических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова; директор НИЦ «Карамзинская лаборатория»; e-mail: sshavrygin@gmail.com.

of Peter I in the poems of Pushkin «Poltava» and «Medny vsadnik». Using Pushkins motives, Saltykov travestied them in order to reveal the true kernel of Glupov power. Saltykov reinforces negative associations to discover the essence of the higher Russian bureaucracy.

Keywords: archetype, image, portrait, literature space and place, mythopoetics, fantasy, metaphor, symbol, irony.

■ В творчестве Салтыкова 1860-х гг. мы практически не находим образов градоначальников, дерзающих кардинально переменить существующий уклад общественной жизни. Генералы, предводители дворянства, губернаторы, помпадур, градоначальники берут взятки, меняют фавориток, болтают, совершают бессмысленные и порой жестокие поступки – но все это в рамках заведенного губернского миропорядка. Мало того, предпринимаются усилия, чтобы этот миропорядок сохранить и по возможности упрочить. Все эти образы властей предержащих не были основаны на каких-либо устойчивых литературных образцах, Салтыков стремился создать собственный архетип «помпадура», а затем градоначальника.

Пожалуй, единственным «строителем чудотворным», дерзнувшем на миропорядок в целом, ярким примером использования литературного архетипа как такового, узнаваемого и уникального, стал образ последнего глуповского градоначальника в «Истории одного города». Образ Угрюм-Бурчеева, вымышленный, по признанию самого писателя, принято возводить к таким историческим персонажам, как князь Святослав Игоревич, граф Аракчеев, император Николай I, архимандрит Фотий. Отсылая к текстам А.И. Герцена и Н.М. Карамзина, комментатор романа Г.В. Иванов пишет: «Сделав фамилию Угрюм-Бурчеева созвучной фамилии Аракчеева, а его образ жизни похожим на образ жизни князя Святослава Игоревича <...> Салтыков вместе с тем наделил Угрюм-Бурчеева внешним, „портретным“ сходством с императором Николаем I, что лишний раз свидетельствует о самом широком, обобщающем характере его сатиры» [8, с. 585–586]. Не случайно по желанию Угрюм-Бурчеева Глупов неожиданно переименовывается в «вечно достойная памяти великого князя Святослава Игоревича» город Непрекклонск. Эти ассоциации, аналогии и заимствования определялись стоявшей перед писателем задачей создать образ «бывого прохвоста», «нивеллятора», стремящегося окончательно «упразднить естество».

Однако деяния Угрюм-Бурчеева гораздо масштабнее и эпохальнее, чем деятельность перечисленных исторических лиц, кроме, пожалуй,

Святослава Игоревича, стремившегося перенести столицу древнерусского государства из Киева в Преславец на Дунае. В новой российской истории есть только один персонаж сравнимого масштаба, но увиденный Салтыковым сквозь призму литературного персонажа, который, на наш взгляд, стал дополнительным источником при создании образа Угрюм-Бурчеева, – это Петр I, каким предстает он в поэмах А. С. Пушкина «Полтава» и «Медный всадник».

Об истории взаимоотношений Салтыкова с творчеством великого поэта написано не так много, но в целом значение и влияние этого могучего культурного явления на становление и развитие поэтического писательского таланта Салтыкова очерчено довольно ясно в работах С. А. Макашина [Макашин, 1949] В. А. Никольского [Никольский, 1989], Е. Н. Строгановой [Строганова, 2001]. Хотя упоминаний Салтыкова о Пушкине не так много, можно согласиться с мыслью Е. Н. Строгановой, что слово Пушкина проникло в плоть и кровь щедринских текстов (они буквально им пронизаны), но подчинилось иным художественным задачам и мирозерцанию другого автора [Строганова, 2001, с. 235].

Пример Угрюм-Бурчеева один из многих, но, на наш взгляд, он очень показателен. Мотивы двух пушкинских поэм – «Полтава» (1829) и «Медный всадник» (1833) – объединились и переплелись в заключительной главе «Истории одного города», чтобы создать необходимый Салтыкову образ последнего и самого решительного глуповского градоначальника. Сразу отметим, что это не пародийное использование чужого текста, а, как это свойственно было писателю, наделение новыми смыслами литературных персонажей, созданных другими авторами (А. С. Грибоедовым, А. А. Бестужевым-Марлинским, Н. В. Гоголем, И. С. Тургеневым, А. Н. Островским).

Угрюм-Бурчеев появляется в начале главы «Подтверждение покаяния. Заключение» «как божия гроза», и «лик его ужасен». Так и Петр I перед войсками, и Медный всадник перед испуганным Евгением появляются, вселяя ужас в окружающих его врагов и взбунтовавшегося обывателя.

Приведем несколько цитат из романа Салтыкова:

«Он был ужасен (здесь и далее выделено мною. – С. III.); но, сверх того, он был краток и с изумительно ограниченностью соединял непреклонность <... >

Думалось, что небо обрушится, земля разверзнется под ногами, что налетит откуда-то смерч и все поглотит, все разом... *То был взор, светлый как сталь* <... > [8, с. 397];

«Упразднение сие произвело только одно явственное действие: *повелительный жест*, – и затем, сосредоточившись само в себе, перешло в окаменение» [8, с. 399];

«Так шел он долго, все *простирая руку* и проектируя» (город Непреклонск. – С. III.) [8, с. 407].

Сравним с фрагментами из поэм Пушкина.

Выходит Петр. Его глаза

Сияют. Лик его ужасен.

< >

Пирует Петр. И горд, и ясен

И славы полон взор его.

[Пушкин. Полтава, 1948, с. 57, 60].

И, обращен к нему спиною,

В неколебимой вышине,

Над возмущенною Невою

Стоит с *простертою рукою*

Кумир на бронзовом коне.

< >

Ужасен он в окрестной мгле!

Какая дума на челе!

Какая сила в нем сокрыта!

[Пушкин, Медный всадник. 1948, с. 143, 148].

В приведенных цитатах очевидны общие поэтические формулы. Салтыков: «Он был ужасен» (дважды) / Пушкин: «Лик его ужасен», «Ужасен он в окрестной мгле»; Салтыков: «Пристальный взор, светлый как сталь» / Пушкин: «Ясен взор его»; Салтыков: «Так шел он долго, все простирая руку и проектируя...» / Пушкин: «Стоит с простертою рукою кумир на бронзовом коне».

У Салтыкова впечатление ужаса, который вселяет Угрюм-Бурчеев, многократно усилено особенно подчеркнутой преемственностью его облика не живому Петру I, а Медному всаднику, неподвижному, с медной главой, непреклонному в своей роковой воле «поднять Россию на дыбы». Так и Угрюм-Бурчеев воплощает нечто ужасное: «голую» решимость в достижении целей, механистическую непреклонность действий, безжалостную прямолинейность и ограниченность, мучительство, доходящее до предела сатанинского стремления к «упразднению естества». Салтыков усиливает пушкинские негативные ассоциации в стремлении раскрыть сущность высшей российской бюрократии, чья воля и непреклонность идет вразрез с живой жизнью и живыми людьми.

Описание облика и поступков Угрюм-Бурчеева органически перетекает в изображение взаимоотношений власти и народа, градоначальника и глуповцев. И здесь также важны пушкинские ассоциации. Глуповцы, подобно Евгению «Медного всадника», – обыватели, не имеющие ни прав, ни голоса, бессильные перед властью как перед стихией. Они не поняли сразу, что для спокойного существования необходимо «вовремя посторониться», продолжали «болтать руками, громко говорить и дышать, и даже ходить распоясавшись ...» – и оказались охвачены, «словно сетью», «множеством вольных истязаний» [8, с. 398]. Наученные опытом, они не смели поднять взгляд на Угрюм-Бурчеева, были не в состоянии вынести его взор, дрожали при одном упоминании о нем и окрестили его «сатаной». С ними произошла та же трансформация, что и с Евгением, после краткого бунта превратившимся в охваченного страхом и отчаянием человека.

И с той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой

[Пушкин, 1948, с. 149–150].

Угрюм-Бурчеев осуществляет свой план «нивелирования» глуповцев, превращения их в ряд абсолютно одинаковых механизмов, бесчувственных обитателей города Непреклонска. В его уме рождается «целый систематический бред» устройства будущего идеального города. Эта фантазия, не имевшая ничего общего с российской действительностью, историей и укладом жизни, должна была воплотиться в реальность. Подобно Петру I, глуповский градоначальник вознамерился стать «мощным властелином судьбы» и «скрытой силой» «под морем город основать».

События развиваются подобно тому, как у Пушкина. Угрюм-Бурчеев обходит город: «Но в том виде, в каком Глупов предстал глазам его, город этот далеко не отвечал его идеалам. Это была скорее беспорядочная куча хижин, нежели город. Не имелось ясного центрального пункта; улицы разбегались вкривь и вкось; дома лепились кое-как, без всякой симметрии, по местам теснясь друг к другу, по местам

оставляя в промежутках огромные пустыри. <...> Ему было ясно одно: что перед глазами его *дремучий лес* и что следует с этим лесом распорядиться» [8, с. 407].

Нечто похожее предстало перед Петром I на берегах Невы.

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел

[Пушкин, 1948, с. 136].

Но самое главное – «Пред ним широко Река неслася...» [Пушкин, 1948, с. 136].

На пути Угрюм-Бурчевея тоже встречается река, которая препятствует его планам. «Так шел он долго, все простирая руку и проектируя, и только тогда, когда глазам его предстала река, он почувствовал, что с ним совершилось что-то необыкновенное. Излучистая полоса жидкой стали сверкнула ему в глаза, сверкнула и не только не исчезла, но даже не замерла под взглядом этого административного василиска. Она продолжала двигаться, колыхаться и издавать какие-то особенные, но несомненно живые звуки. Она жила. – Кто тут? – спросил он в ужасе. Но река продолжала свой говор...» [8, с. 408].

Две стихии столкнулись: стихия непреклонной воли и стихия природы. И Петр I и Угрюм-Бурчевея оказались перед необходимостью «подвига», однако с разным знаком. У Пушкина Петр I совершает подвиг созидания:

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...
<... ..>
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами...

[Пушкин, 1948, с. 136–137].

Герой Салтыкова осуществляет «подвиг» разрушения: «Два одинаково великих подвига предстояли ему: разрушить город и устранить реку» [8, с. 408]. Если у Пушкина движущей силой созидания стало стремление к культуре, просвещению, торговле, то у Салтыкова – глухое невежество, твердолобость и культурная дикость глумовской власти.

Для Угрюм-Бурчеева разрушить город не составило особого труда, а вот укротить реку не получалось. Плотина, построенная глуповцами, разлив реки вдруг пробудил в его сознании новые фантазии: «Едва увидел он массу воды, как в голове его уже утвердилась мысль, что у него будет свое собственное море. <... > Есть море – значит, есть и флоты: во-первых, разумеется, военный, потом торговый. Военный флот то и дело бомбардирует; торговый – перевозит драгоценные грузы» [8, с. 414].

Это напоминает замыслы пушкинского Петра I:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам
И запируем на просторе

[Пушкин, 1948, с. 136].

Все деяния Угрюм-Бурчеева в итоге заканчиваются катастрофой, но катастрофой оборачивается и петровское укрощение стихии. Петербургское наводнение уносит человеческие жизни, ломает судьбы, угрожает самому существованию города, построенного вопреки законам природы. Буря, ветер и ливень подготавливают наступление невольской воды на город.

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
<... .. >
Народ
Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! всё гибнет...

[Пушкин, 1948, с. 141].

Смерч, ливень, тучи предвосхищают наступление ОНО и конец правления Угрюм-Бурчеева. В финале романа читаем: «Наконец земля затряслась, солнце померкло... глуповцы пали ниц. Неисповедимый ужас выступил на всех лицах, охватил все сердца.

ОНО пришло» [8, с. 423]. Божья кара настигла город Глупов. И загадочное ОНО в финале романа вполне сопоставимо с картиной петербургского наводнения, описанного Пушкиным в поэме «Медный всадник».

Литература

- Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Биография. I. – М.: ГИХЛ, 1949. – 512 с.
- Никольский В. А. Салтыков-Щедрин и Пушкин. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. – 64 с.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: [в 16 т.] Т. 5. – М.; Л.: АН СССР, 1948. – 514 с.
- Строганова Е. Н. «Современная идиллия» М. Е. Салтыкова-Щедрина в литературном пространстве. – Тверь: Золотая буква, 2001. – 256 с.

Л. В. Чернец¹

(Московский государственный университет)

**МОТИВ ЛИЦЕМЕРИЯ
В ЦИКЛЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
«БЛАГОНАМЕРЕННЫЕ РЕЧИ»
И В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ**

В статье подчеркивается взаимосвязь сатиры и юмора в творчестве Щедрина. В фокусе сопоставительного анализа – мотив лицемерия в его цикле «Благонамеренные речи» и в произведениях Н. А. Некрасова (поэма «Современники»), И. С. Тургенева (образ Сипягина в романе «Новь»), А. К. Толстого (речь министра в стихотворении «Сон Попова»).

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, «Благонамеренные речи», Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, А. К. Толстой, сатира, юмор, мотив лицемерия, 1870-е годы.

L. V. Cherne

(Moscow State University)

**MOTIVE OF HYPOCRISY
IN THE CYCLE «BLAGONAMERENNYE RECHI»
OF M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN
AND IN THE CONTEMPORARY LITERARY WORKS**

The author outlines the interaction between satire and humor in the creation of Mikhail Saltykov, analyses the motive of *hypocrisy* in the Nekrasov`s, Turgenev`s, A. Tolstoj`s works which were written during 1870s.

Keywords: Saltykov-Shchedrin, «Blagonamerennye rechi», Gogol, Nekrasov, Turgenev, A. Tolstoy, satire, humor, motive of hypocrisy, 1870s.

- В пестрой тематике цикла Салтыкова-Щедрина «Благонамеренные речи» (1872–1875) есть и автобиографический мотив. Ведь Рассказчик, знакомящий читателя с многочисленными персонажами, не просто помещик Калязинского уезда Тверской губернии, он еще

¹ Чернец Лилия Валентиновна, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: cherli65@yandex.ru.

и писатель. В очерке «Превращение» (1875) Дерунов, в прошлом мелкий плут, а ныне «столп», прибывший в Петербург с целью добыть концессию на строительство железной дороги, приглашает Рассказчика к своей снохе-красавице Марье Потапьевне и развлекающим ее «калегвардам». По словам Дерунова, сноха «который день ко мне пристаёт: покажь да покажь ей господина Тургенева. А он, слышь, за границей. Ну, да ведь и вы писатель – все одно, значит» [11, с. 146]. Увидев гостя, «Марья Потапьевна поспешно сошла с кушетки и как-то оторопела, словно институтка, перед которой вырос из земли учитель и требует ее к ответу в ту самую минуту, когда она всеми силами души призывала к себе „калегварда“. Очень возможно, что она думала, что перед нею стоит сам Тургенев, но я, разумеется, поспешил ее успокоить, назвав себя. И, увь, я с горечью должен сознаться, что фамилия моя ровно ничего не сказала ей...» Но вскоре она вспомнила: «Ах, да! ведь вы по смешной части!» [11, с. 147–148]. И попросила рассказать что-нибудь для развлечения. Гость, однако, не смог поддержать репутацию весельчака: его рассказ (в котором он пародировал путевые очерки Е. А. Салиаса и др.) почти усыпил слушателей. «„Калегварды“ переглядывались. Марья Потапьева как-то вяло проговорила:

– Я думала, что вы смешное что-нибудь расскажете, а вы, напротив, печальное...» [11, с. 154]. И компания вернулась к любимой теме – сравнению игры французских артисток, выступавших в театре «Буфф», причем масла в огонь подливал Дерунов, предпочитавший «французенке» русскую, «утробистую» женщину. А Рассказчик подумал: «... ну, зачем я это несчастное „Происшествие в Абрुццких горах“ рассказал? То ли бы дело, если б я провел параллель между Шнейдершей и Жюдик! Провел бы весело, умно, с самым тонким запахом милой безделицы! Как бы я всех оживил! Как бы все это разом встрепенулось, запело, загоготало!» [11, с. 156].

Писателем «по смешной части» считали Рассказчика и в семье его кузины Машеньки (очерк «Непочтительный Коронат»). Племянница Нонночка приветствовала его: «Ах, дядя! я намеднись что-то ваше читала! так хохотала! так хохотала!» [11, с. 397]. Однако после этой похвалы она «вдруг» заговорила о танцах, которые можно устроить сегодня же. «Ах, маменька! Как будет весело! Весело, весело, весело! – кричала она, хлопая в ладоши и подпрыгивая так, что пол слегка вздрагивал и стеклышки гремели в люстре, висевшей посреди потолка» [11, с. 398]. Танцевальный мотив опять перебивает литературный.

Но не только комические персонажи из цикла «Благонамеренные речи» называли Щедрина (близость рассказчика к автору очевидна)

писателем «по смешной части». В разгар жаркой полемики между «Современником» (где с декабря 1962 г. по ноябрь 1864 г. постоянно сотрудничал Салтыков) и «Русским словом» появилась статья Д. И. Писарева «Цветы невинного юмора» (1864, № 2), в которой разбирался в частности щедринский цикл «Невинные рассказы» (1863), включавший 11 произведений. Для Писарева эпитет «невинный» значил *легковесный, развлекательный*; Салтыков же, уставший от цензурных запретов, использовал это слово как маску (подсказанную, вероятно, общим заглавием опубликованных ранее трех рассказов о детях). Одна из ведущих тем сборника – настроения губернских чиновников разного ранга накануне крестьянской реформы («Гегемониев», «Зубатов», «Приезд ревизора», «Утро у Хрептюгина», «Наш дружеский хлам»). Обычаи и нравы этой среды были досконально изучены писателем за время службы в Вятке, Рязани и Твери.

В рассказе Щедрина «Наш дружеский хлам» (1860) есть описание карточной игры, которой с наслаждением предается губернская верхушка:

«– Греческий человек *Трефандос!* – восклицает он (пехотный командир. – Л. Ч.), выходя с трэф.

Мы все хохочем, хотя Трефандос этот является на сцену аккуратно каждый раз, как мы садимся играть в карты, а это случается едва ли не всякий вечер.

– Фики! – продолжает командир, выходя с пиковой масти.

– Ой, да перестань же, пострел! – говорит генерал Голубчиков, покатываясь со смеху, – ведь этак я всю игру с тобой перепутаю» [3, с. 115].

В этом отрывке Писарев увидел «типические особенности» юмора самого писателя [Писарев, 1955, с. 351]: «Не кажется ли вам, любезный читатель <...> что Щедрин говорит вам: „Трефандос“ и „Фики“, а вы, подобно генералу Голубчикову, отмахиваетесь руками и, покатываясь со смеху, кричите бессильным голосом: „Ой, да перестань же, пострел! Всю игру перепутаю“ ... Но неумолимый остряк не перестает, и вы действительно путаете игру, т.е. сбиваетесь с толку и принимаете глуповского балагура за русского сатирика» [Писарев, 1955, с. 351].

Но в подобном «балагурстве» можно упрекнуть и Н. В. Гоголя. Вспомним описание игры в вист в «Мертвых душах»:

«Выходя с фигуры, он (почтмейстер. – Л. Ч.) ударял по столу крепко рукою, приговаривая, если была дама: „Пошла, старая попадья! – если же король: „Пошел, тамбовский мужик!“ А председатель приговаривал: „А я его по усам! А я ее по усам!“ Иногда при ударе карт по столу

вырывались выражения: „А! была не была, не с чего, так с бубен!“ Или же просто восклицания: „черви! червоточина! пикенция!“ или: „пикендрас! пичурущух! пичура!“ и даже просто: „пичук!“ – названия, которыми перекрестили они масти в своем обществе» [Гоголь, 1959, с. 16–17].

Перефразируя известное латинское выражение, можно сказать: что позволено Гоголю, то должно быть разрешено и Салтыкову. Статья Писарева, где Салтыков назван «чистейшим представителем чистого искусства в его новейшем видоизменении» [Писарев, 1955, с. 340], интересна для нас тем, что заостряет вопрос о роли смеха в сатире, о соотношении сатиры и юмора.

Писарев упрекает автора «Невинных рассказов» в отставании от жизни, в эксплуатации старых мотивов и идей: «Если мы с высоты птичьего полета бросим общий взгляд на рассказы г. Щедрина, то нам придется изумляться бедности, мелочности и однообразию их основных мотивов. <...> чиновничество долго еще будет жить старинными преданиями классической школы, перекроенными и перекрашенными сообразно с требованиями новейшей моды; все это так, но все эти отпрыски срубленных деревьев надо изучать именно в их теперешних видоизменениях...» [Писарев, 1955, с. 357]. Конечно, мотивы взяточничества, казнокрадства, чиновничества и пр. издавна вдохновляли русских сатириков, и Писарев резонно писал о необходимости отражения в литературе их «теперешних видоизменений». Но в пылу журнальной войны критик «не заметил», что старые мотивы представлены Щедриным в новом свете, с учетом современных реалий.

На исходе XVIII в. в едкой комедии В. В. Капниста «Ябеда» (1798) судебные власти даже гордятся своим умением брать взятки. «Бери, большой тут нет науки, / Бери, что только можно взять. / На что ж привешены нам руки, / Как не на то, чтоб брать?», – поет прокурор Хватайко [Капнист, 1986, с. 396]. Щедринские чиновники тоже «берут», однако обсуждают эту скользкую тему на «эзоповом языке». В драматическом очерке «Утро у Хрептюгина» чиновник особых поручений при губернаторе, выполняя поручение патрона, является к богатому «негоцианту» Хрептюгину, чтобы узнать о его здоровье после случившегося в городе пожара. За спешно устроенной трапезой посол губернатора обращается к Хрептюгину: «... да продлит бог ваш век для того, чтобы вы могли на долгие времена следовать влечению вашего доброго сердца и отирать слезы сирых, лишенных крова...» Эти слова один из сотрапезников, отставной подпоручик Живновский, комментирует так: «А по-русски это значит: перметте... ле бурс... <позвольте... коше-

лек»» [3, с. 69]. Переход на французский язык подчеркивает склонность чиновников нового пошиба к словесным декорациям, к эвфемизмам.

В другом рассказе, заглавие которого «Приезд ревизора» напоминает о комедии Гоголя, чиновники губернского города ставят спектакль по нашедшей в те годы «обличительной» пьесе В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856). Роль Надимова, бескомпромиссного борца со злоупотреблениями, исполняет товарищ председателя уголовной палаты Семионович. Ему завидуют другие актеры, им тоже хотелось бы произносить громкие фразы: «Надо вникнуть в самих себя, надо исправиться, надо крикнуть на всю Россию, что пришла пора и, действительно, она пришла, – искоренить зло с корнями»; «Не скоро делаются великие перевороты! Но начало положено; теперь каждый честный человек уже оттесняет собой взяточника; это главное... Тот, кто служит по совести, уже вознагражден сознанием, что он ведет нас к исправлению, для нас необходимому, – что он искореняет старинный разврат и недаром носит имя русского!» [Соллогуб, 1984, с. 91–92]. К огорчению приехавшего ревизора, одобрявшего выбор злободневной комедии, Семионович «совсем не так понял свою роль»: он нашел в образе Надимова «поучительную и вместе с тем успокаивающую цель пьесы: это мол, ничего, что ты там языком-то озорничаешь, мысли-то у тебя все-таки те же, что и у нас, грешных» [3, с. 54]. Так намечается мотив *лицемерия*, который станет сквозным в творчестве Щедрина – сатирика и одновременно юмориста.

Различие между этими видами пафоса (эстетического модуса), как правило, усматривается в степени того общественного зла, которое служит предметом осмеяния. Именно предмет изображения определяет пафос автора – мягкую насмешку или суровое обличение. Не смех, но страх вызывает финал «Истории одного города», где «дается постепенное нагнетание ужасного. Буквально все рассчитано на создание впечатления ужаса и глубокого нервного потрясения: и мрачная цветовая атмосфера с преобладанием черно-серых тонов, и страшное „оно“, и зловещие звукообразы, и обезумевшие животные, и как в судорогах сотрясающаяся земля, и потемневшее солнце» [Ауэр, 1985, с. 63]. Если деятельность всех глуповских градоначальников до появления Угрюм-Бурчеева вызывает «негодующий, саркастический смех», то описание финала «уже не смешно, все это возбуждает негодование, переходящее в страх. Изображение всего этого вызывает сатиру-инвективу, вызывающую к вмешательству, к отмщению» [Поспелов, 1971, с. 144].

Рассматривая различия между юмором и сатирой, исследователи нередко противопоставляют произведения Гоголя и Щедрина, указы-

вая на глубокие различия в мировоззрении писателей. Однако между ними много общего, у обоих писателей велика градация предметов осмеяния и, соответственно, разновидностей, оттенков смеха. Словоотворчество за зеленым столом в рассказе «Наш домашний хлам», представление «Чиновника» Соллогуба в «Приезде ревизора», как и реплики игроков в вист в «Мертвых душах», веселят читателя, здесь преобладает юмор. Смешны в «Благонамеренных речах» и неудачные попытки Рассказчика развеселить завсегдатаев театра «Буфф», как и дежурный комплимент его таланту, произнесенный племянницей Нонночкой – любительницей танцев.

Хотя в целом творчество Салтыкова-Щедрина развивалось прежде всего под знаком сатиры, это не исключает юмористической доминанты во многих эпизодах его произведений. Сатира и юмор у него великолепно сочетаются, и Щедрин предстает не только суровым обличителем, но и веселым пересмешником.

Мотив лицемерия – ведущий в «Благонамеренных речах». Н. К. Михайловский в критическом цикле «Щедрин» (1880) на вопрос: «Был ли Щедрин Эдипом сфинкса лицемерия?» отвечал положительно, находя разгадку сфинкса в слове «бессознательность» [Михайловский, 1959, с. 379]. Щедрин «глубоко верил в нравственную красоту человеческой природы» [Михайловский, 1959, с. 377] и подчеркивал «бессознательность» лицемерия. Это суждение критика, вероятно, можно оспорить, хотя, конечно, механизм «психологической защиты» помогает самооправданию персонажей. Так или иначе, лицемеры в изображении Щедрина часто «лгут» бессознательно, они искренни.

По словам критика, «„благонамеренные речи“, понятые во всей их широте, исчерпывают собою добрую половину сатиры Салтыкова» [Михайловский, 1959, с. 373]. Иначе говоря, лицемерие – магистральная щедринская тема, приведшая к созданию образа Иудушки Головлева. «Господам Головлевым» (1875–1880) предшествовали «Благонамеренные речи», где даже в книжном варианте (1876) (откуда были изъятые «головлевские» очерки) все-таки упоминается этот персонаж. Вообще «общеизвестны случаи, когда у Салтыкова-Щедрина в недрах одного цикла зарождался другой, начинавший позднее самостоятельное развитие и отпочковывающийся от цикла-прародителя („Господа Головлевы“ из „Благонамеренных речей“» [Прозоров, 1988, с. 63].

Мотив лицемерия, лганья, маскарада (часто бессознательного) – главный в цикле очерков, о чем говорит само название произведения. «Кузина Машенька, капитан Терпибедов, – перечисляет Михайлов-

ский, – отец Арсений, семья Головлевых, Дерунов, Разуваев, Груздев, Николай Батищев и мать его, Проказнин и мать его, Удодов и проч. и проч. – в этой длинной галерее не знаешь, чему удивляться: выдержанности ли той духовной черты, которая ставит все эти фигуры за одну скобку, или художественной индивидуализации каждой из них, искусству ли, с которым комбинируются факты бессознательного лицемерия и благонамеренные речи, или пронизательности сатирика, технике или мысли?» [Михайловский, 1959, с. 373]. Критик отмечает необычайное разнообразие масок, под которыми скрывается данный порок: «Маску лицемерия способны надевать и злоба, и разврат, и предательство, и продажность, и клевета, и насильничество, всяческая низость и гнусность, облекаясь в такие именно формы соответственных добродетелей, которые, на словах по крайней мере, особенно ценятся в данном обществе. Поэтому, сосредоточив свое внимание исключительно на лицемерии, сатирик может предъявить очень полную картину современных ему нравов, держась в то же время почвы тонкого психологического анализа. Такая многосторонняя заманчивость задачи всегда привлекала к этому пункту крупные сатирические силы...» [Михайловский, 1959, с. 361].

Новое время потребовало и «новых людей». Номинация «новые люди» в сознании современного читателя прочно связана с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?», имеющим подзаголовок «Из рассказов о новых людях». Однако Щедрин употребляет это словосочетание в другом значении. В очерке «Отец и сын» выведен «новый человек» Антон Валерьянович Стрелов, в прошлом Антон Стрела, так как он «с утра до вечера стрелой летал по базару, исполняя поручения и приказы купцов-толстосумов» [11, с. 178]. В совершенстве овладевший искусством «объегоривать» и «облапошивать», он легко перехитрил «ветхого человека», старого генерала Утробина, владельца богатого имения. Для Рассказчика «Антошка кабатчик, Антошка прасол, Антошка закладчик, словом, Антошка – homo novus, выброшенный волнами современной русской цивилизации на поверхность житейского моря» [11, с. 170].

К «новым людям» относится и «столп» Дерунов – по Михайловскому, «самая значительная фигура во всей серии «Благонамеренных речей» [Михайловский, 1959, с. 380]. Защита *своей* собственности, *своего* барыша оборачивается у него покушением на собственность чужую. Нежелание мужиков продавать хлеб по предложенной им цене он называет «стачкой», «бунтом». В диалоге с Рассказчиком, усомнившимся в том, что отказ мужиков купить у Дерунова хлеб – это стач-

ка, Дерунов предстает не более и не менее как защитником интересов государства:

«– Да какой же это бунт, Осип Иванович! – вступился я.

– А по-твоему, барин, не бунт! Мне для чего хлеб-то нужен? сам, что ли, экую махину съем? в амбаре, что ли, я гнить его буду? В казну, сударь, в казну я его ставлю! Армию, сударь, хлебом продовольствую! А ну, как у меня из-за них, курицыных детей, хлеба не будет! Помирать, что ли, армии-то! По-твоему, это не бунт!» [11, с. 109–110]. И Дерунов, если не убедил, то напугал своей демагогией Рассказчика: «Признаюсь откровенно, я и не подумал возразить ему. Соображение, что, по милости мужиков, не соглашающихся взять настоящую цену, армии может встретить препятствие в продовольствии, было так решительно и притом так полно современности, что я даже сам испугался, каким образом оно прежде не пришло мне в голову. Конечно, я понимал, что и против такого капитального соображения не невозможны возражения, но, с другой стороны, что может произойти, если Осипу Ивановичу в моем скромно выраженном мнении вздумается заподозрить или „превратное толкование“, или наклонность к „распространению вредных идей“!» [11, с. 110].

Лицемерие – это искусство масок, в данном случае масок *речевых*, что требует от сатирика особой изобретательности. В комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» (1868) отражено начало «подлого» времени, потребовавшего беспринципных «новых людей». Выразительны слова Городулина в ответ на «идеи» Глумова: «Нам идеи что! Кто же их не имеет, таких идей! Слова, фразы очень хороши» [Островский, 1974, с. 32]. (Как известно, Щедрин продолжил биографию Глумова в произведениях «Современная идиллия», «В среде умеренности и аккуратности», «Письма к тетеньке».)

«Слова, фразы очень хороши!». В изобретении метких слов и фраз, используемых как в речи Рассказчика при описании «новых людей» (в указанном значении), так и в суждениях самих персонажей, Щедрин поистине неистощим. Много таких слов и выражений и в «Благонамеренных речах»: «пенкоснимательство» [11, с. 21]; «Все был „куроед“, а теперь – «„сердцевад“» [11, с. 116]; «Насчет вина – свободно, насчет чтений – строго!» [11, с. 120]; «дакающий человек» [11, с. 204]; «с одной стороны, должно сознаться, хотя, с другой стороны, нельзя не признаться» [11, с. 252]; «либерализм, как временный *modus vivendi*, в ожидании свободного пропуска к пирогу» [11, с. 267]; «Будь сатириком, но не касайся» [11, с. 371]; «двоегласие» [11, с. 386].

Мотив лицемерия в поведении персонажей, в сатирическом и одновременно юмористическом его освещении, сближает в семидесятые годы многих писателей, под несомненным воздействием «техники и мысли» Щедрина. Склоняло писателей к этому мотиву прежде всего изображаемое время, о котором Н. Д. Хвоцинская писала в повести «Счастливые люди» (1874): «... были времена хуже – подлее не бывало!» [Крестовский, 1912–1913, с. 434]. Н. А. Некрасов в поэме «Современники» перефразировал: «Я книгу взял, восстав от сна,/ И прочитал я в ней:/ „Бывали хуже времена,/ Но не было подлей“» [Некрасов, 1979, с. 245]. И писатели словно соревнуются, переключаясь друг с другом, развивая мотив лицемерия.

У Н. А. Некрасова в поэме «Современники» (1875–1876) предприниматель («плутоkrat») Савва Антихристов надевает маску народолюбия (прототип Саввы – В. А. Кокорев, бывший откупщик, учредитель Волжско-Камского банка). В начале своего «славного» пути он участвовал в «торжестве открытия канала», перерядившись в бурлака. А через много лет в дорогом петербургском ресторане поет вместе со Шкуриным (его прототип – железнодорожный магнат П. И. Губонин) бурлацкую песню, что «пел когда-то на канале». Эта песня – кульминация лицедейства в поэме:

Два-три подрядчика с дедушкой Саввой
В пение душу кладут;
Спой так певец – наградили бы славой!
За сердце звуки берут.
Что ж это, господи! всех задушевней
Шкурина голос звучит!
Веет лесами, рекою, деревней,
Русской истомой томит!
Все в это песне: тупое терпение,
Долгое рабство, укор.
Чуть и меня не привел в умиление
Этот разбойничий хор!..

[Некрасов, 1979, с. 296]

В письме к Некрасову от 31 января/12 февраля 1876 г. Салтыков писал автору: «... я могу, по первому впечатлению, сказать, что поэма поразила меня своею силою и правдою; например, картина Кокоревых, тянущих бечеву и с истинным трагизмом поющих бурлацкую песню (превосходную), производит поразительное действие. Описание оргии, спичи и лежащая на всем угрюмость – все это отлично задумано и отлично выполнено» [18-2, с. 255].

В «Благонамеренных речах» есть очерк «Тяжелый год» (впервые под другим названием он появился в № 5 «Отечественных записок» в 1874 г., но номер был запрещен и уничтожен, см.: [11, с. 620]). Действие отнесено к Крымской войне, и главная тема, поразившая еще Л. Н. Толстого (третий из «Севастопольских рассказов»), – казнокрадство. Управляющий палатой государственных имуществ в одном «опальном захолустье» [11, с. 451] Владимир Онуфриевич Удодов, сумевший оттеснить других претендентов на поставку для ополчения «всей хозяйственной части» [11, с. 466], напомнил Рассказчику «Ипполита Маркелыча Удушьева, о котором в таких восторженных выражениях отзывался Репетилов»: он «слишком охотно злоупотреблял „слезою“» [11, с. 462]. Особенно когда говорил о честности и любви к Отечеству. Как и новые магнаты в поэме Некрасова, персонаж Салтыкова очень любит русскую песню: «Спойте передо мной: „Je m'en fiche, je m'en moque“ <Мне дела нет, мне наплевать> – и вы найдете меня холодным. Но спойте „Не белы снеги“ или даже „Барыню“ – и я готов расплакаться. Почему? А именно потому, что тут есть что-то необъяснимое, загадочное» [11, с. 465].

Один из сквозных мотивов «Благонамеренных речей» – ни к чему не ведущие, праздные разговоры и споры, нисколько не влияющие на жизненную практику, например, бесконечные прения между «западником» Тебеньковым и «славянофилом» Плешивцевым в очерке «В дружеском кругу». Подобные споры пародируются не только Салтыковым, но и его современниками. В романе Тургенева «Новь» (1877) выразителен образ Сипягина – успешного бюрократа и карьериста, выступающего под маской «либерала», заботящегося о народе. Комична его речь, призванная примирить гостей, обедавших у него в имении, – консерватора Калломейцева, презирающего разночинцев (хотя его собственное дворянство весьма сомнительно), и народников Соломина с Неждановым:

«С одной стороны, он (Сипягин. – Л. Ч.) похвалил консерваторов, а с другой – одобрил либералов, отдавая сим последним некоторый преферанс и причисляя себя к их разряду; превознес народ – но указал на некоторые его слабые стороны; выразил полное доверие правительству – но спросил себя: исполняют ли все подчиненные его благие предначертания? Признал пользу и важность литературы, но объявил, что без крайней осторожности она не мыслима! Взглянул на запад: сперва порадовался – потом усомнился; взглянул на восток: сперва вздохнул – потом воспрянул! И, наконец, предложил выпить тост за процветание трюшвенного союза: Религии, Земледелия и Промышленности!

- Под эгидой власти! – строго прибавил Калломейцев.
- Под эгидой мудрой и снисходительной власти, – поправил его Сипягин» [Тургенев, 1982, с. 284].

Сипягин делает успешную карьеру, в эпилоге романа сообщается, что он уже тайный советник и камергер.

В 1870–1880-е гг., судя по переписке Тургенева с Салтыковым, происходит сближение писателей. «Благонамеренные речи» автор послал Тургеневу; в благодарственном письме от 17/29 сентября 1876 г. Тургенев сообщает, что заканчивает переписку романа «Новь» [Переписка И. С. Тургенева, 1986, с. 296]. Мотив маскарада в изображении высших чиновников, их игры в либерализм и народолюбие, вплоть до «русофильства», вообще сближает Салтыкова и автора «Нови». В письме к Салтыкову от 24 сентября / 6 октября 1882 г. Тургенев, только что прочитавший «Современную идиллию», пишет: «...прирожденная Вам *vis comica* <сила комизма> никогда не проявлялась с бóльшим блеском» [Переписка И. С. Тургенева, 1986, с. 304]. Сатира в сочетании с юмором великолепна и в романе «Новь» при изображении четы Сипягиных и Калломейцева.

В заключение упомянем еще об одной «благонамеренной речи», которую можно назвать пределом бессодержательности, претендующей на значительность. Это отрывок из речи министра (прототипом его считали и П. А. Валуева, и А. В. Головнина) из сюжетного стихотворения «Сон Попова» А. К. Толстого (1873). Показательна сама переключка между А. К. Толстым, по своему мировоззрению совсем не близким Салтыкову, в выборе мишени для комического изображения. Эта мишень – набор модной либеральной фразеологии, в которой тонет всякий смысл:

«... России предстоит,
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться, вид,
Который называется присущим
Всем временам; и, став на свой гранит,
Имущим, так сказать, и неимущим
Открыть родник взаимного труда.
Надеюсь, вам понятно, господа?»

[Толстой, 1963, с. 436].

Так что и Салтыков, и другие писатели, представившие в своих произведениях образцы «благонамеренных речей», часто сотрясавших воздух в семидесятые годы позапрошлого века, были виртуозами «по смешной части».

Литература

- Ауэр А. П. О природе символической образности в «Истории» Щедрина // «Шестидесятые годы» в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1985. – С. 59–66.
- Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. – М.: Гослитиздат, 1959. – 576 с.
- Капнист В. В. Ябеда // Русская драматургия XVIII века. – М.: Современник, 1986. – С. 322–444.
- Крестовский В. Счастливые люди // Крестовский-псевдоним В. Полное собрание сочинений: в 6 т. / Н. Д. Хвоцинская. Т. 4. – СПб.: А. А. Каптари, [1912–1913]. – С. 397–436.
- Михайловский Н. К. Щедрин // М. Е. Салтыков-Щедрин в русской критике. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 298–461.
- Некрасов Н. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. – М.: Правда, 1979. – С. 245–308.
- Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. – М.: Искусство, 1974. – С. 7–79.
- Переписка И. С. Тургенева: в 2 т. Т. 1. – М.: Худож. литература, 1986. – 608 с.
- Писарев Д. И. Сочинения: в 4 т. Т. 2. – М.: Гослитиздат, 1955. – 608 с.
- Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. – М.: Просвещение, 1971. – 272 с.
- Прозоров В. В. Салтыков-Щедрин. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.
- Соллогуб В. А. Чиновник // Русская драма эпохи А. Н. Островского. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 73–100.
- Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. – М.: Худож. литература, 1963. – С. 433–445.
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 9. – М.: Наука, 1982. – С. 133–389.

А. В. Белова¹

(Тверской государственный университет)

**М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
И «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В РОССИИ XIX ВЕКА**

Статья посвящена проблеме включенности М. Е. Салтыкова-Щедрина в общенациональную дискуссию 1860–1870-х гг. по «женскому вопросу». Опираясь на методы гендерной экспертизы и феминистской литературной критики текста, автор анализирует дискурсивную позицию писателя в очерке «По части женского вопроса». В результате делается вывод о невозможности идентификации отношения самого Салтыкова к «женскому вопросу» на основе данного текста ввиду особой стилистической манеры его письма, известной в современной Интернет-культуре как троллинг. При этом дискурсивная позиция очерка выявляет приверженность символическому порядку российского патриархата, высокомерие мужского «экспертного мнения», непризнание самооценности «женского вопроса», профанацию и дискредитацию женского вопроса через придание ему гендерного содержания, недооценку самостоятельности и созидательности женского движения, т. е. закрепляет мифологию традиционного гендерного контракта.

Ключевые слова: Салтыков-Щедрин, женский вопрос, новые женщины, троллинг, гендер, женская история, феминистская литературная критика.

A. V. Belova

(Tver State University)

**M. E. SALTYSKOV-SHCHEDRIN
AND „WOMEN’S ISSUE“ IN THE XIX CENTURY IN RUSSIA**

This paper deals with the problem of inclusion of M.E. Saltykov-Shchedrin in the national debate of 1860–70-ies years on „women’s issues“ in journalism and fiction. Based on the methods of gender expertise and feminist literary criticism of the text, the author analyzes the discursive position represented by the writer in the essay „On the part of women’s issues“. The author

¹ Белова Анна Валерьевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета; e-mail: belova_tver@rambler.ru.

concludes that it is impossible to identify the Saltykov attitude to „women’s issues“ on the basis of the text because of the special stylistic mannerisms of his letter, known in modern Internet culture as trolling. In this discursive position of the essay reveals the commitment of the symbolic order of the Russian Patriarchate, the arrogance of men „expert opinion“, the non-recognition of self-worth of the „women’s issue“, likening to seek to resolve the hoax, profanity and discrediting of women’s issues by giving it a gender content, underestimation of self-reliance and creativity of women’s movement. It establishes the mythology of the traditional gender contract.

Keywords: Saltykov-Shchedrin, women’s issue, new women, trolling, gender, women’s history, feminist literary criticism.

■ Дискуссии о женской эмансипации в России 1860–1870-х гг. стали своеобразной реакцией на изменение социально-исторической ситуации дворянства в условиях трансформации традиционного хозяйственно-бытового уклада и мировоззрения. В то же время они вписывались в общую полемику о статусе гражданина в отсутствие гражданского общества и закрепленных политических прав и свобод: «Я не жил в то время, а реял и трепетал при звуках: „гласность“, „устность“, „свобода слова“, „вольный труд“, „независимость суда“ и т. д., которыми был полон тогдашний воздух» [11, с. 253–254]. Эти ограничения распространялись при самодержавной форме правления на все без исключения социальные слои, возрастные, этнические и гендерные группы.

Между тем острота споров о «женском вопросе» свидетельствует об особой злободневности и актуальности темы. Политически бесправные представители мужской части общества получали своеобразную компенсацию, реализуя так называемую семейную власть, патриархатная природа которой полагалась незыблемой и нерелексируемой. В условиях структурного кризиса крепостнической экономики, неэффективности дворянского землевладения и методов управления хозяйством дворяне-мужчины воспринимали появление «новых женщин» как следствие переживаемой угрозы разорения, видя в них воплощение утраты жизненных «основ», покушение на символический миропорядок. Именно эту мысль о вынужденном принятии шаткости любых социальных устоев, кроме иерархии гендерных ролей в семье, выразил в качестве главной темы общенациональной дискуссии по проблеме женской эмансипации в публицистике и беллетристике М. Е. Салтыков-Щедрин в очерке «По части женского вопроса» (1872).

Включившись в эту дискуссию, писатель актуализовал разброс мнений в обществе. На основе этого текста невозможно установить отношение самого Салтыкова к «женскому вопросу» ввиду особой стилистической манеры его письма, известной в современной Интернет-культуре как троллинг. Троллинг означает намеренную провокацию в сетевом общении, предпринимаемую с целью привлечения внимания к проблеме или обострения дискуссии и столкновения дискурсивных позиций.

Провокативным было уже само обращение писателя к столь поляризующей общественное мнение теме. Воспроизводя «разноголосицу» светских гостиных, «взбудораженных» обсуждением «женского вопроса», Салтыков низводит полемику до уровня досужих пересудов, тем самым профанируя ее интеллектуальное содержание.

Один из векторов, отражающих часть общественных настроений, – пассивное ожидание разрешения женского вопроса «сверху», получения от верховной власти «разрешения» женщинам эмансипироваться: «...мне припоминались те „кабы позволили“ да „когда же наконец позволят“, которые в продолжение нескольких часов преследовали мой слух» [11, с. 259]. При этом, очевидно, частичное решение «сверху» означало бы снятие «женского вопроса» с повестки актуальных общественных ожиданий:

«– Но женский вопрос, ваше превосходительство...

Я сейчас же остановил бы возражательницу, сказав ей:

– Позвольте-с. Мы условились не выходить из пределов вопроса, подлежащего нашему обсуждению, а вопрос этот таков: предоставить женщинам посещать университетские курсы. Вы скажете, может быть, что кроме этого есть еще много других, не менее важных вопросов, – я знаю это, милостивые государыни! Я знаю, что вопросов существует больше, чем нужно! Но знаю также, что всякому вопросу свой черед – да-с! Впоследствии, идя постепенно, потихоньку да помаленьку, исподволь да не торопясь, мы, с божьею помощью, все их по очереди переберем, а быть может, по каждому издадим сто один том «Трудов», но теперь мы должны проникнуться убеждением, что нам следует глядеть в одну точку, а не во множество-с. Вы желаете посещать университетские курсы – я удовлетворил вашему желанию! затем я больше не имею причин вас задерживать, mesdames! Прощайте, и бог да просветит сердца ваши!

И только. В результате оказалось бы, что я позволил бы женщинам учиться, что допустил бы их в звание стенографисток и что в то же время, с божьею помощью, на долгое время эскамотировал

(франц. *escamoter* – незаметно снять. – А.Б.) „женский вопрос“!» [11, с. 263].

Доступ к университетскому образованию имел бы значение не сам по себе как часть общественной либерализации, а лишь как способ подмены полноценной борьбы за равноправие и признание социальной значимости женщин разовой ограниченной уступкой.

Очерк воспроизводит атмосферу эпохи – споры о высшем женском образовании, о возможности профессиональной деятельности, об обретении соответствующих компетенций, о реализующих иные мировоззренческие и ролевые установки «новых женщинах», таких как первая женщина-врач Надежда Прокофьевна Сулова: «Среди моря гула слух поражают фразы, скорее имеющие вид междометий, нежели фраз.

– Хоть бы позволили в Медико-хирургическую академию поступать! – восклицают одни.

– Хоть бы позволили университетские курсы слушать! – отзываются другие.

– Не доказали ли телеграфистки? – убеждают третьи.

– Наконец, кассирши на железных дорогах, наборщицы в типографиях, сиделицы в магазинах – все это не доказывает ли? – допрашивают четвертые.

И в заключение склонение: Сулова, Суловой, Сулову, о, Сулова! и т. д.» [11, с. 253].

Снижающую роль играет и уподобление поисков решения женского вопроса мистификации: «Мне казалось, что я целый вечер видел перед собой человека, который зашел в бесконечный, темный и извилистый коридор и ждет чуда, которое вывело бы его оттуда. С одной стороны, его терзает мысль: „А что, если мне всю жизнь суждено бродить по этому коридору?“ С другой – стремление увидеть свет само по себе так настоятельно, что оно, даже в виду полнейшей безнадежности, нет-нет да и подскажет: „А вот, погоди, упадут стены по обе стороны коридора, или снесет манием волшебства потолок, и тогда...“» [11, с. 259–260]. Это свидетельствует о недооценке самостоятельности и созидательности женского движения, активности женщин в решении насущных общественных проблем.

Главное опасение мужской части общества, выраженное Салтыковым, состояло в следующем: «Будут ли *они* усердны в исполнении лежащих на них обязанностей? – Конечно, будут, ибо не доказывают ли телеграфистки? Окажут ли себя способными охранять казенный интерес? – Конечно, окажут, ибо не доказывают ли кассирши на железных

дорогах?» [11, с. 260]. Тем самым названа причина недопуска женщин к профессиональной деятельности – сомнение в их лояльности государственным устоям и порядкам, в их способности преданно служить режиму, невзирая на моральные принципы, быть безропотным «винтиком» бюрократической машины. Исключенность женщин из мужской служебной иерархии мыслилась как один из атрибутов государственной системы.

Гипотетическая возможность допуска женщин к получению образования и профессиональной публичной деятельности выявляет необязательность этого эксперимента, сомнение в его результате, обесцененность женского времяпрепровождения: «Скажите, какой вред может произойти от того, что в Петербурге, а быть может, и в Москве, явится довольно компактная масса женщин, скромных, почтительных, усердных и блюдущих казенный интерес, женщин, которые, встречаясь друг с другом, вместо того чтоб восклицать: „Bonjour, chère mignonne! <здравствуйте, милочка!> какое вчера на princesse N. платье было!» – будут говорить: „А что, mesdames, не составить ли нам компанию для защиты мясниковского дела?“

Какая опасность может предостоять для общества от того, что женщины желают учиться, стремятся посещать Медико-хирургическую академию, слушать университетские курсы? Допустим даже самый невыгодный исход этого дела: что они *ничему* не научатся и потратят время *задаром* – все-таки спрашивается: кому от этого вред? Кто страдает от того, что они *задаром* проведут свое и без того даровое время?» [11, с. 260–261]. При этом предполагается, что лишь ограниченное количество женщин было бы заинтересовано в высшем образовании и трудоустройстве.

Женщины в очерке Салтыкова – это «они-группа», в терминах социологии У.Г. Самнера. Не только вышеприведенные цитаты тому свидетельство. В широком социальном смысле женщины-группа – «Другой» по отношению к мужчинам-группе. Это выражается и в уничижительных названиях – «нигилисточка», «дурочки», и во внешних характеристиках – «премиленькие», в описаниях женщин через оценку их внешних и голосовых данных: «И какие у них голоса – точь-в-точь как у актрис в Александринке! Тоненькие – вот как булавка! Послушай, например, как Паска говорит – вот это голос! А наши – ну, ни дать ни взять шавочки: ам-ам-ам!» [11, с. 259]. Подобная дискредитация женской личности и интеллекта была частью мужской картины мира XIX в.

На это же указывает и гендерное толкование женской образованности как разврата, уподобление развития интеллекта в ходе получе-

ния высшего образования телесной практике дефлорации, сакрализация мыслительной «невинности» женщин: «– Всѣ! и эта дерзкая назойливость <...> и это полупрезрительное отношение к авторитету благоразумия и опытности, и, наконец, это поругание всего, что есть для женщины драгоценного и святого! Всѣ!

– Над чем же поругание, однако ж?

– Над женским стыдом, сударь! Если ты не хочешь понимать этого, то я могу тебе объяснить: над женскою стыдливостью! над целомудрием женского чувства! над этим милым неведением, *ce je ne sais quoi, cette saveur de l'innocence* <этим едва уловимым ароматом невинности>, которые душистым ореолом окружают женщину! Вот над чем поругание!» [11, с. 264]. При этом важно заметить, что слово «женщина» употребляется в единственном числе, что указывает на мистификацию этого понятия, подмену жизненного опыта реальных исторических женщин идеальным представлением об абстрактном женском начале.

Апофеозом становится критика резонансной работы Дж. С. Милля «Подчиненность женщин» («The Subjection of Women», 1869), трижды переведенной на русский язык в 1869–1871 гг. и выдержавшей пять изданий: «„Подчиненность женщины... я говорю, подчиненность женщины... если, с другой стороны, мужчины... если, как говорит Милль, вековой деспотизм мужчин...“ *Au nom de Dieu!*

– Но скажи, где же все-таки тут неблагонамеренность?

– Это дерзость-с, а дерзость есть уже неблагонамеренность. „Женщина порабощена“! Женщина! этот живой фимиам! эта живая молитва человека к богу! Она – „порабощена“! Кто им это сказал? Кто позволил им это говорить?» [11, с. 266]. Реплика о том, что женщина есть «живая молитва человека к Богу», достойна стать формулой мужского шовинизма, выраженного одним из вопросов антропологии и историософии XIX в.: «человек ли женщина?» [Рябов, 2001, с. 34–36].

Трансформация женского вопроса в мужское представление о взаимодополнительности полов переходит в пасторальную идиллию:

«– Стало быть, ты просто-напросто не признаешь женского вопроса?

– Нет-с... то есть да-с, признаю-с. Но признаю совсем в другом смысле-с. Я говорю: женщина – это святыня, которой не должен касаться ни один нечистый помысел! Вот *мой* женский вопрос-с! И мужчина, и женщина – это, так сказать, двоица; это, как говорит поэт, „Лад и Лада“, которым суждено взаимно друг друга восполнять. Они гуляют

в тенистой роще и слушают пение соловья. Они бегают друг за другом, ловят друг друга – и наконец устают. Лада склоняет томно голову и говорит: „Reposons-nous!“ <отдохнем> Лад же отвечает: „Ce que femme veut, Dieu le veut“ <чего хочет женщина, то угодно богу> – и ведет ее *под* сень дерев... *A mon avis, toute la question est là!* <По-моему, в этом суть!>

– Да хорошо тебе говорить: „Ce que femme veut, Dieu le veut!“ Согласись, однако, что и пословицы не всегда говорят правду! Ведь для того, чтоб женщина действительно достигла, чего желает, ей нужно, даже при самых благоприятных условиях, лукавить и действовать исподтишка!> [11, с. 266]. Вместе с тем в диалоге заключена и крайне важная мысль о том, что женщины вынуждены скрывать свои истинные намерения и устремления для реализации собственных целей, которые отличаются от мужского идеала.

Попраание этого идеала полагается наиболее отчаянным крушением консервативных общественных устоев: «Они топтали в грязь авторитеты – и я молчал; они подрывали общественные основы – и я не противоречил. Я говорил себе: „Эти люди заблуждаются, но заблуждения – ведь это, наконец, в ведомстве князя Ивана Семеныча! Пусть он и вразумит их“ <...> Но женщина-с! Но брак-с! Но святость семейных уз-с! Это уж превосходит все! Женщина! эта святыня! это благоухание! этот кристалл! *Et l'on veut traîner tout ça dans la fange!* <И хотят тянуть все это в грязь!> В Медико-хирургическую академию!» [11, с. 267–268]. Мистификация женщины на фоне сохранения традиционных социальных институтов брака и семьи противоречит рационализации ее собственной картины мира и прагматическим жизненным установкам.

Наконец, высшей стадией дискурсивной профанации и дискредитации женского вопроса становится придание ему гендерного содержания: «Моя мать еще в тысяча восемьсот восемнадцатом году порешила с женским вопросом, выйдя, при живом муже, замуж за моего отца!» [11, с. 270].

Важно, что такая формулировка вложена в уста Тебенъкова, который озвучивает «квинтэссенцию» идей русского либерализма. Тем самым, выражаясь языком современной Интернет-культуры, писатель «троллит» либералов. Не случайно очерк «По части женского вопроса» вызвал неоднозначную реакцию прессы разной политической направленности и был воспринят как антилиберальный. Консерваторы едва ли не посчитали Салтыкова «своим», что означало успешность и эффективность его «троллинга».

Писатель выявляет и подлинные причины сопротивления решению «женского вопроса» в российском обществе: это и гендерный контракт кормильца, при котором женщина экономически зависима от мужчины, и стереотипные образы женственности и мужественности, опирающиеся на объектность женщины:

«– Они хотят извратить характер женщины <...>! Представь себе, что они достигнут своей цели, что все женщины вдруг разбредутся по академиям, по университетам, по окружным судам... что тогда будет? *Où sera le plaisir de la vie?* <в чем будет радость жизни?> Что станется с нами? с тобой, со мной, которые не можем существовать без того, чтоб не *баловать* женщину?»

Вопрос, предложенный Тебеньковым, несколько сконфузил меня. <...> В самом деле, что станется со мной, если женщины будут пристроены к занятию? Кого я буду баловать? Теперь, покуда женский вопрос еще находится на старом положении, я знаю, где мне „в минуту жизни грустную“ искать утешения. Когда мне горько жить, или просто когда мое сердце располагается к чувствительности, я ищу женского общества и знаю на верное, что там обрету забвение всех несносностей, которые отуманивают мое существование *ici bas* <здесь, на земле>. <...> Там я найду тот милый обман, то чудесное смешение идеального и реального, которого так жаждет душа моя и которого, конечно, не дадут никакие диспуты о прародителях человека. Там все уютно, все тепло; там и свет не режет глаз, и тени ложатся мягче, ровнее. И всего этого вдруг не будет? И на мой вопрос: „Дома ли Катерина Михайловна?“ – мне ответят: „Оне сегодня в окружном суде мясниковское дело защищают“?! Что со мной станется, когда все эти *petits riens* <маленькие мелочи> исчезнут, уступив место крикливым возгласам о фаллопиевых трубах и об околоплодной жидкости? Кого я буду баловать? Перед кем стану сжигать фимиам моего сердца? Кому буду дарить конфеты? Кого станут называть „*belle dame*“?» [11, с. 274–275].

Женщина предстает исключительно объектом мужского внимания, «балования» (заметим – не заботы). Причем не с целью доставить радость/удовольствие самой «балуемой», а развлечь «балователя», желающего отрешиться от окружающей социальной действительности. Выход женщин в публичное пространство, превращение в самостоятельных субъектов социальных действий лишали мужчин утешительного, в их понимании, женского частного/домашнего присутствия. Непривычность для мужчин новых социальных ролей, на которые претендовали женщины, необходимость смены модели поведения – общение на равных с личностью, с компетентным

в том или ином аспекте профессионалом – делали неприемлемой для мужской части общества корректную постановку «женского вопроса» и его продуктивное обсуждение. Смена типа женственности дезориентировала большинство мужчин, которые просто не понимали, как вести себя в новой гендерной коммуникации. Вместе с тем, как мне уже доводилось отмечать ранее, «некоторым современникам-мужчинам казался „привлекательным“ новый „тип серьезной и деловой девушки“, который „в обществе народился“, однако появление этого типа требовало от них выработки новой модели поведения по отношению к таким женщинам, в том числе и речевого» [Белова, 2007, с. 7]. А. Г. Достоевская приводила в воспоминаниях соответствующие слова своего мужа: «– В первое твое посещение <...> меня поразил такт, с которым ты себя держала, твое серьезное, почти суровое обращение. Я подумал: какой привлекательный тип серьезной и деловой девушки! И я порадовался, что он у нас в обществе народился. Я как-то нечаянно сказал неловкое слово, и ты так на меня посмотрела, что я стал взвешивать свои выражения, боясь тебя оскорбить» [Достоевская, 2002, с. 64].

Трудно сказать, насколько М. Е. Салтыков-Щедрин отдавал себе отчет в необходимости разнообразного репертуара женственности, мог ли применить к себе иной тип взаимоотношений в браке, помыслить категорию «женщина» с новым смысловым наполнением. Между тем его писательский барометр чутко реагировал на изменения общественных настроений, повышение давления на общественное мнение набирающих силу процессов женской эмансипации. Найденный писателем стилистический прием конфликтного столкновения крайних противоречащих точек зрения, эпатазирующего провоцирования принимающих все за чистую монету непримиримых оппонентов станет спустя неполных полтора столетия ведущим элементом виртуального общения, анонимной Интернет-коммуникации. Потешался ли Салтыков над спорящими до исступления сторонами, находясь над схваткой? Не ответить с определенностью¹.

¹ Об отношении писателя к «женскому вопросу», в частности к проблеме женского профессионального образования, может свидетельствовать фрагмент из биографического очерка С. Н. Кривенко о Салтыкове, который вспоминает, что писатель рассказывал много смешного об одной фельдшерице, отправившейся по предложению земства на борьбу с сифилисом, при этом биограф замечает: «...но зная, что этот факт частный и боясь, что им могут воспользоваться противники женского образования, – и не подумал смеяться над ним печатно» [Кривенко, 1891, с. 107] (ред.).

Несмотря на то, что Салтыков оказал влияние на участниц женского движения (в частности на Анну Николаевну Энгельгардт), он в полной мере, что называется, «мужской автор». Проанализированная с опорой на методы гендерной экспертизы и феминистской литературной критики текста дискурсивная позиция очерка выявляет приверженность символическому порядку российского патриархата, а именно: высокомерие мужского экспертного мнения, непризнание самоценности «женского вопроса», уподобление поисков его решения мистификации, профанацию и дискредитацию женского вопроса через придание ему гендерного содержания, недооценку самостоятельности и созидательности женского движения и закрепляет мифологию традиционного гендерного контракта. Писатель, безусловно, воспринимает женскую эмансипацию сквозь призму критики общественного состояния, вероятно, даже относит асимметрию гендерных отношений к изъянам российской цивилизационной модели, однако неприятие их несовершенства остается без предложений и рецептов социального переустройства.

Литература

- Белова А. В. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII – первая половина XIX вв.) // Новый исторический вестник. – 2007. – № 2 (16). – С. 3–18.
- Достоевская А. Г. Воспоминания. – М.: Захаров, 2002. – 400 с.
- Кривенко С. Н. М. Е. Салтыков. Его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1891. – 114 с.
- Рябов О. В. «Человек ли женщина?». Русская антропология XIX – начала XX века в контексте исторических поисков национальной идентичности // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 34–36.

М. В. Строганов¹

(Московский государственный университет
дизайна и технологии)

**САЛТЫКОВ И ОФФЕНБАХ:
К ИСТОРИИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА²**

М.Е. Салтыков был очень внимателен к новым явлениям в искусстве и обществе, но массовое искусство он не признавал, видя в нем упадок культуры. Оффенбаха, который изобразил «разложение основ» жизни и назвал легчайший рецепт избавления от разложения – забвение «основ», Салтыков оценивал как самое яркое выражение общественных настроений во Франции периода Второй Империи. Сюжет оперетты «Перикола» он использовал в романе «Господа Головлевы». Сопоставление салтыковских оценок с последующим бытованием оперетты как жанра, и оперетт Оффенбаха в частности, помогает понять современные процессы в массовой культуре.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков, Ж. Оффенбах, оперетта, «Господа Головлевы», массовая культура.

M. V. Stroganov

(Moscow State University of Design and Technology)

**SALTYKOV AND OFFENBACH:
REVITISING THE HISTORY
OF THE MASS CULTURE IN XIX CENTURY**

M. E. Saltykov-Shchedrin paid a great attention to the new phenomenon in the art and in the social life. Nevertheless, he did not recognize mass culture since he saw it only as the decline of art and culture. Offenbach, which pictured the „decay of the fundamentals“ of the life and which pointed the simplest way of rescue from this decay – neglect of the „fundamentals“, was regarded by Saltykov as the brightest expression of the social attitude of France in the period of the Second Empire. The plot of the opera bouffe

¹ Строганов Михаил Викторович, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета дизайна и технологии (Институт славянской культуры); mistro@rambler.ru.

² Исследование выполнено по гранту РГНФ (проект № 15-04-00389).

„La Périchole“ was used by the writer in the „Gospoda Golovlyovy“. Comparison between the Saltykov’s appraisal and the exist of operetta as genre as well as of the Offenbach’s operettas support the study of the modern trends in the mass literature.

Keywords: M. E. Saltykov-Shchedrin, Jacques Offenbach operetta, „Gospoda Golovlyovy“, mass culture.

■ М. Е. Салтыков был «идеалистом», то есть действовал всегда из дальних перспективных соображений и побуждений и требовал того же от других. Вместе с тем его отношение к текущей современности определялось не столько большой исторической перспективой, сколько политическими условиями настоящего. В силу этого его оценки художественных (в том числе и музыкальных) произведений были достаточно ригористичны и даже архаичны. Литература вопроса очень невелика; см., в частности: [Борисов, 1988, с. 107]. И однако редко кто из русских писателей так тщательно фиксировал все новое, что появлялось в искусстве и обществе. Массовое искусство Салтыков не признавал, поэтому и в эстрадной песне, и в легком музыкальном театре, и в новых жанрах народной песни (жестокое романсы) он видел важнейший «признак времени» – упадок культуры. А поскольку он умел поставить каждое лыко в строку, постольку его анализы процессов современной ему музыкальной культуры глубоки и основательны. Учитывая это, современные исследователи должны внимательно присмотреться к его оценкам массовой культуры для понимания текущих явлений. В данной статье мы рассмотрим отношение Салтыкова к Оффенбаху, а вместе с тем – к легкому музыкальному театру, к оперетте, фактическим зачинателем и лидером которой Оффенбах и был.

Оффенбах мало известен в современной России, аутентичных постановок его оперетт просто не существует. Известные переделки обычно столь далеки от оригинала, что судить по ним о творчестве Оффенбаха невозможно; два исключения (но не полные соответствия оригиналам) – фильмы-оперетты «Прекрасная Елена» (Лентелефильм, 1986, сценарий Кима Рыжова) и «Званный ужин с итальянцами» (Свердловское телевидение, 1970). Прекрасные и в большей степени аутентичные французские и немецкие спектакли по опереттам Оффенбаха практически недоступны зрителю, не владеющему иностранными языками, так как имеющиеся в Интернете записи их бытуют без переводных титров, а краткие либретто оперетт не позволяют следить за перипетиями сюжета. Да и вообще в современном мире оперетта отодвинута на второй план культурной жизни.

В настоящей статье мы рассмотрим несколько аспектов темы, привлекая помимо основного материала сведения об опереточных актрисах и эстрадных певицах, которые играли в опереттах Оффенбаха и пели шансонетки из них.

1. Вторая Империя и опереточный стиль

Родившийся в 1819 г. в еврейской семье в Германии, Жак Оффенбах с 1833 г. жил и работал в Париже. Поэтому во время франко-прусской войны (1870) французские газеты обвиняли Оффенбаха в симпатиях к Германии, а немецкие – в предательстве. В 1839 г. Оффенбах поставил свой первый водевиль в театре Пале-Рояль, в 1855 г. открыл театр Буфф-Паризьен; его небольшие оперетты имели шумный успех. У. Теккерей сказал: «Если в сегодняшнем французском театре что-нибудь имеет будущее, то это Оффенбах» [цит. по: Владимирская, 1975, с. 27–28]. В 1858 г. Буфф-Паризьен получил право ставить большие пьесы, и первым таким спектаклем стал «Орфей в аду». Вершины успеха Оффенбах достиг в 1867 г., когда во время Всемирной выставки в Париже триумфально состоялись премьеры «Парижской жизни» и «Великой герцогини Герольштейнской». В опереттах Оффенбаха отразилась идеология Второй империи, Франции Наполеона III [Кракауэр 2000]. Можно в равной степени обоснованно говорить как о том, что Оффенбах был зеркалом легкомысленного и поверхностного отношения Второй империи ко всем ценностям социальной жизни (семья, собственность, государство), так и о том, что он критиковал (пусть достаточно поверхностно) это отношение. Когда после войны Оффенбах вернулся в Париж (1871), его обвинили в насаждении аморализма, подрыве национальной идеи, высмеивании монархии, религии, армии, что якобы способствовало поражению Франции. С падением Второй империи пала его слава. В 1875 г. в Париже Оффенбах был вынужден объявить себя банкротом, хотя в 1876 г. с огромным успехом гастролировал в Северной Америке.

Салтыков определил связь Оффенбаха с империей Наполеона III в очерке «Предостережение» (1879, цикл «Убежище Монрепо»): «У всех на памяти, как ловко подняла, в тридцатых годах, знамя семейственности и домашнего очага западноевропейская буржуазия и как крепко она держалась за него, пока вечно достойная памяти Наполеон III, при содействии Оффенбаха, Шнейдерши и нынешней неутешной вдовы, не увлек ее в сторону милой безделицы» [13, с. 402]. Здесь «милой безделицей» называется адюльтерно-эротическая тематика.

Но ценности социальной жизни (семья, собственность, государство) разрушались не только в буржуазной Франции. Аналогичное явление Салтыков обнаруживает и в современной России. В первоначальном варианте VII главы романа «Современная идиллия» называется родословная Очищенного, «коренная, древняя фамилия» которого была «не Очищенный, а Гадюк». «Насчет родопроисхождения Гадюков» рассказчик сообщает «два предания», одно из которых «сложилось на лоне московской исторической школы». Согласно этому преданию, «первый Гадюк был новгородский благонамеренный человек, прежде других возымевший мысль о призвании варягов; причем самое это призвание совершилось в таких обстоятельствах, которые подали маститому московскому историку мысль поставить, совместно с Оффенбахом, на сцену оперетку, под названием „Вещий сон Рюрика“; однако ж предприятие это не было приведено к концу „за неблаговременностью и опасением потрясений“» [15-1, с. 335]. Сюжеты оперетт Оффенбаха нередко принадлежат мифологическому, сказочному прошлому («Орфей», «Женевьева Брабантская», «Парисов суд», «Синяя борода», «Трапезундская невеста»), так что Салтыков вполне закономерно сочиняет союз французского опереточного композитора и «маститого московского историка».

Легкомысленное, поверхностное отношение к ценностям социальной жизни естественно влекло к оперетте Оффенбаха. В романе «Дневник провинциала в Петербурге» (1872) герой посещает литературное общество, одним из лидеров которого является художественный критик Неуважай-Корыто (в этом образе комментаторы справедливо видят намеки на В. В. Стасова). Неуважай-Корыто сначала хотел избавиться от общества провинциала «и, как бы желая дать мне почувствовать, что аудиенция кончилась, запел:

Парис преле-е-стный,
Судья изве-е-стный!

Но сейчас же вспомнил, что оффенбаховская музыка не к лицу такой серьезной птице, как дятел, и затынул из „Каменного Гостя“:

Ведь я не го!
Сударственный преступник!»

[10, с. 409].

Неуважай-Корыто сначала цитирует русский перевод оперетты, сделанный В. А. Крыловым:

Елена

Парис прелестный,
Судья известный –
Пред нами здесь.

Хор

Судья богинь пред нами!

[Прекрасная Елена, 1895, с. 40].

Этот эпизод отсутствует во французском оригинале оперетты А. Мельяка и Л. Галеви; ср.: [Offenbach, 2003a, p. 16–17].

А потом Неуважай-Корыто цитирует реплику дона Гуана из первой сцены оперы А. С. Даргомыжского «Каменный гость». Ср. также другую критическую оценку этого эпизода: [Курочкин, 1872, с. 398]. Эта цитата не вполне точно передает реплику дона Гуана, в которой композитор стремился средствами речитатива воспроизвести интонации живой речи. Если графически передавать текст этой реплики так, как она исполняется в опере, то должно получиться следующее: «Ведь я не го-су-дарственный преступник!», то есть начало слова было разбито на два слога. Но именно так же, с разбивкой на дополнительные слоги (как бы бляение) передана и реплика Елены из оперетты Оффенбаха. Это сообщает тексту неожиданный комический эффект: получается, что Салтыков не противопоставляет Оффенбаха и Даргомыжского, а сближает их.

Но в данном эпизоде Неуважай-Корыто спонтанно выразил свой интерес к Оффенбаху. Несколько позднее он открыто признается в том, что предпочитает его композиторам «Могучей кучки»: «Знаете ли вы, <... > что я боготворю Оффенбаха! Оффенбах – да ведь это само отрицание! А между тем я вынужден защищать Даргомыжского и Кюи – не горько ли это?» [10, с. 422]. Оперетта Оффенбаха, которая девальвировала ценности семьи, собственности, государства, – «само отрицание». Введением разговорного, бытового начала она отрицала «большую оперу». Но тем же путем следовали композиторы «Могучей кучки», хотя и в рамках классических жанров. Следует учитывать, что Даргомыжский умер в 1869 г., и премьера «Каменного гостя» состоялась в Мариинском театре Петербурга 16 февраля 1872 г., в соответствии с желанием покойного клавир оперы дописал по авторским эскизам Ц. А. Кюи, а оркестровал Н. А. Римский-Корсаков. Именно это объясняет появление имени Кюи в признании Неуважай-Корыто.

Таковы обобщенные характеристики Оффенбаха у Салтыкова. Все остальные высказывания связаны с конкретными произведениями.

Оффенбах создал около ста музыкальных спектаклей (мы их теперь называем все опереттами, но сам композитор использовал более сложную номенклатуру названий), и многие из них шли в России. Но Салтыков упоминает только шесть: «Орфей в аду» (1858), «Прекрасная Елена» (1864), «Синяя Борода» (1866), «Великая герцогиня Герольштейнская» (1867), «Перикола» (1868), «Разбойники» (1869). Четыре из них – «Прекрасная Елена», «Синяя Борода», «Великая герцогиня Герольштейнская» и «Перикола» – были в репертуаре Гортензии Шнейдер во время ее гастролей в Петербурге в 1871–1872 гг. [см.: Строганов, в печати, а]. Однако эти оперетты Оффенбаха (и другие, не упоминаемые Салтыковым) постоянно шли в Петербурге, Москве и провинции [История, 1980, с. 412–537 (Репертуарная сводка)]. Либретто всех этих оперетт написали Л. Галеви и А. Мельяк; только для «Орфея в аду» Галеви писал либретто вместе с Г. Кремье. Именно трио Оффенбаха, Галеви и Мельяка создало то, что стали называть опереточным стилем: легкость построения вещи, легкость игры, легкость отношения к жизни, легкость поведения, легкость решения частных и социальных проблем, легкость мыслей необыкновенную.

В этом отношении очень показательны характеристики, которые Салтыков давал оперетте «Разбойники» (*Les Brigands*). Он упоминает ее только в «Дневнике провинциала в Петербурге». Здесь журналист Менаандр Прелестнов знакомит провинциала с «Союзом Пенкоснимателей», и тот строит предположения: «И что это за банда такая?! настоящая ли разбойничья, или так, вроде оффенбаховской, при которой Менаандр разыгрывает роль Фальзакапы?!» [10, с. 389]. Познакомившись с «Союзом пенкоснимателей», рассказчик недоумевает: «... это банда оффенбаховских разбойников, давшая клятву накидываться и скалить зубы на всех, кто к ней не принадлежит?» [10, с. 410–411]. В оперетте «Разбойники» Эрнесто Фальзакаппа, главарь банды, изображен с большой долей комизма, как, впрочем, и вся банда. Поэтому зритель, настроенный на серьезное, внежанровое восприятие разбойников, недоумевает: как такие разбойники могли кого-то грабить и жить разбоем? А читатель Салтыкова понимает, что «Союз пенкоснимателей» – это всего лишь опереточное общество, столь же тайное и страшное, что и «разбойники» Оффенбаха. Либретто «Разбойников» в переводе В. С. Курочкина, видимо, не было опубликовано [История, 1980, с. 504].

Позднее герой «Дневника провинциала в Петербурге» отчитывается: «В течение полугода я испытал все разнообразие петербургской жизни: я был в воронинских банях, слушал Шнейдершу, Патти, Бланш

Вилэн, ходил в заседания суда, посетил всевозможные трактиры, бывал на публицистических и других раутах, присутствовал при защите педагогических рефератов, видел в „Птичках певчих“ Монахова и в „Fanny Lear“ Паску, заседал в Публичной библиотеке и осмотрел монументы столицы...» [10, с. 440]. Под названием «Птички певчие» в Александрийском театре с 1870 г. шла оперетта Оффенбаха «Перикола», и популярный куплетист и актер И. И. Монахов играл в ней. Премьера драмы «Fanny Lear» (Фанни Лир, 1868) Мельяка и Галеви состоялась в Михайловском театре 9 сентября 1871 г. в бенефис актера А.-Э. Дьёдонне, который исполнял и роль Париса в «Прекрасной Елене» (премьера 9 апреля 1866 г.). В премьере «Fanny Lear» участвовала французская актриса М.-А. Паска (см. о ней: [Боборыкин, 1871, с. 72–74]).

Посещать оперетты Оффенбаха, «слушать Шнейдершу» – такой обязательный минимум «благонамеренного» человека. Не посещать оперетты Оффенбаха, не «слушать Шнейдершу» недопустимо. И провинциала, недавно приехавшего в Петербург, местные жители решительно осуждают: «Ты не видал Шнейдер! чудак! Чего же ты ждешь! Желал бы я знать, зачем ты приехал! Boulotte... да ведь это перл! Comme elle se gratte les hanches et les jambes... sapristi! <Как она чешет себе бедра и ноги... черт побери!> И он не видел! <...> Ты не видал Шнейдер! – Он не слышал „Dites-lui“! <Скажите ему> – Eh Boulotte donc! Comme elle se gratte les hanches et les jambes... cette fille! Barbare... va! <И даже Бюлотты! Ах, черт побери! Как она чешет себе бедра и ноги... эта девушка! Варвар!> <...> У нас ложа на все пятнадцать представлений, и хотя нас четверо, но для тебя, pour te desinfecter de ta chere ville natale... <чтобы очистить тебя от твоего милого родного города> мы потеснимся. <...> А теперь, messieurs, обедать, но за обедом, чур, много вина не пить! Помните, что сегодня идет „Barbe Bleue“, а чтоб эту пьесу просмаковать, нужно, чтоб голова была светла да и светла!» [10, с. 282]).

Речь идет об оперетте «Синяя борода» и главной ее героине Boulotte, Бюлотте. Петербургские зрители видят и ценят внешние, телесные приемы игры Шнейдер, рассчитанные на публику, ориентированную на эротическое восприятие театрального действия. Музыкальный, словесный, сценический текст не интересуют обывателя. Все сводится к примитивному эротизму. Точно так же воспринимается и оперетта «La grande Duchesse de Gerolstein» (Великая герцогиня Герольштейнская), которая в России шла под названием «Le sabre de mon père» (Сабля моего отца). Когда герой знакомится с «проектами» «об упразднении и уничтожении», «одни названия» наводят на него

«какие-то необыкновенно тоскливые мысли», от которых он «не мог отделаться ни насвистыванием арий из „Герцогини Герольштейнской“, ни припоминанием особенно характерных эпизодов из последних наших трактирных походов, ни даже закусыванием соленого огурца ...» [10, с. 319–320].

«Герцогиня Герольштейнская» трактуется как «чепуха без начала, без конца, без середины» [10, с. 287], что в известной мере справедливо, поскольку ее сюжет построен весьма произвольно. Но петербургские почитатели Шнейдер постоянно вспоминают арию герцогини, когда она соблазняет Фрица [10, с. 282, 285, 286]. Салтыков использует эту арию и в очерке «Превращение» (1875, «Благонамеренные речи»): «Помните, Шнейдер в „Dites lui“ вот это... масло! Нет, воля твоя! мне в „Буфф“ добродетели не нужно! Добродетель – я ее уважаю, это опора, это, так сказать, основание... je n'ai rien a dire contra cela! <мне нечего возразить!> Но в „Буфф“...» [11, с. 155].

Вот текст столь популярного рондо «Dites-lui» (действие II, сцена 5):

Dites-lui qu'on l'a remarqué
Distingué
Dites-lui qu'on le trouve aimable
Dites-lui que s'il le voulait
On ne sait
De quoi l'on ne serait capable!
Oh! s'il lui plaisait d'ajouter
Des fleurs aux palmes de la gloire
Qu'il pourrait vite remporter,
Ce vainqueur! une autre victoire!
Dites-lui que, quand je l'ai vu
Il m'a plu!

Dites-lui que j'en perds la tête!
Dites-lui qu'il m'occupe tant,
Le brigand,
Tant et tant que j'en deviens bête!
Hélas! Ce fut instantané:
Dès qu'il a paru, tout mon être,
A lui tout mon cœur s'est donné!
J'ai senti que j'avais un maître!

Ah! dites-lui que s'il ne veut pas
Mon trépas
Dites-lui (je parle pour elle)
Dites-lui qu'il répondras: oui

Dites-lui
Que je l'aime et que je suis belle!
(après un temps)
Eh bien! Eh bien! réponds-moi maintenant

[Offenbach, 20036, p. 26]¹.

Признание герцогини перед Фрицем в своей любви звучит в целом весьма невинно. Но исполнение его (особенно по меркам того времени) вызывало отторжение. А. С. Суворин, который старался быть объективным, писал, что игра Шнейдер граничит с порнографией: «Я удивлялся равнодушию, с каким смотрела публика на актрису в этой картине, где Шнейдер доставляет почти безукоризненное, если можно так выразиться, эстетическое удовольствие; публика просыпалась только при грубоватых штрихах, при канканных движениях, при шаловливости, выходящей из границ. Зато во второй картине публика ревела от восторга, от низу до верху, от фраков до чуек. Тут герцогиня желает соблазнить упомянутого Фрица, а Фриц ничего не понимает. Она поет арию „Dites lui“, исполненную вакхических движений совершенно разнузданной женской природы, и потом сажает его с собою и с ним заигрывает. Все это исполняется г-жею Шнейдер прекрасно, если хотите, но тут можно и отвернуться, и уйти из театра, чтоб не портить прежнее впечатление, чтоб не прибегать к сравнению с разными актрисами, которые только в подобных положениях и выказывают некоторую сценическую бойкость, действуя на инстинкты не совсем эстетические. <...> Даже такая художественная передача их, как у Шнейдер, по моему мнению, не совсем идет к сцене уж потому, что порождает подражательниц дюжинных, не имеющих ничего общего с искусством, и игра которых также омерзительна, как соблазнительные картинки, не допущенные к продаже» [Суворин, 1914, с. 392–393]. О популярности арии «Dites lui» свидетельствовал

¹ Ср. перевод: Скажите ему, что на него обратили внимание и заметили; Скажите ему, что его нашли любезным! Скажите ему, что, если б он этого хотел, неизвестно, на что все были бы способны! О, если бы он желал добавить цветы в венки славы, То он смог бы быстро одержать еще одну победу, этот победитель! Скажите ему, что он мне понравился с первого взгляда! // Скажите ему, что я теряю голову! Скажите ему, что он, разбойник, меня захватывает так, Что я от этого глупею! Увы! Это был всего лишь миг: Как только он появился, все мое существо И все мое сердце было отдано ему! Я почувствовала, что он мой господин! // Скажите ему, что если он не хочет моей смерти, Скажите ему (я прошу за нее), Скажите ему, чтобы он ответил «да». Скажите ему, что я его люблю и что я красива. (через некоторое время) Так ответь же мне сейчас!

и С. Н. Худеков (см.: [Ланской, 1970. С. 736]). Текст арии перепечатан в песеннике: [Каскадный мир, 1873, с. 222–223]. Судя по всему, ария «Dites-lui» была исключительно популярна. Исполняя ее, Шнейдер, видимо, сознательно потрафляла вкусам публики, что и вызывало отрицательные оценки: «Если б г-жа Шнейдер не подчинялась грубым инстинктам толпы, требующей резких штрихов, она передала бы эту часть своей роли еще лучше и стройнее; талант ее так оригинален, так богат и свеж, что она могла бы возвышаться до удивительного творчества; но тогда, увы, она не пользовалась бы и половиною своей известности и не привлекала бы массы зрителей» [Суворин, 1914, с. 392].

Гораздо меньший интерес вызывала у Салтыкова оперетта «Орфей в аду» (1858), которой началась полоса шедевров Оффенбаха. В ней критика общественного устройства сочеталась с легкостью, которую была принципом оффенбаховского стиля. Салтыков упомянул эту оперетту лишь в «Дневнике провинциала в Петербурге», и то довольно туманно: «... в крепостном праве Петр Иваныч потерял свою Эвридику. Он потерял ее в ту самую пору, когда чувствовал себя в полном соку, когда ни один физикат в целом мире не нашел бы в нем ни малейшей погрешности, которая бы свидетельствовала о его несостоятельности. Мог ли он позабыть это! И вот, как только он убедился, что время не остановило течения своего, он тотчас же, подобно Орфею, бросился отыскивать свою Эвридику и в преисподнюю, и на Олимп. И долгое время пел он свои чарующие песни, пел их и посреди истопников айда, и в передних небожителей, покуда наконец допелся-таки своего...» [10, с. 534]. Комментаторы считают, что здесь говорится об опере Г. В. Глюка «Орфей и Эвридика» (1762), в которой ария Орфея начинается словами «потерял я Эвридику» [10, с. 795]. Но Салтыков пишет, что Орфей ищет Эвридику и в преисподней, и на Олимпе, что прямо указывает на оперетту Оффенбаха, так как у Глюка действие разворачивается в Элизии. А музыкальную цитату «потерял я Эвридику» из оперы Глюка использовал и Оффенбах в своей оперетте. У Салтыкова бывший крепостник ищет утраченное благо, как Орфей искал свою Эвридику. По сюжету и пафосу это напоминает скорее Глюка и древнегреческую мифологию, по насмешке и упоминанию Олимпа это явный кивок в сторону Оффенбаха.

2. «Прекрасная Елена», бельелинисты и «основы» жизни

Итак, Оффенбах составил целую эпоху в русской жизни. Он не только изобразил «разложение основ», но и назвал легчайший рецепт избавления от него – забвение самих «основ». В этой части на-

шего рассказа мы обратимся к самой популярной его оперетте «Прекрасная Елена».

В очерке «Легковесные» (1868, «Признаки времени») Салтыков описал «легковесных публицистов, легковесных романистов, легковесных администраторов, легковесных экономистов, моралистов, финансистов»: «Загляните в Михайловский театр во время представления „La Belle Hélène“ – как они стонут, как плещут руками, как визжат при малейшем неосторожном движении, обнажающем корпус г-жи Девериа! Кто эти „они“? Это они, это строители нашего будущего! [7, с. 52, 53–54]; ср. раннюю редакцию очерка: [7, с. 499, 500]. «Прекрасная Елена» шла на сцене Михайловского театра с 1866 г., и французская актриса Огюстина Девериа играла заглавную роль с «беззастенчивостью, свойственной чистокровной парижской кокошке» [Толстой, 1868, с. 343]. В ранней редакции очерка Салтыков добавлял: «Чтобы сделать свое торжество прочным, „легковесным“ следует только быть скромными. У них есть „Belle Hélène“, есть танцклассы, есть канкан – чего еще нужно? Они могут наслаждаться этими благами на всей своей воле, – и конечно, никто не посягнет на их наслаждения, никто не заметит их» [7, с. 509].

Потом «зрелище канканирующей „Belle Hélène“» [7, с. 65] упоминается в очерке «Литературное положение» (1868, «Признаки времени»), потом в очерке «Зиждитель» (1874, «Помпадур и помпадурши») [8. С. 214];), в «Истории одного города» [8. С. 377], в рецензиях на спектакли Александринского театра, где оперетта шла в русском переводе. В рецензии на комедию И. В. Самарина «Перемелется – мука будет» Салтыков назвал «Прекрасную Елену» «примирительной пьесой, на которой, по-видимому, должны сойтись все партии, как литературные, так и политические!» [9, с. 281]. А по поводу комедии М. В. Авдеева «Мещанская семья» в Александринском театре он писал: «... когда бы мы ни заглянули в театр, мы ни под каким видом не разминемся либо с „Пробным камнем“, либо с „Фролом Скобеевым“, либо с „Прекрасной Еленой“. Этот факт сам по себе достаточно обременителен, чтобы поговорить о нем. И в самый этот вечер, когда шла „Мещанская семья“, все-таки не обошлось без „Прекрасной Елены“; хоть один акт, а дали. И надо было видеть, какое было написано уныние, чуть не омерзение, на лицах актеров, исполнявших этот несчастный первый акт. Пожалеем их, читатель; вспомним, что в ту минуту, когда я дописываю эти строки, „Прекрасная Елена“ выдерживает тридцатое представление, независимо от тех, которые были даны в бенефисы. И это в продолжение каких-нибудь двух месяцев с половиной!» [9, с. 318]. Тридцатое

представление «Прекрасной Елены» состоялось 21 января 1869 г., на четвертый день после премьеры «Мещанской семьи». Оперетта Оффенбаха стала повседневностью петербургского быта.

Мы пока не различали французскую и русскую версии, хотя, как мы вскоре увидим, героини «Господ Головлевых» играли Оффенбаха по-русски, поскольку их провинциальные зрители не знали французского языка. Теперь, следуя за Салтыковым, мы должны разграничить французского и нижегородского Оффенбахов. В романе «Господа Головлевы» Петенька сообщает своим кузинам о «мамзель Лотар», которая в «Прекрасной Елене» играет: «А как она: *cas-ca-ader, sa-as-ca-der* выделывает... прелесть!» – Одна из кузин возражает: «У нас давеча доктор все „кувырком“ пел». И Петенька отвечает: «„Кувырком“ – это покойная Лядова... вот, кузина, прелесть-то была! Когда умерла, так тысячи две человек за гробом шли... думали, что революция будет!» [13, с. 83–84].

Герои обсуждают арию из 3-й сцены 2-го действия, где Елена долго смотрит на картину, представляющую ее мать и отца – Леду и лебедя, в которого превратился Зевс, чтобы овладеть Ледой, и говорит, что чувствует себя перед этой картиной в кругу семьи. Она понимает, что с нею случится неизбежное, как и с ее матерью, и обращается к богине любви Венере: «... не могла ты найти для этого пастуха вознаграждение менее игривое? Почему, ну почему, богиня, ты выбрала нашу семью, чтобы делать свои опыты?» После этого следуют куплеты Елены:

Nous naissons toutes soucieuses
De garder l'honneur de l'époux
Mais des circonstances fâcheuses
Nous font mal tourner malgré nous.
Témoin l'exemple de ma mère
Quand elle vit l'oiseau vainqueur le cygne altier
Qui, chacun le sait, fut mon père
Pouvait-elle craindre un malheur? se méfier?
Dis-moi, Vénus, quel plaisir trouves-tu
A faire ainsi cascader la vertu

[Offenbach, 2003a, p. 19]¹.

¹ Перевод: Мы все рождаемся заботящимися о чести супруга, Но злой рок заставляет нас действовать против нашей воли. Об этом свидетельствует пример моей матери. Когда она увидела птицу-победителя, высокомерного лебедя, который (каждый это знает) был моим отцом, – могла ли она бояться несчастья? остерегаться? Скажи, Венера, какое удовольствие находишь ты, разрушая добродетель, заставляя порядочную женщину вести разгульную жизнь!

Перевод большого стихотворного текста, предназначенного для пения, очень труден. В данном случае сложность усугублялась тем, что нужно было переводить французское бульварное просторечие, гораздо более откровенно-двусмысленное, чем простодушные русские выражения. «Работа была не совсем легкая, – свидетельствовал А. И. Вольф, – то есть не было возможности приискать на русском языке выражений, соответствующих парижско-бульварному жаргону. Например, долго ломали себе голову – как перевести: „*cascader la vertu*“, и, наконец, подыскали совсем не подходящее выражение „кувырком“» [Вольф, 1884, с. 40]. Оригинальное выражение *cascader la vertu* и перевод *кувырком полетит* сходны на самом деле только ритмически. Слово *cascader*, кроме основного значения ‘каскадировать, танцевать канкан’, имеет и разговорное значение, употребляемое в устной речи: ‘вести разгульную жизнь’. А слово *vertu* означает ‘добродетель; целомудрие’, а в разговорном языке – и ‘порядочная женщина’.

Передать эту двусмысленность на другом языке практически невозможно. Но нельзя не признать, что переводчик либретто В. А. Крылов (он перевел также: [Орфей в аду, 1866]) нашел очень удачный ритмико-интонационный ход для передачи сложной французской конструкции. Вот эта ария Елены в его переводе:

Все говорят, что я прекрасна,
 Но прибавляют тоже все,
 Что будто ветрена ужасно,
 Небрежна к царственной красе.

Что я борюсь – никто не знает,
 Но как в борьбе нам устоять,
 Когда Венера пожелает
 Сердцами нашими играть?

О, неужли вас, боги, веселит,

Коль наша честь кувырком-кувырком полетит?

[Прекрасная Елена, 1895, с. 47, 48].

Две последние строчки повторяются рефреном и в двух следующих куплетах. Стоит заметить, что слово *кувырком* прекрасно передает общий настрой оперетты Оффенбаха, в которой все летит кувырком: и мифология, и история, и обычные человеческие ценности.

Эти куплеты Елены были очень популярны. В «Господах Головлевых» к умирающему Павлу Головлеву приезжает полковой доктор. Он «делает многозначительный жест рукою и вполголоса мурлыкает: „Кувырком, кувырком, ку-выр-ком по-ле-тит!“» [13, с. 55]; «... док-

тор ходит по комнате и насвистывает: „Кувырком, ку-вы-ы-рком!“»; «А вы бы ее по-военному... Кувырком, знаете, кувырком...» [13, с. 57]. В очерке «Первое апреля» (1879, «Круглый год») герой рассказывает: «Однажды меня madame Голумбецкая <...> пригласила: <...> у нас один знаменитый серб об турецких неистовствах рассказывать будет. Приехал. В гостиной серьезно, тихо, чинно; сидит братушка на диване и рассказывает; слышится: на кол, на кол, на кол; les messieurs слушают и зевают в руку; дамочки стараются смотреть на чтеца и думают: да когда же наконец „кувырком“ будет?» [13, с. 448–449]. Без «кувырком» жизнь была не настоящей.

Значение «Прекрасной Елены» в русской культурной жизни Салтыков сформулировал в книге «Благонамеренные речи». Здесь рассказчик признается, что его «одолела оффенбаховская музыка». И как только он начнет каяться, что сомневался в судебной реформе и земских учреждениях, или («что одно и то же») начнет упрекать в этом других, «так сейчас, словно буря», в его голову «вторгаются совсем неподходящие стихи:

Je suis gai!
Soyez gais!
Il le faut!
Je le veux!» [11, с. 256].

Эти слова «Я весел! Они веселы! Так и надо! Я так хочу!» взяты из арии Париса из 3-го действия «Прекрасной Елены». Ария в сопровождении хора поется дважды: сначала в сцене 5, а потом (с небольшими вариациями) в сцене 7. Здесь Парис переодевается в Великого жреца Венеры, чтобы похитить Елену, и исполняет запев, который заканчивается цитируемыми словами, ему подпевают хор «народа». Парис и хор как бы перекидываются этими словами, что создает легкое, игривое настроение, которое завершается звукоподражательным припевом:

Le grand augure
Et tout d'abord, ô vile multitude,
Je n'ai pas et ne veux pas prendre l'habitude.
D'être reçu sur un rythme plaintif:
Vous auriez dû chanter un chœur alerte et vif.
Le culte de Vénus est un culte joyeux...
Je suis gai, soyez gai, il le faut, je le veux.
Le chœur
Il est gai!
Le grand augure
Soyez gais!

Le chœur
 Soyons gais!
Le grand augure
 Je le veux!
 Et tsing, tsing, balaboum, balaboum,
 Balaboum, poum, poum!
 La la itou, poum, poum!
Le peuple
 Et tsing, tsing, balaboum, balaboum,
 Balaboum, poum, poum!
 La la itou, poum, poum!

[Offenbach, 2003a, p. 36; вариант: p. 46]¹.

Легко представить, как это бессмысленное «И дзынь, дзынь, балабум, балабум, Балабум, пум, пум! Ла ла ту, пум, пум!» должно было раздражить Салтыкова, всегда радевшего за разумное, рациональное начало в искусстве и вдруг столкнувшегося с такой абракадаброй! А поскольку эта абракадабра повторяется в каждой сцене два раза, так как является припевом у двух куплетов, то в 3-м действии она исполняется четырежды. Естественно, что она легко запоминается и воспроизводится. И столь же естественно, что возмущение Салтыкова росло пропорционально тому, как повторялся припев.

Оперетта Оффенбаха снимала с истории мифологический флер и доводила мифологизированную историю до абсурда, до абракадабры. Но при этом абракадаброй становились и все современные проблемы. Так в очерке «По части женского вопроса» (1873, «Благонамеренные речи») изображен Тебеньков, считающий «женский вопрос» решенным. Рассказчик спрашивает: «Стало быть, по-твоему, лучшее средство – это протестовать на манер „Belle Hélène“?» – И Тебеньков отвечает: «А ты шутишь с „Belle Hélène“? Нет, ты подумай! Вот он, протест-то, с которых пор начался! и заметь: в этой форме никто никогда не видел в нем ни малейшей опасности. Еще во времена Троянской войны женский вопрос был уже решен, но решен так ловко, что это затрогивало только одного Менелая. *Ménélas! on s'en moque* –

¹ Перевод В. А. Крылова не вполне отвечает оригинальному тексту: «Парис. Сперва скажите мне, зачем вы грустны? / Напевы похоронные мне гнусны. / Противно мне унынье замечать, / Вы песнью ухарской должны меня встречать! / Венера любит смех, / Веселие во всех! / А!! / Так чтоб ей / Угодить, / Веселей / Надо быть! / И для вас / Мой приказ, / Чтобы жить, / Не грустить! / Веселись да играй! / Смеючись / Поживай... / Тра-ла-ла! Хор. Так чтоб ей / Угодить, и проч.» [Прекрасная Елена, 1895, с. 90].

et voilà tout! <Менелай! над ним смеются, только и всего!> Все эти Фрины, Лаисы, Аспазии, Клеопатры – что это такое, как не прямое разрешение женского вопроса? А *они* волнуются, требуют каких-то разъяснительных правил, говорят: „Напишите нам все это на бумажке!“ Согласись, что это несколько странно? Согласен?» – И рассказчик соглашается: «Да... для „Belle Hélène“... действительно, едва ли требуются разъяснительные правила!» [11, с. 277]. Через некоторое время Тебеньков вновь говорит рассказчику: «А ты еще сомневался, что женский вопрос решен! Давно, *mon cher!* Еще „Прекрасная Елена“ – уж та порешила с ним!» [11, с. 286]. В этом же русле звучит и призыв: «Читайте великих мастеров искусства: Paul de Kock, Ponson du Terrail, Feydeau... <Поль де Кок, Понсон дю Террайль, Фейдо> что вы найдете у них? Любовь, любовь и любовь! Et „La belle Hélène“ donc! <И, наконец, „Прекрасная Елена“>» [11, с. 314]. Тебеньков решает «женский вопрос» на манер «Прекрасной Елены», низводя реально существующие социальные проблемы до физиологического уровня.

И далее этот прием распространяется на другие вопросы: «„La belle Hélène“? Mais je trouve que c'est encore très joli ça <„Прекрасная Елена“? А я нахожу, что и это еще хорошо>! Она познакомила нашу армию и флоты с классической древностью! – воскликнул Тебеньков. – На днях приходит ко мне капитан Потугин: „Правда ли, говорит, Александр Петрович, что в древности греческий царь Менелай был?“ – „А вы, говорю, откуда узнали?“ – „В Александринке, говорит, господина Марковецкого на днях видел!“» [11, с. 425]. Салтыков описывает ситуацию, самую обычную для массовой культуры, когда художественное произведение, созданное на условно-историческом материале, воспринимается как непосредственный исторический источник, на основании которого строятся представления о прошлом. Это, кстати, объясняет и популярность исторического жанра в массовой культуре: испытывая скуку при знакомстве с собственно историческими работами, массовый человек предпочитает изучать прошлое с помощью исторических романов, фильмов, в данном случае – оперетт.

3. Во всем виноват Оффенбах

Оффенбах так овладел русской культурой, что современники и потомки стали связывать с его именем все, что в той или иной мере носило отпечаток современных нравов. В ранней редакции четвертого «письма к тетеньке» (1881) рассказчик сетует, что «хищники и кавалеры безделицы являются в роли защитников и восстановителей основ! люди, которые на вопрос: *qu'est ce que la patrie* <что такое от-

ечество»? – отвечают мотивом из „Прекрасной Елены“: *je me fiche bien de ma patrie!* <мне дела нет до отечества>, а на вопрос: *qu'est ce que la famille?* <что такое семья> – по примеру мамзель Гандон <...> вздрагивают поясницами и напевают: *la famille ce n'est que ça* <семья это только вот что>! Разве не возмутительно сознавать себя под пятою этих знаменосцев современной благонамеренности?» [14, с. 492].

Обе эти отсылки неточны. В «Прекрасной Елене» нет фразы «*je me fiche bien de ma patrie!*» Однако в 3-й сцене 3-го действия Агамемнон, Калхас и Менелай исполняют трио, в котором Агамемнон поет:

Lorsque la Grèce est un champ de carnage
Quand on immole les maris
Tu vis heureux au sein de ton ménage
Tu t'fich's pas mal de ton pays!

[Offenbach 2003a, p. 33, 43]¹.

В 4-й сцене это трио повторяется, причем партия Агамемнона остается неизменной, так что она естественно ложилась на память. Но Салтыков переделывает реплику, ориентируя ее не на Агамемнона, а на Елену, которая, как известно, покинула родину во имя своей незаконной любви.

Вторая цитата из французской шансонетки «*L'amour – ce n'est que cela*» (Любовь – это вот что), но пела ее не Бланш Гандон, а Луиза Филиппо. Исполняя ее 4 апреля 1871 г. в театре Берга, она «дозволила себе бесстыдные и соединенные с соблазном для других телодвижения». По решению мирового судьи А. И. Барановского ее судили по 43 статье Устава о наказаниях и приговорили к штрафу в 50 руб. с заменой арестом на две недели [Петроградский Мировой суд..., 1916, с. 1199–1202]. Демократический журнал «Дело» писал, что процесс о «бесстыдных телодвижениях» на сцене отвлекает от социальных проблем [Навалихин, 1871, с. 6].

Итак, шансонетка «*L'amour – ce n'est que cela*» не принадлежит Оффенбаху и его соавторам-либреттистам. Но она постоянно повторяется в оффенбаховском контексте. Герой «Дневника провинциала в Петербурге» сетует, что современные дворяне, лишённые крепостных крестьян, не могут «улаждаться потрясениями доморощенных Палашек, потому что это слишком дорого стоит», и вынуждены искать в Петер-

¹ Перевод В. А. Крылова: Когда вся Греция в раздоре / И каждый муж забыт женой, / Лишь ты один беспечен в общем горе, / Тебе плавать на край родной [Прекрасная Елена, 1895, с. 84].

бурге общедоступных увеселений. «Мы даже m-lle Филиппо не можем заставить спеть „L'amour – ce n'est que cela“, ежели этой песенки не значится в афишах. Да если бы и имели возможность заставить – что же потом? Или, быть может, есть у нас, кроме m-lle Филиппо и ее песенок, и другие какие-нибудь интересы, как, например: ужин с шампанским у Дюссó, устрицы с шампанским у Елисеева и номер в гостинице для отдохновения от пьяно проведенной ночи?» [10, с. 293; ср.: 10, с. 298]. Герой «насвистывает „l'amour ce n'est que ça“ и смотрит в потолок» [10, с. 502]. Эту песню Салтыков упоминает и в «Благонамеренных речах», говоря, что «какие-нибудь Эрнестинки» «за умеренную плату показывают приходящим „l'amour – ce n'est que cela!“» [11, с. 311]. А в очерке «По части женского вопроса» Салтыков говорит, что лжеэмансипация привела к распущенности современных нравов, и называет театр Берга «наилучшеобразнейшей Медико-хирургической академией a l'usage des dames et des demoiselles <для использования дам и девиц>»: «Там девица Филиппо прочтет вам лекцию: „L'impot sur les celibataires“ <Налог на холостяков>, а девица Лафуркад, пропев „A bas les hommes!“ <Долой мужчин>, вместе с тем провозгласит и окончательную эмансипацию женщин...» [11, с. 283]. В незаконченной «Благонамеренной повести» (1875) сладострастный герой «положительно признает фальшивую и недалевидную ту политику, которая стесняет г-жу Филиппо в разъяснении „L'amour – ce n'est que ça“» [11, с. 510]. Текст песни на русском и французском языках вместе с песнями «Налог на холостяков», «Долой мужчин» и другими из модного репертуара, в том числе с ариями из оперетт Оффенбаха («Письмо Периколы», «Скажите ему», «Ах, как я люблю военных», «Кувырком») был опубликован в 1873 г. в книге «Каскадный мир» [Каскадный мир. С. 2/3; см.: там же. С. 94/95, 216/217, 222/223, 242/243, 300/301, 314/315]. Оффенбах оказался центром каскадного мира.

Другой лжеоффенбаховский след находим в «Господах ташкентцах». В главе «Ташкентцы-цивилизаторы» (1869) речь идет о подлости и предательстве интересов молодости, и рассказчик замечает, что современный человек от «настоящего» («воздержание и тоска») в поисках будущего («вино, игра, женщины») готов переплыть «небольшой океан грязи», причем «это грязь отвлеченная, метафизическая; грязь, о которой ces dames даже понятия никакого не имеют!» [10, с. 50–51]. А в главе «Ташкентцы приговорительного класса. Параллель первая» (1871) мать юного «ташкентца» допытывается о его любовных похождениях: «Нет, ты совсем, совсем будешь откровенен со мной! ты расскажешь мне все твои prouesses; tu me feras un récit délaillé sur ces dames

qui ont fait battre ton jeune soeur... <подвиги; ты подробно расскажешь мне о женщинах, которые привели в трепет твое молодое сердце> Ну, одним словом, ты забудешь, что я твоя матан, и будешь думать... ну, что бы такое ты мог думать?... ну, положим, что я твоя сестра!..» [10, с. 92]. Комментатор текста пишет, что «часто употребляемое Салтыковым по-французски и по-русски выражение „эти дамы“ означает „кокотки“» и встречается в «Прекрасной Елене» [10, с. 689].

Выражение *ces dames* действительно несколько раз встречается в речи Ореста в 6-й сцене 1-го действия:

Au cabinet cabaret du labyrinthe
Cette nuit j'ai soupé, mon vieux
Avec ces dames de Corinthe
Tout ce que la Grèce a de mieux.
(*Présentant à Calchas, Parthœnis et Lœna*)
C'est Parthœnis et Lœna
Qui m'ont dit vouloir vous connaître

[Offenbach 2003a, p. 5, 6, 7]¹.

Выражение *ces dames de Corinthe* (эти дамы из Коринфа) является эвфемизмом для обозначения публичных женщин. Салтыков довольно часто использовал аналогичное русское выражение, в котором фигурировали женщины из Гамбурга. «Благонамеренный человек» «вечером отправляется в Михайловский театр и день оканчивает блистательным образом на бале у безземельных, но гостеприимных принцесс вольного города Гамбурга» [6, с. 11]. Эта часть хроники «Наша общественная жизнь» (<1. Январь-февраль 1863 года>) не была опубликована, и Салтыков, несколько переделав ее, включил в книгу «Признаки времени» (рассказ «Сенечкин яд») [7, с. 73–74]. «Юродивая дева» из «вольного города Гамбурга» [8, с. 384] упоминается и в «Истории одного города». Потом в «Дневнике провинциала в Петербурге»: «В саду <...> было почти темно. <...> Тут же, на площадке, волочили свои шлейфы современные Клеопатры из Гамбурга» [10, с. 439]. И, наконец, в рассказе «Ангелочек» (1887, «Мелочи жизни»): «В дом взяли немку, так как немки (кроме гамбургских) исстари пользуются репутацией добродетельных» [16-2, с. 158]. Мы не можем признать выражение *ces dames* принадлежащим Оффенбаху (правильнее Ме-

¹ Перевод В. А. Крылова: С моими барынями вместе / Ночь напролет я прокутил. / Милей их общества, по чести, / Я никогда не находил. (Представляя Партенис и Леона) Вот Партенис и Леона / Хотят с тобою подружиться [Прекрасная Елена 1895. С. 12].

ляжку и Галеви). Это общеупотребительное выражение не имеет автора. Оффенбах и его либреттисты, с одной стороны, и Салтыков, с другой, использовали одни и те же модели для обозначения определенных социальных ролей. Отсюда и возникло это совпадение.

Аналогичный характер имеет и другой фразеологизм. Герой «Дневника провинциала в Петербурге» говорит: «А жуировать совсем не значит ходить в публичную библиотеку, посещать лекции профессора Сеченова, защищать в педагогических и иных собраниях рефераты и проч., а просто, в переводе на французский язык, означает: *buvons, chantons, dansons et aimons* <будем пить, петь, танцевать и любить>! <...> Говорит он о пользе классического образования, а на уме у него: *buvons, chantons, dansons et aimons!* Говорит о податной реформе, а на уме: *buvons, chantons, dansons et aimons!* Все эти вопросы, системы, нововведения и проч. представляют лишь неизбежную, но сухую и горькую приправу жизни. Без них нельзя обойтись, потому что они дают одним – прекраснейшие должности с прекраснейшим содержанием; другим, не нуждающимся в содержаниях, – прекраснейшие общественные положения. Но конечный результат всех этих содержаний и положений все-таки резюмируется так: *buvons, chantons, dansons et aimons*» [10, с. 281]. Комментаторы указывали, что формула *buvons, chantons, dansons et aimons* – это «часто употреблявшееся Салтыковым выражение, которым он характеризовал „польдекоковское“ жизненное кредо светских бездельников. Эти „программные глаголы“ заимствованы из популярных опер-буфф Жака Оффенбаха, либретто А. Мельяка и Л. Галеви – „La belle Helene“ <...> и „La grande Duchesse de Gerolstein“...» [10, с. 735].

На самом деле, в «Прекрасной Елене» (действие 3, сцена 1) хор поет:

Dansons, aimons!
Buvons! chantons!
Et trémoussons-nous avec verve.
Gloire à Vénus!
Gloire à Bacchus!
Et foin de l'austère Minerve!
Dansons! aimons!
Buvons! chantons!

[Offenbach 2003a, p. 41]¹.

¹ Перевод В. А. Крылова: Давайте пить, / Плясать, любить. / О, в этой жизни все так дивно! / Ханжа Минерва нам противна! / Славься, Венера! / Славься и Бахус, бог вина! [Прекрасная Елена, 1895, с. 75–76].

В «Герцогине Герольштейнской» (действие I, сцена 1) текст несколько иной:

En attendant que l'heure sonne,
L'heure héroïque du combat,
Chantons et buvons! Courte et bonne,
C'est la devise du soldat!
Chantons,
Buvons,
Jouons,
Dansons!
En attendant que l'heure sonne,
L'heure héroïque du combat! etc.

[Offenbach 2003б, p. 1]¹.

Эту формулу Салтыков использует постоянно. «Письма о провинции» (письмо четвертое, 1868): «Он смакует, порхает с цветка на цветок и с каждой поочередно разыгрывает водевиль на тему: dansons, buvons... et chantons!» [7, с. 230]. «Господа ташкентцы»: «Et bien, maman, – говорит он, – nous aimons, nous folichonnons, nous buvons sec <Что ж, мама, мы любим, шалим, выпиваем>!»; «Mais... nous folichonnons, nous aimons, nous buvons sec!» [10, с. 98, 110]. «Дневник провинциала в Петербурге»: «В течение более трех недель я проделал все, что, по ходячему кодексу о „жизни“, надлежит проделать, чтобы иметь право сказать: я жуировал и, следовательно, жил. Я исполнил „buvons“ – ибо ни одного дня не ложился спать трезвым; я исполнил „chantons et dansons“ – ибо стоически выдержал целых десять представлений „avec le concours de m-lle Schneider“ <с участием м-ль Шнейдер>, наконец, я не могу сказать, чтобы не было в продолжение этого времени кое-чего и по части „aimons“... А в результате все-таки должен сознаться, что не только „жизни“, но даже и жуировки тут не было никакой. Мало того: по окончании всего этого жизненного процесса я испытываю какое-то удивительно странное чувство»; «А между тем кодекс, формулирующий жизнь словами: buvons, dansons, chantons et aimons – сочинен не нами. Он существует издавна, и целые поколения довольствовались им, не думая ни о чем другом и не желая ничего больше» [10, с. 287, 288].

¹ Благодарю Е. А. Чистякову, подготовившую переводы в примечаниях 3, 4, 9. Она же указала и приводимый ниже источник, по которому уточнены знаки препинания: [URL: https://fr.wikisource.org/wiki/La_Grande_Duchesse_de_Gérolstein]. Перевод: В ожидании, когда час пробьет, Героический час битвы, Поем и пьем! Краткий и прекрасный, Это девиз солдата. Поем, пьем, играем, танцуем! Ждем, когда час пробьет, героический час битвы!

Использовали эту формулу и современники Салтыкова: «Жизнь ее (содержанки. – М. С.) совершенно простая, бесцельная; единственное ее содержание и назначение – „buvons, dansons et aimons“, по точному смыслу опереточного кодекса» [Михневич, 1886, с. 426].

Эту формулу можно было бы считать заимствованной из оперетт Оффенбаха. Однако на самом деле этот девиз золотой молодежи Салтыков знал еще до знакомства с Оффенбахом. «Жених» (1857): «горевать и беспокоиться тут не о чем... эй, Мишка! водки!.. buvons, chantons et... aimons!» [4, с. 40]. «Наши глуповские дела» (1861, «Сатиры в прозе»): «А коли есть добродушие, коли есть атласистость, стало быть, и говорить не об чем: chantons, buvons et... aimons! – и все тут!»; «Нынешний „хороший“ человек в карты ни-ни, историй с рылами, микитками и подсазками удаляется, buvons употребляет лишь благородным манером, то есть душит шампанское и презирает очищенную, и только к aimons обнаруживает прежнее ехидное пристрастие» [3, с. 489, 500]. Как следует полагать, эти глаголы сложились в легко узнаваемые формулы очень давно. И либреттисты Оффенбаха, и Салтыков независимо друг от друга опирались на эту традицию [Дягилева, 2007, с. 731–737]. Формула эта живет и в наши дни: [Buvons, chantons et aimons].

Этот материал не относится буквально к нашей теме, однако он позволил нам, с одной стороны, развеять устоявшееся превратное мнение о заимствованиях Салтыкова у Оффенбаха и уточнить комментарий, а с другой стороны, увидеть распространение «лейбла» Оффенбаха на многие явления массовой культуры середины XIX в.

4. Русская Перикола

Пореформенная Россия 1860–1870-х гг. была эпохой Оффенбаха: автор французских оперетт лучше других изобразил «разложение основ» и указал, что для выхода из кризиса лучше всего забыть сами «основы». Изображению «разложения основ» посвящен, как известно, роман «Господа Головлевы». Разложение семьи и принципа «семейственности» описано на примерах разных героев этого романа. Но история двух сестер, Любоньки и Анниньки, остается несколько в стороне от исследовательского внимания. Попытаемся восполнить этот пробел.

Первая встреча сестер-сироток с Оффенбахом происходит в родовом доме в Головлеве. Аннинька и Любинька встречаются со своими кузенами и проявляют удивительное невежество по части оперетты. Когда Петенька спрашивает: «А вы, кузина, мамзель Лотар видели? –

Аннинька и Любинька взглядывают друг на друга, точно спрашивают, из истории это или из географии». И Петенька вынужден пояснить: «В „Прекрасной Елене“... она на театре Елену играет» [13, с. 83]. Аннинька и Любинька с опереттой еще не знакомы. Впрочем, Петенька знает ее тоже с чужих слов, поскольку актриса Лотар играла в сезон 1866–1867 гг. на сцене Михайловского театра не Елену, а Ореста [Вольф, 1884, с. 158]. Роль Ореста в «Прекрасной Елене» отдавалась, видимо, актрисам второго разряда, о чем свидетельствует фотография ничем особенным не примечательной актрисы Бланш Гандон в этой роли [Строганов, в печати, б]).

Но вскоре сиротки получают обычное «институтско-опереточное» воспитание, «в котором перевес брала едва ли не оперетка», «проделки Елены Прекрасной». Поэтому, когда Анниньке «предложили занять опереточное амплуа на подмостках одного из провинциальных театров, то, несмотря на контраст, она колебалась недолго. Наскоро освежила она институтские сведения об отношениях Елены к Менелаю, дополнила их некоторыми биографическими подробностями из жизни великолепного князя Тавриды и решила, что этого было совершенно достаточно, чтобы воспроизводить „Прекрасную Елену“ и „Отрывки из Герцогини Герольштейнской“ в губернских городах и на ярмарках» [13, с. 154–155]. Аннинька «жила как во сне. Обнажалась в „Прекрасной Елене“, являлась пьяною в „Периколе“, пела всевозможные бесстыдства в „Отрывках из Герцогини Герольштейнской“ и даже жалела, что на театральных подмостках не принято представлять „la chose“ и „l’amour“, воображая себе, как бы она обольстительно вздрагивала поясницей и шикарно вертела хвостом. Но ей никогда не приходило в голову вдумываться в то, что она делает» [13, с. 156]. Здесь французское слово *la chose* употреблено в разговорном значении ‘плотское наслаждение’; ср.: *être porté sur la chose* – охотно заниматься любовью.

Наконец, Салтыков пишет: «И она и Любинька принадлежали к числу тех бойких, но не особенно даровитых актрис, которые всю жизнь играют одну и ту же роль. Анниньке удалась „Перикола“, Любиньке – „Анютины глазки“ и „Полковник старых времен“. И затем, за что бы они ни принимались, – везде выходили „Периколы“ и „Анютины глазки“, а в большинстве случаев, пожалуй, и совсем ничего не выходило. Приходилось Анниньке играть и „Прекрасную Елену“ (по обязанностям службы даже и часто); она накладывала на свои пепельные волосы совершенно огненный парик, делала в тунике разрез до самого пояса, но и за всем тем выходило посредственно, вяло,

даже не цинично. От „Елены“ она перешла к „Отрывкам из герцогини Герольштейнской“, и так как тут к бесцветной игре прибавилась еще совершенно бессмысленная постановка, то вышло уже что-то совсем глупое. Наконец, взялась играть Клеретту в „Дочери рынка“,...» [13, с. 234]. Вся история Анниньки – это история ее игры в опереттах Оффенбаха. Только «Дочь рынка» – это русское название оперетты Ш. Лекока «Дочь мадам Анго» (1872; в Москве и на Александринском театре 1874). И каждое новое падение Анниньки отмечено переходом к новой оперетте, и каждый раз приемы игры становятся еще более примитивными и циничными, рассчитанными на невзыскательную публику. Но «и неприхотливые провинциальные зрители» поняли, что «по сцене мечется даже не актриса, желающая „угодить“, а просто какая-то непристойная лохань» [13, с. 234]. Тот же переход от Оффенбаха к Лекоку Салтыков отметил и в книге «В среде умеренности и аккуратности», где столоначальник любил насвистывать арии из оперетт: «Прежде, бывало, из „Елены Прекрасной“, а нонче „Мадам Анго“ откуда-то проявилась» [12, с. 44].

Успех Анниньки связан с ее ролью в «Периколе», о чем она сообщает домой: «Мы не в Москве, а в Харькове, поступили на сцену в театр, а летом по ярмаркам будем ездить. Я, Аннинька, в „Периколе“ дебютировала, а Любинька в „Анютиных глазках“. Меня несколько раз вызывали, особенно после сцены, где Перикола выходит навеселе и поет: я гото-о-ва, готова, готооова!» [13, с. 111–112].

Героиня рассказывает о сцене после обеда у дона Андруса (действие 1, сцена 14), где Перикола выходит «несколько навеселе» и поет:

Какой обед мне подавали!
Каким вином там угощали!..
Уж я его пила, пила...
И до того теперь дошла,
Что просто готова! готова!..
Но тсс!
Об этом ни слова,
Тсс!!
Молчи! молчи!..

Мне тяжелы обеды эти, –
И если я пишу мыслете,
И коль глаза огня полны,
Вы удивляться не должны:
Я просто готова! готова!..
Но тсс!..

Об этом ни слова,
Тсс!!
Молчи! молчи!..

[Птички певчие, 1870, с. 67;
ср.: Offenbach 2003в, р. 18–19].

В городе Самоварове Аннинька в «Периколе» привела «обывателей в восторг», а «купец, торгующий модным товаром, Кукишев» предложил ей содержание [13, с. 235]. Аннинька отказалась, и ее стали притеснять на театре: «играть Ореста в „Прекрасной Елене“», «из прежних первых ролей за ней оставлена только Перикола», «жалованье ее сократилось до 75 рублей в месяц с одним полубенифисом в течение года». Аннинька пыталась найти работу в других театрах, «но отовсюду получила ответ, что нынче и без того от Перикол отбою нет, а так как, сверх того, из достоверных источников сделалось известно об ее строптивости, то и тем больше надежд на успех не предвидится» [13, с. 238]. Она поняла, что через неделю ей придется жить на «постоялом дворе, наравне с девицей Хорошавиной, игравшей Парфенису (небольшая роль в „Прекрасной Елене“. – М. С.) и пользовавшейся покровительством квартального надзирателя». Между тем «в ее номер каждый день таинственная рука подбрасывала записку одного и того же содержания: „Перикола! покорись! Твой Кукишев“» [13, с. 239]. И Аннинька, конечно, сдалась. «17-го сентября, в день Любинькиных именин, афиша самоварновского театра возвещала экстраординарное представление. Аннинька явилась вновь в роли „Прекрасной Елены“, и в тот же вечер, „на сей только раз“, роль Ореста выполнила девица Погорельская 2-я, то есть Любинька. К довершению торжества и тоже „на сей только раз“, девицу Налимову одели в трико и коротенькую визитку, слегка тронули лицо сажей, вооружили железным листом и выпустили на сцену в роли кузнеца Клеона. Ввиду всего этого, и публика была как-то восторженно настроена. Едва показалась из-за кулис Аннинька, как ее встретил такой гвалт, что она, совсем уже отвыкшая от оваций, почувствовала, что к ее горлу подступают рыдания. А когда в третьем акте, в сцене ночного пробуждения, она встала с кушетки почти обнаженная, то в зале поднялся в полном смысле слова стон. <...> Аннинька поняла, что публика простила ее» [13, с. 240].

С ней случилась та же история, что и с ее героиней Периколой, которую стоит теперь напомнить. Нищенская жизнь уличной певички измучила Периколу. Она выступает вместе с Пикилло и любит его, но они не могут пожениться, так как на это нужны деньги (у Анниньки

есть свой «предмет» – трагик Милославский 10-й). Перикола не хочет больше страдать и принимает предложение вице-короля дона Андре стать фавориткой. Фаворитка вице-короля должна быть замужней дамой, и Периколе ищут мужа, которым соглашается стать Пикилло, хотя и не знает, на ком должен жениться. После целого ряда перипетий Перикола и Пикилло соединяются реальным браком. И хотя до этого они изменили своей любви, но в художественном мире оперетты это оказывается ничего не значащей мелочью. В отличие от героини Оффенбаха, роль содержанки ведет героинь Салтыкова к окончательному падению: «К концу зимы сестры не имели ни покровителей „настоящих“, ни „постоянного положения“. Они еще держались кой-как около театра, но о „Периколах“ и „Полковниках старых времен“ не было уж и речи» [13, с. 245–246].

Так история Анниньки разоблачает философию жизни, носительницей которой была оперетта Оффенбаха. Вернувшись в Головлево, Аннинька сыграла последний акт своей драмы. Поначалу Порфирию Владимировичу явилась «женщиной, которая, по-видимому, проникнута была сознанием, что она-то и есть та самая „Прекрасная Елена“, по которой суждено вздыхать господам офицерам» [13, с. 142]. Но вскоре постыдные воспоминания одолели ее: «Она бегала и кружилась по зале, стараясь уgomонить взбудораженные воспоминания. А навстречу так и плыли: и герцогиня Герольштейнская, потрясающая гусарским ментиком, и Клеретта Анго, в подвенечном платье, с разрезом впереди до самого пояса, и Прекрасная Елена, с разрезами спереди, сзади и со всех боков... Ничего, кроме бесстыдства и наготы... вот в чем прошла вся жизнь! Неужели все это было?» [13, с. 250]. Драма «бесстыдства и наготы» – так Салтыков оценил оперетту Оффенбаха.

Итак, оперетта Оффенбаха была важным шагом вперед для всего музыкально-драматического искусства. Но и суждения Салтыкова о том, как был воспринят Оффенбах в России, представляются нам вполне справедливыми.

Разрешение этого парадокса мы видим в одном только направлении: в понимании исторической подвижности границ массового искусства. То, что во времена Салтыкова осознавалось как массовое искусство и откровенная пошлость, в наши дни воспринимается совершенно нейтрально. На фоне современных танцевальных интерпретаций канкан из «Орфея в аду» в оригинальном исполнении выглядит совершенно невинной игрой.

Однако из этого вовсе не следует, что оценки, которые Салтыков дал оперетте Оффенбаха, устарели и свидетельствуют только об общественно-культурной ситуации 1860–1870-х гг. в России. Современное значение этих оценок в том, что они помогают увидеть формирование массовой культуры в большой исторической перспективе и осознать, что современные процессы в массовой культуре имеют совершенно аналогичный характер.

Литература

- Боборыкин П. Д. Петербургское театральное искусство (Признания западника) Этюд первый // Отечественные записки. – 1871. – № 11. – Отд. II. – С. 64–75.
- Борисов Ю. Н. Гротескно-трагическая партитура «Истории одного города» (1869–1870) // Ауэр А. П., Борисов Ю. Н. Поэтика символических и музыкальных образов М. Е. Салтыкова-Щедрина / под ред. М. Акимовой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1988. – С. 91–113.
- Владимирская А. Р. Звездные часы оперетты. – Л.: Искусство, 1975. – 136 с.
- Вольф А. И. Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 года. Годовые обозрения русской и французской драматической сцены, оперы и балета. – СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1884. – 168 с.
- Дягилева И. Б. К вопросу адаптации французских глаголов в русском языке (Из материалов к «Словарю русского языка XIX века») // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / ред. Г. В. Судаков. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – С. 731–737.
- История русского драматического театра: в 7 / гл. ред. Е. Г. Холодов. – М.: Искусство, 1980. Т. 5: 1862–1881. – 552 с.
- Каскадный мир: Сборник французских шансонеток, исполняемых г-жами: Шнейдер, Терезою, Силли, Кадуджею, Филиппо, Альфонсин, Альфонсин-Дюроше, Лафуркад, Антуанет, Марией Лажи, Бланш-Гандон, Бланш-Вилен и проч., с переводом на русский язык в стихах. – СПб.: Тип. К. Н. Плотникова, 1873. – 332 с.
- Кракауэр З. Жак Оффенбах и Париж его времени. – М.: Аграф, 2000. – 416 с.
- Курочкин В. С. Русский театр в Петербурге // Отечественные записки. – 1872. – № 12. – Отд. II. – С. 396–410.
- Ланской А. Р. Комментарии // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. – М.: Художественная литература, 1970. Т. 10. – С. 732–796.
- Михневич Вл. Исторические этюды русской жизни. 3: Язвы Петербурга. – СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1886. – 542 с.
- Навалихин Н. О чем мы думаем? / В. В. Берви-Флеровский // Дело. – 1871. – № 6. – Отд. 3: Современное обозрение. – С. 1–36.

- Орфей в аду: Опера-фарс в 4 картинах / Текст Г. Кремье. Пер. с франц. В. Александрова. Музыка Ж. Оффенбаха. – М., 1866. – 94 с.
- Петроградский Мировой суд за пятьдесят лет 1866–1916. [Вып.] 2. – Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. – С. 815–1484.
- Прекрасная Елена: Опера-фарс в 3 д. / Музыка [Ж.] Оффенбаха. Пер. с франц. [В. Александрова]. – М.: Литография Московской театральной библиотеки С. Ф. Рассохина, 1895. – 96 с.
- Птички певчие (La Périchole): Комическая оперетта в 2 д. / Музыка [Ж.] Оффенбаха. Текст переделен с французского [В. А. Крыловым]. – СПб.: В тип. Хотинского, 1870. – 132 с.
- Строганов М. В. Гандон Бланш (в печати, а).
- Строганов М. В. «Что ему Гертруда?» М. Е. Салтыков и Гортензия Шнейдер (в печати, б).
- Суворин А. С. Г-жа Шнейдер в роли «Герцогини Герольштейнской», 13 февраля 1872 // Суворин А. С. Театральные очерки (1866–1876 гг.) / Предисл. Н. Н. Юрьина. – СПб.: Тип. Тов. А. С. Суворина – «Новое время», 1914. – С. 387–409.
- [Толстой Ф. М.] Петербургские театры. Музыкальное обозрение // Отечественные записки. – 1868. – № 12. – Отд. II. – С. 340–359.
- Offenbach Jacques*. La Belle Hélène: Opéra-bouffe en 3 actes / Paroles de Henri Meilhac et Ludovic Halévy. Livret de censure. Paris 1864. Première édition provisoire. – Berlin: Boosey & Hawkes; Bote & Bock, 2003a. – 48 p.
- Offenbach Jacques*. La Grande-Duchesse de Gérolstein: Opéra-bouffe en 3 actes et 4 tableaux / Paroles de Henri Meilhac et Ludovic Halévy. Livret de censure. Paris 1867. Première édition provisoire. – Berlin: Boosey & Hawkes; Bote & Bock, 2003b. – 66 p.
- Offenbach Jacques*. La Périchole. Opéra-bouffe en 2 actes / Paroles de Henri Meilhac et Ludovic Halévy. Livret de censure. Paris 1867. Première édition provisoire. – Berlin: Boosey & Hawkes; Bote & Bock, 2003в. – 50 p.

Интернет-источники

- Buvons, chantons et aimons – Пьем, поем и любим. Клуб татуированных людей. Кто не с нами, тот скоро будет. [URL: <http://tattoo-world.ru/forum/index.php?topic=63305.0>] [08.12.2016].

Д. К. Равинский
(Российская национальная библиотека)

**М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
И ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА**

Упоминания М. Е. Салтыковым-Щедриним петербургской Публичной библиотеки рассмотрены в связи с отношением писателя к библиографии и библиографам. В статье показано, что скептическое отношение Салтыкова к библиографии соответствовало общей тенденции революционно-демократической публицистики. Освещена история присвоения Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова: Салтыков-Щедрин, Публичная библиотека, библиография, библиографы в литературе, «пенкоснимательство».

D. K. Ravinsky
(Russian National Library)

**M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN
AND IMPERIAL PUBLIC LIBRERY**

The mentions of Public Library in Sankt-Petersburg which were made M.E. Saltykov-Shchedrin are examined in connection with the writer's attitude to bibliography and bibliographers. The paper shows that Saltykov's skeptical attitude conforms the common trend in revolutionary-democratic publicism. It elucidates dates the history of naming of Public library.

Keywords: Saltykov-Shchedrin, Public library, bibliography, bibliographers in literature, „penkosnimatelstvo“.

■ Хотя бывшая Императорская публичная библиотека в Петербурге в течение шести десятилетий носила имя Салтыкова-Щедрина и была самым крупным и, по-видимому, самым известным объектом, носившим имя писателя, отношение М. Е. Салтыкова к ней было достаточно непростым. Нет никаких свидетельств, что Салтыков был читателем библиотеки. В рукописном отделе хранятся его рукописи, но их очень немного, и попали они туда достаточно случайно. В годы перестройки

¹ Равинский Дмитрий Константинович, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки; e-mail: dravinskij@mail.ru.

и гласности, когда стало возможным обсуждать правомерность присвоения библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, бывший директор Государственной публичной библиотеки Л. А. Шилов заявил, что писатель ни одного доброго слова о Публичной библиотеке не сказал [Эльзон, 2008, с. 128]. Я бы все-таки уточнил: говорил добрые слова, но как-то двусмысленно эти добрые слова звучали. Я попытался собрать упоминания – именно упоминания – Публичной библиотеки в произведениях Щедрина. Их немного – всего четыре.

Первое – в романе «Современная идиллия»: «Проходя мимо Публичной библиотеки, я собрался было остановиться и сказать несколько прочувствованных слов насчет ненеуместности наук, но Глузов так угрюмо взглянул на меня, что я невольно ускорил шаг и успел высказать только следующий краткий exordium – Вот здесь хранятся сокровища человеческого ума!» [15-1, с. 17]. На первый взгляд, отзыв вполне хвалебный.

Публичная библиотека упоминается также в «Письмах к тетеньке». В письме пятом есть такой забавный эпизод. Земский деятель из провинции, некто Пафнутьев, приезжает в Петербург с какими-то проектами. «...Отъявившись где следует, он засел у себя в номере и стал ждать. Ждал неделю, ждал другую, и, наконец, так ему захотелось у Палкина в трактире машину послушать, что он не выдержал и отлучился. А в это время, как на грех, кто-то за ним приходил и, узнав, что его дома нет, сказал: а в нем между тем есть настоящая надобность» [14, с. 305] И после этого о Пафнутьеве все говорили: «„Пафнутьев! кто бишь это такой? Ба! да это не тот ли, который машину у Палкина слушает? – ну, и пускай слушает! Подумайте, милая, срам-то какой! Добро бы в Публичную библиотеку или в Академию наук, а то к Палкину машину слушать затесался!!!“ Так он свое счастье и прозевал» [14, с. 306]. Здесь, казалось бы, ученые занятия – посещение Публичной библиотеки или Академии наук – противопоставляются посещению трактиров, но что-то в интонации Щедрина заставляет насторожиться.

В «Дневнике провинциала в Петербурге» встречаем следующий пассаж: «Мы, провинциалы – да, впрочем, одни ли мы? – имеем о жизни представление несколько двойственное. Хазовый конец этого представления составляют интересы умственные и общественные, действительной же его сущности отвечает все то, что льстит интересам личным и непосредственным, то есть вкусу и чувственности. На этот конец у нас и слово такое выдуманно: жуировать. А жуировать совсем не значит ходить в публичную библиотеку, посещать лекции

профессора Сеченова, защищать в педагогических и иных собраниях рефераты и проч., а просто, в переводе на французский язык, означает: *buvons, chantons, dansons et aimons!* <будем пить, петь, танцевать и любить!>» [10, с. 280]. И в конце «Дневника» подводится итог: «В течение полугода я испытал все разнообразие петербургской жизни: я был в воронинских банях, слушал Шнейдершу, Патти, Бланш Вилэн, ходил в заседание суда, посетил всевозможные трактиры, бывал на публицистических и других диспутах, присутствовал при защите педагогических рефератов, видел в „Птичках певчих“ Монахова и в „Fanny Lear“ Паску, заседал в Публичной библиотеке и осмотрел монументы столицы, побывал во всех клубах, а в Артистическом был даже свидетелем скандала: словом сказать, только в парламенте не был, но и то не потому, чтобы не желал там быть, а потому, что его нет» [10, с. 440]. Из этого пассажа отношение писателя к Публичной библиотеке становится очевидным: перечислительная интонация уравнивает ее с воронинскими банями и «всевозможными трактирами», делая всего лишь одним из публичных мест Петербурга. И это не связано с банальной проблемой времяпровождения провинциала в столице. На наш взгляд, ключевым здесь является описанный Щедриным позднее тип «культурного человека». «Сознавать себя культурным человеком и в то же время не знать, куда деваться с этой культурностью, – вот истинно трагическое положение! Ну, что я с собой предприиму? Куда, куда я пойду... ну, хоть сегодня вечером? Все, что можно было, в пределах русской культурности, видеть и совершить, – все это я уже видел и совершил. Жюдик – видел. Шнейдершу – видел, у Елисеева и на бирже и на Невском – был. <... > А между тем ни смерть, ни болезнь – ничто нас не берет; жить, жить надо, не потому, чтобы хотел жить, а потому, что встала у тебя жизнь на дороге <... >

Итак, я сидел дома и не знал, что делать с собою. Впереди предстояло одно из двух: или в балаган идти, или в тайное юридическое общество проникнуть и послушать, как разрешается вопрос о правах седьмой воды на киселе на наследование после единокровных и единоутробных» [12, с. 301]. Для Салтыкова читатели, «заседающие в Публичной библиотеке», – всего лишь пресыщенные обыватели, не знающие, чем себя занять. Однако и сама библиотека, хранящая «сокровища человеческого ума», не удостоилась уважительных высказываний с его стороны.

При этом широко известно положительное отношение Салтыкова к библиотекам. Он много сделал для открытия общедоступ-

ных библиотек в разных городах, в том числе в Твери. Заботился Салтыков и о том, чтобы его сочинения оказались в Повенецкой общественной библиотеке (в Олонецкой губернии, где было много ссыльных) [19-1, с. 94–95]. Почему же писатель столь прохладно относился к самой крупной и самой главной библиотеке тогдашней России?

Можно предполагать, что свою роль сыграло негативное отношение писателя к библиографии и библиографам. Как уже говорилось, не сохранилось каких-либо сведений о посещении Салтыковым Публичной библиотеки и, скорее всего, он основывался на общих представлениях об этом «храме науки», а представления эти связывали Публичную библиотеку с библиографическими занятиями. Библиограф П. В. Быков вспоминал: «Знакомство с Мизко имело для меня огромное значение. Это был мой первый учитель, первый руководитель в моих библиографических занятиях. Он всячески подбадривал меня, постоянно говорил мне, что я, как только по приезде в Петербург переступлю порог Публичной библиотеки, буду чувствовать себя счастливым, блаженным, и меня будет, уже помимо воли, тянуть в этот храм науки [Быков, 1930, с. 13]. Но именно это Салтыкова и не привлекало! К библиографическим разысканиям его никак не тянуло.

В письме к М. М. Стасюлевичу от 8 декабря 1878 г. Салтыков пишет: «Что же касается до „Примечаний“, то я, как не библиограф, тоже ничего сказать по их поводу не могу» [19-1, с. 92]. Писатель был совершенно искренен в своем признании: как отмечает В. Н. Баскаков, «... он не вел регистрационных списков своих публикаций, порою забывал место и время печатания даже известных художественных опытов, не говоря о критических и публицистических работах, появлявшихся, как правило, без подписи. Поэтому даже его представления о восприятии собственных произведений, особенно за рубежом нашей страны, не полны» [Баскаков, 1991, с. 179].

В рецензии на сочинения Г. П. Данилевского Щедрин ядовито замечает: «Что такое „Беглые в Малороссии“ спрашивает себя публика, и следует ли читать „Новые сочинения Г. П. Данилевского“ потому только, что он *Скавронский*, автор „Беглых в Малороссии“». Согласитесь, что для разрешения этих недоумений следовало бы, по малой мере, прилагать ко вновь издаваемым сочинениям неизвестных знаменитостей библиографические изыскания, которые бы свидетельствовали, что имя Скавронского не выдумка и что „Беглые в Малороссии“ действительно были когда-то где-то напечатаны.

К несчастью, в этом случае мы можем помочь нашим читателям очень мало. Нет сомнения, что со временем трудолюбивый наш библиограф, М. Н. Лонгинов, разъяснит вопрос о г. А. Скавронском во всей подробности и даже, быть может, отыщет могилу его; но мы об этом псевдониме знаем так немного, что должны относиться к г. Г. П. Данилевскому, как к писателю начинающему» [9, с. 258]. Сходный пассаж есть и в более ранней заметке писателя: «Некто, не имея, за недосугом, времени прочесть последние нумера газеты „Наше время“, не может сообщить любознательному читателю, жив ли в настоящее время известный русский писатель И. С. Тургенев. Тем не менее, знаменитый наш библиограф и гробокопатель М. Н. Лонгинов уже принимает меры к отысканию преждевременной могилы его. Статья об этом интересном проекте будет напечатана в „Русском вестнике“» [4, с. 198]. Напечатано это было в 1860 г. в «Искре» за подписью «Стыдливый библиограф». Конечно, здесь не обошлось без «личностей»: отношение Салтыкова к его лицейскому однокашнику Лонгинову было, как сейчас принято говорить, неоднозначным (о М. Н. Донгинове см.: [Равич, 1988, с. 220–232]).

В художественных произведениях Щедрина присутствуют, насколько нам известно, три «библиографических» эпизода. В двенадцатом «письме к тетеньке» рассказывается, как молодой поэт Мижув выдает за свое стихотворение Пушкина «Под вечер осени ненастной...»¹. «Но тут опять произошел скандал, потому что едва успел поэт продекламировать сейчас приведенные стихи, как кто-то в толпе крикнул: „Грабят!“ <...>

Оказалось, однако же, что это было смятение чисто библиографического свойства. Между гостями каким-то образом затесался старый библиограф, который угадал, что стихотворение, выдаваемое Мижувым за свое, принадлежит к числу лицейских опытов Пушкина <...>. А так как библиограф еще в юности написал об этом стихотворении реферат, который постоянно носил с собою, то он тут же вынул его из кармана и прочитал. Рефератом этим было на незабываемых основаниях установлено: 1) что стихотворение „Под вечер осенью ненастной“ несомненно принадлежит Пушкину; 2) что в первоначальной редакции первый стих читался так: „Под вечерок весны ненастной“, но потом, уже по зачеркнутому, состоялась новая редакция; 3) что написано это стихотворение в неизвестном часу, неизвестного числа, неизвестного года, и даже неизвестно где, хотя новейшие библиографи-

¹ У Пушкина: «Под вечер, осенью ненастной...»

ческие исследования и позволяют думать, что местом написания был лицей; 4) что в первый раз оно напечатано неизвестно где, но потом постоянно перепечатывалось; 5) что на подлинном листе, на котором стихотворение было написано (*за сообщение этого сведения приносим нашу искреннейшую благодарность покойному библиографу Геннади*) сбоку красовался чернильный клякс, а внизу поэт собственноручно нарисовал пером девицу, у которой в руках ребенок и которая, по-видимому, уже беременна другим; и наконец б) что нет занятия более полезного для здоровья, как библиография» [14, с. 416–417].

Подобное библиографическое обсуждение стихотворения Пушкина «Черная шаль» встречается в «Современной идиллии».

«– Вот в этом самом доме собрания библиографов бывают, – сказал я.

– Когда?

– Собираются они по ночам и в величайшем секрете: боятся, чтоб полиция не накрыла.

– Их-то?

– Да, брат, и их! – Вообще человечество все...

– Ты бывал на этих собраниях?

– Был однажды. При мне „Черную шаль“ Пушкина библиографической разработке подвергали. Они, брат, ее в двух томах с комментариями хотят издавать»

– Вот бы где годить-то хорошо! Туда бы забраться, да там все время и переждать!

– Да, хорошо бы. При мне в течение трех часов только два первые стиха обработали. Вот видишь, обыкновенно мы там читаем:

Гляжу я безмолвно на черную шаль,

И хладную душу терзает печаль...

А у Сленина (1831 г. in 8-vo) последний стих так напечатан:

И гладкую душу дерзает печаль...

Вот они и остановились в недоумении. Три партии образовались» [15-1, с. 15–16].

Наконец, в рассказе «Старческое горе» фигурирует «археолог-библиограф» Скорбный-Голован, который «ездил летом в Испанию, так как узнал, что там скрывается собственноручно писанная Барковым и доселе никому не известная трагедия, которую, после долгих и изнурительных поисков и приобрел, уплатив за нее половину своего имени» [12, с. 453–454]. Далее рассказчик замечает: «посещать археолога-библиографа было не особенно лестно, потому что в доме его царил бесконечная неурядица. Сам он сидел в кабинете и штудиро-

вал Баркова, а жена всем и каждому жаловалась, что, благодаря этому занятию, стало совсем невозможно жить, потому что даже маленькие дети – и те до такой степени пристрастились к сквернословию, что иначе не говорили друг с другом, как тирадами из барковских трагедий» [12, с. 456].

Итак, библиографы предстают в творчестве Щедрина «гробкопателями», далекими от интересов общественной жизни. И нужно признать, что в своем скептическом, мягко говоря, отношении к библиографии и библиографам Салтыков был отнюдь не одинок. Скорее его голос был частью мощного хора. Середина XIX столетия считается «золотым веком» российской библиографии: увидели свет фундаментальные библиографические работы, выходил замечательный журнал «Библиографические записки», библиографы внесли свой вклад в подготовку научных изданий отечественных классиков. Но вместе с тем это были годы развернутой травли библиографов и насмешек над библиографией со стороны писателей и журналистов демократического лагеря [см.: Равич, 1998]. Начало кампании положила, по-видимому, статья двадцатилетнего Николая Добролюбова, посвященная «Собеседнику любителей русского слова» [Добролюбов, 1950]. В этой статье библиограф уподоблялся жалкому рудокопу, собирателю сырых фактов, почтальону, которому надо только знать названия городских улиц, а труд библиографа назывался мозольным и «самым механическим из ученых трудов».

В 1862 г. в журнале «Русское слово» появилась статья Д. И. Писарева «Бедная русская мысль» [Писарев, 1955], главным объектом нападок (именно нападок, а не научной критики) в которой стал фундаментальный труд П. П. Пекарского «Наука и литература при Петре Великом». По мнению Писарева, подобные работы не имеют научного значения, ибо «содержат обилие фактов: «... очень много фактов и очень мало выводов». Как отмечает Л. М. Равич, «стараниями критиков „Современника“ и „Русского слова“ был сконструирован образ библиографа – оторванного от жизни „книжного червя“, слабо разбирающегося и в нуждах науки, ибо он лишь „в библиографии угодился зело“» [Равич, 1998, с. 37].

1860-е годы были еще и временем становления так называемого библиографического направления в науке о литературе – не просто разыскание фактов, но и сопоставление разных редакций, вариантов, комментирование, то есть разработки основ эдично-текстологической практики, формирование принципов научного издания классических текстов.

Существовал и вполне конкретный повод для нападок Салтыкова. Как мы видели, сообщение о чернильном кляксе сопровождалось благодарностью покойному библиографу Геннади. Это имя упомянуто не случайно. В те годы развернулась шумная полемика вокруг издания сочинений Пушкина. Изданию под редакцией П. В. Анненкова, считавшемуся прорывом в пушкиноведении, противопоставлены были издания под редакцией Г. Н. Геннади, а потом П. А. Ефремова. Издания эти вызвали критику – все помнят эпиграмму С. А. Соболевского «О, жертва бедная двух адовых исчадий, Тебя убил Дантес и издает Геннадий!»¹ Одной из главных претензий к Геннади было то, что он впервые применил прием, который впоследствии стал распространенным: прямо в тексте, в скобках, он давал варианты и разночтения, что нередко вызывало недоумение читателей. В этой полемике по поводу издания Пушкина Салтыков, естественно, был на стороне своего доброго знакомого Анненкова. Отсюда и карикатурное появление чернильного клякса, о котором рассуждают щедринские библиографы.

Безусловно, отношение писателя к библиографам было лишь одним из аспектов общего скептического отношения Салтыкова к науке, в особенности к фактографической ее стороне. В своем письме к А. Н. Пышину по поводу статьи А. С. Суворина об «Истории одного города» Салтыков писал: «...Рецензент упрекает меня, что я сделал это в пику Шубинскому и другим подобным историкам. Но что такое Шубинский? По моему мнению, это своего рода тип или говоря гончаровским словом, это „вещественное выражение невещественных отношений“. Шубинский – это человек, роющийся в говне и серьезно принимающий его за золото. Шубинский – это тип, положим, крайний, но никто не мешает и возвеличить его, то есть возвести в квадрат и куб – все же будет Шубинский» [18-2, с. 75]. В «Дневнике провинциала в Петербурге» подробно говорится о пенкоснимательстве и особо выделен «тот высший вид пенкоснимательства, который в современной литературе известен под именем „науки“» [10, с. 391]. При этом одним из главных пенкоснимателей является некто Неужай-Корыто, в образе которого, по общему мнению, выведен В. В. Стасов, самый известный в то время сотрудник Императорской публичной библиотеки, своего рода «лицо библиотеки». К его деятельности Салтыков относился иронически¹, и это, конечно, сказалось на отношении писателя к Публичной библиотеке.

¹ См.: [Фролов, 2003].

Остается вопрос: как же все-таки получилось, что Публичная библиотека получила имя Салтыкова-Щедрина, никогда в ней, по всей видимости, не бывавшего и ничего хорошего о библиотеке не сказавшего? Произошло это в 1932 г., и поводом стал не юбилей писателя и не знаменательная дата в истории библиотеки, а 15-летие Октябрьской революции. Остается непонятным, кто был инициатором этой акции. В архиве РНБ не обнаружены протоколы собрания трудового коллектива (или партактива), которое по законам жанра должно было принять обращение к властям с соответствующим ходатайством. «Еще более удивительно другое: коллектив Публичной библиотеки *никак* не прореагировал на „судьбоносное постановление“! Даже если бы протокол общего собрания не сохранился, такой факт *безусловно отразился бы в газетной хронике* – минимум ленинградской, максимум – в „Литературной газете“» [Эльзон, 2008, с. 130]. По предположению М. Д. Эльзона инициатива исходила от М. С. Ольминского, однако этот признанный знаток творчества писателя, автор «Щедринского словаря», наверняка знал, сколь скромное место досталось Публичной библиотеке в творческом наследии писателя.

В годы перестройки была «озвучена» версия, долгое время существовавшая лишь в виде устного предания. «Коллектив ГПБ якобы обратился с письмом к Сталину с просьбой „сбалансировать“ его именем имя Ленинской библиотеки. Попыхивая трубкой, генсек ответил: „Зáчем Сталина? Мáло ли в России хáроших писателей? Сáлтыков-Щéдрин, например“» [Эльзон, 2008, с. 128] После этого, разумеется, решение было принято. Официального подтверждения этой версии нет, но она логично объясняет странное решение. Как бы то ни было – это хорошая история. Вполне в духе «Истории одного города».

Литература

Баскаков В. Н. Библиографическая Щедринаана: история, современное состояние, перспективы // Салтыков-Щедрин и русская литература. – Л.: Наука, 1991. – С. 178–191.

Быков П. В. Силуэты далекого прошлого. – М.; Л.: Земля и фабрика, 1930. – 236 [4] с.

Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей русского слова» // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1950. – С. 5–90.

Писарев Д. И. Больная русская мысль // Писарев Д. И. Сочинения: в 4 т. Т. 2. – М.; Л.: ГИХЛ, 1955. – С. 51–97.

Равич Л. М. Злоключения Клио в лесах российской библиографии // Историко-библиографические исследования. Вып. 7. – СПб.: Изд. РНБ, 1998. – С. 33–62.

Равич Л. М. Собиратели книг в России. Вторая половина XIX века. – М.: Книга, 1988. – 296 с.

Фролов С. В. Салтыков-Щедрин и «стасовщина» // Щедринский сборник. Вып. 2 / науч. ред. Е. Н. Строганова. – Тверь: Золотая буква, 2003. – С. 122–141.

Эльзон М. Д. «Удовлетворить ходатайства...»: от факта к мифу // История библиотек: исследования, материалы, документы. Вып. 7. – СПб.: Изд. РНБ, 2008. – С. 128–131.

С. Ф. Дмитренко¹

(Литературный институт им. А. М. Горького)

**«ЗАБЫТЫЕ СЛОВА» М. Е. САЛТЫКОВА
В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
1880 – НАЧАЛА 1890-Х ГОДОВ²**

В статье предпринимается попытка реконструировать обстоятельства появления посмертно опубликованного текста М. Е. Салтыкова, известного под названием «Забывшие слова». Содержание «Забывших слов» рассматривается на фоне развития русской литературы 1880-х гг., ставших кануном Серебряного века.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков, М. Горький, Федор Сологуб, текст, контекст, традиция, символизм, стихотворение в прозе, русская литература 1880-х годов.

S. F. Dmitrenko

(Maxim Gorky Literature Institute)

**«ZABYTYE SLOVA» WRITTEN BY M. E. SALTUKOV
IN LITERARY CONTEXT OF 1880–1890-S**

The author makes an attempt in his paper to reconstruct the circumstances of the posthumously published work of M. E. Saltykov «Zabytye slova». The content of this text is discussed in evolutioning of Russian literature in 1880s when it is the approaching of Silver Age.

Keywords: M. E. Saltykov, M. Gorky, Fyodor Sologub, text, context, tradition, symbolism, prose poem, Russian literature of 1880s.

■ Общеизвестный факт: в июне 1889 г., через месяц после кончины Михаила Евграфовича Салтыкова, в журнале «Вестник Европы», где он печатал все свои крупные произведения после закрытия «Отечественных записок», появилась публикация под названием «Последняя страница М. Е. Салтыкова».

В наше время этот текст опубликован в собрании сочинений Салтыкова в сопровождении комментариев С. А. Макашина [17, с. 563–575].

¹ Дмитренко Сергей Федорович, кандидат филологических наук, доцент Литературного института имени А. М. Горького, e-mail: dmitrenko@litinstitut.ru.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (соглашение № 15-04-00364/15).

При этом сообщается, что текст печатается по черновой рукописи, хранящейся в ИРЛИ. Сопоставление текста журнальной публикации с названной книжной показывает, что различия между вариантами минимальны, но и эта минимальность свидетельствует о необходимости уточняющей сверки журнальной публикации именно с рукописью. Однако даже сопоставление печатных текстов произведения выявляет различия в журнальном и книжном вариантах.

Так, экспрессивная «влажная рука» журнального варианта (в первом предложении) в книжном воспроизведении рукописи превратилась во вполне шаблонную «властную руку».

В заключительном предложении третьего абзаца журнальный фрагмент «недалеко тот момент, когда и внутри меня все омертвеет» представлен в книге как «недалек тот момент, когда и внутри меня все омертвеет».

В журнальном варианте предложения: «Колокол, некогда „призывавший живых и оплакивавший мертвых“, лежит разбитый у подножия храма» есть внутренние кавычки, которые отсутствуют в книжной публикации: «Колокол, некогда призывавший живых и оплакивавший мертвых, лежит разбитый у подножия храма».

Таким образом, возникают очевидные вопросы, и один из них – почему сняты кавычки в книжной публикации и как появились они в журнальной.

У нас почти нет прямых свидетельств об отношении Салтыкова к «лондонским агитаторам» (так именуются Герцен и Огарев в «Истории одного города» [8, с. 287]), но то, что он знал о существовании «Колокола» с его эпитафией «Vivos voco!» – не подлежит сомнению.

Герцен и Огарев в свою очередь позаимствовали эпитафию баллады Фридриха Шиллера «Песнь о колоколе» (*Das Lied von der Glocke*; 1799), где он представлен как «Vivos voco. Mortuos plango. Fulgura frango» («Живых призываю. Мертвых оплакиваю. Молнии крушу») [Schiller, 1804, s. 61]. Но также нельзя забывать, что у Герцена есть статья «Mortuos plango...», помещенная в «Колоколе» [И-р, 1862], которая также могла быть известна Салтыкову.

Первый номер «Колокола» датирован 1 июля 1857 г., но в том же 1857 г. вышла книга «Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов» (под редакцией Н. В. Гербеля), где в первом томе напечатана «Песнь о колоколе» в переводе Дмитрия Минаева. И хотя не удалось найти прямых свидетельств того, что Салтыков держал эту книгу в руках, но вероятность этого очень велика.

В Германии же баллада Шиллера хрестоматийна, причем хорошо известно, что он, специально изучавший при работе искусство литья колоколов, читал статью Й. Г. Крюница в «Экономической энциклопедии» и нашел там описание колокола монастыря Всех Святых, отлитого в 1486 г. и находившегося в швейцарском городе Шаффхаузен. На этом колоколе и помещается надпись, ставшая у Шиллера эпиграфом [Оловянишников, 1912, с. 256–258]. Следует учесть, что Салтыков бывал и в Швейцарии (по меньшей мере, в городе Интерлакен летом 1880 г.). Так что он мог знать что-то и о «колоколе Шиллера», бывшем швейцарской достопримечательностью (в 1700 г. у него отбилась край, но использовали его вплоть до 1895 г., в 1898 г. сняли и в память о балладе Шиллера установили в монастырском саду).

Кроме того, само выражение *Vivos voco. Mortuos plango* представляется достаточно распространенным в западном христианском мире и могло быть известно Салтыкову из какого-то религиозного источника. Историко-топографические исследования можно продолжать, но несомненно, что кавычки, имеющиеся в журнальном варианте, содержательны.

Теперь посмотрим на текст в целом. Начнем с заглавия – «Забывшие слова». Очевидно, это заглавие оторвано от содержания публикуемого текста, и публикаторы (по предположению С. А. Макашина, это А. Н. Пыпин и/или М. М. Стасюлевич) вынуждены были объяснять его в предисловной заметке:

«Из бесед с ним (Салтыковым. – С. Д.) – пишут анонимные авторы, – было видно, что в последнее время его посетила, так сказать, новая гостя-идея, осуществление которой в высшей степени заинтересовало его. Трудно с точностью формулировать этот новый и предсмертный замысел Салтыкова: *из ниже помещаемой и недописанной первой и вместе с тем последней страницы, сошедшей с его пера в „интервалы“ мартовских и апрельских дней этого года мы узнаем не больше, как одно заглавие: „Забывшие слова“; само же содержание написанной им страницы является как бы прологом к тому, что должно было последовать за тем.* (курсивом выделяю строки, купированные Макашиным в собрании сочинений. – С. Д.) В беседах с близкими ему людьми Салтыков высказывался, но весьма кратко и отрывочно, относительно темы замышленного им труда; не раз, по поводу тех или других явлений текущей общественной жизни или прочтенной им статьи в газете, он повторял как бы самому себе: „Да, это теперь все *забывшие слова*, следует их напомнить“» [Вестник Европы, 1889, с. 846].

Далее Макашин сокращает следующие строки: «Помещаемое нами ниже стихотворение А. М. Жемчужникова довольно верно изобразило вероятную тему последнего литературного замысла покойного». Это сокращение вполне объяснимо: пристегнутое к салтыковскому тексту откровенно слабое, дежурное стихотворение Алексея Жемчужникова «Забытые слова» не добавляет ничего сколько-нибудь живого к стандартному, сложившемуся в обывательском сознании облику Салтыкова-Щедрина – твердокаменного обличителя государственных и общественных зол.

Продолжаем цитировать журнальное предисловие: «Раз, – это было в ноябре или декабре прошлого года, – он как будто точнее формулировал свой литературный замысел, и среди разговора о чем-то, наведшем его опять на мысль о „забытых словах“, он вдруг прервал себя и обратился с вопросом: прожив столько лет и столько испытав, может ли он и имеет ли право и обязанность написать свое „завещание“? Из его же слов было видно, что дело тут идет не о духовном завещании, а все о том же, новом его литературном замысле; но попытка поддержать с ним разговор в этом направлении, как это часто бывало и в других подобных случаях, прервалась в самом начале жалобами его на болезни и невозможность писать...»

Макашин обрывает на этом цитирование журнального предисловия, хотя далее следует вполне убедительная литературная интерпретация написанного – в отличие от умозрительной (и беспомощной) попытки «укрепить» предсмертные строки Салтыкова версификацией Жемчужникова. «Нельзя, читая эту последнюю страницу Салтыкова, не вспомнить при этом одно из лучших „стихотворений в прозе“ Тургенева (1878 г.): „Старуха“, – смерть, толкавшая его в яму – „могилу“; но у Тургенева то был поэтический сон, от которого, как бы ни был он тяжел, просыпаются; у Салтыкова получился точный снимок с другого сна – предшественника смерти – и от которого уже проснуться нельзя. Всего более удивительно при этом одно, совершенно исключительное явление: умирая, а следовательно теряя по необходимости всякие силы, всякую энергию, Салтыков, оказывается, мог чуть ли не до самой последней минуты не только внимательно наблюдать за состоянием своего духа, но и тут же отдавать отчет о том на бумаге, как будто в нем мучительно, с величайшими страданиями, умирало одно существо, а другое, находясь, как бы вне его, спокойно созерцало все то, что совершалось в первом и заносило на бумагу свои наблюдения» [Вестник Европы, 1889, с. 846].

На этом сопроводительный текст в журнале завершается.

Действительно, отнесение «Забывших слов» к жанровой форме стихотворений в прозе имеет под собой достаточные основания. Тургенев был для Салтыкова несомненным не только литературным, но и человеческим авторитетом (по свидетельству К. М. Салтыкова, писатель высказал просьбу похоронить его на Волковом кладбище неподалеку от могилы И. С. Тургенева, что было выполнено [Салтыков, 2001, с. 180]).

Исследователи уже отмечали, что «произведения, которыми во второй половине 1886 г. писатель закончил свою работу над сказочным циклом, по своему жанру, стилю и тональности заметно отличаются от предшествующих им сказок», они «почти или вовсе» лишены «элемента сказочности» [Бушмин, Баскаков, 1988, с. 229]. С другой стороны, последующий вывод А. С. Бушмина и В. Н. Баскакова относительно указанных произведений («Не совпадая со сказками по жанровому признаку, они родственны им малым объемом, характером проблем и общедоступным стилем повествования» [Бушмин, Баскаков, 1988, с. 230]) нуждается в обсуждении. Предложенные критерии определения жанровой формы сказки неконкретны и не отражают специфику именно сказки. Вместе с тем тексты как минимум «Коняги», «Деревенского пожара», «Христовой ночи», «Рождественской сказки» несут черты жанровой формы «стихотворений в прозе», давно отнесенной к ритмической прозе [Благой, 1925, стб. 881; Тимофеев, 1939, стб. 77–78].

Вместе с тем Л. И. Тимофеев справедливо подчеркивает, что произведения, получившие обозначение «стихотворения в прозе», все же лишены «стихотворной организации речи» и потому точнее могут характеризоваться «термином „лирика в прозе“». В определении структуры стихотворений в прозе следует идти не «от внешних аналогий со стихом», а от установления в нем «характерных черт лирики», а именно: действительность в стихотворении в прозе «отражается не столько путем непосредственного изображения объективных явлений, как в эпосе, сколько путем изображения субъективного переживания, вызванного тем или иным явлением жизни. Эта характернейшая черта лирики полностью наличествует и в стихотворениях в прозе» [Тимофеев, 1939, стб. 77–78]. Более того, «специфическая лиричность авторской речи, ее индивидуально-эмоциональная окраска» очевидна не только в тургеневских «Стихотворениях в прозе» и в сопоставленных с ними «Забывших словах» Салтыкова. Условно говоря, «лиричность авторской речи» Салтыкова в самых разных его произведениях издавна отмечается исследователями. Она, несомнен-

но, генетически связана с гоголевским повествовательным строем, нашедшим свое окончательное выражение в «Мертвых душах», но, естественно, приобретает свои специфические черты.

То, что Тимофеев называет «организованной прозой», понимая под ней «лирически окрашенную поэтическую речь» в прозаическом тексте, обычно «не имеющую стиховую ритмическую организацию», у Салтыкова не сводится к т. н. авторским отступлениям, как у Гоголя. Салтыковский автор-повествователь в большинстве произведений изначально жестко заявляет о своей точке зрения, ему не приходит в голову утверждать свое отстранение от рассказываемой истории, тогда как авторское отступление может возникнуть лишь в случае изначального отказа автора от своего активного присутствия в повествовании. В случае Салтыкова мы видим лиризм особого рода, когда повествование, изначально организованное на сатирических началах, вместе с тем жестко соотносится с представлениями о жизненных, этических идеалах и автора как такового, и нередко автора-повествователя. Эта «лиризация прозы», причем сатирической прозы, по справедливому замечанию Тимофеева, характерна прежде всего «для литературных стилей, проникнутых субъективизмом, – для романтизма, импрессионизма» [Тимофеев, 1939, стб. 78]. Это никак не идет вразрез с творчеством Салтыкова, напротив, приверженность идеям двоемирия, лежащим в основе религиозной философии европейского романтизма, очевидно и в разных формах проявляется не только в раннем творчестве Салтыкова, но вплоть до итоговых 1880-х гг.

Наряду с вышесказанным обратим также внимание на то, что Ю. Б. Орлицкий подробно показал «безусловную закономерность появления в позднем творчестве Щедрина текстовых образований, объективно вписывающихся, независимо от воли автора, в зарождающуюся тогда в отечественной словесности традицию жанра стихотворений в прозе с его особым интересом к проблемам жизни и смерти, к форме видения и сна и стремлением к символическому обобщению явлений действительности» [Орлицкий, 2008, с. 236–258].

С другой стороны, и произведения Тургенева, не только «Старуха», но и «Конец света (Сон)», вызывают желание сопоставить их с «Забывшими словами». Напомню, что еще М. П. Алексеев и Н. В. Алексеева указали на художественное сходство «Конец света...» с «Никогда» Фета [Алексеев, Алексеева, 1982, с. 483], сам Фет сопоставлял «Никогда» с «Тьмой» Байрона (в 1840-е гг. переводившейся Тургеневым), но и без этой цепочки «Забывшие слова» можно связать с фетовским «Никогда» напрямую. И это несмотря на существование

знаменитого отзыва Салтыкова 1863 г. о Фете, где инструментованные прекрасным окказионализмом «пчеловеконенавистничает» (вполне применимым и к творческому поведению самого Михаила Евграфовича) сопоставляются фетовская «светлая безмятежность» и его же «воплъ души по утраченном крепостном рае» [6, с. 59–60]. Очевидный факт: апокалиптические или, во всяком случае, космологические мотивы у Фета и у Салтыкова несут черты явного сходства в художественной тональности.

Что и говорить, у Салтыкова были сложные отношения с поэзией. Сам в юности поэт-романтик, он так и не захотел уйти от принципов души и сердца, на которых эта поэзия строилась. В частности, после кончины Некрасова он все же не смог идти на поводу у эпигонов своего соредатора, хотя в конце концов пустил на страницы «Отечественных записок» Надсона.

Известное суждение Осипа Манделъштама о Надсоне беспощадно своей справедливостью: «Вглядываясь в лицо вечного юноши – Надсона, я изумляюсь одновременно настоящей огненностью этих черт и совершенной их невыразительностью, почти деревянной простотой. Не такова ли вся книга (как известно, сборник стихотворений Надсона был невероятно популярен у современников. – С. Д.)? Не такова ли эпоха?» [Манделъштам, 1990, с. 15–16]. Но как раз в заунывном творчестве Надсона налицо и черты преодоления не только его, но и всего вырождающегося стиля предшествующей эпохи, «золотого века», изнашившего самого себя.

Вспомним еще некоторые литературные факты. В знаменательном 1883 г. развивается дружба юного Дмитрия Мережковского с Надсоном. Последний знакомит стихотворца с деятелями «Отечественных записок», и Дмитрий Сергеевич многие годы спустя будет вспоминать с теплотой причастного «редакторский рык» Салтыкова, перебиваемый его неумным кашлем. Вскоре в «Отечественных записках» появляются стихотворения Мережковского, соседствующие со сказками Щедрина (1883. № 11; 1884. № 1; заметим, что после закрытия журнала Салтыков, Надсон, Мережковский вновь оказываются авторами одного журнала – «Вестника Европы»).

Наконец, перелистывая от конца к началу все тот же самый июньский (1889) номер «Вестника Европы», нельзя пройти мимо статьи А. Н. Пыпина «Идеализм Салтыкова: Историко-литературное воспоминание» [Вестник Европы, 1889, с. 829–837]. Она недостойно забыта и требует подробного рассмотрения, но сейчас обратим внимание лишь на ее финал. «Где же источники общественного мировоззрения

Салтыкова?» – задается вопросом Пыпин и вдруг дает неожиданный ответ, неожиданный во всяком случае на фоне дальнейших, уже приведенных рассуждений: «... при всех сочувствиях, общих ему с лучшими людьми нашего общества от 50-х до 80-х годов, было в его взглядах нечто особенное, своеобразное и независимое. Мы объясним это, если вспомним первую юношескую пору развития Салтыкова. В нем мы видели перед собой один из благороднейших остатков 40-х годов, именно той стороны этой замечательной эпохи, когда увлечения отвлеченной философией сменились жгучим интересом к вопросам общественным в самом широком смысле слова. <...> Салтыков, несомненно, не остался чужд этому движению, не в том смысле, чтобы сам он стал адептом этих учений, но в том смысле, что они подействовали на него как глубокое, жизненное идеалистическое побуждение».

Уже в «Запутанном деле», подчеркивает Пыпин, «сильный и здравый ум» Салтыкова «сумел отнестись критически к мечтательным крайностям этих учений; но из того же рассказа видно, что его собственные мысли витали в этой области». «Несомненное дарование <...> нашло в этой области далекого идеала основу общественных воззрений. Талант Салтыкова не искал дороги, она была найдена с первого раза, и <...> начиная с „Губернских очерков“ и кончая „Пошехонской стариной“, он шел одним неизменным путем, изображая жизнь, угнетаемую, по его выражению, „иглом безумия“, его сатира переходила в трагедию, и в глубине его мрачных картин светился вынесенный из юности и бережно сохраненный идеал добра, справедливости и просвещения» [Вестник Европы, 1889, с. 837].

Если перекодировать сказанное в современную литературоведческую терминологию, мы увидим, что А. Н. Пыпин убедительно показывает то, на что уже было указано выше: художественное творчество Салтыкова имеет своей интеллектуальной основой религиозно ориентированную философию европейского (и русского) романтизма.

Теперь из весны 1889 г. перейдем на несколько лет вперед, в осень 1892 г. В связи со всем вышесказанным на тогдашние известные литературные факты могут лечь новые отсветы, неожиданные светотени.

12 сентября 1892 г. на страницах тифлисской газеты «Кавказ» печатается рассказ «Макар Чудра», автор которого подписался псевдонимом *М. Горький*.

26 октября 1892 г. в Петербурге на заседании Русского литературного общества теперь уже вполне известный писатель Дмитрий

Мережковский читает лекцию «О причинах упадка русской литературы», затем, 15 декабря, – лекцию «О новых течениях современной русской литературы». В начале следующего года на основе этих лекций он издает книгу «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», которая, вероятно, и становится первым манифестом того, что ныне уже устойчиво стало называться литературой Серебряного века.

«Макар Чудра» Горького тоже возвещал о явлении по-своему *нового течения* в тогдашней русской литературе. Но этот автор, в отличие от писателей круга Мережковского, не сосредотачивался на постижении глубин человеческого сознания, на духовном самоопределении личности и «преобразовании мира усилием творческой воли» [Сологуб, 1991, с. 207–208]. Горький сделал ставку на сложившуюся литературную традицию, где главенствовала социальная проблематика, но с существенным переносом смысловых акцентов. Центральный герой Горького – люмпен, или, по тогдашнему слову, босяк не желал считать себя жертвой несчастных обстоятельств, особенностей собственного характера, вообще чего бы то ни было. Все свои жизненные невзгоды и беды он ставил в вину внешнему миру, и, следовательно, в той или иной степени оказывался готовым этот мир изменить – разумеется, уже не просто «усилием творческой воли», хотя он также исходит из волевого посыла («Все творчество Максима Горького проникнуто ярко выраженным волевым напряжением» [Сологуб, 1991, с. 190]), а более радикальными средствами.

Вышеприведенные тезисы Федора Сологуба взяты из его статьи 1915 г. «Искусство наших дней», появившейся в известном – и совсем не чуждом Салтыкову – журнале «Русская мысль» (№ 12). В силу исторических причин и, прежде всего, произошедшего совсем вскоре всероссийского катаклизма, реально воплотившего метафорическое щедринское *оно*, статья эта оказалась фактически не прочитанной, а ее идеи не были осмыслены. Между тем Сологуб оказался в данном случае обозревателем, въедливо и свободно подводящим итог целому периоду русского литературного развития, вскоре насильственно прерванному.

Сологуб убежден, что подлинное художественное творчество в его время возникает между «тенденциозным искусством предыдущего периода» и «самодовлеющим эстетизмом „искусства для искусства“». «Искусство для жизни и искусство для искусства – одинаково несовершенные виды искусства». Сила искусства – на «широком пути свободного творчества», потому что «в нем опять начинают преоб-

ладать волевые элементы. Искусство наших дней сознает свое превосходство над жизнью и над природою» [Сологуб, 1991, с. 178].

Салтыков начал свой творческий путь как Щедрин в обстоятельствах бурного развития именно «тенденциозного искусства» и вплоть до закрытия «Отечественных Записок» так или иначе взаимодействовал с его формами и их разнообразными мутациями. С другой стороны, и пресловутое «искусство для искусства» в эти же десятилетия прошло свой этап эволюции форм «мира как красоты» (Д. Благой), обретя опыт изображения «миропониманий» и тоже отражаясь в творческой практике Салтыкова. Сологуб говорит о том, что к его времени в отечественном искусстве установилась «тройная связь его свойств». Искусство «хочет быть символическим, оно обвеяно духом трагедии, оно стремится стать всенародным». Главное достижение современного искусства в том, что оно «является неустанным строительством миропониманий». И следом Сологуб, не указывая на творческий опыт Салтыкова, волей-неволей говорит – по известным нам художественным фактам – в том числе и о нем. «Есть два способа отношения к миру – ирония и лирика. В поэтическом творчестве я различаю два стремления: положительное, ироническое, говорящее миру *да* и этим вскрывающее роковую противоречивость жизни, и отрицательное, лирическое, говорящее миру *нет* и этим созидающее новый мир, желанный, необходимый, но и невозможный без конечного преобразования мира. <... >

Ирония в моем словоупотреблении хочет принять, благословить, восхвалить, несоответствие же кажущегося с действительным является невольным, но неизбежно. Слово лирика я здесь употребляю не только в смысле лирической, субъективной поэзии, но в более широком смысле лирической настроенности, миропонимания субъективного, волевого, активного, в противность миропониманию пассивному, обусловленному, научному.

Две вечные истины, два познания даны человеку. Одна истина, один способ понимания мира – ирония. Она принимает мир до конца. Этим покорным приятием мира она вскрывает роковые противоречия нашего мира, уравнивает их на дивных весах сверхчеловеческой справедливости.

Другая истина о мире – лирика. Она отрицает и разрушает здешний мир, и на великолепных развалинах его строит новый. К радостям этого нового мира вечно влечется слабое сердце человека. <... >

Трудно указать поэта, который был бы исключительно лириком или ироником в указанном мною смысле. Всякая поэзия представляет

сочетания иронии и лирики в том или ином взаимном отношении» [Сологуб, 1991, с. 192–193].

Сологуб, полагавший, что незадолго до этого в литературных боях Горький ослабил его как Смертяшкина (сам Горький это отрицал [М. Горький, 1934, с. 195–197]), с полной невозмутимостью дает свое понимание «вопроса о смерти». «Смерть, подводя итоги всем жизненным явлениям, укрощая всякую вражду и злобу, разрешая все противоречия, спасая от нестерпимого, не только осмысливает, но и освящает жизнь». И наконец: «Жертвенною смертью преобразится мир, смертью и искусством. Этими двумя одинаково, потому что искусство своим возвышающим и очищающим влиянием на жизнь воистину подобно смерти» [Сологуб, 1991, с. 204, 205].

В этих художественных координатах «Забывшие слова» Салтыкова, рассмотренные так, как они написаны, а не так, как их начали представлять с первопубликации (по содержанию им действительно больше подходит название «Завещание»), оказываются одним из провозвестий художественного языка Серебряного века. «Последняя страница М. Е. Салтыкова» окончательно отводит своего автора от более чем сомнительного, а, по сути, совершенно необоснованного трона обличителя самодержавия и предтечи того самого соцреализма, в который выродилось творчество тех, кто выбрал путь Горького. Не исключая и самого Алексея Максимовича.

Литература

- Алексеев М. П., Алексеева Н. В. Примечания // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. Т. 10. – М.: Наука, 1982. С. 442–529.
- Благой Д. Д. Мир как красота. О «Вечерних огнях» А. Фета. – М.: Худож. литература, 1975. – 112 с.
- Благой Д. Д. Стихотворение // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: в 2 т. Т. 2. – М.; Л.: Л. Д. Френкель, 1925. – Стб. 880–881.
- Бушмин А. С., Баскаков В. Н. «Сказки» Салтыкова-Щедрина: Становление жанра. Творческая история. Восприятие // Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки / изд. подгот. В. Н. Баскаков, А. С. Бушмин. – Л.: Наука, 1988. – С. 223–244.
- Вестник Европы. – 1889. – Июнь. – 868 с.
- И-р. «Mortuos plango...» / А. И. Герцен // Колокол. 1862. 1 января. Л. 118. – С. 981–983.
- Мандельштам О. Шум времени // Мандельштам Осип. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Худож. литература, 1990. – С. 6–49.

- М. Горький. Материалы и исследования. Т. 1. – М.: Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1934. – С. 195–197.
- Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколомитейное искусство. М., 1912. [URL: <http://www.kolokola.com/archives/3360>] [25.11.2016].
- Орлицкий Ю.Б. Динамика стиха и прозы в истории русской словесности: М.Е. Салтыков (Н. Щедрин) // Орлицкий Ю.Б. Динамика стиха и прозы в истории русской словесности. Монография. – М.: РГГУ, 2008. – С. 236–258.
- Салтыков К.М. Интимный Щедрин // Щедринский сборник: Статьи, публикации, биография / науч. ред. Е. Н. Строганова; публ. и комм. М.В. Строганова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – С. 125–184.
- Сологуб Ф.К. Искусство наших дней // Сологуб Ф.К. Творимая легенда: в 2-х кн. / сост., подгот. текста, послесл. Л. Соболева; комм. А. Соболева. М.: Худож. литература, 1991. – С. 177–209.
- Тимофеев Л.И. Стихотворение в прозе // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 11. – М.: ГИХЛ, 1939. – Стб. 77–78.
- Schiller Friedrich. Gedichte. – Kreuznach, 1804. – S. 61–74.

В. В. Тихомиров¹

(Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова)

**ПАРАДОКС ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?
ТВОРЧЕСТВО М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
В ВОСПРИЯТИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ
1860–1880-Х ГОДОВ**

Русская радикально-демократическая критика второй половины XIX в., начиная с Д. И. Писарева, негативно оценивала произведения Щедрина, находя в них высмеивание всего и всех без какой-либо цели и позитивной программы. Это объясняется увлечением радикальных мыслителей философией позитивизма с установкой на утилитарную эстетику художественного творчества. Образная система Щедрина не соответствовала этим принципам.

Ключевые слова: юмор и сатира, художественное творчество, позитивистская программа, поэтика щедринской сатиры.

V. V. Tikhomirov

(Kostroma State University n. a. N. Nekrasov)

**PARADOX OR REGULARITY? THE CREATIVE WORK
BY M. E. SALTUKOV-SHCHEDRIN IN RECEPTION
OF THE DEMOCRATIC CRITICS OF THE 1860–1880S**

Starting with D. I. Pisarev, Russian radical (democratic) literary critics of the second half of the XIX century estimated M. E. Saltykov-Shchedrin's satirical work negatively; he was looked upon as a writer who made fun of everyone and everything with no definite purpose or positive programme. This was due to radical thinkers' enthusiasm about the philosophy of positivism with its aim to the utilitarian aesthetics of art. The image system of Saltykov-Shchedrin did not correspond to these principles.

Keywords: humour and satire, positive aesthetics, the poetics of Schedrin's satire.

¹ Тихомиров Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета; e-mail: vtihom@mail.ru.

■ Известен факт категорического неприятия творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина сотрудниками радикальных российских журналов 1860–1880-х гг. «Русское слово» и «Дело», фактическим руководителем которых был Г.Е. Благосветлов. Д.И. Писарев, Н.В. Шелгунов, П.Н. Ткачев на протяжении почти пятнадцати лет (1864–1878) в статьях, посвященных очерковым циклам Щедрина («Сатиры в прозе», «Невинные рассказы», «Благонамеренные речи», «В среде умеренности и аккуратности») не только порицали его творчество, но и стремились противопоставить ему свое понимание сущности сатирической литературы. Выяснение мотивов отрицательного отношения к творчеству Салтыкова-Щедрина и противопоставления ему программы якобы истинной сатиры, как ее представляли себе ведущие критики названных журналов, позволяет уточнить эстетические принципы русской радикальной («реальной») критики и специфику щедринской сатиры.

Русской критике долгое время оставался непонятным тот пафос негодования, который диктовал сатирику его своеобразный нравственный императив, ставил Щедрина на такую ступень обличения зла, которая, с одной стороны, представлялась излишней, избыточной, с другой – и это закономерно – казалась абстрактной, лишенной конкретного содержания и цели. Поэтому сатира Щедрина могла одновременно казаться очень категоричной, абсолютной, и вместе с тем неглубокой, отвлеченной. Именно в этом последнем смысле понял сатирическое творчество Щедрина Писарев, основавший традицию достаточно узкого понимания сущности его сатирического обличения.

Сам Писарев вскоре после публикации своей статьи «Цветы невинного юмора» (Русское слово, 1864, № 2) признался в письме к матери, что прежде любил и уважал творчество Щедрина, но потом «внимательно всмотрелся в его произведения и увидел пустоту...» [цит. по: Кузнецов, 1983, с. 442]. О какой «пустоте» может идти речь? Очевидно, критик не видел в щедринской сатире четкой цели, позитивной программы, во имя которой стоило бы заниматься обличениями. Отсюда и обвинения в приверженности чистому искусству, в заимствовании чужих избитых мыслей, причисление Щедрина к рангу «литературных паразитов», усвоивших лишь «гибкую и разнообразную форму выражения» [Писарев, 1981, с. 289–290]. Авторская позиция Щедрина в его произведениях представляется критику поверхностной: «Есть язвы народной жизни, над которыми мыслящий человек может смеяться только желчным и саркастическим смехом; кто в подобных случаях смеется ради пищеварения, тот сбивает с тол-

ку общественное сознание, тот усыпляет общественное негодование, тот ругается над священной личностью человека и, стоя в первых рядах прогрессистов, юродствует хуже всякого обскуранта» [Писарев, 1981, с. 302].

Писарев упрекал Щедрина в отсутствии в его сатире положительных идеалов, но не только в этом дело: в этой же статье критик вполне терпимо отзывался о творчестве Писемского, по его мнению, лишенном каких-либо идеалов, но верным изображением жизни заставляющем читателя задуматься над ее нелепостями. Очевидно, Писарева не устраивала художественная манера Щедрина, и он предлагал писателю оставить беллетристику и заняться «серьезными исследованиями» научного и публицистического характера с целью «размножать мыслящих людей». Критику казалось, что сатирик бесполезно растрчивает свой беллетристический талант на живописание устаревших, никому не интересных явлений.

Характеристика щедринского творчества оказывается у Писарева поводом для позитивистских рассуждений о преимуществе науки и образования перед искусством, о бесполезности последнего. В этом отношении сатира Щедрина ставится критиком в один ряд с поэзией Фета: «беспредметный и бесцельный смех г. Щедрина» столь же бесполезен, как «беспредметное и бесцельное воркование г. Фета» [Писарев, 1981, с. 293–294]. Поэтому «уму и здравому смыслу нечего делать» в сатирах Щедрина» [Писарев, 1981, с. 300]. Писарев категорически не приемлет творческую программу сатирика, его эстетические принципы, находя в них стремление к «просветлению и примирению», а в таком искусстве, по его мнению, нет «ничего, кроме одуряющего». Если «жизнь тяжела и безобразна, а рассказ заставляет нас смеяться приятнейшим и добродушным смехом, то это значит, что литература превращается в щекотание пяток и перестает быть серьезным общественным делом» [Писарев, 1981, с. 301].

Некоторые суждения Щедрина, признает Писарев, совпадают со взглядами сотрудников «Современника», например, Н. А. Добролюбова, однако Щедрин «не прогрессист, а эксплуататор прогрессивной идеи, паразит и откупщик умственного мира» [Писарев, 1981, с. 305]. Столь категорическое отрицание каких-либо достоинств щедринского творчества явно должно было опираться у Писарева и его последователей на собственную литературную программу, предполагающую более открытую публицистически выраженную авторскую позицию. Критик уверен, что «для благосостояния всего общества» важнее не «истрепанная беллетристика», а «серьезное исследо-

вание, написанное ясно и увлекательно» [Писарев, 1981, с. 314, 315, 316]. У писателей, подобных Щедрина, беллетристическая форма лишь «маскирует их бедность», «становится положительно вредною» [Писарев, 1981, с. 317]. Щедрин «взял из Добролюбовского „Свистка“ манеру относиться недоверчиво к нашему официальному прогрессу; естественный, живой и глубоко-сознательный скептицизм Добролюбова превратился у его подражателя в пустой знак» [Писарев, 1981, с. 317].

Критик не стремится дать сколько-нибудь полную характеристику творчества Щедрина, он пишет свою статью, руководствуясь известным принципом реальной критики – рассуждать «по поводу» литературных явлений, преследуя определенную публицистическую цель, в данном случае – в духе известного принципа «разрушения эстетики» отрицать в литературе художественные ценности и утверждать необходимость «экономии умственных сил» и приоритет естественных наук с целью создания «мыслящих людей» [Писарев, 1981, с. 319]. Для подтверждения истинности своих суждений о сатире Щедрина и о тенденции современного литературного творчества в целом Писарев ссылается на отдельные примеры, сюжетные эпизоды и образные характеристики из щедринских очерков. На этом основании он делает вывод, что Щедрин «не... замечает того, что его однообразное и невинное хихиканье отвлекает... от настоящего дела», в то время как необходимо «умственные силы» «направить на пользу дела» [Писарев, 1981, с. 320, 321].

Писарев формулирует свои представления о природе и функции смеха в литературном произведении: «Смеяться полезно только над идею, потому что <...> смех есть сам по себе новая идея, отрицающая старую <...>. Осмеивать идею – значит доводить ее до абсурда...» [Писарев, 1981, с. 318]. Поэтому литература, утверждает критик, «может приносить пользу только посредством новых идей» [Писарев, 1981, с. 322] – к этому он и призывает Щедрина, и, не находя в его творчестве желаемого, не приемлет его сатиру.

Статья Писарева «Цветы невинного юмора» появилась в печати в то время, когда между журналами «Русское слово» и «Современник» уже началась пока еще не очень резкая полемика, названная впоследствии с легкой руки Ф. М. Достоевского «расколом в нигилистах». В нескольких выпусках щедринского цикла «Наша общественная жизнь» уже с осени 1863 г. стали появляться косвенные возражения Писареву на его высказывания, в частности, в статьях «Наша университетская наука» (Русское слово, 1863, № 7–8) и «Очерки

по истории труда» (Русское слово, 1863, № 11–12). Салтыкову представлялись наивными утверждаемый Писаревым и его единомышленниками культ естественных наук и утопические рассуждения о счастливом будущем [6, с. 172, 261]. В рукописях сохранились достаточно резкие его высказывания о Писареве и других сотрудниках «Русского слова», написанные в фельетонном духе. Писарева Салтыков несколько раз поименовал «Бенескриптовым», очевидно, признавая его мастерство публициста. Вскоре после появления в печати статьи «Цветы невинного юмора» в рукописи предназначенного для апрельского выпуска цикла «Наша общественная жизнь» появилась фраза, которую можно понять как резкий вызов: «На днях один из знаменитейших наших ерундистов упрекнул меня: вы, говорит, для глуповцев пишете...» [6, с. 348]. Однако этот и подобные ему выпады не попали в «Современник», редакция которого, видимо, не хотела, чтобы полемика опускалась до личных оскорблений оппонентов (официальным редактором журнала в это время был А. Н. Пыпин).

Обыгрывая естественнонаучные увлечения молодых сотрудников «Русского слова», сатирик называл их «человекообразными»: они, по крайней мере, знают, чего хотят, («ратуют из-за каких-то убеждений»), и выделял на фоне остальных журналистов – «стрижей» (почвенников) и «амфибий» (либералов) [6, с. 519]. В незаконченной и не напечатанной в свое время статье «Но если уж пошла речь о стихах...», датированной концом 1864 г., Щедрин, в частности, писал, явно имея в виду Писарева: «...некоторый чимпандзе обратился ко мне с серьезным увещанием, что лучше было бы, если б я перестал заниматься беллетристикой, а принялся бы за естественные науки...» [6, с. 519]. Все эти полемические высказывания сатирика стали известны читателям только после публикаций сохранившихся рукописных источников в «Литературном наследстве» (1933 и 1959 гг.). В письме к А. Н. Пыпину от 2 апреля 1871 г. Салтыков утверждал: «Упрек в „смехе ради смеха“ вышел в первый раз от Писарева и имел источником личное его враждебное ко мне чувство» [18-2, с. 75]. Вряд ли подобное объяснение достаточно, причины неприятия щедринского творчества радикальными демократами были более принципиальными, чем личные отношения.

Различия в представлениях о природе сатирического творчества, о роли юмора в литературном произведении между сотрудниками демократических журналов (теперь это были уже «Отечественные записки» и «Дело») сохранили свою актуальность и в 1870-е гг., и позднее. Оценка Писаревым щедринской сатиры была продолже-

на Шелгуновым и Ткачевым, которые продолжали утверждать, что творчество Щедрина безыдейно и лишено общественной ценности. Правда, в 1880-е гг. Шелгунов изменил свое отношение к сатире Щедрина, но лишь более поздней. Относительно же творчества сатирика в 1860–1870-х гг. годы критик по-прежнему придерживался мнения, что «у сатиры Щедрина не было еще точных границ, он раскидывал свои стрелы направо и налево <...> как бы желая только удовлетворить своему сатирическому складу ума» [Шелгунов, 1895, стб. 537].

Первые отзывы Шелгунова о сатире Щедрина появились в его статье «Русская сатира», имевшей программный характер. Критик утверждал: «Так как сатира есть по преимуществу результат чувства, то ее влияние на мысль никогда не бывает сильно. Поэтому она ниже тех строгих и серьезных родов литературы, которые действуют на мысль непосредственно. <...> Даже самая строгая, сознательная сатира, действуя как отрицание, идет не впереди руководящей идеи, а сзади ее» [Шелгунов, 1874, с. 39]. Итак, в сатире, как и вообще в литературном произведении, важна «руководящая идея». Пример такой осмысленной сатиры критик находит у Добролюбова: «Сатира Добролюбова всегда ясна, образы его всегда определены, ибо ясна его мысль. Даже в самом отрицании вы находите у него положительную сущность» [Шелгунов, 1874, с. 48].

Не называя автора и произведение, но имея в виду очерки Щедрина «Благонамеренные речи», Шелгунов замечает: «Мы готовы помириться, пожалуй, и на смехе, если бы у него была одна точная и ясная нота; но если сатира смеется и над Софроном Матвеевичем и над Хришашкой, если она видит во всем одну неисходную глупость и трунит над бессознательностью и в то же время обнаруживает свою собственную бессознательность – кому нужен такой смех?» [Шелгунов, 1874, с. 56–57]. Критик достаточно четко выразил свою позицию по отношению к сатире вообще и щедринской сатире в частности. В этом же духе Шелгунов оценил творчество Щедрина в появившейся через два года статье «Горький смех – не легкий смех», посвященной отдельному изданию «Благонамеренных речей». Критик проявляет открытую солидарность с позицией Писарева по отношению к творчеству Щедрина, которая, по его мнению, сохранила «всю свежесть правды» [Шелгунов, 1876, с. 316]. Продолжая рассуждения Писарева, Шелгунов утверждает: «Когда в смехе есть мысль, когда за ним скрывается положительная идея, тогда человек, смеясь, понимает, а понимая, он знает, что ему делать. Если же в смехе нет ни ясно сознаваемой мысли, ни цели, он делается искусством для искусства, сатирической солью

без сатирического содержания». У Щедрина, по мнению критика, «ни смех, ни кажущееся едкое слово сатиры не выражает в себе никакого активного протеста. Все это отрицание разрешается веселым смехом ради одного добродушного смеха» [Шелгунов, 1876, с. 319].

Шелгунов не дает анализа сатирических очерков Щедрина как художественных произведений, его критика носит публицистический характер. Он использует щедринское творчество для порицания общества, которое его сформировало и которое писатель, по мнению автора статьи, представляет: «Сатира Щедрина... отвечает требованиям и степени развития публики, и в этом весь секрет ее популярности и влияния, вся сила производительности и энергии его таланта». Щедрин – «естественный продукт сформировавшей его среды и верное отражение ее общественного темперамента» [Шелгунов, 1876, с. 316, 318]. Тем самым критик нарочито изолирует сатирика от передовых демократических кругов русского общества и как будто погружает его в то самое глуповское болото, над которым сатирик смеется.

Какими мотивами руководствуется Шелгунов в подобном объяснении щедринского творчества? Это творчество представляется критику мизантропическим, а он явно предпочитает литературу, содержащую позитивную идею, авторскую программу, пусть даже утопическую. В сатире Щедрина этого не было и не могло быть, поскольку его идеалы имели глубоко нравственный, гуманистический характер и не укладывались в рамки социального протеста. Шелгунова не устраивает нравоучительный характер подобной сатиры, напоминающей ему басню. Он даже пытается подсказать писателю истинное, по его мнению, направление сатиры: «...если она только может быть режущей, объективной, стоящей вне, то пусть она будет общественной, политической, сатирой с точным содержанием, ясной и понятной. Припомните Свифта» [Шелгунов, 1876, с. 335]. Шелгунов находит в сатире Щедрина «отсутствие меры», что превращает ее «в пародию и в преувеличение до того, что в его сатире начинаешь понимать русскую жизнь совсем не такой, какой она есть в действительности. Везде... видишь наблюдателя, вооруженного какими-то особенными стеклами, которые видят только одно и совершенно не замечают многого другого» [Шелгунов, 1876, с. 339]. Склонность к позитивистскому пониманию искусства у русских радикальных демократов определяла их приверженность к натурализму, чему, как известно, противился Салтыков.

Суждения Шелгунова о щедринской сатире в статье «Горький смех – не легкий смех», напоминающие окончательный приговор, не были таковыми. Позднее, в 1880-е гг., критик высказывал и другие,

более противоречивые мнения о сатирике, и в результате пришел к достаточно высокой оценке его творчества в целом. В итоговой книге «Очерки русской жизни», составленной из публикаций в разных журналах, Шелгунов неоднократно и по преимуществу сочувственно упоминает Щедрина, хотя и не отказывается от прежней оценки его творчества. Он утверждает, что «сама жизнь заставила сатирика выделить известный сорт явлений и отвечать на запросы наиболее общественного чувства. Форма нашла свое истинное содержание, а сатирический бич свою цель...» [Шелгунов, 1895, стб. 538]. Критик считает, что со временем в творчестве Щедрина произошел перелом, что сатирик преодолел тот этап творчества, «когда он, художник, разменялся на фрондирующий и мелко-обличительный фельетон» [Шелгунов, 1895, стб. 958]. Видимо, и сам Шелгунов сумел понять истинные достоинства щедринской сатиры, во всяком случае, он уже не возражает против ее морализирующего характера и сочувственно противопоставляет ее «моралисту» Л. Н. Толстому, у которого нет такого интереса к «забытым словам», как у Щедрина, и который не рассуждает «о пропавшей совести», как это мог делать только Щедрин [Шелгунов, 1895, стб. 1049, 792].

В своей итоговой оценке щедринского творчества Шелгунов, с одной стороны, оценил значимость нравственного пафоса сатирика (что он ранее явно недооценивал) и в то же время признал его социальный характер. Несмотря на явные различия в представлении о функциональности литературы как искусства (Шелгунов был сторонником откровенно утилитарной эстетики, а Салтыков-Щедрин оставался приверженцем художественного выражения авторской мысли), они нередко совпадали в своих оценках литературных явлений, если находили в них консервативную тенденцию.

Ткачев – автор статьи «Безобидная сатира» (Дело. 1878. № 2), представляющей собой отклик на цикл очерков Щедрина «В среде умеренности и аккуратности», продолжил традиции того направления критической оценки щедринского творчества, которое было представлено статьями Писарева и Шелгунова. Ткачев, как и Шелгунов, солидарен с Писаревым в оценке щедринской сатиры и тоже противопоставляет ей сатирическое творчество Добролюбова (Якова Хама), у которого высмеиваемому всегда, по мнению критика, противопоставляется что-то положительное. «А где смех – добродушный смех, там нет и не может быть места негодованию» [Ткачев, 1933, с. 168] – утверждает критик, явно проявляя солидарность со своими предшественниками – сторонниками позитивистской эстетики.

В то же время у Ткачева проявляется особенное отношение к щедринской сатире, он подчеркивает, что «Щедрин обладает замечательным остроумием, неистощимую фантазию, неподражаемым (и по форме, и по сущности) юмором, редкою отзывчивостью на все явления окружающей его действительности, наконец, бесспорным художественным чутьем и способностью к глубокому и всестороннему психологическому анализу <...> но, с другой стороны <...> этот юмор и это остроумие является у него каким-то обоюдоострым оружием, которым он, без достаточной разборчивости, побивает и друзей, и врагов...» [Ткачев, 1933, с. 161]. Основные претензии Ткачева к щедринской сатире – отсутствие, по его мнению, четко выраженной авторской идеи, морализаторство, смех, который приводит читателя в «веселонравное настроение», за которым неизбежно следует «примирение» и «успокоение» [Ткачев, 1933, с. 166]. Щедрин прав там, где он сатирик, обличитель, но напрасно он превращает сатирических персонажей в юродивых, в шутов гороховых, отчего сатирическая направленность его творчества снижается. Критик не признает творчество Щедрина истинной сатирой, которая должна быть «настоящим бичом общественных язв и пороков, горячим, жгучим протестом против вопиющей неправды и торжествующего зла». Настоящая сатира не смешит своих противников, «она их озлобляет и ожесточает, и они преследуют ее», у Щедрина же, наоборот, «сатира возбуждает смех в тех самых людях» [Ткачев, 1933, с. 169]. Как и у Писарева и Шелгунова, вопрос снова упирается в понимание места и роли юмора в сатирическом произведении. Ткачев считает, что сатира должна быть серьезной, содержательной и целеустремленной.

Смех, подобный тому, что преобладает в щедринской сатире, по мнению Ткачева, даже безнравственен: «... не смеяться мы должны, а сердиться, негодовать... или, в крайнем случае, гореть от стыда» [Ткачев, 1933, с. 172]. В то же время критик не соглашается с теми «гонителями» щедринского творчества, в том числе с Писаревым, которые объясняли «веселонравие» Щедрина «какими-нибудь умственными и нравственными недостатками, беспринципностью его мирозерцания, шаткостью его убеждений, неопределенностью его идеалов и т. п.» [Ткачев, 1933, с. 172]. По его мнению, дело не в личных качествах писателя, а в его принадлежности к дворянской интеллигенции, для которой характерно «кротко-незлобивое и дилетантски-индифферентное отношение к окружающему» и одновременно желание сохранить существующее положение [Ткачев, 1933, с. 174]. Это поколение, воспитанное на идеалах, воспетых литературой 1840-х годов,

оказалось способно наслаждаться «безобразиями жизни», и в то же время «они хныкали и горевали по поводу этих же самых безобразий» [Ткачев, 1933, с. 177]. Явно имея в виду характер поколения «кающихся дворян», Ткачев утверждает: «...недовольство, пройдя через стадию мировой скорби <...> привело нас к нравственному ожесточению <...> наиболее подходящею формою обнаружения последнего является <...> хохот – бесшабашный, веселонравный хохот» [Ткачев, 1933, с. 178]. В духе традиций реальной критики он, по существу, переводит характеристику творчества Щедрина на социально-психологическое осуждение русского общества и по-своему использует щедринские тексты, утверждая: мы хохочем над «скорбями и печальями» головотяпов, «над их затаенными слезами, над их оплеванными и избитыми физиономиями» – над собой хохочем! [Ткачев, 1933, с. 179], тем самым пытаюсь свести смысл щедринских сатирических обличений к конечному примирению.

Вскоре после публикации статьи Ткачева «Безобидная сатира» Салтыков решил ответить своим критикам, не только Ткачеву, но и Шелгунову и Писареву (с которого, по его мнению, и началось превратное суждение о его сатирическом творчестве). В ряде очерков из цикла «Круглый год» (Отечественные записки, 1879, № 10, 11, 12) он, не называя имен, вступил в полемику с критиками, не принимавшими (и не понимавшими) его творчество, и достаточно подробно объяснил свою литературную позицию. Отвечая на некоторые упреки критиков, Щедрин пишет: «Моя резкость имеет в виду не личности, а известную совокупность явлений, в которой и заключается источник всех зол, угнетающих человечество. Читатель, очевидно, понимает, что такова именно моя мысль, и, вследствие этого, мирится со мной даже тогда, когда я, по-видимому, обличаю его самого. Он инстинктивно чувствует, что я совсем не обличитель, а адвокат. Что я вижу в нем жертву общественного темперамента...» [13, с. 505]. Писатель открыто заявляет, что не стремится подрывать общественные устои государства, а лишь показывает, что они самим обществом искажены до того, что как будто уже и не существуют [13, с. 510].

Отвечая Ткачеву на упреки в следовании устаревшим идеалам 1840-х годов, Щедрин заявляет, что «литература сороковых годов уже тем одним оставила по себе неизгладимую память, что она была литературой серьезно убежденной. Не зная никаких свобод, ежечасно изнемогая на прокрустовом ложе всевозможных укорачиваний, она не отказывалась от своих идеалов, не предавала их», ее идеалы

«послужили подспорьем при решении крестьянского вопроса и осуществления прочих реформ шестидесятых годов» [13, 537]. Вообще спор с оппонентами дал возможность Салтыкову-Щедрину раскрыть свои важнейшие творческие принципы и основы мировоззрения. Ткачев же остался верен своему первоначальному мнению о щедринской сатире [см.: Мысляков, 1991, с. 92].

Многолетняя полемика группы радикальных демократов с концепцией сатирического метода Щедрина показывает, что с их стороны это не было случайным заблуждением, следствием недопонимания или предвзятого отношения к сатирику. У них было свое представление об обличительной литературе, отрицающее юмор как преобладающий сатирический прием: все упреки критиков-демократов сводятся к тому, что они не принимают всеохватывающий щедринский смех, считая его чем-то несерьезным. Им нужны были «прямые», публицистические формы обличения, которые казались более действенными. Позиция критиков – сотрудников «Русского слова» и «Дела» – по отношению к сатире Щедрина еще раз демонстрирует характерную для позитивистского метода недооценку художественного элемента в литературе и предпочтение конкретного положительного смысла. Уместно напомнить мнение М. М. Бахтина о своеобразии сатирической образности: «Образное отрицание может принимать в сатире две формы. Первая форма – смеховая: отрицаемое явление изображается как смешное, оно осмеивается. Вторая форма – серьезная: отрицаемое явление изображается как отвратительное, злое, возбуждающее отвращение и негодование» [Бахтин, 1996, с. 35]. Именно различным пониманием природы сатирического творчества и роли в нем смехового начала объясняется неприятие творчества Салтыкова-Щедрина русскими радикальными демократами.

Литература

- Бахтин М. М. Сатира // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов / ред. тома С. Г. Бочаров, Л. А. Гогтишвили. – М.: Рус. словари, 1996. – С. 11–38.
- Кузнецов Ф. Ф. Нигилисты? Д. И. Писарев и журнал «Русское слово». – М.: Худож. литература, 1983. – 600 с.
- Мысляков В. А. Салтыков-Щедрин в оценке журнала «Дело» // Салтыков-Щедрин и русская литература. – Л.: Наука, 1991. – С. 81–100.
- Писарев Д. И. Цветы невинного юмора // Писарев Д. И. Литературная критика: в 3 т. Т. 1. Статьи 1859 – 1864 гг. – Л.: Худож. литература, 1981. – С. 282–322.

- Ткачев П. Н.* Безобидная сатира // Ткачев П. Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 6 т. Т. 4. – М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. – С. 156–179.
- Шелгунов Н. В.* Избранные литературно-критические статьи. – М.: Земля и фабрика, 1928. – 176 с.
- Шелгунов Н. В.* Очерки русской жизни. – СПб.: О. Н. Попова, 1895. – [6] с., 1098 стб.
- Языков Н.* Горький смех – не легкий смех / Н. В. Шелгунов // Дело. – 1876. – № 10. – Современное обозрение. – С. 315–341.
- Языков Н.* Русская сатира / Н. В. Шелгунов // Дело. – 1874. – № 1. – Современное обозрение. – С. 34–59.

И. А. Книгин¹

(Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского)

М. А. ПЕСКОВСКИЙ О М. Е. САЛТЫКОВЕ-ЩЕДРИНЕ

С первых шагов в журналистике М. А. Песковский проявлял интерес и выражал явную симпатию к творчеству Салтыкова-Щедрина, что нашло отражение на страницах его выступлений в разделе «Критика» в газете «Русское обозрение» (1876–1877). «Бессмертному» писателю, которого публицист назвал «великим мастером русского печатного слова», «целым литературным знаменем», посвящены также его поминальные статьи в «Новостях и биржевой газете» и «Одесском листке». **Ключевые слова:** Песковский, еженедельник, газетная литературная критика, обзор журналов, публицистические заметки, поминальная статья.

I. A. Knigin

(Saratov State University)

M. L. PESKOVSKY

ABOUT M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

From his first steps in the journalism Peskovsky showed interest in the works of Saltykov-Shchedrin and sympathized with them. These facts had an effect on the Peskovsky's statements in the section «Critique» in the paper «Russkoye obozrenie» (1876–1877). Moreover, his memorial articles in the «Novosti i birzhevaya gazeta» and in the «Odessky listok» were dedicated to Shchedrin, whom Peskovsky called «immortal» writer, «a great master of the words», «the whole literary banner».

Keywords: Peskovsky, Saltykov-Shchedrin, the weekly, newspaper literary critique, magazine's review, publicism, necrology.

■ В итоговой послеюбилейной статье 1977 г. С. А. Макашин, обозначая основные задачи, стоящие перед щедриноведением, высказал

¹ Книгин Игорь Анатольевич, кандидат филологических наук, профессор Саратовского научно-исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; e-mail: igor.knigin2012@yandex.ru.

весьма примечательную мысль: «Выяснение значения Щедрина как одного из великих воспитателей гражданского самосознания русской нации невозможно без изучения порожденной его произведениями как огромной критической литературы, так и эпистолярных и мемуарных свидетельств современников. Ведь буквально каждое выступление Щедрина в печати, – а он появлялся в печати *ежемесячно*, иногда по нескольку раз, – вызывало множество откликов и в прессе разных направлений, и в переписке, и в устном обмене мнений людей того времени. Такой активной критики, следовавшей буквально по пятам каждого выступления Щедрина, не знал в XIX веке ни один другой писатель. Отклики эти учтены с достаточной полнотой только библиографически. Кое-что использовано сейчас в комментариях в новом собрании сочинений. Но этого совершенно недостаточно. Нужна монография „Щедрин в современной ему критике и публицистике“» [Макашин, 1977, с. 182]. Это высказывание остается актуальным и спустя сорок лет, а основательная коллективная монография, к написанию которой призывал ученый, по-прежнему далека от завершения.

Среди достойных критиков и публицистов, писавших о М. Е. Салтыкове-Щедрине, имя Матвея Леонтьевича Песковского (1843–1903) в исследовательских трудах ныне практически не встречается, а уровень изученности его жизненного и творческого пути, по сути, измеряется только статьей в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» [Лукин, 1999, с. 566–567]. Между тем Песковский как журналист, беллетрист и педагог, несомненно, заслуживает внимания. Он происходил из семьи священника и, окончив последовательно Витебское духовное училище (1859), Полоцкую духовную семинарию (1864), естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1870), «состоял народным учителем в виленском учебном округе» [Русаков, 1903, с. 231], преподавал в «училище для распространения сельскохозяйственных, технических и ремесленных знаний и для приготовления учителей вятского земства», одним из инициаторов основания которого был сам, служил воспитателем малолетних арестантов Литовского замка. Впервые напечатавшись в публицистическом сборнике «Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год», в дальнейшем Песковский приобрел известность как автор многочисленных публикаций по вопросам народного и женского образования, проблемам профессионального обучения, по еврейскому вопросу и иным актуальным темам. Свои статьи он помещал на страницах «Голоса», «Молвы», «Порядка», «Нови», «Задушевного слова», «Родника», «Вестни-

ка Европы», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Наблюдателя», «Русской мысли», «Русских ведомостей» и других изданий.

В биографических очерках «К. Д. Ушинский, его жизнь и педагогическая деятельность» (1893) и «Барон Н. А. Корф, его жизнь и общественная деятельность» (1893), вышедших в серии «Жизнь замечательных людей» Ф. Ф. Павленкова и доброжелательно встреченных критикой, Песковский выступил ярким популяризатором достижений национальной педагогической мысли. В той же серии увидела свет его книга «А. В. Суворов, его жизнь и военная деятельность» (1899). Перу Песковского принадлежит также ряд повестей, очерков и рассказов для детей, пользовавшихся неизменным читательским успехом. Песковского по праву следует «отнести к типу литераторов, которые воздействуют на читателя не обличением, а положительным деянием, жизнеутверждающими эмоциями» [Горбунов, 1997, с. 504]. Приверженность идеям народнического просветительства нашла отражение в его беллетристических сочинениях; произведением, «чрезвычайно важным для характеристики его личности и убеждений» [Б. п. (б), 1903, с. 135], стала повесть «В глуши», в связи с которой один из рецензентов заметил: «Фанатический приверженец самого широкого просвещения, г. Песковский передает нам свои мнения о педагогической миссии народного учителя не без некоторого симпатичного пафоса, с убежденным оптимизмом, сквозь который просвечивает несколько наивная, мягкая, заразительно доверчивая натура писателя» [Б. п. (а), 1893, с. 43]. В последние годы жизни Песковский страдал тяжким недугом и скончался «в доме призрения душевнобольных имени императора Александра III на Удельной» [Б. п. (в), 1903, с. 1224].

С первых шагов в журналистике М. А. Песковский проявлял живой интерес к публикациям «Отечественных записок» и выражал явную симпатию к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина. Он, несомненно, мечтал видеть свое имя среди авторов щедринского издания, во второй половине 1870-х гг. о сотрудничестве Песковского в качестве публициста в «Отечественных записках» пытался хлопотать В. Р. Зотов. В связи с этим Салтыков сообщал ему: «При всем желании выполнить Вашу просьбу относительно г. Песковского, я ничего не могу сделать в этом смысле. Все вопросы внутренней жизни в «Отечественных» записках» разрабатываются одним из редакторов, Г. З. Елисеевым, а сверх того этими же вопросами заняты в журнале гг. Мордовцев и Головачев. Вы сами знаете, как трудно очистить место в журнале, который существует с давнего времени и в котором устроилась известная

обстановка. Поэтому надеюсь, что Вы не будете в претензии за отказ на человека, который искренно Вас уважает» [19-1, с. 72–73].

В 1876–1878 гг. М.А. Песковский был фактическим соредактором газеты «Русское обозрение» (редактором-издателем являлся Г.К. Градовский), где вел раздел «Критика», представленный основательными, но небесспорными разборами отечественной печати. Он рассматривал стоящие перед периодическими изданиями первоочередные, на его взгляд, задачи, указывал недостатки в освещении животрепещущих проблем современности. «Почти пятнадцать лет назад русская печать потеряла руководящее значение в жизни, разменялась по мелочам, измельчала; многотомные журналы заменились ежедневными газетами, – заявлял Песковский. <... > Жизнь – в фактах и явлениях общественной жизни; факты нужно изучать и разбирать, на фактах нужно руководить общественным мнением! За весь этот длинный промежуток времени можно указать только одну светлую личность как журналиста, это – г. Щедрин» [П-ский М. (а), 1876, с. 18].

В связи с актуальными вопросами прошлого и настоящего журналистской критики публицист нередко обращался к текущей литературе, в которой первенствующее место неизменно отводил творчеству Салтыкова-Щедрина. Так, размышляя о беспринципности и цинизме печати, подчеркивая, что «литературный мир – это до крайности пестрая смесь образования и невежества, людей с душою, горячим, искренним чувством и совершенно бездушных, с одним лишь холодным расчетом, людей честных, стойких, с убеждением, и людей бесчестных, идущих, куда ветер подует, далеко запрятывающих свои убеждения, если только они есть, всегда и во всем подлаживающихся, подсматривающих, подслушивающих» [П-ский М. (б), 1876, с. 14], высказывая презрение к «литературным „прохвостам“», Песковский апеллировал к щедринским «Благонамеренным речам». Опираясь на щедринские характеристики «лгунов», он аттестовал особый тип литературных деятелей «пошиба „нехороших поползновений“»: «... это – лгуны с напускною искренностью, деланным» жаром; это – новый тип литературных лгунов, народившийся и созревший под шумом „охранительных мер“ и оскудения печати, облеченный в приличный костюм изящного, игривого и хлесткого борзописания; это – *литературные „прохвосты“ – лгуны...* (здесь и далее курсив авторский. – И. К.). Это – те самые „прохвосты“, которые, прикрываясь грошовым либерализмом, ловко забегают и с переднего, и с заднего крыльца, еще ловчее служат на задних лапках, с лакейскою элегантною изыскивают благорасположение и соизволение всевозможных начальников и потому

точно знают, что можно и чего нельзя, и даже не стыдятся печатно заявлять об этих нового рода литературных разведках... О, это крупные негодяи от литературы!...» [П-ский М. (б), 1876, с. 16]. Новый тип «литературного „прохвоста“» Песковский обнаруживал «под именем литературного Молчалина, Алексея Степановича» в главе IV цикла «Господа Молчалины» (впоследствии – первая часть книги «В среде умеренности и аккуратности»).

Как известно, главы этого цикла, первоначального названного «Экскурсии в область умеренности и аккуратности», получили разные отклики в печати. По словам А. С. Бушмина, «многочисленные и разноречивые отзывы» породила и четвертая глава, «где представлен тип литературного Молчалина, издателя либеральной газеты „Чего изволите?“». Некоторые либеральные органы почувствовали себя глубоко уязвленными резкой сатирой и не замедлили высказать свое явное недовольство, свидетельствуя тем самым, что Салтыков метко попал в цель. Они не хотели признать Молчалина 2-го типичным представителем современной прессы, упрекали Салтыкова в карикатурности, шаржировании, преувеличениях, в необоснованном выпаде против печати вообще» [12, с. 636]. В отличие от таких критиков, Песковский целиком принял позицию писателя и предложил в одной из статей собственную интерпретацию щедринского образа, употребив понятие «литературное молчалинство» по отношению к «новому направлению печати» – «тащить и не пущать». По его словам, тип, созданный сатириком, «отличается замечательной рельефностью. Вся статья Щедрина проникнута неподдельным негодованием и даже омерзением за профанацию печатного дела и слова. А негодование это так глубоко, что он молчалинскую редакцию прямо называет „помойною ямою“» [П-ский М. (б), 1876, с. 16]. По мнению Песковского, писатель сумел точно определить и охарактеризовать «литературное молчалинство», когда главные роли заняли не литераторы, преданные своему делу, а «менялы и прохвосты», о которых он поведал в «Экскурсиях в область умеренности и аккуратности».

Пристальное внимание Песковский уделил журналистской деятельности либерального «литературного Молчалина», который постоянно обеспокоен собственным либерализмом и либерализмом «передовиков», сотрудников газеты «Чего изволите?», ведущей «не на живот, а на смерть „полемику“ с другою газетою „Бреющее шило“. В существе же дела это вовсе не полемика, а гнуснейшая инсинуация и донос, облеченные в неприличную для печати брань» [П-ский М. (в), 1876, с. 17]. Критик отметил, что Салтыкову удалось

очень точно передать «взаимное отношение газет в настоящее время. Ежедневные столичные газеты переругались между собою и продолжают ругаться самым неприличным образом. Во главе этой брани стоит „Новое время“, которое начало и поддерживает эту брань. Даже больше: ему всецело принадлежит изобретение полицейского направления печати – „тащить и не пущать“. Спор из-за взглядов, убеждений заменен этою газетою простою передержкою, или еще хуже – голым вымыслом с каким-нибудь скверным расчетом. < ... > Нет, – никогда не поверю я патриотизму Суворина, его честному служению национальным принципам и целям! Честное, искреннее служение этим высшим, лучшим принципам человечества не терпит тех приемов, которые Суворин допускает и сам проделывает в своей газете изо дня в день. Серьезного и жесткого упрека заслуживает большинство тех газет, на которые опрокидывается Суворин, но еще большего упрека заслуживает „Новое время“ – газета Суворина» [П-ский М. (в), 1876, с. 17–18].

Другой особенностью либеральной молчалинской газеты, ее «жизненным пульсом», писал Песковский, является «погоня за подписчиками», «страсть к наживе», из-за которой «Чего изволите?» готова публиковать даже «заведомо опасные руководящие статьи» и специальные заметки о том, как идет розничная продажа того или иного издания. Самой же характерной и существенной приметой «литературного Молчалина» критик называл его отношение к Молчалину-чиновнику, от которого он зависел буквально во всем, который «в каждый данный момент определенно знает, что можно и чего нельзя. Скажет он, например, „бросай статью о материализме“, велит он что-нибудь „марать и похеровать“, найдет он, что нужно „обстановочку“ статьи уничтожить, переделать и даже переиначить статью, заменить словцо, благословит он, наконец, „цапаться“ и „подсиживать“ – и литературный Молчалин ни в чем не прекословит ему; напротив, он во всем, чуть не в каждом слове, спрашивает совета, указания, помощи, одобрения и порицания Молчалина-чиновника. И все то, что одобрит Молчалин-чиновник, безусловно хорошо в глазах Молчалина-литератора. < ... > Литературный Молчалин и Молчалин-чиновник – это литературные Аяксы, которые взаимно поддерживают, дополняют друг друга, или, говоря образным языком Щедрина, взаимно „оплодотворяют“ друг друга. И вот таким-то сочетанием на литературном поприще двух этих элементов, убогих в умственном и гадких в нравственном отношении, и объясняется то ужасное положение литературы, в котором она находится в настоящее время» [П-ский М. (в), 1876, с. 18].

Песковский также обратил внимание на то, что среди «литературных Молчалиных» можно встретить «Молчалиных из менял» и «Молчалиных из литераторов», которых объединяет общая цель – нещадная эксплуатация литературного труда, выжимание «последнего сока из чернорабочего пишущего люда», эксплуатация и неприкрытый обман читателей. Тех и других связывает гипертрофированная алчность, «страсть к наживе и захвату в ужасающих размерах». Однако между «Молчалиными из менял» и «Молчалиными из литераторов» есть существенное различие. Первые следуют своим доходным целям открыто, а вторые ради них идут на всяческие извороты: «То вдруг, словно во имя каких-то высших целей и стремлений, начнут заботливо проводить в печать и жизнь принцип „тащить и не пущать“; то вдруг загрубят чуть не о поголовном радикализме, отсутствии или недостатке священных чувств „религиозности“, „патриотизма“ и „национальности“; то вдруг ударят в набат „война“, да потом перетрусят и спрашивают: „кто первый бил в набат?.. Мы не били!“... Прodelкам и фокусничеству нет конца! <... > Замечательно, что эти литературные фокусники чаще всего говорят о смелости, искренности и откровенности, потому что у них нет этих качеств; они чувствуют этот недостаток и желают, как говорится, „отвести глаза“. Правда, у них также нет честности и знаний, но они старательно обходят это болезненное место, внутренний голос подсказывает им: „лучше не говорить, – не поверят!“» [П-ский М. (в), 1876, с. 19].

В статье, посвященной характеристике «современного литературного безвременья» и явному лидеру «безвременцев литературы», одному из запевал «хоровой газетной песенки» и «аристарху клики безвременцев» А. С. Суворину, Песковский нелицеприятно аттестует представителей «литературного безвременья». Они неустойчивы в своих воззрениях, лишены убеждений и стремятся жить в собственное удовольствие. Литература для них является прежде всего средством наживы. Размышляя о «полчище литературных безвременцев», народившемся не сегодня и не вчера, о его типичных деятелях, Песковский опять вспоминает Щедрина: «Во всяком случае, их отношение к нуждам и требованиям жизни совершенно справедливо может быть охарактеризовано словами Щедрина: *„На то есть начальство, которое и заботится о нас“*» [Песковский (а), 1876, с. 22].

Публицист отозвался и на цикл «Отголоски», составивший вторую часть книги «В среде умеренности и аккуратности» и многими своими мотивами перекликающийся с «Господами Молчалиными». Разбирая очерк «На досуге», М. Л. Песковский в статье «Наш па-

триотизм, самообман, долгоязычие и прожектерство» (1877) охарактеризовал основные темы и образы произведения «талантливого наблюдателя и анализатора текущей русской жизни» и использовал новую щедринскую сатиру для аттестации не только суворинского издания, но и всей «воинственно-охранительной печати». Комментатор очерка «На досуге», отмечая, что он вызвал множество печатных откликов, специально останавливается на этой публикации, подчеркивая: «Наиболее содержательной следует признать статью М. Песковского на страницах „Русского обозрения“» [12, с. 660; см. также с. 674].

Свое особое слово о Салтыкове-Щедрине и значении его творчества Песковский произнес в поминальных публикациях, появившихся в «Новостях и биржевой газете» и «Одесском листке». Его некрологические статьи, созданные с присущей не только моменту, но и творческой манере автора пафосностью, но лишённые при этом почти неизбежной в подобных случаях официальности и трескучих фраз, пронизаны болью невосполнимой утраты, ощущением сиротства, на которое с уходом писателя оказалась обречена русская литература. Журналист составил подробный отчет в трех частях о похоронных днях, предназначенный для популярной провинциальной газеты «Одесский листок», известной и в столичных кругах. Хотя по времени эти петербургские корреспонденции Песковского появились позже, но написаны они были ранее, чем небольшое эссе «На могилу бессмертного», напечатанное в специальном номере «Новостей и биржевой газеты», посвященном памяти писателя.

Корреспонденции Песковского, опубликованные в «Одесском листке» в виде «писем из С.-Петербурга», содержат очень подробный рассказ о похоронных днях и являются интереснейшим свидетельством очевидца происходивших событий. Репортажные по сути, они могут стать существенным дополнением к рассказам других современников.

В первой статье журналист, подчеркнув величие писателя, необычайную силу его духа и подробно рассказав о панихиде, проходившей 29 апреля в квартире Салтыкова, о тех, кто пришел туда, сделал, между прочим, такое замечание: «Среди лиц, присутствовавших на панихиде, слышались оживленные толки по поводу „посмертного письма“, оставленного Салтыковым своему сыну, воспитывающемуся в лицее. Из уст в уста передавалось, в каких именно выражениях М. Е. завещал своему сыну быть *честным* человеком, *любить* людей, особенно же литераторов и литературу» [Песковский (А), 1889, с. 1].

Во втором «письме» рассказывается о панихиде комитета литературного фонда в Казанском соборе и еще об одной панихиде, прошедшей в квартире. Песковский делится своими впечатлениями: «Присутствуя на трех панихидах по М. Е. Салтыкове-Щедрине, я видел немало лиц с глазами, полными слез при пении „вечной памяти“ ... <...> Этот необычайный прилив публики в квартиру усопшего убеждает воочию, что на Руси, слава Богу, есть уже благородный, признательный „читатель“» [Песковский (б), 1889, с. 2]. Автор пытался представить живую, правдивую картину происходившего, передать настроения, царившие среди тех, кто пришел проститься с писателем, даже описал внешность вдовы, сына и дочери. Прозвучали в этой статье и не лишённые оправданной патетики выводы: «М. Е. Салтыков-Щедрин оставил России колоссальное наследство, в виде громадного количества произведений, где отразилась русская жизнь более чем за четвертьвековой период всеми своими отрицательными сторонами, от которых все мыслящее в России должно как можно скорее и полнее отрешиться. <...> Пусть на пользу и славу русского народа *вечно* живет в умах и сердцах русских людей признательная память к этому *художественному мастеру* русского слова, в чем он был поистине богатырски силен!» [Песковский (б), 1889, с. 2].

Заключительная статья была посвящена похоронам писателя и содержала подробный рассказ о похоронной процессии. Песковский писал: «Если что именно может во всей реальной наглядности уяснить торжество *духа* над плотью, торжество *вечного* и *мирового* над бренным, – так это именно „похороны“ вроде тех, которые видел сегодня Петербург. <...> это – торжество бессмертия над смертью, причем такое внушительное, что более выразительного образа его невозможно себе представить. Природа, по-видимому, также приняла все меры, чтобы усилить степень этой *выразительности*, чтобы доказать, что в жизни человека *дух* – это все» [Песковский (г), 1889, с. 2]. Заканчивалась статья традиционными для подобных публикаций уверенным предвещанием, что дело Салтыкова-Щедрина будет востребовано потомками, что оно поистине бессмертно: «Бесконечный ряд грядущих поколений будет учиться у него, как нужно чуждаться всего ложного, фальшивого, бесчестного, как нужно презирать эти проявления общественной жизни. <...> Поколения будут сменяться поколениями – и имя Салтыкова-Щедрина будет более и более вырастать в глазах всей грамотной России, как имя *величайшего мастера* русского печатного слова, как слава и гордость земли русской» [Песковский (г), 1889, с. 2].

Во многом провидческая мысль была высказана Песковским в его прощальном слове «На могилу бессмертному»: «Поколения будут сменяться одно другим, будут изменяться обстоятельства и условия, склад и быт русской жизни – и вместе с тем будет *вырастать и вырастать* значение произведений Салтыкова-Щедрина в сатирическом и эпическом отношениях. Каждое новое поколение отыщет для себя новую черту в этой неисчерпаемой сокровищнице политической мысли и гражданского, глубоко патриотического чувства. И сколько бы ни брали из этого наследия земли русской, как бы ни пытались измерить его глубину – только яснее будет его беспредельность, выше будет чувство удивления и признательности грядущих поколений к гению *великого мастера* печатного слова!..» [Песковский (в), 1889, с. 2].

Песковский, сам всецело принадлежа к русскому журналистскому сообществу, активно участвуя в самых значительных и действенных его начинаниях, веско и не случайно заявил о том, что Салтыков-Щедрин является выдающимся мастером печатного слова, прежде всего подразумевая, что все творчество писателя теснейшими узами навсегда оказалось скреплено с отечественной журналистикой и непредставимо вне ее.

Думается, нетривиальные суждения одного из второстепенных деятелей отечественной словесности по поводу отдельных произведений и значении Салтыкова для русской жизни демонстрируют неожиданные грани в освещении современниками различных сторон щедринского наследия и до сих пор не утратили своего значения.

Литература

- Б. п. (а) М. А. Песковский. В глуши. Повесть. СПб. 1893 г. // Северный вестник. – 1893. – № 11. – Отд. II. – С. 42–43.
- Б. п. (б) М. А. Песковский [некролог] // Нива. – 1903. – № 7. – С. 135.
- Б. п. (в) Песковский М. А. [некролог] // Исторический вестник. – 1903. – № 3. – С. 1224.
- Горбунов Ю. Кое-что об авторах // Песталоцци. Новиков. Каразин. Ушинский. Корф. Биографические повествования / сост., общ. ред. Н. Ф. Болдырева. – Челябинск: Урал, 1997. – 524 с.
- Лукин В. М. Песковский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4 / гл. ред. П. А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 566–567.
- Макашин С. После юбилея. (О некоторых итогах и задачах изучения Салтыкова-Щедрина) // Вопросы литературы. – 1977. – № 10. – С. 164–185.
- Михневич Вл. Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. 1000 характеристик русских государственных и общественных деятелей, уче-

- ных, писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр. – СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1884. – 264 с.
- От редакции // Русское обозрение. – 1878. – № 2. – 8 января. – С. 20.
- П-ский М. (а). Критика / М. Л. Песковский // Русское обозрение. – 1876. – № 9. – 5 сентября. – С. 18–20.
- П-ский М. (б). Критика / М. Л. Песковский // Русское обозрение. – 1876. – № 13. – 3 октября. – С. 14–16.
- П-ский М. (в). Критика (Продолжение) / М. Л. Песковский // Русское обозрение. – 1876. – № 14. – 10 октября. – С. 16–19.
- Песковский М. (а) Критика. Аристархи современного литературного безвременья // Русское обозрение. – 1876. – № 22. – 5 декабря. – С. 22.
- Песковский М. (б) На гроб М. Е. Салтыкову-Щедрину. (Письмо из С.-Петербурга). II // Одесский листок. – 1889. – № 118. – 5 мая. – С. 2.
- Песковский М. (в) На могилу бессмертному // Новости и биржевая газета. – 1889. – № 119. – 2 мая. – С. 2.
- Песковский М. (г) На могилу М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Письмо из С.-Петербурга). III // Одесский листок. – 1889. – № 120. – 7 мая. – С. 2.
- Песковский М. (д) Сиротеет русская литература!.. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Письмо из С.-Петербурга) // Одесский листок. – 1889. – № 117. – 4 мая. – С. 1.
- Русаков Виктор. Один из «друзей» Задушевного Слова. М. Л. Песковский и его литературная деятельность. Биографическая заметка / С. Ф. Либрович // Задушевное слово. – 1903. – Т. XLIII. – № 15. – 9 февраля. – С. 229–231.

Ю. В. Розанов¹

(Вологодский государственный университет)

ОЧЕРК А. М. РЕМИЗОВА

«К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ „ПОШЕХОНСКОЙ СТАРИНЫ“»: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ²

Статья посвящена очерку А. М. Ремизова о М. Е. Салтыкове-Щедрине, написанному в эмиграции в 1937 г. и вошедшем позднее в книгу «Петербургский буерак». Произведение рассматривается преимущественно в плане творческой истории и в контекстуальном аспекте. Выявление и исследование «ближнего» («Петербургский буерак») и «дальнего» («Учитель музыки» и др.) контекстов очерка позволяют сделать вывод о том значении, которое придавал Ремизов творчеству Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова: литература первой эмиграции, просветительская литература, текст, контекст, литературный юбилей.

Y. V. Rosanov

(Vologda State University)

M. REMIZOV'S ESSAY

«K PYATIDESYATILETIYU „POSHEHONSKOI STARINY“»: TEXT AND CONTEXT

The work is devoted to the A. M. Remizov's essay about M. E. Saltykov-Shchedrin which was written in the exile in 1937 and included later in the Remizov's book «Peterburgskii buerak». The work is considered mainly from two points of view: in terms of creative story and in contextual way. Identification and study of «near» context («Peterburgskii buerak») and «far» context («Ychitemuziki» and others) allow us to conclude the importance that Remizov gave to Saltykov-Shchedrin's oeuvre.

Keywords: literature of the first emigration, educational literature, text, context, literary anniversary.

¹ Розанов Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор Вологодского государственного университета, e-mail: rosanov007@gmail.com.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364/15).

■ Очерк А. М. Ремизова «К пятидесятилетию „Пошехонской старины“» впервые был опубликован в малотиражном издании «Русского объединенного общества взаимопомощи в Америке» (РООВА) «Русский вестник» в 1937 г. [Ремизов, 1937, с. 13–21], в 1953 г. этот текст с незначительными пунктуационными изменениями и под новым заглавием «Салтыков-Щедрин» печатался в США в газете «Новое русское слово» (№ 15163, 6 сентября), позже он стал частью восьмой главы ремизовской книги «Петербургский буерак», при жизни писателя не публиковавшейся [Ремизов, 2003, с. 341–347].

Книга художественных мемуаров Ремизова «Петербургский буерак» выполнена в технике свободного коллажа, но при этом, как пишет А. М. Грачева, она «является произведением, продуманным по композиции и обладающим законченной идейно-художественной структурой» [Грачева, 2003, с. 426]. Отметим, что известная хаотичность входила в художественное задание писателя, на что указывают и само заглавие, и выразительные подзаголовки – «Шурум-бурум» и «Стернь». Восьмая глава «Петербургского буерака», начинающаяся очерком о Салтыкове-Щедрине, включает два текста об А. П. Чехове, мемуарную заметку о режиссере и драматурге Н. Н. Евреинове, два некролога. Первый посвящен малоизвестному писателю и театральному деятелю Леониду Михайловичу Добронравову, умершему в 1926 г. в эмиграции, второй – библиотекарю Государственной публичной библиотеки в Ленинграде Якову Петровичу Гребенщикову, скончавшемуся в 1935 г. в казахстанской ссылке. Заканчивается глава воспоминаниями о П. Н. Милюкове. Мемуарный принцип комплектования отпадает – Ремизов не был знаком не только с Салтыковым, но и с Чеховым. Остается лишь самый общий принцип – пафос служения этих людей великой русской культуре на разных ее уровнях. Отдельные переключки деятельности упомянутых лиц с Салтыковым-Щедриним, как кажется, особой роли не играют, хотя, несомненно, существуют. Гребенщиков, например, имел отношение к Публичной библиотеке и в тот период, когда она стала носить имя Салтыкова-Щедрина. Он же, по словам Ремизова, был большим «любителем старинного церковного пения» и «вообще зол был песни петь». От вокальных пристрастий приятеля писатель перекидывает мостик к литературе, к подлинному «русскому стилю»: «Эта песенная традиция, связанная с книгой – русской книгой – русским стилем – не бабьей заслоняванной, сахаренной „патриотической“, не насильственно усеченной „без музыки“ глухих душ и не мещанским говорком „народных“ рассказчиков, а полнозвучной русской речью со строгим, строжайшим

ритмом разливного „знаменного распева“, проникающего лад гоголевской речи, через старинные Киевские распевы, а главное, „думы“, прозу Салтыкова, Толстого, Гончарова ...» [Ремизов, 2003, с. 370].

Юбилейная направленность произведения, обозначенная в первоначальном заглавии «К пятидесятилетию „Пошехонской старины“», отражает давнюю мысль Ремизова о том, что великие литературные произведения, как и великие люди, заслуживают календарного почитания. Грандиозное празднование в Советском Союзе сорокалетия рассказа Максима Горького «Макар Чудра» в сентябре 1932 г., после которого горьковская топонимика распространилась по стране, лишь утвердило писателя в правоте идеи.

Произведение состоит из пяти частей, причем три центральные части представляют собой традиционный «очерк жизни и творчества» Салтыкова-Щедрина, что обусловлено доминирующей просветительской функцией издания РООВА. Трудно определить, какое именно из его жизнеописаний использовал Ремизов. Скорее всего, «Материалы для биографии М. Е. Салтыкова» К. К. Арсеньева, опубликованные в качестве предисловия к первому тому «марксовского» собрания сочинений [Арсеньев, 1905, с. 3–82] (эта книга была в библиотеке Ремизова). Писатель перечисляет основные события жизни Салтыкова, называет главные произведения и даты их публикаций, цитирует наиболее «поэтическое», по его мнению, место – описание «огненного шара» из сказки «Коняга». При этом Ремизов не забывает напомнить своим соотечественникам, что в образе лошади Салтыков-Щедрин представил многомиллионное русское крестьянство, «обреченное на беспросветную работу и тупое терпение» [Ремизов, 2003, с. 345].

Писатель провоцирует у своих читателей и литературоведческий интерес к текстам классиков. В качестве параллели к «огненному шару» из щедринской сказки Ремизов приводит строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Уньные», где рассказывается о гибели коня от «раскаленного шара». Сам он на сходстве не настаивает: так «сказалось» у Салтыкова, а вот так «скажется Некрасовым» [Ремизов, 2003, с. 345]. Выводы должен сделать читатель. Впрочем, сказки сатирика Ремизов-сказочник ценил ниже его крупной прозы. Во вступительной статье к сборнику детских сказок своей ученицы Н. В. Кодрянской он писал: «Сказки Щедрина и всех, кто за ним потянулся, продолжают традицию московских „дураков“ царя Алексея Михайловича, „Живописец“ и „Трутень“ Новикова. Конечно, веселит показать Льву, что он Осел, а набожной Вороне, что она Стервятник. Только и в самой хлесткой сатире сказка не ночевала» [Ремизов, 1950, с. 14].

Некоторые факты биографии писателя Ремизов комментирует, причем с горькой иронией по отношению к российской истории и действительности. Сообщив читателям, что в 1860 г. Салтыков получает «высокое назначение» в родную Тверь, «где некоторое время будет исполнять обязанности губернатора», Ремизов замечает: «Явление исключительное, что-то китайское, где в порядке вещей поэт, писатель, историк и он же министр, но в русской традиции, слагавшейся в ту пору, это писатель-бездомник, по смерти которого на могиле „ни плиты, ни креста“, так в стихах Некрасова о Белинском, первом русском критике, открывшем Пушкина и Достоевского» [Ремизов, 2003, с. 344].

Двукратное упоминание и цитирование Некрасова вынуждает Ремизова, опять же в просветительских целях, дать в подстрочном примечании краткую справку о поэте, которая любопытна по расставленным в ней акцентам: «Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877), поэт исключительного слова: и обиходное, и коренное русское, а ритм стихов пронизан Бодлером. В современной литературе от Некрасова идет Александр Блок (1880–1921)» [Ремизов, 2003, с. 344].

Биографическая информация заключена в своеобразную рамку, которую образуют первая и пятая части текста. В этих рамочных фрагментах заключается основной смысл и пафос произведения, а также ремизовская оценка творчества Салтыкова-Щедрина. Оценка эта чрезвычайно высока: «По силе изобразительности и словесной крепости *Головлевы* сравнимы только с Толстым, по яркости и глубине чувств – с Достоевским» [Ремизов, 2003, с. 346]. Такие слова не просто дань юбилейной или просветительской риторике в одном отдельно взятом произведении. Писатель заявляет об огромном таланте и высоком месте Салтыкова-Щедрина на шкале литературных ценностей и в текстах личного характера, и устами своих персонажей. В романе «Учитель музыки» (глава «Эмпермеабль») между героем по фамилии Куковников и повествователем происходит такой разговор: «– Знаете, кого надо читать и учиться? – сказал Куковников на прощанье, – Салтыкова. По силе и яркости, Головлевы идут вровень с Карамзовыми, а описания природы по крепости, только еще можно найти у Толстого, единственные в русской литературе. А определение „беспредельная светящаяся пустота“ не уступит Гоголевской „сверкающей красоте“. С Куковниковым я согласен и думаю, что Салтыков первым начинает второй круг наших учителей: Салтыков, Лесков, Гончаров, Тургенев, Писемский, Мельников-Печерский. А „беспредельная светящаяся пустота“, как образ, есть ли что-нибудь ближе в нашей бессрочно-кавторжной жизни? У меня в этой „светящейся пустоте“ сверкал мошен-

нический эмпермеабль, самый модный, на подкладке» [Ремизов, 2002, с. 382]. Поскольку в современном собрании сочинений писателя этот фрагмент не прокомментирован, уместно будет сделать некоторые пояснения. «Светящаяся пустота» взята из пьяного видения Степана Головлева: «Ни стен, ни окон, ничего не существовало; одна безгранично тянущаяся, светящаяся пустота. Ему становилось страшно; ему нужно было заморить в себе чувство действительности до такой степени, чтоб даже пустоты этой не было» [13, с. 49]. Сопоставленная гоголевская цитата – из описания панночки в «Вии»: «Такая страшная, сверкающая красота!» Эмпермеабль, по-французски «непромокаемый плащ», прямой аналог шинели из одноименной повести Гоголя. В главе рассказывается о том, как купец-коллекционер Мозгин, успешно занимающийся в эмиграции «каучуковым делом», обещал рассказчику модный резиновый плащ в качестве гонорара за атрибуцию старинной рукописной книги, но, как водится среди русских, обманул. Между тем мечты «бедного человека» о роскошном и практичном наряде достигли высокой степени экзальтации, что и позволило поместить вожделенный предмет в щедринскую «светящуюся пустоту».

Ремизов вполне отдавал себе отчет, что не много сейчас читателей у Салтыкова-Щедрина, особенно «у щедринских сатир» – иносказательность «не только трудна, но и темна, а темь источник скуки». И все же он призывал русских в эмиграции не только читать Салтыкова, но и «пристраститься» к нему, обещая им «неожиданные открытия». «Но пристрастившись, невольно начинаешь мерить на свой аршин, на современность – и канувшее подымается, как настоящее...» [Ремизов, 2003, с. 341]. Писатель, конечно, имел в виду «„мещанство“ с его „умеренностью“ и „аккуратностью“, с его бескрылой серединой и исходящей из „середины“ жестокостью», с чем он в полной мере столкнулся в годы жизни на чужбине. История с купцом-коллекционером, имеющая автобиографический характер, одна из многих в этой серии реальных случаев обмана и унижения Ремизова в эмиграции.

Такое внимательное и уважительное отношение к классику со стороны Ремизова, апелляция к щедринским темам и образам резко контрастирует с негативным отношением к Салтыкову-Щедрину в литературной культуре Серебряного века и его краткого продолжения в советской России, особенно в кругу авторов «русского направления», духовно близких Ремизову. Широко известна позиция В. В. Розанова, делавшего вид, что Салтыков-Щедрин для него как писатель просто не существует. Другие литераторы, каждый «из своего угла», на все лады обличали писателя, вина его чуть ли не во всех бедах настоящей и будущей России.

«Какое злое разрушительное дело она (русская литература. – Ю.Р.) делала. Как страшно звучит над моим ухом все оплевавший, все швырнувший в грязь хохот Салтыкова», – писал Э. Ф. Голлербах [Голлербах, 1998, с. 100]. Другой обличитель из этого круга, С.Н. Дурьин, склонялся даже к своеобразным историсофским обобщениям: «Салтыков. Проклятый род в русской истории: Салтыков душил патр<иарха> Ермогена, Салтыкова родила Анну Иоанновну, Салтычиха явила самое растленное в крепостном праве, Салтыков... укрылся за Щедрина, но первый отравил русскую литературу, выдав больную печень за словесность и искусство» [Дурьин, 2006, с. 700].

Но в 1920–1930-е гг. в метрополии проявилась и другая тенденция восприятия Салтыкова, еще более политизированная. Близкий друг Ремизова Р.В. Иванов-Разумник, готовивший для «Ленгиза» собрание сочинений Салтыкова-Щедрина, писал Андрею Белому: «Салтыков – едкая сатира на большевиков; он совершенно нецензурен по существу, а они из него хотят сделать веревочку, которая пригодится в дороге» [Андрей Белый и Иванов-Разумник, 1998, с. 337]. Названные тенденции, как представляется, повлияли и на ремизовское отношение к писателю, выразившееся в рассматриваемом тексте, который можно трактовать как своеобразный ответ на слишком грубые попытки политической актуализации Салтыкова, из какого бы лагеря они не исходили.

Еще одним проявлением высочайшей ремизовской оценки творчества Салтыкова-Щедрина можно считать включение его текста в репертуар Ремизова-чтеца. Писатель, как известно, более или менее регулярно устраивал в Париже свои вечера, пользовавшиеся большой популярностью. Ремизов виртуозно читал отрывки из самых главных для себя русских писателей: протопopa Аввакума, Пушкина, Гоголя, Достоевского. Весной 1936 г. в парижской газете «Последние новости» появилось объявление: «После двухлетнего перерыва А. Ремизов выступит со своим чтением во вторник, 31 марта, на вечере в зале „Социального музея“, 5, рю Лас-Каз. Будет читать легенды, сказки и полусказки из „живой жизни“ и, как на прошлых вечерах, из Гоголя и впервые из Салтыкова» [Чтение Ремизова, 1936, с. 4].

Литература

Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. – СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. – 752 с.

Арсеньев К. К. Материалы для биографии М.Е. Салтыкова // Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 1. – СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1905. – С. 3–82.

- Голлербах Э. Встречи и впечатления. – СПб.: Инапресс, 1998. – 568 с.
- Грачева А. М. Басни, кощуны и миракли русской литературы («Мышкина дочка» и «Петербургский буерак» Алексея Ремизова) // Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 10. Петербургский буерак. – М.: Русская книга, 2002. – С. 418–430.
- Дурылин С. В своем углу. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 912 с.
- Ремизов А. К пятидесятилетию «Пошехонской старины» // Русский вестник. (Нью-Йорк). – 1937. – 1 октября. – № 65. – С. 13–21.
- Ремизов А. [Предисловие] // Кодрянская Н. Сказки. – Париж, [1950]. – С. 9–17.
- Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 9. Учитель музыки. – М.: Русская книга, 2002. – 512 с.
- Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 10. Петербургский буерак. – М.: Русская книга, 2003. – 592 с.
- Чтение Ремизова // Последние новости. (Париж). – 1936. – 8 марта. – № 5463. – С. 4.

Е. Г. Елина¹

(Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского)

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН В 1926 ГОДУ

В юбилейный для Салтыкова-Щедрина 1926 год появилось множество публикаций, которые, с одной стороны, отражали основные дискуссии в литературной критике этого времени, а с другой – открывали новый этап в изучении творчества писателя, давая возможность в дальнейшем начать серьезное научное исследование его сатирического наследия.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, литературная критика 1920-х годов, российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), литературно-художественные журналы.

E. G. Elina

(Saratov State University)

MIKHAIL SALTUKOV-SHCHEDRIN IN 1926

When it was the Saltykov-Shchedrin's anniversary year in 1926, many of the notices and articles were published. On the one hand, they reflected the main discussion of the literary critique of this period. On another hand, they opened the new stage of the study of the writer's oeuvre and made possible to begin the deep research into his satiric heritage.

Keywords: Mikhail Saltykov-Shchedrin, literary critique of 1920s, Russian Association of Proletarian Writers (RAPP), literary magazines.

■ 1926 год в нашей литературной истории оказался бурным и конфликтным. После раскола РАПП именно в 1926 году начал выходить журнал «На литературном посту», в котором определился водораздел между «своими» и «чужими», наметились основные критические мишени в писательской среде, выдвинулись новые лидеры – организаторы литературного процесса. Несмотря на то, что 1926 год вошел в историю литературы как год публикации новых книг И. Бабеля, А. Гайдара, М. Шолохова, стихов М. Светлова, Э. Багрицкого, К. Чуковского, как год премьеры пьесы М. Булгакова «Дни Турби-

¹ Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: elinaeg@info.sgu.ru.

ных» и первого представления пьесы К. Тренева «Любовь Яровая», жизнедеятельность РАПП выходила на первый план литературной жизни. Бесконечные заседания, многодневные дискуссии и проработки, выступления в периодической печати – РАПП занимала все большее и большее место в литературно-общественной ситуации 1920-х годов. Не случайно уже в первом номере журнала Л. Авербах писал: «В литературе должны слышаться бои, разрушительная и строительная работа пролетариата» [Авербах, 1926, с. 15.]. В контексте таких политических событий, как начало открытой внутривластной борьбы с Г. Зиновьевым, Л. Каменевым и Л. Троцким, усиление РАПП выглядело весьма симптоматичным. Расширению РАПП в литературной среде способствовали не только методы работы – окрики и очернительская критика, но и особый фирменный рапповский стиль публикаций – прямая адресация к читателю, искрометные плакатные лозунги и призывы: «Против всечеловеческой – за пролетарскую критику! <...> Против затушевываний и замираний – за четкую идеологическую линию!» (Л. Авербах).

На страницах рапповских изданий развернулась борьба за нового читателя. Вот почему одним из заметных направлений деятельности РАПП становится изучение читательского спроса. Во второй половине 1920-х гг. было опубликовано немало статей и книг на эту тему. Уровень добросовестности этих исследований остается отчасти под сомнением, между тем сделанные на основе читательского спроса в библиотеках разных городов, поселков, заводских библиотек выводы сходны у различных авторов: пролетариат на первое место ставит книги отечественных классиков, на втором месте значатся книги пролетарских писателей, наименьшим интересом, по свидетельству «На литературном посту», пользуются произведения писателей-попутчиков. Среди наиболее популярных классиков русской литературы во всех без исключения опросах называется Л. Толстой (всегда первое место по популярности у рабочего читателя), далее Пушкин, Тургенев, Гончаров, Чехов – здесь порядок мест популярности может меняться. Время от времени возникают имена Достоевского и Салтыкова-Щедрина. Так, уже в 1927 г. согласно исследованию Ш. (Я. Шафира?) Салтыков-Щедрин оказывается популярным у 13% рабочих Бодайбинского золотопромышленного района, у 19% служащих и у 10% женщин. Для сравнения: Толстой популярен у 54% рабочих, Пушкин – у 52%, Тургенев – у 32%, Достоевский – у 28%, а, скажем, Маяковский – у 11%. Зная тенденциозность рапповцев в подборе фактов, мы не можем утверждать, что приведенные показатели полностью соответствуют

действительности. В общем контексте журнала «На литературном посту», где постоянно поются дифирамбы Д. Бедному, высоко ценят А. Серафимовича, а Есенина относят то к попутчикам, то к крестьянским поэтам, сведения о популярности этих авторов в рабочей среде таковы: Д. Бедный востребован 57% рабочих, Серафимович – 27,5%, Есенин – 4%. То есть социологический опрос полностью соответствует общему пафосу журнала.

В связи с этим скромное в общей таблице популярности писателей место Салтыкова-Щедрина также может вызывать сомнение. Складывается впечатление, что к середине 1920-х гг. рапповцы еще не совсем определились с Салтыковым: как относиться к писателю, как интерпретировать его сатиры, какие его произведения рекомендовать рабочему читателю и какова степень революционности этого писателя. Камнем преткновения в активном и последовательном продвижении Салтыкова к читателю являлась пресловутая «непонятность» его произведений. О непонятности, сложности щедринских сатир начали писать еще при жизни Салтыкова-Щедрина, да и сам он предвидел, что его произведения со временем будут читать лишь с комментариями и называл себя «летописцем минуты».

В 1926 году тема непонятности Салтыкова, отсутствия актуальности его творчества продолжала активно звучать: «Конечно, острота щедринской сатиры умерла. Многие из того, что написано было Щедриным, давно покрылось плесенью исторической могилы и читается со скукой. Тем более, что идеалы Салтыкова были в достаточной мере сбивчивы и неясны» [Войтоловский, 1926, с. 138].

В 1920-е гг. начался активный процесс революционного перекармливания русской классической литературы. Право классика на существование в обновленной стране обеспечивалось возможностью отыскать в его творчестве некоторую революционную доминанту. Салтыков-Щедрин наряду с Белинским, Герценом, Помяловским, Решетниковым, Некрасовым, Чернышевским, Добролюбовым легко поддавался революционизации. «Буржуазность» происхождения большинства писателей-классиков разрушали с помощью различных способов представления тех или иных художественных текстов либо отрывков из них и тем самым придавали писателю революционную духоподъемность. Воспитанию читателя могло помочь и своего рода освобождение писателя от «запутанных» или «неясных» мест. Литературная критика 1920-х гг., а под ее руководством издательства и библиотечные сообщества изымали неуместные в пролетарском обиходе фрагменты или целые тома из дореволюционных изданий сочинений.

Наиболее серьезные критики этого времени пытались находить объяснение диалектики постижения буржуазного писателя пролетарским сознанием. Вяч. Полонский, к примеру, утверждал, что влияние буржуазного искусства на пролетариат не очень опасно, так как оно будет «деформироваться призмой пролетарского классового восприятия» [Полонский, 1921, с. 16]. Нередко критика стремилась отделить писателя от его произведений, показывая противоречие между гениальностью художника и слабостью его как мыслителя.

Если обратиться к публикациям 1926 года, года столетнего юбилея Салтыкова, можно увидеть, что на примере разбора творчества сатирика литературные критики продолжали вести свои нескончаемые дискуссии. Иными словами, Салтыков стал не столько объектом литературно-критических мнений, сколько поводом для решения современных литературных проблем.

Одним из первых о Салтыкове в 1920-е гг. заговорил А. В. Луначарский, который был убежден в бóльшей общественной полезности Гоголя, Успенского, Салтыкова, чем Чехова. Нарком предлагал рабочему читателю революционно настроенного, но трудного для чтения Салтыкова «разбавлять» излишне «мягким» и «круглым» Чеховым [Луначарский, 1924, с. 34–35]. Тема общественной полезности Салтыкова позже прозвучит в книге саратовского любителя словесности Л. Словохотова: «Всяк, кто глядит в даль будущего, кто поставлен на сторожевой башне советовластия в области администрирования, прессы или просвещения, с великой для себя и общественной работы пользой, может утилизировать, использовать Салтыкова-Щедрина» [Словохотов, 1927, с. 98].

Литературная критика 1920-х гг., преимущественно озабоченная судьбами литературной современности, применяла к классическому наследию те же мерки, какими измерялись уровень и социальная полезность текущей литературы. Так, рапповское деление писателей на «пролетарских» и «крестьянских», «попутчиков» и «врагов» легко проецируется на квалификации писателей-классиков. Среди них тоже были наиболее революционно настроенные (читай «пролетарские»), были «свои», но с несколько отсталой идеологией (точно такие же, как позже «крестьянские» писатели), числились и «попутчики» (печатать и читать можно, но с известными оговорками), находились и враги (читать не рекомендуется). Самым «пролетарским» объявлялся Салтыков-Щедрин. Салтыкова цитировали чаще других русских классиков, и его высказывания нередко появлялись в виде слогана – в рамочке – по моде тех лет, когда нужно было привлечь внима-

ние к актуальному тезису, заимствованному, как правило, у теоретиков марксизма или нынешних вождей. Салтыков-Щедрин, таким образом, в 1920-е гг., с одной стороны, разделил судьбу большинства русских классиков, а с другой, был выдвинут массовой критикой в число «лучших и талантливейших» писателей прошлого. Салтыков-Щедрин оказался в числе лиц, которым постановление совнаркома от 30 июля 1918 г. «О постановке памятников великим деятелям социализма, революции, культуры и искусства» предписывало установить памятник. Комиссариат по народному просвещению в феврале 1918 г. принял решение «О монополизации Российской Федеративной Республикой сочинений крупнейших русских беллетристов», в том числе Салтыкова-Щедрина. Отметим и то, что от критиков-марксистов дооктябрьских лет, и прежде всего от Г. В. Плеханова и М. С. Ольминского, шла традиция почитания Салтыкова-Щедрина, этого писателя любил В. И. Ленин и ценил А. В. Луначарский, чье слово – слово наркома просвещения (отвечающего, кроме прочего, за издательские программы) – имело определенный вес.

В юбилейный 1926 год появился целый ряд публикаций о Салтыкове, которым оказались свойственны спрямленность, заданность, социологизаторство, которые характерны для большинства литературно-критических работ 1920-х гг. От утвердившейся еще в первое десятилетие XX века мысли о прозорливости Салтыкова, его провидческом даре [Елина, 1991, с. 132–141] литературные критики нового времени вышли к более простым и понятным народу аналогиям, проводимым между щедринскими образами и современной действительностью. Творчество Салтыкова проецировали на политическую, экономическую, социальную действительность 1920-х гг.

Были, например, попытки публиковать выдержки из произведений Салтыкова-Щедрина в применении к характеристике белогвардейской прессы, к «лжеспецам», комиссиям, казнокрадам, «советским пошехонцам» [Львович, 1926, с. 2].

Единственное, что омрачало критиков и должно было огорчить их читателей, – то, что Салтыкову-Щедрину «не довелось дожить до лучших времен, когда „чумазому“ в лице Разуваевых и Колупаевых была противопоставлена грозная сила пробужденного пролетариата, который, в союзе с тем самым „мужиком“, которому так верил сатирик, сумел устроить свою жизнь на новых началах» [Соболев, 1926, с. 3].

Социологизаторский упрощенный подход к сатире Салтыкова породил мысль, утвердившуюся в щедриноведении на многие десятилетия. Речь идет об эзоповом языке, поэтика которого вообще не при-

нималась во внимание, поскольку его происхождение полностью связывалось с цензурными причинами. Даже Луначарский, делавший робкую попытку говорить о смехе Салтыкова-Щедрина как явлении художественного порядка, нисколько не сомневался, что появлению эзопова языка мы обязаны царской цензуре. По существу все творческие линии в произведениях Салтыкова-Щедрина, да и его собственная биография, выводились исключительно из причин социальных: «Михаил Евграфович Салтыков, по своему происхождению, являлся представителем помещичьего класса», писал И. Кубиков [Кубиков, б, 1926, с. 107], а дальше продолжал: «Салтыков умер в самый тяжелый период безвременья. Он не увидел появления первых батальонов рабочей демократии, выступающих против царской власти и против капиталистов-хищников, которых писатель так ошельмовал» [Кубиков, б, 1926, с. 125].

Эта мысль звучит и у П. Когана: «Октябрьская революция указала пути, которые были неизвестны и не могли быть ведомы Салтыкову, благодаря современной ему стадии экономического развития» [Коган, 1926, с. 2].

Параллельно с этим происходила и известная революционизация Салтыкова. Говорили о том, что «его смерть совпала с теми историческими днями, когда молодой студент Владимир Ульянов, исключенный из Казанского университета, прибыл в Петербург и стал организовывать кружки» [Коган, 1926, с. 2], и о том, что К. Маркс наверняка бы использовал «писания Салтыкова при исследовании характера социально-экономического развития нашей страны» [Кубиков, а, 1926, с. 11].

Наделенная новыми конкретно-педагогическими функциями, литература должна была пробудить активность масс, настроить их на бодрый, оптимистический лад в отношении к строительству нового общества, вызвать гнев в адрес тех, кто мешал этому строительству. Что касается классики, то ей отводилась миссия сугубо утилитарная: рассказывать о том, как люди раньше жили (в основном, плохо), иллюстрировать известные исторические события, на лучших примерах показывать извечное стремление человека к жизни в справедливом и свободном обществе. «Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин вошел в историю литературы, как незабвенный изобразитель жизни и нравов царской бюрократии – этих тупоумных карьеристов и правителей страны <...> Сердце его наполнялось скорбью при виде торжества хищников-капиталистов, которые при содействии господствующей и правящей дворянской группы вели народ к обнищанию и вырождению», – писал И. Кубиков [Кубиков, б, 1926, с. 106].

О Салтыкове-Щедрине говорили как о бытописателе «старой России эпохи дворянского оскудения и начала капиталистической поры» [Глаголев, 1926, с. 183].

Со стороны марксистской критики отношение к Салтыкову-Щедрину, как и к многим русским классикам, было похоже на отношение старшего и мудрого к способному, но наивному. «Он чувствовал себя неуверенным, когда от обличений переходил к положительным идеалам. Чаще всего он колебался между пессимизмом и неопределенной верой в грядущее всеобщее счастье», – писал П. Коган [Коган, 1926, с. 2].

Пессимизм в контексте литературной критики 1920-х гг. считался серьезным идеологическим изъяном. Потомки 1920-х учили литературного предка политическому уму-разуму. Так, И. Гроссман-Рошин сетовал, что Салтыков пошел не тем путем: «От утопического социализма надо было бы двигаться <...> к научному социализму. А носителем научного социализма является пролетариат. А пролетариат немыслим без ненавистного капитализма. Понимание революционной роли капитализма чуждо Щедрину. Нельзя было двигаться вперед, пришлось вернуться назад. Появилась вера в русское дитя, в интеллигенцию, появилась вера в некогда осмеянную совесть. Салтыков-Щедрин поклонился тому, что сжег. Таково было веление истории. И в этом – великая трагедия великого сатирика» [Гроссман-Рошин, 1926, с. 128].

Так зарождалась мысль о том, что классические произведения имели большое значение для прошедших эпох, а в новую революционную эпоху универсальный характер этих творений утрачивается. Потому, вероятно, нередко встречаются замечания о преходящем, временном значении произведений Салтыкова. П. Коган, например, объясняет это отсутствием диалектичности у Салтыкова, который, с точки зрения критика, «стремится разрешить общественные противоречия в пределах существующего строя» [Коган, 1926, с. 2].

В.Е. Евгеньев-Максимов доказывал, что творчество Салтыкова – это упорная, последовательная, самоотверженная борьба с реакцией [См.: Евгеньев-Максимов, а, 1926].

С одной стороны, писали о сходстве щедринских персонажей и сюжетов с людьми и событиями 1920-х гг., с другой – говорили об отдаленности Салтыкова-Щедрина от современного читателя. Вот лишь некоторые цитаты из статей: «Перечитывать всего Щедрина трудно. Конечно, „трудности“ преодоления Щедрина зависят и от того, что сама жизнь ташкентцев и глуповцев от нас бесконечно далека...» [Гроссман-Рошин, 1926, с. 113]; «... общественные идеалы Салтыкова

были в достаточной мере сбивчивы и неясны» [Войтоловский, 1926, с. 138]. Такая забота о читателе, о доступности произведений для массового потребления сквозит во многих статьях о Салтыкове-Щедрине.

Юбилейный год породил немало афористических высказываний о Салтыкове и его роли в формировании и отстаивании общественных идеалов: «Салтыков – духовный брат Некрасова», «Салтыков – партизан общественного мировоззрения» (Л. Войтоловский); «И в число предшественников, подготовивших ее путь, Октябрьская революция с полным правом может зачислить и знаменитого сатирика» (П. Коган); «Салтыков – поэт гражданской скорби и великий обличитель угнетателей народа» (И. Кубиков).

К концу 1920-х гг. возобладала концепция в отношении критики к классическому наследию, которая вразумительнее других была сформулирована Ф. Раскольниковым: «Конечно, всячески необходимо продвигать Чехова к массовому читателю наряду с Толстым, Тургеневым, Салтыковым-Щедриным, Глебом Успенским и другими классиками нашей литературы. Но, продвигая в массы классическую литературу, необходимо воспитывать и развивать в читателе-массовике критический подход к литературным явлениям, чего мы часто не делаем. В высшей степени вредно культивировать наивно-благоговейное отношение к классикам наподобие того, какое религиозные люди испытывают по отношению к корану, талмуду, библии. Наша задача, чтобы массовый читатель не только усвоил, но и преодолел классическое наследие, сумел разобраться в том, что там правильно и что неправильно, что для нас приемлемо и что неприемлемо» [Раскольников, 1929, с. 60].

Как видим, творческий облик Салтыкова-Щедрина грозил остаться и, как мы понимаем сегодня, долгие годы оставался искаженным. Очевидно, что при всеобщем приятии Салтыкова как «своего», «нужного», «полезного» классика его творчество предлагалось осваивать поверхностно-догматически.

Вместе с тем необходимо отметить, что в 1926 и последующие годы появились работы, смысл и стиль которых во многом созвучны современным подходам к щедринскому творчеству. Это книги и статьи, авторами которых были В. Гиппиус, Л. Гроссман, Н. Мендельсон. Появились неизданные фрагменты произведений Салтыкова, подготовленные к печати и прокомментированные Н. Яковлевым [Яковлев. Предисловие, 1926, с. 189–190; Яковлев. Глупов и глуповцы, 1926, с. 112, 120–121], статьи Салтыкова о нечаевском деле, опубликованные Р. Ивановым-Разумником [Иванов-Разумник, 1926, с. 40–63],

статья А. Герасимова «Щедрин и студенчество» [Герасимов, 1926, с. 204–212], работы В. Евгеньева-Максимова [Евгеньев-Максимов, а, 1926; Евгеньев-Максимов, б, 1926, с. 39–58]. Не стоит забывать и о том, что в 1926–1928 гг. было издано шеститомное собрание сочинений Салтыкова-Щедрина, готовился к изданию двадцатитомник.

Таким образом, общий позитивный пафос восприятия Салтыкова критикой 1920-х гг., счастливое в этом случае совпадение политических и литературных интересов позволили накопить исследовательские силы для будущей публикаторской и комментаторской работы, для возрождения науки о Салтыкове-Щедрине на рубеже 1950–1960-х гг. Можно утверждать, что 1926 год в истории рецепции Салтыкова-Щедрина во многом стал поворотным.

Литература

- Авербах Л. Опять о Воронском // На литературном посту. – 1926. – № 1. – С. 15–16.
- Войтоловский Л. М. Е. Салтыков: К столетию со дня рождения // Новый мир. – 1926. – № 1. – С. 130–138.
- Герасимов А. Н. Щедрин и студенчество (Из прошлого) // Молодая гвардия. – 1926. – Кн. 3. – С. 204–212.
- Глазов Арк. [Рецензия на кн.: Мендельсон Н. М. Е. Салтыков-Щедрин. М.; Л., 1925; Салтыков-Щедрин. Письма. Труды Пушкинского дома при РАН / под ред. Н. В. Яковлева. 1925.] // Молодая гвардия. – 1926. – № 2. – С. 183.
- Гроссман-Роцин И. С. На грани двух миров: К характеристике творчества Салтыкова-Щедрина // Октябрь. – 1926. – № 9. – С. 113–128.
- Евгеньев-Максимов В. (а) В тисках реакции. К столетию рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л.: ГИЗ, 1926. – 136 с.
- Евгеньев-Максимов В. (б) Из журнальной деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина (К столетию со дня рождения // Печать и революция. – 1926. Кн. 1. – С. 39–58.
- Елина Е. Г. Наследие Салтыкова-Щедрина в дооктябрьской критике: Проблема актуальности // Салтыков-Щедрин и русская литература. Л.: Наука, 1991. – С. 132–141.
- Иванов-Разумник Р. Неизвестные страницы Салтыкова (К 100-летию со дня рождения) // Былое. – 1926. – № 1. – С. 40–63.
- Коган П. Салтыков-Щедрин: К столетию со дня рождения // Известия. – 1926. – 28 января. – № 22 (2653). – С. 2.
- Кубиков И. (а) К. Маркс как читатель Салтыкова-Щедрина // Книгоноша. – 1926. – № 3–4. – С. 9–11.

- Кубиков И. (б) М.Е. Салтыков-Щедрин: К столетию со дня рождения // Вестник просвещения. – 1926. – № 1. – С. 106–125.
- Луначарский А. В. Чем может быть Чехов для нас // Печать и революция. – 1924. – № 4. – С. 19–34.
- Львович Гр. Щедринское // Известия. – 1926. – 28 января. – № 22 (2653). – С. 2.
- Полонский Вяч. Очередная задача государственного издательства // Печать и революция. – 1921. – № 1. – С. 14–16.
- Раскольников Ф. [Ответ на анкету «Как мы относимся к Чехову? Нужно ли сейчас продвигать Чехова к массовому читателю?»] // На литературном посту. – 1929. – № 17. – С. 59–63.
- Словохотов Л. А. О классиках русской литературы. – Саратов: Изд. автора, 1927. – 293 с.
- Соболев Ю. Великий сатирик // Комсомольская правда. – 1926. – 31 января. – № 25 (208). – С. 3.
- Яковлев Н. [Предисловие: Господа ташкентцы. Из воспоминаний одного просветителя] // Звезда. – 1926. – № 1. – С. 189–190.
- Яковлев Н. Глупов и глуповцы (Неизданная глава) // Красная новь. – 1926. – № 5. – С. 112, 120–121.

А. К. Коненкова¹

(Московский государственный университет дизайна и технологии)

**РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ С. Т. КОНЕНКОВА:
ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА М. Е. САЛТЫКОВУ-ЩЕДРИНУ**

Статья посвящена исследованию процесса создания С. Т. Коненковым в 1950-е гг. памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину. В это время скульптором были выполнены несколько эскизных вариантов памятника и гипсовый бюст писателя. Произведения С. Т. Коненкова рассматриваются в сравнении с другими скульптурными изображениями М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова: С. Т. Коненков, памятник М. Е. Салтыкову-Щедрину, гипсовые модели, скульптурный образ писателя, поиск выразительной композиции.

A. K. Konenkova

(Moscow State University of Design and Technology)

**RUSSIAN WRITERS IN THE WORKS OF S. T. KONENKOV:
THE PROJECT OF THE MONUMENT
OF M. E. SALTUKOV-SHCEDRIN**

The paper is dedicated to the research of creating the monument of M. E. Saltykov-Shchedrin by S. T. Konenkov in 1950s. At that time the sculptor elaborated several drafts of the monument and created one plaster bust of the writer. The works of S. T. Konenkov are viewed in comparison of other sculptures of M. E. Saltykov-Shchedrin.

Keywords: S. T. Konenkov, monument of M. E. Saltykov-Shchedrin, plaster models, sculptures, search of the expressive composition.

■ За свой многолетний творческий путь Сергей Тимофеевич Коненков создал обширную галерею портретов русских писателей, свидетельствующих о глубоком знании и понимании скульптором русской литературы. Над созданием образов некоторых писателей он

¹ Коненкова Алла Кирилловна, кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой общего и славянского искусствознания Института славянской культуры Московского государственного университета дизайна и технологии; e-mail: konenkova.a@gmail.com.

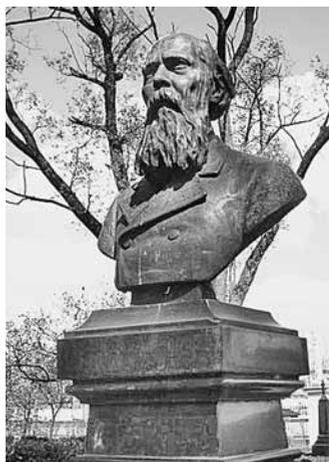
работал в течение всей своей жизни, постепенно постигая глубину их творчества. Это скульптурные портреты Л. Н. Толстого и Н. В. Гоголя. Дружба с С. А. Есениным позволила Коненкову создать еще при жизни поэта особенно выразительный и проникновенный образ. Среди портретов русских писателей, выполненных скульптором, можно назвать также изображения А. И. Герцена, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, А. А. Блока, В. В. Маяковского. В этих работах Коненков стремился показать образ сильного духом человека, мощного и вдохновенного творца. Выражение силы духа русского человека – это та особенная черта русской литературы, которая всегда привлекала скульптора, и он стремился отметить ее, работая над портретами ее выдающихся представителей.

Интерес к русской литературе сформировался у Коненкова еще в годы учения в Рославльской гимназии (1885–1892). В своих воспоминаниях «Мой век» он с глубокой благодарностью вспоминает гимназического учителя словесности Василия Ильича Ласкина, прививавшего своим ученикам интерес и любовь к литературе [Коненков, 1988, с. 54–55]. Этот интерес усилился во время обучения в Московском училище живописи ваяния и зодчества и Петербургской Академии художеств. Скульптор вспоминал, что когда он вернулся в 1903 г. в Москву из Петербурга, он был полон творческого подъема, но почувствовал, что ему многого недостает в понимании окружающего и он взялся за самообразование. Своеобразным университетом стала для Коненкова старейшая московская общедоступная Тургеневская библиотека: «... заново душой и разумом зрелого человека постигал я Пушкина, Гоголя, Лермонтова» [Коненков, 1988, с. 130–131]. В благодарность за просветительскую деятельность Тургеневки Коненков в 1950-е гг. выполнил из мрамора и подарил библиотеке бюст И. С. Тургенева.

1950–1960-е гг. были в творческой биографии Коненкова временем, когда он очень плодотворно работал над созданием портретов русских писателей. Тогда же было выполнено и несколько работ, посвященных Михаилу Евграфовичу Салтыкову-Щедрину: гипсовый бюст и бронзовый отлив с него (1954 г., оба в Мемориальном музее «Творческая мастерская С. Т. Коненкова», Москва) и бюст из дерева (1959 г., Челябинская картинная галерея). В 1954 г. Коненковым было сделано несколько небольшого размера гипсовых эскизов памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину (Мемориальный музей «Творческая мастерская С. Т. Коненкова», Москва; Смоленский государственный

музей-заповедник. Музей скульптуры С. Т. Коненкова), а также выполненный в полный рост (205 см) проект памятника (Музей скульптуры С. Т. Коненкова).

К началу XXI в. скульптурная иконография Салтыкова включает, по нашим данным, 21 вариант. Рассматривая портреты писателя, созданные в изобразительном искусстве, известный художественный критик и коллекционер П. Д. Эттингер отмечал в 1934 г., что на момент исследования скульптурная иконография писателя включала всего три портрета-бюста. Два из них были созданы еще при жизни Салтыкова. Это бронзовый бюст работы Пармена Петровича Забелло (1878), находящийся

Бернштам Л. А.
Бюст М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Отлив с работы 1882

в ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, и бюст, выполненный Леопольдом Адольфовичем Бернштамом в 1882 г. [Эттингер, 1934, с. 558–560]. В Пушкинском доме хранится также гипсовый бюст Салтыкова работы скульптора Л. Дуковича, о котором нет никаких сведений. Сравнивая эту работу с известными портретами Салтыкова, Эттингер считал, что он имеет много общего с поздним портретом, выполненным художником Н. А. Ярошенко в 1886 г. На основании этого Эттингер предполагал, что бюст Дуковича мог быть выполнен или в последние годы жизни писателя, или сразу после его смерти [Эттингер, 1934, с. 555–568].

Рассматривая общую иконографию писателя, Эттингер пишет, что «все портреты Щедрина, живописные и скульптурные, литографские и гравюрные, принадлежат преимущественно к разряду репрезентативных и в большей или меньшей степени носят официальный характер, как будто уже с момента создания они предназначались для музеев и общественных собраний. <...>В итоге внешний облик Михаила Евграфовича перешел к нам каким-то очень строгим и сосредоточенным, и Салтыков рисуется нам почти всегда в образе неумолимого судьбы своего печального века» [Эттингер, 1934, с. 555].

В 1918 г. в рамках известного ленинского проекта Монументальной пропаганды в число писателей, воспитывающих у молодого поколения гражданственные чувства, был включен М. Е. Салтыков-Щедрин.

Коненков С. Т.
Проект памятника
М. Е. Салтыкову-Щедрину.
1954

Скульптор Александр Николаевич Златовратский создал бюст писателя из гипса в сильно стилизованной манере. 7 ноября 1918 г. он был установлен в Москве на Верхне-Таганской площади, но ввиду непрочности материала впоследствии убран.

В 1956 г. исполнялось 130 лет со дня рождения Салтыкова. К сожалению, неизвестно, каким образом собирались отмечать этот юбилей, но работа Коненкова над созданием образа писателя относится к годам, непосредственно предшествующим этому времени.

Обстоятельства обращения Коненкова к созданию проекта памятника Салтыкову-Щедрину неизвестны, документальное подтверждение заказа пока не обнаружено.

В предварительных эскизных гипсовых вариантах небольшого размера (высота – 45 см) в Мемориальном музее «Творческая мастерская С. Т. Коненкова» в Москве и в Музее скульптуры С. Т. Коненкова в Смоленске повторяется одна и та же композиция: писатель изображен в рост, как бы шагнувшим вперед и остановившимся на краю обрыва. Левую руку с книгой он прижимает к груди, а в правой держит цилиндр. На левое плечо небрежно наброшен плащ, композиционно останавливающий движение. Волосы развеваются на ветру. Повторение композиции в эскизах свидетельствует о том, что образ писателя уже сложился в замыслах скульптора, и он лишь уточнял детали. Та же поза повторяется и в большом эскизе из Смоленского музея, но он отличается передачей внутреннего состояния писателя. В маленьких скульптурах – голова поднята вверх, показывая момент вдохновенного творчества. Во втором (большом) – писатель смотрит прямо, глаза опущены, он словно погружен в размышления. Памятник задуман Коненковым не вполне соответствующим уже сложившейся иконографии Салтыкова и его известному по фотографиям образу. Он изображен вдохновенным творцом, создателем выдающихся, в первую очередь художественных, произведений. К 1950-м гг. относится также гипсовая работа неизвестного

скульптора (считается дипломной работой), обнаруженная в начале ХХI в. в запасниках Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица. Эта работа повторяет композицию коненковской скульптуры. Писатель изображен в полный рост и также в момент шага и остановленного движения. Лево́й рукой он прижимает к груди книгу. Так же, как и коненковская скульптура, эта работа передает состояние творческого порыва. К сожалению, пока неизвестны обстоятельства создания этой работы, но судьба ее продолжилась в наше время. В 2011 г. с нее был сделан бронзовый памятник, установленный в маленьком поселке Лебяжье Ленинградской области, где находилась приобретенная Салтыковым в 1877 г. усадьба. Эмоциональное наполнение образа, смысл и значение жеста в композиции коненковских эскизов памятника и в работе неизвестного скульптора подтверждает написанная на установленном рядом с памятником щите цитата из Салтыкова-Щедрина, которая начинается с проникновенных слов:

Неизвестный скульптор.
Памятник
М. Е. Салтыкову-Щедрину.
1950-е

«Я люблю Россию до боли сердечной...»

Тогда же, в 1954 г., Коненковым был выполнен бюст Салтыкова из гипса и с него сделан бронзовый отлив. Созданный Коненковым образ писателя не так строг, как писал Эттингер о предшествующих работах. Кажется, что коненковский Салтыков не осуждает, но сосредоточен на глубоких думах о судьбе России. Это состояние раздумья усиливает массивность композиции, писатель предстает мощным духовным старцем. По всей видимости, Коненков при создании этого образа пользовался хорошо известным ему по Тургеневской библиотеке полным собранием сочинений 1906 г. (издание А. Ф. Маркса), где в 5-м томе помещена фотография последних лет жизни Салтыкова, уже тяжело больного и измученного болезнью. Но скульптор увидел одухотворенность писателя и усилил ее в созданном им портрете. Очень похожий образ Салтыкова мы видим и в памятнике, установленном в Лебяжьем. Скульптура Коненкова и памятник неизвестного автора

Коненков С. Т.
Портрет
М. Е. Салтыкова-Щедрина.
1954

Комов О. К.
Памятник
М. Е. Салтыкову-Щедрину.
1976

в Лебяжьем кажутся объединенными единой мыслью, общим пониманием творчества и судьбы Салтыкова.

Подтверждением подобных выводов является бюст писателя, выполненный через пять лет Коненковым из корневища дерева, любимого материала скульптора (1959 г., Челябинская картинная галерея). Образ писателя кажется вырастающим из почти не обработанного широкого деревянного основания (основание шире общей высоты бюста). Многие из своих мраморных или гипсовых портретов скульптор повторял через некоторое время, вырезая из необработанного дерева, используя тот же прием, подчеркивая, таким образом, органическое единство Салтыкова с Россией.

В январе 1976 г. в Твери был установлен памятник Салтыкову-Щедрину работы скульптора О. К. Комова. Это свидетельствовало о том, что скульпторы вновь обратились к созданию монументального образа писателя. В XXI в. были установлены памятники в Рязани и Кирове. Последним в этом ряду надо назвать памятник в Талдоме, открытый летом 2016 г. в ознаменование 190-летия Салтыкова.

На фоне общей скульптурной иконографии Салтыкова работы С. Т. Коненкова стоят особняком. Его взгляд на писателя очень индивидуален. В образе М. Е. Салтыкова-Щедрина скульптор подчеркивает в первую очередь художественный талант, видя в писателе вдохновенного творца, плоть от плоти России, которую он так горячо любил.

Черапкин И. И.
Памятник М. Е. Салтыкову-Щедрину. 2008

Литература

- Коненков С. Т. Мой век. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1988. – 384 с., илл.
- Эттингер П. Салтыков в изобразительном искусстве // Литературное наследство. М. Е. Салтыков-Щедрин. П. Т. 13–14. – М.: Журн.-газ. объединение, 1934. – С. 555–568.

Приложение

Скульптурная иконография М. Е. Салтыкова-Щедрина

1. **Забелло П. П.** Бюст М. Е. Салтыкова-Щедрин. Бронза. 1878. ИРАИ (Пушкинский Дом) РАН.
2. **Забелло П. П.** Бюст М. Е. Салтыкова-Щедрин. Гипс. Слепок с бронзового бюста 1878. Музей М. Е. Салтыкова-Щедрин. Тверь.
3. **Дукович Л.** Бюст М. Е. Салтыкова-Щедрин. Гипс. ИРАИ (Пушкинский Дом) РАН.
4. **Дукович Л.** Бюст М. Е. Салтыкова-Щедрин. Гипс. Копия. 1986. Музей М. Е. Салтыкова-Щедрин. Талдомский район, с. Спас-Угол.
5. **Бернштам Л. А.** Бюст М. Е. Салтыкова-Щедрин. 1882.
6. **Бернштам Л. А.** Бюст М. Е. Салтыкова-Щедрин. Бронза. Отлив с работы 1882 г. Установлен на могиле писателя в 1890 г.
7. **Бернштам Л. А.** Бюст М. Е. Салтыкова-Щедрин. Копия 1986 г. с работы 1882 г., с. Спас-Угол, Талдомский район.
8. **Златовратский А. Н.** Бюст М. Е. Салтыкова-Щедрин. Гипс. 1918.

9. **Неизвестный скульптор.** Памятник М. Е. Салтыкову-Щедрину. Гипс. 1950-е гг. Бронзовый отлив. 2011 г. Установлен в пос. Лебяжье, Ленинградской обл.
10. **Коненков С. Т.** Портрет М. Е. Салтыкова-Щедрина. Бюст. Гипс. 63×53×52. 1954. Мемориальный музей «Творческая мастерская С. Т. Коненкова». Москва.
11. **Коненков С. Т.** Портрет М. Е. Салтыкова-Щедрина. Бюст. Бронза. 63×53×52. 1954. Мемориальный музей «Творческая мастерская С. Т. Коненкова». Москва (ИНС-35).
12. **Коненков С. Т.** Проект памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину. Гипс тонированный. 205×97×76. 1954. Смоленский государственный музей-заповедник. Музей скульптуры С. Т. Коненкова (СМИ С-21).
13. **Коненков С. Т.** Проект памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину. Эскиз. Гипс. 45×16×15. 1954. Смоленский государственный музей-заповедник. Музей скульптуры С. Т. Коненкова (СМИ С-5).
14. **Коненков С. Т.** Проект памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину. Эскиз. Гипс. 45×22×26. 1954. Мемориальный музей «Творческая мастерская С. Т. Коненкова». Москва.
15. **Коненков С. Т.** Проект памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину. Бронза. 45×22×25. Отлив 1973 г. с гипсового экземпляра 1954 г., находящегося в Мемориальном музее «Творческая мастерская С. Т. Коненкова». Москва. Выполнен в ДОКе № 3 В. В. Лукьяновым. Мемориальный музей «Творческая мастерская С. Т. Коненкова». Москва.
16. **Коненков С. Т.** Портрет писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Дерево. 92×120×70. 1959. Челябинская картинная галерея. (ЧКГ С-907).
17. **Крестовский И. В.** Скульптурный портрет М. Е. Салтыкова-Щедрина. Тонированный гипс. 204×67×67. 1970-е гг. (?). Музей М. Е. Салтыкова-Щедрина. Тверь (№ 5542).
18. **Комов О. К.** Памятник М. Е. Салтыкову-Щедрину. 1976. Тверь.
19. **Черапкин И. И.** Памятник М. Е. Салтыкову-Щедрину. Бюст. 2008. Рязань.
20. **Наумов М. В.** Памятник М. Е. Салтыкову-Щедрину. Бюст. 2016. Киров.
21. **Стретович (Стритович) Д. А.** Памятник М. Е. Салтыкову-Щедрину. 2016. Талдом.

Е. В. Федотова¹

(Средняя общеобразовательная школа № 35 г. Твери)

**ЗНАКОМСТВО С ТВОРЧЕСТВОМ
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ**

В статье выявляются трудности, связанные с изучением творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина в современной школе. Проанализированы объективные и субъективные причины их возникновения. Указывается методологический путь решения, а также предлагаются методические приемы их устранения.

Ключевые слова: Салтыков-Щедрин, школа, учитель и ученик, программа, деятельностный подход, викторина, конкурс, фанфик, пресс-конференция, ролевая игра.

E. V. Fedotova

(Secondary general school № 35, Tver)

**FAMILIARITY WITH THE WORK
OF M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN:
PROBLEMS AND SOLUTIONS**

The paper brings out the difficulties connected with the study of the works of M. E. Saltykov-Shchedrin in a modern school. Objective and subjective reasons of their appearance are analyzed. The author points out a methodological way of their solutions and offers the organizational and methodical approaches of the elimination of such difficulties.

Keywords: Saltykov-Shchedrin, selection, school education, pupil and teacher, program, activity approach, quiz, competition, fan-fiction, press-conference, role-playing game.

- Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина неоднократно становится предметом внимания школьников на уроках литературы. Уроженец Тверской губернии, он оставил заметный след в ее истории. В свою очередь тверские впечатления Салтыкова превратились в яркие картины на страницах его произведений. Потому резонно было бы предпо-

¹ Федотова Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, учитель высшей категории МОУ СОШ № 35 с углубленным изучением немецкого языка г. Твери; e-mail: elenafedotowa35@mail.ru.

лагать, что художественной и общественно-политической деятельности Салтыкова-Щедрина должно уделяться особое внимание в тверских школах, однако это не совсем так.

Если ранее в региональный компонент учебного плана входил курс литературного краеведения (11 часов в VIII классе), то с 2010 г. план изменен таким образом, что литературе в нем больше нет места. И это притом, что на тверской земле бывали выдающиеся писатели, в том числе и Салтыков, принесшие славу русской литературе. В используемом на занятиях по историческому краеведению учебном пособии личности и деятельности Салтыкова-Щедрина отведено 30 неполных строк [История Тверского края, 1996, с. 158–159]. Полагаю необходимым вернуть в региональный компонент литературное краеведение, в преподавании которого отличным подспорьем станут книги «Русские писатели и Тверской край» (2009) и «Литературное краеведение XX века» (2008) – учебные пособия, рассчитанные на широкий круг читателей.

Большинство школ Тверского региона, в том числе и та, в которой я работаю, пользуется программой под редакцией В.Я. Коровиной [Программы, 2007]. Эта программа полностью соответствует федеральному компоненту Государственного образовательного стандарта, Федеральному базисному учебному плану и обеспечена учебниками и учебными пособиями.

В соответствии с программой Коровиной учащиеся трижды обращаются к творчеству Салтыкова-Щедрина: на двух уроках в VII, двух – в VIII и на трех уроках – в X классе. Таким образом, об изучении творчества Салтыкова-Щедрина в школе говорить не приходится, это, скорее, знакомство с личностью и отдельными произведениями великого писателя. Конечно, составляющий свою рабочую программу учитель может варьировать до 20% ее содержания, но реализовать это право практически невозможно, так как преподаванию литературы в учебном плане ОУ отводится весьма скромное место: в VII и VIII классах – по 68 часов (т. е. 2 часа в неделю), в X классе – 102 часа (т. е. 3 часа в неделю).

В программе VII класса раздел «Смех сквозь слезы, или Уроки Щедрина» предусматривает краткий рассказ о писателе, анализ проблематики и художественного своеобразия «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил», краткий комментарий учащимися сказки «Дикий помещик», а также углубление имеющихся представлений о юморе и почему-то о сатире, формирование начальных представлений о гротеске и повторение гиперболы [Программы, 2007, с. 32]. Разнообразные вопросы и задания, справочный аппарат учебника направлены на решение этой задачи. Однако трудности, с которыми стал-

квивается учитель, состоят в следующем: 1. Сложно уложить в 2 урока весьма непростой и объемный литературный и теоретико-литературный материал, ведь попутно придется вспомнить робинзонаду Д. Дефо и В. Астафьева, особенности народной и авторской сказки. 2. Если с юмористическими произведениями семиклассники уже встречались («Хирургия», «Толстый и тонкий» А. П. Чехова, «Игорь-Робинзон» и «Кавказский пленник» С. Черного, «Тринадцатый подвиг Геракла» Ф. Искандера), то сатирические произведения они читают впервые. 3. Чтобы в полной мере понять, что именно осмеивает Щедрин в крепостном праве и как он это делает, необходимо обратиться к нравственным аспектам этого социального явления, изображенным в романе А. С. Пушкина «Дубровский», рассказах И. С. Тургенева «Бежин луг», «Бирюк», «Муму», стихотворениях Н. А. Некрасова «Крестьянские дети», «На Волге» и др., что требует значительного обобщения. Кроме того, учителю литературы придется коснуться экономических и политических аспектов крепостничества, так как на уроках истории соответствующая тема изучается значительно позже.

В учебнике литературы VII класса раздел о Щедрине заканчивается статьей «Нужен ли нам Щедрин сегодня?» [Литература. 7 класс, 2012, с. 275], в которой его ставят в ряд с Дж. Свифтом, Ч. Диккенсом, Ф. Рабле, Ж.-Б. Мольером, Д. И. Фонвизиным, А. С. Грибоедовым и др. Благое намерение выявить самобытность русского сатирика в VII классе остается неосуществимым, так как с творчеством вышеперечисленных писателей ученики просто не знакомы. Вряд ли эта статья заинтересует учащихся. Может быть, лучше вести разговор о месте Щедрина в русской и мировой литературе в X классе? Но вопрос 2 на с. 276 учебника задевает ребят за живое: «Нужна ли сатира обществу и каждому человеку? <...> В чем заключается общественная роль писателя-сатирика?» Вот, например, отрывок из ответа ученика: «Создавая свои произведения во второй половине XIX века, Салтыков-Щедрин как будто заглядывает в наш XXI век и обращается к нам со своими раздумьями и предостережениями. Указывая нам на пороки сегодняшней жизни, писатель призывает бороться с ними. Ради этого и пишутся сатирические произведения».

Хуже всего, на мой взгляд, творчество писателя представлено в VIII классе. В соответствии с программой предполагается знакомство в форме краткого рассказа с Щедриным как писателем, редактором и издателем. Но вот незадача: во вступительной статье учебника [Коровина, 2010, с. 3–5] об этом нет ни слова. Учащиеся должны на примере отрывка о головотяпах из «Истории одного города» понять, что представляют собой «художественно-политическая сатира на современные писате-

лю порядки», «ирония писателя-гражданина, бичующего основанный на бесправии народа строй», «гротескные образы градоначальников» и «пародия на официальные исторические сочинения» [Программы, 2007, с. 40]. В вопросах 2 и 3 учебника на с. 14 также говорится о градоначальниках, под которыми подразумевают то ли князей, то ли их наместников, что не может не путать учеников. К восприятию «пародии на официальные исторические сочинения» восьмиклассники попросту не готовы. Дело в том, что становление русской государственности по художественной литературе им незнакомо вообще, а на уроках истории этот материал изучается в VI классе [Данилов, 2012] и к VIII уже порядком забыт. А уж о существовании официальных исторических сочинений, освещающих по-разному этот драматичный период, они и не подозревают. В учебнике литературы на с. 6 даются малоинформативные сноски, которые ни о чем не говорят ученику. Если учитель попытается всерьез растолковать ребятам, чем различаются историософские концепции Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева, А.Н. Пыпина, и раскрыть смысл обращения сатирика к «Слову о полку Игореве», то в учебные временные рамки ему не уложиться. Эзопов язык романа столь сложен для восьмиклассников, что одних писатель отталкивает, другим кажется шутником, юмористом. По моим наблюдениям, фрагмент о голомотях воспринимается в лучшем случае как анекдот, в худшем – как близкое к глумлению смакование неразумности коренного населения русских земель, но доходящей до боли сердечной любви писателя к России ученики не чувствуют.

Развить представления о гиперболе и гротеске, эзоповом языке, сформировать начальные представления о литературной пародии – все нужно успеть за два часа. Поэтому работа на уроках сводится в основном к комментированному чтению, что само по себе неплохо, но довольно монотонно для современных подростков с их клиповым мышлением. Обычно на таких уроках учитель пытается настроить учеников на восприятие сложного материала словами И.А. Гончарова: «Читать произведения Салтыкова-Щедрина – все равно, что расшифровывать хитрую тайнопись». Остается потом убедить ребят в том, что эта расшифровка им для чего-нибудь нужна.

Я бы предложила заменить фрагмент из «Истории одного города» на сатирические сказки о рыбах, тем более что в этом же классе вниманию учеников предлагаются фрагменты «Всеобщей истории, обработанной „Сатириконом“», что вполне достаточно для понимания того, что исторические события могут изображаться сатирически.

По программе X класса учащиеся на одном уроке обзорно знакомятся с жизнью и творчеством Салтыкова (обычно по лекции учителя),

анализируют проблематику и поэтику сказок по выбору¹, а на следующих двух уроках внеклассного чтения рассматривают обзорно «Историю одного города» как «ключевое художественное произведение писателя». Предполагается знакомство учащихся с замыслом и историей создания, жанрово-композиционными особенностями произведения, образами градоначальников. В программе изображенное в романе долготерпение народа названо «национальной отрицательной чертой», а неоднозначное отношение автора к многострадальному народу в сказках интерпретировано исключительно как «желчная насмешка» [Программы, 2007, с. 62]. Мне кажется, что такие формулировки нуждаются в уточнении. Далее автор программы рассчитывает, что, обсуждая произведения сатирика, ученики разовьют такие теоретические понятия, как фантастика, гротеск, эзопов язык, научатся воспринимать сатиру как «выражение общественной позиции писателя», получат начальные представления о жанре памфлета. Одним словом, планов – громадье. Как их можно реализовать? Во-первых, чтобы справиться с объемным материалом за ограниченное время, учитель обычно перераспределяет часы таким образом, чтобы выкроить на Щедрина хотя бы 4 урока.

Во-вторых, преподаватель может смело отсылать ребят к учебнику: в нем с достаточной полнотой дан обзор жизни и творчества писателя, включающий глубокий анализ «Истории одного города» (в том числе и тех глав о глуповцах, которые отнесены в VIII класс, правда, без разъяснения исторических концепций), а также содержательный комментарий сказок «Медведь на воеводстве», «Дурак», «Рождественская сказка» и «Коняга»; отмечена идейная связь писателя с Н. А. Некрасовым, Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым. Вопросы к разделу, написанному Е. Н. Чернышевой [Литература. 10 класс, 2011, с. 274–294], направлены как на воспроизведение учебного материала, так и на самостоятельную работу с художественным текстом. Рекомендованы темы сочинений, хотя эта форма работы тематическим планированием не предусмотрена. Ценно еще то, что предложенная тематика рефератов и исследовательских работ сопровождается списком литературы, который будет полезен школьникам и для подготовки к урокам.

В-третьих, в активного участника уроков ученика помогают превратить следующие методические приемы: 1) самостоятельное составление хронологической таблицы жизни и творчества писателя по лекции учителя или по учебнику; 2) включение в лекцию учителя

¹ Для самостоятельного чтения рекомендованы сказки «Медведь на воеводстве», «Орел-меценат», «Карась-идеалист», а также роман «Господа Головлевы».

отдельных сообщений учащихся; 3) опережающее домашнее задание, выполнение которого позволяет ученикам участвовать в обсуждении произведений сатирика (десятиклассникам даются планы самостоятельного анализа сказки и характеристики градоначальников); 4) оформление наблюдений над сложными по своему содержанию и стилистике художественными текстами в виде таблицы.

	Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина	Русские народные сказки
Общие черты		
Отличительные черты		

Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина		
Тематическая группа	Проблематика	Поэтика

5) Если «Историю одного города» придется осваивать за два урока, то второе занятие можно построить на сопоставительном анализе двух глав – «Органчик» и «Подтверждение покаяния». К этому же приему можно прибегнуть и в том случае, если судьба подарит словеснику дополнительный час. Тогда полезно будет остановиться на роли эпизода в произведении и показать с опорой на конкретные детали, что значит вчитываться в текст и глубоко понимать его.

В-четвертых, опытный учитель все-таки задает десятиклассникам сочинение, хотя бы небольшое, чтобы иметь обратную связь, видеть, что и как поняли ученики в произведениях писателя. Наиболее интересными для ребят являются такие темы письменных работ: «В чем непреходящая ценность сказок Салтыкова-Щедрина?», «Образы помещиков в поэме Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“ и сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина», «Почему М. Е. Салтыков-Щедрин назвал литературу „сокращенной вселенной“?», «Можно ли вслед за русскими писателями назвать сатирический дар М. Е. Салтыкова-Щедрина пророческим?» В последней теме предполагается, что учащиеся должны найти, кто из русских писателей называл Щедрина пророком.

В последнее время, говоря о пророчествах Салтыкова-Щедрина, юные читатели останавливаются не только на трагических и апокалиптических мотивах, но упорно ищут оптимистические прогнозы в произведениях сатирика. Вот выдержка из сочинения десятиклассницы: «Однако в финале сказки находится добрый мещанин, который подбирает совесть и дарит своему ребенку. Так Салтыков-Щедрин высказывает замечательное пророчество: рано или поздно в российской

истории заявит о себе поколение людей, выросших с совестью, способных изменить к лучшему российскую действительность».

К сожалению, история как учебный предмет (в нашей школе он ведется по УМК А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной) не поддерживает литературу ни в VII, ни в VIII, ни в X классе: историю России XIX века проходят в VIII классе, а в X классе XIX век повторяют в конце апреля – начале мая, в то время как уроки по творчеству Щедрина проводятся в III четверти.

«В осуждении зла всегда кроется любовь к добру». Именно этими словами Ф.М. Достоевского должен, по моему глубокому убеждению, руководствоваться учитель, знакомя ребят с творчеством Салтыкова-Щедрина, чья писательская деятельность явилась показателем нравственного здоровья и неистощимых творческих сил русского народа. Нелегко бывает провести интересные уроки по произведениям сатирика. Нехватка исторических знаний, непривычная для юного читателя, воспитанного на правдоподобию произведений классического реализма, условная, исполненная горького сарказма, гротескная форма повествования, эзопова речь, множество идиоматических выражений, изобилие так называемых «реалий» – все это требует скрупулезной словарной работы, подробных разъяснений и комментариев. Инертность восприятия можно переломить, если вызвать у школьников интерес к произведениям Салтыкова-Щедрина, сделав упор на острую актуальность его книг сегодня.

Инструментом учителя должен стать деятельностный подход в преподавании, отражающий стратегию современной образовательной политики. Самостоятельный поиск, отбор, анализ, использование информации способствуют развитию мышления, творчества, инициативности учащихся, упрочивают их знания. Добытые собственным трудом знания кроме предметных дадут еще межпредметные и интегрированные результаты. Следует смелее прибегать к нетрадиционным формам уроков, внеклассных занятий, не бояться отступить от привычных заданий, вопросов учебника, не отворачиваться от параллелей с сегодняшним днем.

Что я могла бы посоветовать из личного опыта преподавания? Семиклассникам понравится викторина, составление и разгадывание кроссворда, инсценирование. На уроке ребята живо откликаются на вопросы эвристической беседы (Что подразумевает сатирик под шучьим велением? Почему Щедрин не дает имен героям «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил»? и т. п.), их увлекает наблюдение над художественной деталью (Почему писатель последовательно отказался от кончика уха, пальца, откушенных в пылу драки одним из генералов,

и остановился на ордене?). Оживляет урок 15-минутная групповая работа по сопоставлению щедринских сказок с произведениями других авторов. Групповая форма работы содействует к тому же совершенствованию регулятивных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий. Она позволяет вовлечь и слабых, и сильных учеников в творческую и исследовательскую деятельность, дает возможность почувствовать личную ответственность за коллективный результат. Так, можно, например, дать задание подобрать басни И. А. Крылова, в которых выражены близкие к щедринским мысли, определить, что объединяет «Дикого помещика» с «Размышлениями у парадного подъезда», а «Повесть о том...» с «Железной дорогой» Некрасова. Для сочинения я предлагаю тему «Письмо литературному герою», чтобы ребята сами выбрали, кому и о чем они хотели бы написать.

Если бы в VIII классе мы читали щедринские сказки про рыб, можно было бы провести «суд» над героем (пискарем, вяленой воблой, карасем-идеалистом или щукой). В ходе такой игры ребята делятся на обвинителей, адвокатов, присяжных, свидетелей, зрителей, выступают в прениях. На заключительном этапе после вынесения «приговора» обязательно должен прозвучать обращенный к ученикам вопрос: «Как бы вы хотели прожить свою жизнь?» В дидактической игре формируются нравственные убеждения и гражданская позиция школьников, развиваются их аналитические способности и устная речь, закладывается коммуникативная культура, прививается интерес к предмету. Эту игру уместнее проводить во внеурочное время, а на уроке вполне можно было бы порассуждать, что случилось, если бы... пискарь не послушался совета своего отца, пискарь женился, у пискаря родились дети, щука не была хищницей, у воблы осталось немного совести, у карася была толика здравомыслия.

А сочинение я предложила бы написать в форме письма сатирику («Уважаемый Михаил Евграфович, я понял(а), что вы хотели сказать...») вместо тех, что обычно предлагают: «Пародия как художественный прием в „Истории одного города“», «„История одного города“ как социально-политическая сатира», «Сатирическая хроника русской жизни» (по „Истории одного города“)), анализ эпизода. Во-первых, эти темы после двух уроков по Щедрину и перед контрольной работой по творчеству трех писателей восьмиклассникам самостоятельно написать не по силам, а во-вторых, они есть в Интернете, а значит, будут скопированы большинством.

В X классе ученики уже имеют разнообразный читательский опыт. Обычно они с большим желанием откликаются на различного рода конкурсы. Значит, можно провести конкурсы фанфиков («Продолже-

ние истории города Глупова»), литературоведов («Версии прочтения финала „Истории одного города“»), художников («Топография города Глупова»), трейлеров.

Ребятам нравится ролевые игры. Можно организовать «пресс-конференцию». Ее давали бы глуповские градоначальники, отвечая на вопросы многочисленных журналистов из самых разных СМИ, и современных, и позапрошлого века, и отечественных, и зарубежных. Еще один вариант ролевой игры – «Выборы градоначальника». В ее ходе следует придерживаться определенного сценария: представление (реклама) кандидатов на должность, выступление кандидатов с предвыборной программой, выступление групп поддержки, дебаты, интервью представителей народа, конкурс для кандидатов и зрителей на знание истории города Глупова.

Ролевая игра является современной и продуктивной формой усвоения и применения на практике новых знаний. Во время подготовки и участия в ролевых играх ученикам приходится совмещать актерские способности с аналитическими и литературоведческими: персонажи должны иметь узнаваемую внешность, индивидуализированную речь, отличительные манеры, точно демонстрировать свое отношение к окружающим, отлично владеть фактическим (литературным и историческим) материалом. Способствуя усвоению знаний, дидактическая игра позволяет приблизить книгу Салтыкова-Щедрина к современности.

Состязательность привлекает учащихся и к дискуссионной форме проведения занятий (дебаты), тем более что ученики нашей школы активно осваивают эту форму на уроках немецкого языка. Отправной точкой литературной дискуссии могут стать контрастирующие друг с другом высказывания Тургенева и А. С. Суворина об «Истории одного города».

Десятиклассники могут принять участие в городском конкурсе рефератов и научно-исследовательских работ (темы и литература по творчеству Салтыкова-Щедрина рекомендованы в учебнике X класса на с. 293–294).

Интегрированное (историко-литературное) занятие уместно было бы при рассмотрении персоналий «Истории одного города». В его проведении следует избегать «перетягивания каната», что бывает проблематично. Поэтому мне больше импонирует подготовка под руководством учителей литературы и истории и проведение очно-заочной экскурсии. В нашей школе она востребована, поскольку есть выход на благодарную аудиторию слушателей – гостей страны, часто приезжающих к нам по обмену. Закончить такую экскурсию лучше всего в музее Салтыкова-Щедрина.

Если учитель и его воспитанники заинтересованы в углублении литературного образования, то в X и (или) XI классе может быть организован элективный курс. В его программу вполне вписываются занятия, на которых особенно ярко высвечивается непреходящая ценность сатиры Щедрина и его пророческий дар. Это занятия, на которых проводится сопоставление эпизодов «Истории одного города» с фрагментами романа Е. Замятина «Мы», романа «Чевенгур» и повести А. Платонова «Котлован», отрывками из сказки Ф. Искандера «Кролики и удавы».

Значение творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина как великого художника слова не ограничивается рамками современной писателю эпохи, а имеет вневременное значение. Задача учителя – сделать так, чтобы молодое поколение «обожглось», взяв в руки книгу Щедрина, оценило его титаническую, по словам Л. Н. Толстого, борьбу за народ страстно любимой им России, чтобы усвоенные нравственные уроки великого гуманиста стали неотъемлемой частью гражданского самосознания наших молодых соотечественников.

Литература

Данилов А. А. История России с древнейших времен до конца XVI века. 6 класс: учебные для общеобразоват. учреждений / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. – М.: Просвещение, 2012. – 272 с.

История Тверского края. Учебное пособие / под общей ред. В. М. Воробьева. – Тверь: Созвездие, 1996. – 208 с.

Коровина В. Я. Литература. 8 класс. Учебник для общеобразоват. учреждений: в 2 ч. Ч. 2 / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. – М.: Просвещение, 2010. – 400 с.

Литература. 7 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений с прил. на электрон. носителе. В 2 ч. Ч. 1 / авт.-сост. В. Я. Коровина. – 20-е изд. – М.: Просвещение, 2012. – 320 с.

Литература. 10 класс. Учебник для общеобразоват. учреждений. Базовый и профильный уровни: в 2 ч. Ч. 2 / [В. И. Коровин, Н. Л. Вершинина, Л. А. Капитанова и др.]; под ред. В. И. Коровина. – М.: Просвещение, 2011. – 384 с.

Литературное краеведение XX века: Учебное пособие / под ред. А. М. Бойникова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. – 224 с.

Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5–11 классы (Базовый уровень). 10–11 классы (Профильный уровень) / под ред. В. Я. Коровиной. – М.: Просвещение, 2007. – 255 с.

Русские писатели и Тверской край. Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов университетов / под ред. М. В. Строганова и И. А. Трифаженковой. – Тверь: ТвГУ, 2009. – 320 с.

Е. Н. Строганова¹

(Московский государственный университет
дизайна и технологии)

**«САМЫЙ АКТУАЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОСТИ»:
САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И XXI ВЕК²**

В статье ставится вопрос об особенностях бытования имени и текстов М. Е. Салтыкова-Щедрина в XXI веке. Исследуя разнообразные Интернет-источники, автор приходит к выводу о том, что активность использования цитат из текстов Салтыкова и приписываемых ему выражений не равнозначна знакомству с творчеством писателя. В массовом обиходе Салтыков фигурирует лишь как автор острых афоризмов, созвучных современной действительности, и создатель хрестоматийных персонажей, актуализируемых нашим временем.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков, XXI век, рецепция, Интернет-источники, актуальность, массовое сознание, афоризмы.

E. N. Stroganova

(Moscow State University of Design and Technology)

**«THE MOST TOPICAL WRITER OF TODAY»:
SALTYKOV-SHCHEDRIN AND THE XXI CENTURY**

The papers crutinizes the question of the occur of Saltykov's name and texts and its properties in XXI. The author examines the wider range of Internet-sources and concludes that frequent usage of citation from the Saltykov's real works and from the texts that are believed to be written by the writer is not equal to the familiarity with his original works. In mass mind who is Saltykov is only the author of the sharp maxims which are of current importance and the creator of the case-study characters which are seemed to be of great interest in the context of today's life.

Keywords: M. E. Saltykov, XXI, reception, Internet-sources, topicality, mass mind, maxims.

¹ Строганова Евгения Нахимовна, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета дизайна и технологии (Институт славянской культуры); e-mail: enstroganova@yandex.ru.

² Исследование выполнено по гранту РГНФ (проект № 15-04-00389).

■ Размышляя о грустной судьбе писателя, «дерзнувшего вызвать наружу <...> всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога», Н. В. Гоголь писал: «Сурово его поприще, и горько почувствует он свое одиночество» [Гоголь, 1994, с. 123–124]. Именно так мог сказать о себе М. Е. Салтыков. Не случайно в его текстах такое большое место занимает вопрос о читателе, в котором он мечтал найти сочувственника и друга. Салтыков прозревал и свою будущую судьбу, когда 25 января 1882 г. писал А. М. Жемчужникову: «... лет через двадцать меня или забудут, или будут читать с комментариями...» [19-2, с. 87]. Но одно дело прозревать, другое – надеяться: как любой «искренний» писатель он все-таки надеялся, что не забудут.

Его литературная судьба, как прижизненная, так и посмертная, была переменчива. С. Н. Кривенко писал о положении Салтыкова в середине 1870-х гг.: читатель «был очень строг» к нему, «порою часто безмилосерден»: «... с одной стороны, на него постоянно были недовольны так называемые сферы и цензура, а с другой, его бранили молодежь и публика за то, что он недостаточно последователен, не то пишет и не то делает, что нужно и т. д.» [Кривенко, 1891, с. 108]. В конце XIX в., 3 мая 1899 г., Ф. Ф. Фидлер записал слова С. Н. Южакова: «... Салтыков-Щедрин с каждым годом становится все понятнее для читателей, поскольку сбылись все его предсказания, а через сто лет Щедрин будут читать как Евангелие» [Фидлер, 2008, с. 278]. Но уже в 1921 г. другой современник писателя, вспоминая о своем знакомстве с ним в 1886 г., констатировал: «Теперь Салтыков полузабыт, молодежь его мало читает. А тогда, я помню, с каким нетерпением мы ждали выхода очередной оранжевой книжки „Вестника Европы“, в котором, после закрытия „Отечественных записок“, печатались очерки и рассказы Щедрина» [М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях, 1975, т. 2, с. 289]. Столь же непростой оказалась и последующая жизнь Салтыкова в потомстве, но это отдельная тема¹, сейчас же нас интересует вопрос об особенностях рецепции его творчества в XXI веке.

В год 190-летия М. Е. Салтыкова я предлагаю посмотреть, какова современная репутация писателя, как его имя и тексты бытуют в массовом сознании. Для создания объективной картины нужны масштабные библио- и социопсихологические исследования, я же

¹ См., например, статью Е. Г. Елиной в настоящем сборнике.

остановлюсь на очевидных тенденциях. Материалом для изучения послужили Интернет-источники разного рода: сетевые публикации официального характера и публикации в социальных сетях (ЖЖ, ВКонтакте, фейсбук, форумы), фанфики, рецензии на театральные спектакли, а также такое популярное явление масс-культуры, как телевизионное шоу.

Знакомство современных читателей с Салтыковым начинается в школе. В 2012 г., когда обсуждались реформы в школьной программе по литературе, корреспонденты журнала «Большой Город» (Москва) задали вопрос 600 старшеклассникам и студентам о том, кого из писателей, по их мнению, следовало бы исключить из программы. Салтыков в этом списке оказался шестым (после А. С. Пушкина): 32 человека подали голос за его изъятие. Впереди него оказались Л. Н. Толстой (81 голос), Ф. М. Достоевский (74), А. И. Солженицын (50), М. А. Шолохов (43), Пушкин (33). Несмотря на субъективность мотивировок в отношении каждого из отвергнутых писателей, этот опрос дает определенный срез мнений. Лидируют в списке Толстой и Достоевский, и понятно, что их неудобство в значительной мере определяется объемами чтения. С Салтыковым в школе знакомятся очень выборочно, но, как видим, и в таком урезанном виде обращение к нему вызывает недовольство. Представленные в журнале мотивировки исключения Салтыкова таковы:

«... мне не нравится его фамилия и потому, что ЭТО „сказками“ называть нечестно».

«Проходить его в старших классах – кощунственно».

«Салтыков-Щедрин и Мамин-Сибиряк. Я противник двойных фамилий».

«Понимаю, что это сатира, что это нужно, но читать омерзительно, честное слово... Фарш вместо мозгов в голове до сих пор вспоминаю с содроганием!»

«Какая-то совершенно унылая, нудная, бестолковая хрень, и я до сих пор не могу понять, зачем я читала ее все лето. Мне сказали, что это смешно. Так вот: это ни капли не смешно».

«Его эти сказки и прочее – ужасная наркомания, ужасно не нравился в школе» [Витюк, 2012].

Об отсутствии увлечения Салтыковым в молодежной среде позволяет судить и многочисленность фанфиков по его произведениям: три фанфика по «Истории одного города», один (стихотворный) – по «Господам Головлевым», два по сказке «Премудрый пискарь», один по сказке «Пропала совесть», причем некоторые выполнены как

домашнее задание¹. Приведу фрагмент из сочинения под названием «Добро пожаловать в Безмозгород», ориентированного на социальные и политические реалии современной жизни: «Правит Безмозгородом губернатор Грецкий Орех. Его ядро выглядит достаточно привлекательно для электората, но при этом несъедобно, хоть и похоже на мозг. Поэтому его всегда выбирают единогласно. Губернатор Грецкий Орех является почетным членом партии власти, у него даже есть партбилет. Когда предыдущий губернатор сгнивает, выбирают нового, точно такого же, и переклеивают фотографию в партбилете. Правда, злые языки поговаривают, что в этом нет смысла, потому что все губернаторы на одно лицо, но за подобными умниками приходят соседи или прилетают синие вертолеты» [Punch123, 2014]. Как видим, автор вполне адекватно воспроизводит не только основную в «Истории одного города» коллизию взаимодействия «народа исторического» и власти, но также и особенности поэтики романа, контаминируя реалии разных исторических эпох².

Автор сказочных текстов Ямту пишет о литературном влиянии Салтыкова, которое называет «Салтыково-Щедринщиной»: «Салтыков-Щедрин такой, от него не возможно не заразится»³ [Ямту, в, 2013; Ямту, б, 2013]. Свою сказку «Мой брат – хикикомори» она представляет как «„Премудрый пискарь“ в современном переложении без права на раскаяние», воспринимая текст источника вне связи с социальной конкретикой, но вычлняя его общечеловеческий смысл. В основе двух «салтыково-щедринских» сказок Ямту – протест против житейской пошлости, против обезличивания человека обстоятельствами и мысль о том, что необходимо стремиться к самореализации, пренебрегая обывательскими установками. Этот пафос оказывается близок молодым читателям, отзывающимся на ее сказку «Тысячи»⁴:

¹ См., например: «Ой, не думала, что мое сочинение по русскому, выложенное сюда, кто-нибудь прочитает» [Земфира98, 2016].

² Из отзывов читателей: «Текст показался ужасно ядовитым стебом на нашу реальность. Притом, что жанр этот не особо люблю – насладились. Хотя даже не уверена, что это стеб, слишком уж узнаваемо многое, эх...» [КошкаКэт, 2014]. Правда, судя по отзывам, «История одного города» как своего рода прецедентный текст осталась неопознанной.

³ Здесь и далее воспроизводятся грамматические особенности оригинала.

⁴ Ямту. Тысячи. Посвящение: Пискарю, тому который премудрый. Примечания автора: Салтыково-Щедринщина. Сказка-статистика. [Ямту, а, 2013]. Она же пишет на другом сайте: «Очень люблю Салтыкова-Щедрина, а тут еще сборник его подвернулся, который я читала всю неделю... Скажу честно:

«Очень оригинальная работа на наболевшую тему. Возможно ли выбиться из толпы, осуществить свою мечту и стать „единицей“? – такой вопрос тревожит многих представителей современной молодежи. И Вы даёте ответ на этот вопрос свой ответ: „возможно, если упрямо идти к своей мечте“ <...> Порадовал и Ваш стиль написания. Соглашусь с Вами: Салтыкова-Щедрина Вы перечитали явно. Тот же принцип типизации, утрированность и гротеск» [annajohns, 2013]. В отзывах на эти и другие фанфики (в том числе и не имеющие отношения к Салтыкову) не раз встречаются признания в любви к писателю: «Сама очень люблю читать произведения Салтыкова-Щедрина, и что говорить тогда о моем безмерном удивлении и радости, когда я наткнулась на ваше произведение» [Вассаби, 2013]; «Более всего люблю Есенина, Лермонтова, Карамзина, Салтыкова-Щедрина» [Tinki, 1703, 2016]. Показателен также диалог А. Ash, автора сочинения «Из жизни Марьи Афанасьевны, купчихи», с ее читательницами:

lina.ribackova. 12.09.2016

«Очень мило. Поваяло „Пошехонской стариной“».

автор

«Спасибо Вам. Я даже не знаю, на что именно ориентировалась, больше на картины, на которых изображен купеческий быт, но Салтыкова-Щедрина очень ценю».

lina.ribackova

«Я тоже очень его люблю, и как-то сразу уловила в этой зарисовке салтыковский дух. Это замечательно».

Луна SH. 22.11.2016

«Аж перечитать захотелось. Очень люблю ее» («Пошехонскую старину». – Е. С.) [А. Ash, 2016].

Сочинение автора One two three посвящено 190-летию писателя и называется «190». Герой его – Он, то есть сам Салтыков, который, оказывается, не умер, но проснулся после долгого сна. Судя по всему, сюжетным импульсом для фантазии автора стала повсеместно приписываемая Салтыкову и процитированная в тексте фраза: «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют». Пытаясь воссоздать ход мыслей своего героя, автор рассуждает от его лица: «Сколько времени Он существует, а люди не меняются. Точнее, сознание людей. Всё те же жертвы, всё те же роли. Ничего нового, соб-

написание работы вдохновил „Премудрый пискарь“. Уж не знаю почему, но Тысячи ассоциируется именно с этим персонажем» [Jамму, в, 2013].

ственно. А Он-то чего ждал? Что Его держало все эти годы? Может, хотел увидеть лучшую жизнь. Людей счастливых. Только вот времена меняются – а суть всё та же <... > А теперь Он воочию может убедиться, что Россия всё та же. Обширная, доверчивая, открытая всякому встречному-поперечному, но всё такая же несчастная» [One two three, 2016]. Важно отметить, что в этом тексте акцентирована доминанта творчества писателя – мысль о судьбе России, о будущем ее народа.

Таким образом, можно констатировать, что в наше время произведения Салтыкова находят почитателей в молодежной среде, нельзя говорить о том, что это массовый читатель, но факт обращения к его творчеству некоторых авторов фанфиков, молодых людей, склонных к литературным занятиям, очевиден.

Современная Интернет-социализация породила и множество других сообществ, участников которых объединяет интерес к определенным занятиям, явлениям культуры и т. д. В социальных сетях существуют сообщества, озаглавленные именем Салтыкова-Щедрина, но они немногочисленны по своему составу (в фейсбуке значится пять таких групп, в сети ВКонтакте – одиннадцать) и чаще всего оказываются нежизнеспособны.

Фейсбукские страницы таких сообществ в целом бессодержательны¹, иногда их участники ограничиваются лишь размещением нескольких изображений писателя. На этом фоне останавливает внимание недолго просуществовавший журнал «СалтыковЩедрин», который был заявлен как «общественно-политический журнал, оппозиция, сатира, юмор» (2015 г., 21 выпуск). В журнале не было речи о Салтыкове как таковом, но его имя в названии символизировало определенную установку. Сегодня невозможен доступ к публикациям в полном объеме, открываются лишь начальные строки, например, публикация под названием «Зачем президент лишил гимн голоса»: «Выпуск № 20 посвящен словам, которые давно нужно сказать заново. Чиновники, доставшиеся нам в наследство от советского бюрократического аппарата, пели гимн...» [Фейсбук «СалтыковЩедрин»].

¹ В фейсбуке есть страница под названием «Салтыков-Щедрин», которая поддерживается автоматически и отсылает к различным ресурсам, например, к Википедии. Она нравится более чем 2046 пользователям. К остальным сообществам под именем «Салтыков-Щедрин» обращалось гораздо меньше людей: 159, 122, 58, 32.

Нежизнеспособными оказались и сообщества под именем «Салтыков-Щедрин» в социальной сети ВКонтакте¹. Наиболее интересна страница, представлявшая флешбук по сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Флешбук – акция, инициированная библиотечными работниками для стимулирования интереса к чтению, «книжный флешмоб в интернете». Методика его проведения такова: в одной из социальных сетей оформляется страничка на имя любой книги и приглашаются друзья. «В течение минимум 1 месяца <создатель флешбука> знакомит с книгой через фрагменты текста, иллюстрации, биографию автора, личные переживания и т. д.» [Флешбук. Цифровое отражение любимых книг на страницах соцсетей]. Флешбук по сказке о мужике и генералах привлек определенное число пользователей, судя по всему, молодых, которые обсуждали сказку и попутно касались фактов биографии писателя, в финале были подведены итоги конкурса и вручены награды победителям [Михаил Салтыков-Щедрин. ВКонтакте]. Следующий флешбук по сказке «Дикий помещик» собрал меньше участников, а проект по «Истории одного города» оказался вовсе не востребовавшимся. Это дает возможность сделать выводы об интересах и склонностях людей, участвующих в подобных акциях: привлекательными оказываются хрестоматийные и наиболее простые для восприятия вещи, что в целом закономерно для массового читателя. Все эти примеры лишь подтверждают априорное представление о том, что Салтыкова в наши дни читают мало.

О том, что «в современной культуре общий интерес к Салтыкову невелик», мы писали в статье, представлявшей проект энциклопедии «М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники» [Строганова, Строганов, 2015]. Один из посетителей сайта «Мир энциклопедий», где была републикована статья, отозвался на это репликой: «Ой, да ладно. Каждый 10-й афоризм цитируемый в дискуссиях о российской действительности принадлежит именно Салтыкову-Щедрину» [Мир энциклопедий, а]. Таким образом наш читатель обозначил очевидную ситуацию: в массовом сознании Салтыков оказывается не автором произведений, но автором афоризмов. Однако если профессор В. В. Прозоров, составитель сборника «Избранные ирониче-

¹ Содержательнее других, хотя и незначительно по составу подписчиков, сообщество «Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин» под слоганом из Щедрина «Литература изъята из законов тления. Она одна не признает смерти». К создателю этого сообщества другие участники адресуются как к Михаилу Евграфовичу, и под этим именем он реагирует на их реплики.

ские и саркастические мысли на разные случаи жизни из сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина» воспринимает отдельные высказывания Салтыкова в контексте его произведений [Избранные иронические и саркастические мысли, 2008], то для большинства цитирующих щедринские строки такого контекста не существует. Надо сказать, что тяга к извлечению цитат в целом характерна для нашей Интернет-эпохи, когда потоками поступает разноплановая информация и мы больше смотрим в монитор компьютера, чем в книгу. Но даже на этом фоне ситуация Салтыкова уникальна. Аналогичное исследование современной рецепции Толстого показало, что, несмотря на нередкие случаи цитирования отдельных изречений Толстого, сегодня востребованы не только его художественные произведения, но и тексты философско-этического характера¹. О Салтыкове этого не скажешь.

В массовом обиходе он буквально фигурирует как автор острых афоризмов, созвучных современной действительности, и создатель хрестоматийных персонажей, актуализируемых нашим временем. В социальных сетях, а также в комментариях к сетевым публикациям нередко отсылки к Салтыкову в связи с современными перипетиями. Например, в обсуждении сноса киосков в Москве: «Щедринские градоначальники даже не догадываются, что Москва – живая. Бьют по телу города» [Громова, 2016]; «Со времен местечковых комиссаров не было в Москве власти, которая так равнодушно – а скорее враждебно – относилась к городу, которым ей довелось управлять. Напомню, что еще в Тюмени нынешнего мэра звали Угрюм-Бурчеевым. Теперь он быстро, сноровисто, не считаясь с жертвами (чужими), лепит из столицы свой идеал – блистательное пустое место» [Эрлих, 2016]. Или же комментарии к кампании по запрещению аборт без медицинских показаний: «... когда держиморда получает власть, она становится эдаким органчиком, который и не человек совсем. И, в своем кабинете, органчик снимает голову и играет ею!» [Закон о запрете финансирования аборт... 2015]. Апелляции к Салтыкову в связи с острыми социальными вопросами многочисленны и в информационных сетевых изданиях: «... согласно опросу ВЦИОМа, проведенному в апреле этого года, Ливанов являлся самым непопулярным членом кабинета министров, получившим общую оценку 2,72 балла. Вспом-

¹ Этому был посвящен мой доклад «“И на деле Лев Толстой”: Толстой и современная Россия» на Международной научной конференции «Лев Толстой и мировая литература» (Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л. Н. Толстого „Ясная Поляна“», 11–15 августа 2016 г.).

нить основные претензии не составляет труда: планомерно уничтожал великую советскую систему образования, поддерживал ЕГЭ, который есть порождение лукавого, закрывал и объединял вузы, чуть не прикончил Академию наук и тратил деньги на программу „S-100“. В общем, выражаясь словами Михаила Евграфовича, „сжег гимназию и упразднил науки“» [Бурчеев, 2016].

Вместе с тем некоторые приписываемые писателю и особенно тиражируемые изречения в действительности ему не принадлежат. Так, например, обстоит дело с чрезвычайно популярным высказыванием «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России я отвечу: пьют и воруют» [30 лучших цитат...]. Пытливый пользователь ЖЖ, задавшись целью установить истинный источник, пришел к выводу, что впервые приписал эти слова Салтыкову А. Розенбаум в одном из своих интервью, после чего они расплозились по Интернету [Полецук, 2012].

К такому же роду щедринских псевдоцитат принадлежит и высказывание «Идти вперед – трудно, назад – невозможно», причем в этом случае даже трудно понять причину его адресации именно Салтыкову. Источником, скорее всего, послужила Википедия: «В настоящем и будущем Глупова усматривается один „конфуз“: „идти вперед – трудно, идти назад – невозможно“» [Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович]. Текст из Википедии перепечатан на учебном портале Лит.ру [Салтыков-Щедрин М. Е.], на портале Энциклопедия «Кругосвет» [Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович]. И хотя Салтыков ничего подобного не писал, но усилиями этих просветительских сайтов изречение тиражируется под его именем. Характерно, что, в отличие от предыдущего высказывания, популярного у обычных пользователей, этим серьезным изречением охотно пользуются разного уровня администраторы. Например, недавно смещенный тверской губернатор А. Шевелев: «Салтыков-Щедрин, наш земляк, написал: «Идти вперед – трудно, идти назад – невозможно». Значит, будем идти вперед!» [Пирогов, 2013]. Или вице-губернатор Ленинградской области: «Салтыков-Щедрин, между прочим, сам был чиновником, и, судя по его литературным произведениям, по отзывам современников, горячо принимал к сердцу свои обязанности, старался насколько возможно быть полезным. <...> Он писал, что «идти вперед – трудно, идти назад – невозможно». Это и про нас, про сегодня. Трудно противодействовать коррупции? Трудно. Можно от этого отказаться? Нет» [Коррупция в России, 2016]. Не буду более умножать число примеров.

Подобное верхоглядство, собственно, отсутствие интереса к творчеству Салтыкова как таковому оборачивается уродливыми гранями не только в устах людей далеких от литературы, но и в текстах, казалось бы, профессионалов. 190-летие писателя стало поводом для некоторых откликов в СМИ, но далеко не все они радуют. Некоторые издания слишком вольно интерпретируют и даже искажают реалии как биографии Салтыкова, так и его творчества. В частности, автор статьи в газете «Культура», начиненный штампами советского времени, ничтоже сумняшеся именует Салтыкова «революционным демократом», ссылаясь при этом на литературную энциклопедию соответствующего периода. Журналист приписывает Салтыкову стремление «стать любимцем просвещенной публики», особенно порицая его за то, что он якобы «искал особого сочувствия бомбистов» [Антонов, 2015]. При этом малоосведомленный автор делает Салтыкова владельцем имени Спас-Угол и даже не предполагает, что он, будучи действительным статским советником, дослужился-таки до генеральского чина. Публикация носит название «Школа злословия», и таким образом все творчество писателя преподносится как вредное зубоскальство (вспомним писаревскую формулу «цветы невинного юмора»).

Не менее размашиста и статья в журнале «Русский мир», автор которой вроде не сомневается, что Салтыков гений, но пишет об этом явно с чужих слов, сама же не выказывает познаний даже в пределах школьного учебника. Из этого опуса читатель узнаёт, например, что писатель был «перфекционист и экспериментатор». Сообщается также, что Салтыков «всю жизнь писал не на каноническом русском, а экспериментировал», а все потому, что у него было «необычное хобби»: «Он увлекался переводом на русский язык крылатых латинских изречений». Я не буду цитировать все несуразности, изобретенные автором статьи, но один пример все же приведу. Журналистка сообщает, что Салтыков служил вице-губернатором в Рязани с 1858 по 1862 г., при этом оказывается, что в 1862 г. он поплатился своей должностью за некое высказывание из цикла «Господа ташкентцы», который – напомним – был написан в 1869–1872 гг. И в полном соответствии с этим верхоглядством излагается гражданская позиция писателя: «...служил и с иронической улыбкой наблюдал за русскими нравами» [Лощихина, 2016]. Правда, трудно понять, как это согласуется с названием статьи – «Салтыков-Щедрин: беспощадный гений».

Как видим, в первом случае Салтыков преподносится как вредный вдохновитель бомбистов, во втором – как этакий добродушный созерцатель. Дистанция огромного размера. Подобный непрофессиона-

лизм, отсутствие элементарной журналистской культуры заставляет вспомнить лермонтовские строки: «С кого они портреты пишут? Где разговоры эти слышат?» О таких журналистах Тряпичкиных давным-давно написал Салтыков, но сами они об этом даже не подозревают.

Апогеем медийного опошления писателя стало телевизионное шоу – так называемое «Салтыков-Щедрин шоу». Не останавливаясь подробно на этом воплощении тенденций современной журналистики, процитирую газетный отклик, оценивавший передачу: «Объекты сатиры – ямы на дорогах, свалки возле детской площадки <...> туалеты с прозрачными дверками, другие нелепости из сферы ЖКХ и разнообразные несуразности, сказанные провинциальными чиновниками. <...> Участники бичуют отдельные недостатки на местах. Изголяются помаленьку» [Кондрашов, 2016]¹. Но эта поверхностная критика не отражает сути проблемы. Маркируя свою программу именем Салтыкова, ее создатели не просто «изголяются помаленьку», но паразитируют на имени писателя.

Известно, что, написав «Губернские очерки», Салтыков нечаянно оказался главой так называемого «обличительного направления» в литературе. Правда, такой чуткий читатель, как Н. Г. Чернышевский, назвавший Салтыкова «писателем, по преимуществу [скорбным] и негодующим» [Чернышевский, 2013, с. 174], сумел увидеть то, что оказалось до времени скрыто от глаз других современников. Сам Салтыков скептически относился к «обличительному направлению», превратившемуся в дежурное порицание социально-бытовых частных, он понимал тщетность литературных обличений, направленных не против системы, но против отдельных ее проявлений, против «фактов, изолированных от жизненной обстановки» [13, с. 528]. В произведениях начала 1860-х гг. Салтыков писал о бесперспективности и даже пагубности обличений во имя обличений, предпринимаемых без ясно осознанной и значимой цели. Этому посвящен очерк «Литераторы-обыватели» (1861), где, обращаясь к обличителю Корятникову, автор призывает: «...бросьте под стол перо ваше или обуздайте вашу мысль!» [3, с. 451]. В очерке «Скрежет зубный» бесполезность мелочного обличительства ернически подчеркнута словами откупщика – «его сивушества князя Полугарова»: он благодарит писателей, «которые выводят на свежую воду нашего брата откупщика!» [3, с. 370]. Салтыков воспринимал обличительство как пустое следование моде, иронически называя его «петь взволнованность своих соб-

¹ См. также: [Сабурова, 2016].

ственных чувств» [3, с. 456]. Современные «знатоки» писателя, как видим, усиленно тянут его в ту сторону, куда сам он и не помышлял ходить, тем самым дискредитируя его творчество, утверждая в сознании доверчивой телеаудитории образ остряка-весельчака, способного только на мелкое критиканство.

На фоне этой профессионально провальной медийной картины отрадно выглядят интерпретации текстов Салтыкова другими видами искусства. За последнее время к произведениям писателя дважды обратился театр: в 2010 г. в «Театре содружества актеров Таганки» вышел спектакль «Арена жизни» по произведениям Салтыкова (постановка Н. Губенко), в 2015 г. «Мастерская Петра Фоменко» поставила спектакль «Современная идиллия» (режиссер Е. Каменькович). В своем интервью Губенко высказал очевидную для почитателей Салтыкова мысль: «Щедрин писал полтора столетия назад, но <...> как будто о нашем недавнем прошлом и о нынешнем дне. Я все время поражаюсь, насколько похоже. Вот это и есть классика! Так что мы делали спектакль о нашей действительности, о печальной современности, опираясь на гениальную мысль и гениальное слово великого русского писателя» [Кожемяко, 2010]. Близкое этому суждение находим и в одной из рецензий на спектакль «Современная идиллия»: «...постановка любого, в общем-то, произведения Салтыкова-Щедрина, полузабытого мудрого, зоркого очевидца-летописца и гениального провидца, вопреки моде и порабощению театра-шоу не может не стать событием. И даже в известной мере – вызовом усредненным стандартам, ориентированным на „чего изволите?“» [Мурзина, 2015]. Высказывания создателей спектаклей и рецензии театральных критиков позволяют говорить о том, что театр стремится передать суть произведений Салтыкова, тем самым открывая его для современных зрителей и читателей. Сценические постановки снимают шелуху десятилетиями навязываемого стереотипа и формируют новую оптику.

Аналогичный эффект имеют интерпретации живописные и графические. Замечательный пример – недавняя выставка «Салтыкиада» в Вятском художественном музее, на которой были представлены живописные, графические и скульптурные произведения вятского художника М. В. Наумова. Ядром выставки стали иллюстрации к «Истории одного города», в том числе и оригинальный цикл гравюр «Беседы с градоначальниками» [Салтыкиада, 2016]. Роман, неоднократно иллюстрированный другими художниками, Наумов увидел сквозь призму портретных черт современников Салтыкова – исторических лиц, которые в той или иной мере могли послужить прототипами его пер-

сонажей. Художник не только пользуется комментариями Б. М. Эйхенбаума, но и делает собственные портретные предположения, например, изобразив черты знаменитой кавалерист-девицы Н. А. Дуровой в облике щедринского дю Шаррио или же черты княжны Е. М. Долгоруковой, любовницы императора Александра II, а впоследствии его морганатической супруги, в образе посадской жены Алены Осиповны. Оставим в стороне вопрос о справедливости этих догадок: художник вправе изображать явления так, как они видятся ему. Наумов прибегает и к принципу портретной актуализации, примененному С. Овчаровым в фильме «Оно»: он наделяет щедринских градоначальников узнаваемым обликом политических деятелей советской и постсоветской эпохи. Художник сумел по-своему увидеть щедринских персонажей и оживить их для современных читателей, поэтому закономерно реплика в книге отзывов: «Торопимся домой, чтобы перечитать Салтыкова-Щедрина» [Кувалдина].

Подводя итог, следует сказать, что популярность имени Салтыкова в наши дни носит в значительной степени иллюзорный характер, поскольку большинство из тех, кто цитирует его острые и актуальные высказывания, по-настоящему не знакомы с творчеством писателя. В этом смысле, невзирая на скудость школьной программы, большую осведомленность проявляют современные молодые читатели. Знакомство же взрослых читателей с творчеством Салтыкова приносит самые отрадные плоды. Как пишет один из участников обсуждения проекта Щедринской энциклопедии, «зря исследователи считают, что Салтыков никому не интересен. Только в этом году перечитывал „Сказки“ и „Историю одного города“. Когда изучали в школе, это казалось какой-то заумью. А сейчас очень даже „зашло“, это действительно отличная, местами жесткая историческая сатира» [Мир энциклопедий, 6, 2016]. На фоне такого рода непосредственных откликов особенно прискорбно выглядит деятельность разного рода СМИ, которая укладывается в одну из формул Салтыкова, характеризующих журналистику его – но явно и нашего! – времени, «у которой на знамени написано: ври и будь свободен от меры!» [14, с. 88].

Литература

Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. – М.: Русская книга. – 608 с.
Избранные иронические и саркастические мысли на разные случаи жизни из сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина / сост. и автор предисл. В. В. Прозоров. – Саратов: КИЦ «Саратовтелефильм»; «Доброддея», 2008. – 128 с.

- Кривенко С.Н.* М.Е. Салтыков. Его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1891. – 114 с.
- Кувалдина И.В.* От первых шагов в интерпретации художниками образов М.Е. Салтыкова-Щедрина до отражения его типов в современном изобразительном искусстве (в печати).
- Салтыкиада: альбом: [скульптура, живопись, графика] / авт.-сост. М.В. Наумов. – Киров: Кировская обл. тип., 2016. – 108 с.
- М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М.: Худож литература, 1975. – 430 с.
- Строганова Е.Н., Строганов М.В.* О проекте энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Серия 2015. – № 5. – С. 82–85, 183.
- Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / изд. подгот. К. Азадовский. М: НЛО, 2008. – 864 с.
- Чернышевский Н.Г.* «Губернские очерки. Из записок отставного надворного советника Щедрина». Собрал и издал М.Е. Салтыков. Два тома. М., 1857 // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra, антология: Кн. первая / сост., вступ. статья, коммент. С.Ф. Дмитренко. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 171–194.

Интернет-источники

- Антонов Дмитрий.* Школа злословия (Газета Культура. 20.12.2015). [URL: <http://portal-kultura.ru/svoiy/articles/chuzhoy-sredi-svoikh/126148-shkola-zlosloviya/>] [10.09.2016].
- Баранец Виктор.* Как один генерал умудрился 14 квартир купить (Комсомольская правда. Тверь. 27.08.2008). [URL: <http://www.tver.kp.ru/day/24120/342521/>] [10.09.2016].
- Бурчеев Петр.* «Министр-вредитель» и 896 шапок (газета.ru. 23.08.2016). [URL: https://www.gazeta.ru/comments/2016/08/22_a_10153601.shtml] [10.09.2016].
- Вассаби.* 6.06.2013. [URL: http://narutoclan.ru/fanfics/moj_brat_khikikomori/2013-06-02-28931/] [20.10.2016].
- Витюк Ксения.* «Ладно Ахматова, но Цветаева-то, простите, на фига?» (Большой город, 29.11.2012). [URL: http://bg.ru/education/antirejting_klassikov-15862/?chapter=6#menu] [10.09.2016].
- Громова Наталья.* 2016. [URL: https://www.facebook.com/search/top/?q=Щедринские_градоначальники_даже_не_догадываются...] [10.09.2016].
- Закон о запрете финансирования абортгов из средств ОМС вновь внесен в Госдуму. Комментарии. 19.05.2015. [URL: <http://graniru.org/Politics/Russia/Parliament/Duma/d.241060.html>] [10.09.2016].

- Земфира*98. Совесть. 8.02.2016. [URL: <https://ficbook.net/readfic/4062812>] [20.10.2016].
- Кожемяко Виктор*. Мы делали спектакль о нашей современности (Правда. 07.06.2010). [URL: http://www.taganka-sat.ru/?ИТЕМ_ID=5376] [10.09.2016].
- Кондрашов Александр*. Из грязи: В яме (ЛГ. 22.06.2016, № 23–24). [URL: <http://lgz.ru/article/-23-24-6556-22-06-2016/iz-gryazi-v-yame/>] [10.09.2016].
- Коррупция в России: «Идти вперед – трудно, идти назад – невозможно» (Гатчинская правда.РУ.21.10.2016). [URL: <http://gtm-pravda.ru/korrupsiya-v-rossii-idti-vpered-trudno-idti-nazad-nevozmozhno/>] [10.09.2016].
- КошкаКэт*, 30.06.2014. [URL: <https://ficbook.net/readfic/1583610>] [22.11.2016].
- Лоцихина Анна*. Салтыков-Щедрин: беспощадный гений (Русский мир. Журнал о России и русской цивилизации. 27.01.2016). [URL: <http://www.russkiymir.ru/publications/201793/>] [10.09.2016].
- Мир энциклопедий, а. 17.05.2016. [URL: <http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/65909/>] [10.09.2016].
- Мир энциклопедий, б. 19.05.2016. [URL: <http://www.encyclopedia.ru/forum/forum6/topic5997/messages/#messages>] [10.09.2016].
- Михаил Салтыков-Щедрин. ВКонтакте. Флешбук. посвященный сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик». [URL: <https://vk.com/id368249383>] [10.09.2016].
- Мурзина Марина*. Своевременная анти-идиллия. Рецензия на спектакль «Мастерской Фоменко» (АиФ. 18.05.15). [URL: http://www.aif.ru/culture/theater/svoevremennaya_anti-idilliya_recenziya_na_spektakl_masterскоу_fomenko] [22.11.2016].
- Пирогов Андрей*. «Идти вперед – трудно, идти назад – невозможно» (Тверские ведомости. 27.12.2013). [URL: <https://vedtver.ru/news/29755>] [10.09.2016].
- Полещук*. Кто пустил «цитату» Салтыкова-Щедрина о том, что русские пьют и воруют? (ЖЖ, 22.02.2012). [URL: <http://polesh-chuk.livejournal.com/308060.html>] [10.09.2016].
- Сабурова Ольга*. «Салтыков-Щедрин шоу: а вам смешно? (Собеседник.ru. 14.05.2016. [URL: <http://sobesednik.ru/kultura-i-tv/20160514-saltykov-shchedrin-shou-a-vam-smeshno>] [15.11.2016].
- Салтыков-Щедрин М.Е. Биографии. [URL: <http://www.litra.ru/biography/get/biid/00419461190644766434>] [10.09.2016].
- Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович. Энциклопедия Кругосвет. [URL: <http://www.krugosvet.ru/node/38794>] [10.09.2016].

- Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович. Википедия. [URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Салтыков-Щедрин,_Михаил_Евграфович] [10.09.2016].
- Фейсбук «СалтыковЩедрин». [URL: <https://www.facebook.com/saltikovschedrin/>] [10.09.2016].
- Флешбук. Цифровое отражение любимых книг на страницах соцсетей. [URL: <http://bigflashbook.blogspot.com.br/>] [10.09.2016].
- Эрлих Вадим*. 9.02.2016. [URL: [https://www.facebook.com/search/top/?q=Со времен местечковых комиссаров...](https://www.facebook.com/search/top/?q=Со+времен+местечковых+комиссаров...)] [15.10.2016].
- 30 лучших цитат русского сатирика Салтыкова-Щедрина [URL: <http://russiahousenews.info/proza-stihi-satira/30-luchshih-tsitat-russkogo-satirika-saltikova-schedrina>] [10.09.2016].
- annajohns*. 23.04.2013. [URL: <http://narutoclan.ru/fanfics/tysjachi/2013-04-22-28546>] [22.11.2016].
- A.Ash*. 1.09.2016. Из жизни Марьи Афанасьевны, купчихи. [URL: https://ficbook.net/readfic/4724878/12230431?show_comments=1] [15.10.2016].
- Jammy*, а. Тысячи. 18.04.2013. [URL: <https://ficbook.net/readfic/756094>] [15.10.2016].].
- Jammy*, б. 3.06.2013. [URL: <http://narutoclan.ru/fanfics/tysjachi/2013-04-22-28546>] [15.10.2016].
- Jammy*, в. 23.04.2013. [URL: <http://narutoclan.ru/fanfics/tysjachi/2013-04-22-28546>] [15.10.2016].
- One two three*. 190. 14.07.2016. [URL: <https://ficbook.net/readfic/4569293>] [15.10.2016].
- Punch123*. 12.01.2014 г. Добро пожаловать в Безмозгород. [URL: <https://ficbook.net/readfic/1583610>] [15.10.2016].
- Tinki1703*. 17.10.2016. [URL: https://ficbook.net/readfic/4846000/12526800?show_comments=1] [15.10.2016].

**Памяти
Александра Петровича Ауэра
(1948–2016)**

Выпускники Коломенского педагогического (затем социально-гуманитарного) института, вузов Елабуги, Москвы, Рязани непременно вспомнят проникающую обворожительность влюбленного в русскую литературу юного ассистента, гораздо на добрый юмор профессора, нестрогого декана и заведующего кафедрой, неутомимого научного руководителя... Ученик саратовской школы филологии, вышедший из семинара Евграфа Покусаева, Александр Ауэр лучшие годы отдал едва ли не самому жесткому и непримиримому классику – Салтыкову-Щедрину. Позднее добавился Фет, пришло новое увлечение – Борис Пильняк, который оказался почти родственно близким и по объективаемости Коломне, и по русско-немецким корням, и по стремлению к объективизму. Коломна благодаря Ауэру стала центром молодого пильняковедения: новые статьи и книги Александра Петровича, организованные им семь конференций с последующими сборниками объединили отечественных и зарубежных исследователей.

Врожденная интеллигентность, терпимость к чужому мнению... Все больше вокруг людей войны, все меньше людей мира. Как жаль, что один из «лелеющих душу» ушел до срока.

Александр Петрович был неперенным участником всех конференций и сборников, посвященных М. Е. Салтыкову-Щедрину, в том числе и тверских. Его магистральным темой в щедриноведении было изучение поэтики писателя, стремление постичь специфику его художественного мира. Последняя статья А. П. Ауэра о Салтыкове – «К вопросу об эволюции поэтики М. Е. Салтыкова-Щедринина» – была опубликована в четвертом выпуске «Щедринского сборника» и оказалась итоговой...

Щедринский сборник. Выпуски 1–4

Содержание

Щедринский сборник: Статьи. Публикации. Библиография / научный редактор Е. Н. Строганова. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. – 194 с.

Е. Н. Строганова. Очерк тверского щедриноведения (вместо предисловия). С. 5–8

Салтыков-Щедрин и русская литература

С. Ю. Николаева. Древнерусские мотивы в «малом» сказочном цикле Салтыкова-Щедрина 1869 года. С. 11–21

В. А. Кошелев. «Византийский миф» в «Истории одного города». С. 22–29

А. И. Журавлева. Город Глупов и город Калинов. С. 30–37

А. Ю. Сорочан. «История одного города» и русский турбореализм (предварительные замечания). С. 38–42

Е. Н. Строганова. «Современная идилия» Салтыкова-Щедрина как роман-водевиль. С. 43–64

Поэтика Салтыкова-Щедрина

Г. В. Зыкова. «Паразитическая поэтика» журнала у Салтыкова-Щедрина и Добролюбова (вместо рецензии на Максима Соколова). С. 67–72

В. Ш. Кривонос. Архетипические образы и мотивы в романе Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». С. 73–86

Ю. Б. Орлицкий. Поэтика контраста: строфика прозы Салтыкова-Щедрина (К постановке вопроса). С. 87–94

Материалы фольклорной экспедиции 2000 г.

С. Н. Лебедева. Пляска «чёрт» в Талдомском районе Московской области. С. 97–103

Песни родины М. Е. Салтыкова (из репертуара А. И. Федоровой). Предисловие и публикация С. Н. Лебедевой. С. 104–110

Публикации

М. В. Строганов. К. М. Салтыков и его воспоминания об отце. С. 113–124

К. М. Салтыков. Интимный Щедрин. Публикация и комментарии
М. В. Строганова. С. 125–184

Библиография

Щедринские издания кафедры истории русской литературы [Тверского гос. ун-та]. С. 187–194

Щедринский сборник. Выпуск 2 / научный редактор Е. Н. Строганова. – Тверь: Тверской гос. ун-т; Золотая буква, 2003. – 256 с.

От редактора. С. 5

Салтыков-Щедрин и XX век

Т. Н. Головина. «История одного города»: продолжение следует...
С. 9–38

А. Ю. Сорочан. «Оно» и «Стыд»: романы Салтыкова и судьбы современного сатирического романа. С. 39–45

Е. Г. Елина. Щедринские типы в современной журналистике. 46–54

Е. П. Беренштейн. Футуристическая щедринистика (Велимир Хлебников и Салтыков-Щедрин). С. 55–65

Е. К. Соколинский. Театральная щедриниана (петербургские спектакли 1950–1970-х годов). С. 66–74

Идеологические аспекты творчества Салтыкова-Щедрина

М. В. Строганов. О сатире Салтыкова-Щедрина и его политической позиции. С. 77–87

И. В. Мотеюнайте. Юродство государственного служения («Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина). С. 88–96

Е. Н. Строганова. «Пресловутый еврейский вопрос» у Салтыкова-Щедрина. С. 97–121

С. В. Фролов. Салтыков-Щедрин и «стасовщина». С. 122–141

Е. А. Бузько. «Сказание <...> инока Парфения» в восприятии Салтыкова-Щедрина. С. 142–148

Поэтика произведений Салтыкова-Щедрина

В. С. Вахрушев. Поэтика сказочно-фантастического в «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина. С. 151–161

А. П. Ауэр. К поэтике «Дневника провинциала в Петербурге». С. 162–166

С. Ф. Дмитренко. Образная система Салтыкова-Щедрина (заметки и наблюдения). С. 167–178

Н. З. Коковина. Притча Салтыкова-Щедрина «Христова ночь» в свете традиции пасхального рассказа. С. 179–186

Салтыков в Тверской губернии

А. Н. Вершинский. Вотчина Салтыкова-Щедрина в 50–70 гг. XIX века. Подготовка текста И. П. Олеховой, Е. Н. Строгановой, примечания Е. Н. Строгановой. С. 189–205

Л. А. Быкова (Баскин). Спас-Угол и Ермолино в 1920-е годы. С. 206–211

Рассказы талдомцев о семье Салтыковых (по материалам фольклорной экспедиции 2001 года). Публикация и предисловие С. Н. Лебедевой, комментарии С. Н. Лебедевой, Е. Н. Строгановой. С. 212–228

Тверское «окружение» Салтыкова: Указатель имен. Составитель Д. Т. Сигалова. С. 229–254

Щедринский сборник. Выпуск 3 / научный редактор Е. Н. Строганова. – Тверь: СФК-офис, 2009. – 316 с.

От редактора. С. 5–6

М. Е. Салтыков в диалоге с современниками

М. В. Строганов. М. Е. Салтыков и Ф. Н. Глинка. С. 8–26

А. Ю. Сорочан. М. Е. Салтыков-критик: две заметки. С. 27–38

Т. Н. Никитин. М. Е. Салтыков как возможный прототип губернатора фон Лембке в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». С. 39–49

Е. Н. Строганова. М. Е. Салтыков и Н. Д. Хвоцинская: факты и интерпретации. С. 50–66

М. Е. Салтыков-Щедрин в восприятии потомков

С. А. Васильева. Щедринские традиции в романе Вс. С. Соловьева «Сергей Горбатов». С. 68–75

А. П. Ауэр. Поэтика М. Е. Салтыкова-Щедрина в интерпретации А. В. Дуначарского. С. 76–82

Ю. В. Доманский. «Медведь на воеводстве»: опыт «умного пиара» в российской политической истории начала XXI века. С. 83–89

Иллюстрации к произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина в фондах Тверского государственного объединенного музея. Составители О. С. Железнова, М. А. Нестеренко, О. М. Сорокина. С. 90–126

М. Е. Салтыков в воспоминаниях

М. Е. Салтыков в воспоминаниях О. И. Зубовой (Из архива С. А. Машина). Предисловие, публикация и комментарии Е. Н. Строгановой. С. 128–142

Мемуары С. А. и М. А. Унковских о М. Е. Салтыкове. Вступительная статья, публикация и комментарии М. В. Строганова. С. 143–206

М. Е. Салтыков в Твери

М. Л. Логунов. М. Е. Салтыков как автор административных документов Тверского губернского правления. С. 208–215

Подражания М. Е. Салтыкову-Щедрину на страницах газеты «Тверской вестник» («Фельетон» П. А. Дементьева). Предисловие и публикация И. В. Мироновой. С. 216–226

И. А. Трифаженкова. М. Е. Салтыков-Щедрин в тверском краеведении XX века. С. 227–234

М. Е. Салтыков и Тверской край: Материалы к летописи. Составитель Е. Н. Строганова. С. 235–315

Щедринский сборник. Выпуск 4: Статьи. Публикации. Материалы энциклопедии / Редактор-составитель Е. Н. Строганова. = Культура и текст: сетевой научный журнал. Барнаул: АлтГПА, 2015. № 4 (22). 248 с.; <http://www.ct.uni-altai.ru/kultura-i-tekst-2015-422>

От редакции. С. 4–5

Статьи

А. П. Ауэр. К вопросу об эволюции поэтики М. Е. Салтыкова-Щедрина. С. 9–13

Е. Н. Строганова. М. Е. Салтыков-Щедрин и античная литература. С. 14–24

Е. А. Бузько. Славянофильство в оценке М. Е. Салтыкова С. 25–44

М. В. Строганов. Народная песня, И. В. Павлов и повесть М. Е. Салтыкова «Жених». С. 45–76

С. М. Шаврыгин. «Река» в структуре «нового языка» литературы М. Е. Салтыкова-Щедрина. С. 77–87

Т. Н. Головина. Глуповское любоначалие и начальстволюбие в библейском контексте. С. 88–110

О. Г. Зимина. Из истории тверского музея М. Е. Салтыкова-Щедрина. С. 111–118

Публикации

Письма А. М. Унковского к А. К. Жизневскому (По материалам Государственного архива Тверской области). Публикация, вступительная заметка и примечания Е. Н. Строгановой. С. 119–132

Инскрипты из библиотеки Н. К. Михайловского. Публикация, вступительная заметка и примечания А. В. Вострикова. С. 133–153

Стихотворные отклики современников на смерть М. Е. Салтыкова. Составление, вступительная заметка Е. Н. Строгановой, М. В. Строганова. Подготовка текстов Е. Н. Строгановой, М. В. Строганова, Д. К. Равинского. С. 154–202

М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники.

Материалы энциклопедии

Необходимые пояснения. С. 204–205

Г. В. Маркелова. Абделькадер. С. 206–207

Г. В. Маркелова. Абдурахман-автобачи. С. 207–209

Г. В. Маркелова. Авсеенко Василий Григорьевич. С. 209–210

М. В. Строганов. Агренив Дмитрий Александрович. С. 210–211

Г. В. Маркелова. Араби-паша. С. 211–213

В. Е. Добровольская. Афанасьев-Чужбинский Александр Степанович. С. 213–214

Г. В. Маркелова. Бакунин Александр Павлович. С. 214–215

Г. В. Маркелова. Бернар Сара. С. 215–216

Г. В. Маркелова, И. Н. Поведская. Верещагин Николай Васильевич. С. 217–219

И. Н. Поведская. Гурко Иосиф Владимирович. С. 219–221

А. В. Белова. Дараган Анна Михайловна. С. 221–223

Е. Н. Строганова, А. С. Демидова. Дмитриева Валентина Ивовна. С. 223–224

И. В. Кабанова. Лафайет Мари-Жозеф. С. 225–226

И. А. Книгин. Оболенский Леонид Егорович. С. 226–229

- Е. А. Бузько. Парфений, инок. С. 229–232
- М. В. Строганов. Плетнев Петр Александрович. С. 232–233
- Г. В. Маркелова. Реуф-паша. С. 233–234
- Е. Н. Строганова. Ржевская Наталья Сергеевна. С. 234–235
- Е. Н. Строганова. Ржевский Дмитрий Семенович. С. 235–237
- И. В. Кабанова. Скотт Вальтер. С. 237–239
- М. В. Строганов. Филиппов Третий Иванович. С. 239–241
- Е. Н. Строганова. Хвощинская Надежда Дмитриевна. С. 241–246
- А. А. Немировский. Шир-Али хан. С. 246–247

Щедринский сборник

Выпуск 5

**М. Е. Салтыков-Щедрин
в контексте времени**

Подписано в печать 02.12.2016. Формат бумаги 60 × 84/₁₆.
Бумага множ. Усл. печ. л. 23,57. Заказ № 820–Н. Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский отдел МГУДТ
117997, Москва, ул. Садовническая, 33, стр. 1
e-mail: riomgudt@mail.ru

Отпечатано в РИО МГУДТ